

БИОГРАФИИ

Королевская СЕМЬЯ АНГЛИИ

Книга 2

БИОГРАФИИ

**Королевская семья
Англии**

Китти Келли

КОРОЛЕВСКАЯ СЕМЬЯ АНГЛИИ

Книга 2

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
1999

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 34

Kitty Kelley
THE ROYALS
1997

Перевод с английского
Г. Корчагина, В. Гольдича, И. Оганесовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Печатается с разрешения Warner Books, Inc.
с/o Toymania LLC.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Издание подготовлено АО «Титул».

Келли К.

К34 Королевская семья Англии. Кн. 2 / Пер. с англ. –
М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999. – 432 с.

ISBN 5-237-01671-5

Они – самая знаменитая семья на свете. Жизнь их описана в огромном количестве книг и статей. Кричащие заголовки извещают мир о каждом их шаге. Однако все попытки проникнуть за королевский фасад оставались безуспешными. За стены дворца удалось попасть только Китти Келли, прославленному автору биографий Нэнси Рэйган, Фрэнка Синатры и многих других знаменитостей. Китти Келли – самый бесстрашный биограф нашего времени. Она посвятила четыре года изучению истории королевского семейства. Кроме тщательного исследования документов, она провела сотни эксклюзивных интервью с бывшими и нынешними служащими королевского дома, друзьями и родственниками рода Виндзоров, членами парламента и другими лицами, имевшими возможность близко наблюдать королевскую семью. Она подняла занавес над жизнью самого скрытного семейства в истории.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Н.В. Productions, Inc., 1997
© Перевод. Г. Корчагин, В. Гольдич, И. Оганесова, 1999
© ООО “Фирма “Издательство АСТ”, 1999

ГЛАВА 13

Приз за лучшую роль второго плана должен достаться платью леди Дианы Спенсер — дерзкому, черному и без бретелек.

Когда Диана появилась в нем в лондонском Голдсмитс-Холле* в 1981 году, она — и платье — вызвали восхищенные вздохи. Это был ее первый официальный выход в свет с принцем Чарльзом после объявления об их помолвке, и пресса вилась вокруг них, как кондоры над падалью. Сверкали вспышки фотоаппаратов, микрофоны, как головы гидры, постоянно нависали над ними.

Когда пара величественно прошествовала на благотворительный концерт Королевской оперы, комментатор Би-би-си, заикаясь, попытался описать ошеломляющее платье. Он запнулся на слове «декольте», пытаясь не заглядывать, куда заглядывать не полагалось. Диана смущенно улыбалась, казалось, она вот-вот выпадет из своего потрясающего платья. Отвернувшись от микрофона, ком-

* Здание в лондонском Сити, в котором помещается Гильдия золотых дел мастеров; там имеется ценная коллекция портретов и золотой посуды.

ментатор прошептал: «Вот грудь, от которой потекут слюнки у целой нации!» Американский репортер тихонько присвистнул и вспомнил цитату из романа «Прощай, моя красавица» Раймонда Чандлера: «То была блондинка. Блондинка, которая могла бы заставить епископа пробить дырку в витраже».

Диана тщательно выбирала туалет для этого вечера. Воздушную черную тафту, стоившую 1000 долларов, подарили ей модельеры Дэвид и Элизабет Эмануэль, которые делали для нее свадебное платье. Диана сказала им, что должна выглядеть «сногшибательно», потому что на благотворительном концерте ей предстояла встреча с любимой кинозвездой Грейс Келли, а потом совместный обед в Букингемском дворце. Диана не понимала, что ее светлость скорее всего пригласили во дворец только потому, что она участвовала в благотворительном концерте.

Королева Англии все еще относилась к принцессе Монако как к голливудской вертихвостке, которая вышла замуж за позера из крошечного княжества. Ее Величество не трогал энтузиазм мужа, принца Филиппа, восторгавшегося юной американкой, от которой был без ума и лорд Маунтбаттен. Когда Грейс Келли стала женой принца Ренье в 1956 году, королева отказалась присутствовать на церемонии бракосочетания. «Там будет слишком много кинозвезд», — заявила она. Елизавета не считала Ренье особой королевской крови, хотя принц правил дольше*, чем любая коронованная особа в Европе.

* К 1996 году только принц Монако и король Таиланда правили дольше королевы Елизаветы II. — *Примеч. авт.*

«Ее Величество бывает несколько консервативной в подобных вещах, — признала одна из ее придворных дам. — Слишком много драгоценных камней, меховых шуб и спортивных машин. Завсегдатаи модных курортов, ну, вы меня понимаете. А принц Филипп относится к таким бракам совсем иначе, в особенности если жена хороша собой».

Диану тоже завораживала бывшая звезда кино: невеста наследника королевского престола не могла оторвать глаз от Грейс Келли, когда та читала на концерте стихи. После часового представления Диана отправилась на встречу с прессой, потирая бок. Кто-то спросил, что с ней случилось.

— Ничего страшного, — весело ответила она. — Просто я слишком долго сидела неподвижно, и у меня затекло все тело.

Ее непосредственность всех очаровала.

«Она была очень мила, — вспоминала журналистка Виктория Мейтер. — Такая свежая и невинная. На том приеме она пролила красное вино на перчатки, показала нам пятно и рассмеялась.

— Ой! — воскликнула Диана. — Теперь придется заскочить к Скечли [название лондонской чистки].

Через несколько секунд Диана показала свое кольцо и тут же предложила кому-то его примерить.

— Только не забудьте мне его вернуть, — усмехнулась она, — иначе никто не будет знать, кто я такая.

Женщина посмотрела на кольцо у нее на пальце.

— Ах! — воскликнула она. — Какое красивое! Я никогда не видела такого крупного камня.

— Я знаю, — заявила Диана. — Недавно я поцарапала им себе нос. — Он слишком большой — я имею в виду камень.

Кто-то спросил у нее, как она относится к тому, что переехала из Кларенс-Хауса в Букингемский дворец.

— Совсем неплохо, — прошептала она. — Только слишком много официальных обедов. Фу! Молодой человек выступил вперед.

— Могу ли я поцеловать руку будущей королевы?

Диана застенчиво улыбнулась и кивнула.

— Да, можете, — ответила она и протянула руку.

Молодой человек осторожно поцеловал ее запястье, и все захлопали. Диана покраснела от удовольствия.

— Это воспоминание останется с вами до конца жизни, — сказала Диана, поддразнивая молодого человека.

Восторженные репортеры сгрудились вокруг нее, а оператор попросил гостей расступиться. Принц Чарльз ушел вперед, чтобы поздороваться с кем-то. Он полагал, что журналисты последуют за ним, но они не могли отойти от Дианы. Чувствуя некоторую неловкость из-за того, что вызвала такое столпотворение, она извинилась и сбежала в туалетную комнату вместе с Грейс Келли. Будущая принцесса пожаловалась на постоянное внимание прессы и спросила у ее светлости, как она с этим справляется. Кинозвезда, которая стала принцессой, утешила молодую девушку, которой судьба уготовила славу королевской кинозвезды. Принцесса Грейс, давно привыкшая к постоянному вниманию прессы, сказала, что к ней следует

относиться как к погоде. «Дальше будет хуже», — заявила она с теплой улыбкой.

Так и случилось — уже на следующий день. Бульварные газетенки взволнованно и наперебой описывали Диану и ее платье, не забыв поместить фотографии с соответствующими надписями. «Леди Ди делает решительный шаг», — возвестила на первой странице «Дейли миррор». «Ди прелестна!» — воскликнула «Сан». «Скромная Ди шокирует», — доложила «Дейли экспресс». Даже газеты правящих кругов отметили, что для скромной воспитательницы детского сада платье кажется слишком откровенным. «Да покоится в мире скромница Ди» — гласила надпись под фотографией в «Таймс».

Диана ужасно удивилась.

— Я не понимаю, почему все так разволновались, — сказала она лакею принца Чарльза. — Я могла бы надеть такое платье и на какую-нибудь вечеринку.

Лакей опустил глаза.

— Но ваше платье привлекло всеобщее внимание, — неодобрительно заметил он.

Его уволили через месяц после свадьбы.

Репортер «Дейли мейл» превозносил решение Дианы выбрать платье без бретелек. «Ее туалет в стиле «Унесенных ветром»... требует мужества и много чего еще, чтобы поддерживать его, — писала Джин Рук. — Единственное, чему Ди нужно научиться — как заметили телекамеры, — это следить за тем, чтобы не становились заметными пара унций лишнего жирка под мышками, появляющегося, когда она надевает тугой корсет».

Диана сжалась, когда читала описания своей «роскошной фигуры» и «цветущего, крепкого

тела». Она даже заплакала, когда увидела телевизионный репортаж. «Я выгляжу чудовищно толстой! — взвывала она. — Толстой, как корова. Какой ужас!»

Чарльз, который еще не забыл унижений, пережитых в школе, когда его называли «толстяк», поддразнивал ее. Он фанатично стремился оставаться стройным, очень много занимался физкультурой и ел, как аскет. Во время путешествий он возил с собой в мешочке пшеничные зерна, льняное семя и сливы. Дома его обед состоял из двух полосок сушеной рыбы или омлета без желтка с грибами. Затем следовал зеленый салат, несколько глотков лимонного сока и английская соль, которую Диана называла отвратительной. Чарльз утверждал, что нуждается в таком питании, чтобы «поддерживать форму». Он попрекал ее за пристрастие к сладкому и называл «тыковкой». Когда Диана с ужасом разглядывала свои газетные фотографии, он снова принялся ее дразнить. «Больше тебе не придется есть пудинги», — без всякой задней мысли сказал он. Чарльз и не подозревал, что Диана заболит булимией. Однако, увидев себя по телевизору, она так расстроилась, что вскоре вовсе принялась за очистку желудка.

Проблемы с питанием явились причиной развода ее родителей, в результате у ее старшей сестры, Сары, началась анорексия. В ранней юности Джейн довела себя до такого состояния, что больше походила на ребенка. В результате ее родителям пришлось обратиться к врачам. Диана тоже реагировала на возникающие проблемы, начиная потихоньку голодать. Однако потом все кончалось тем, что она съедала несколько тарелок каши с сахаром и густыми сливками. Она поглощала

множество мягких желейных пирожных, за которыми следовало ванильное печенье с белой глазурью, после чего ее рвало.

Она переехала в Букингемский дворец за несколько месяцев до свадьбы, чтобы заранее привыкнуть к установленному здесь порядку. Когда Чарльза не было, Диана ела одна. Она предпочитала делать это у себя в комнате. Сначала она просто не притрагивалась к пище, что беспокоило повара, который решил, что ей не нравится то, что он готовит. Когда он начал задавать вопросы, Диана стала спускать еду в туалет.

«Она прикончила такое количество коробок с глазурными пирожными, — рассказывал королевский репортер Росс Бенсон, — что одного из лакеев обвинили в воровстве, и он чуть не потерял работу. Только тогда Диана призналась, что виновата во всем она».

Сначала ей никто не поверил. Вообразить, что будущая королева Британии предается чревоугодию, а потом ее рвет — невозможно! «Я не мог себе представить леди Диану, склонившуюся над... Нет, нет и нет! — сказал один из слуг, содрогнувшись. — Немыслимо!» Персонал отказывался видеть на солнце темные пятна. «Знаете, она казалась такой милой — на поверхности, — заявила одна из дворцовых горничных. — Отдельные вспышки гнева мы относили за счет предсвадебной лихорадки и старались ей помочь». Персонал не мог поверить, что Диана виновна в воровстве пищи. Даже когда она призналась, все подумали, что она пытается выгородить лакея, которого обвинили в этом преступлении. Они никак не могли с этим смириться — до тех пор, пока горничная, которая наводила порядок в покоях

Дианы, не доложила о следах рвоты в ванной. И тем не менее многие слуги считали, что Диана само совершенство.

Когда Диана начала терять вес, пагубная привычка объедаться с последующим очищением желудка стала брать над ней верх. Вскоре ее рвало уже по пять раз в день. За три месяца она похудела на двадцать фунтов. Чарльз понятия не имел о том, что происходит, поскольку далеко не все время проводил рядом с Дианой.

Весной 1981 года Чарльз пять недель провел в турне по другим странам: отменить заранее назначенные визиты он не мог. Принц побывал в Соединенных Штатах, Новой Зеландии и Австралии, где предпринял попытку понять, что такое настоящая работа. Королева и принц Филипп тревожились из-за того, что Чарльз часто менял занятия, ни на чем подолгу не останавливаясь. «Он все бросает», — жаловался Филипп, который в свое время винил жену за равнодушие к детям. На частном обеде, в котором участвовал американец, Филипп кивнул головой в сторону королевы и, упомянув о Чарльзе, назвал его «вашим сыном». И королева, и принц Филипп впадали в отчаяние, когда Чарльз произносил страстные речи о безработных, бездомных и нищих. Герцога Эдинбургского особенно раздражал интерес сына к униженным и неимущим. «Он ломает руки, как старуха, — заявил Филипп после одного из таких выступлений. — Почему он не предоставит мировую скорбь священникам?»

Филипп предупреждал Чарльза, чтобы тот не впутывался в политику и не затрагивал в своих речах «священных коров» — вроде англиканской церкви и системы национального здравоохранения.

Он утверждал, что оскорблять можно только прессу. «Я и сам с удовольствием это делаю, — говорил Филипп, — но ничего больше себе не позволяю». Чарльз игнорировал советы отца. Принц Уэльский не желал выступать в роли коммивояжера, рекламирующего Британию. Он хотел, чтобы к нему относились более серьезно, чем к зазывале, разукрашенному золотыми галунами. «Я не умею делать разные трюки, как цирковая обезьяна!» — заявил принц Чарльз. Его отец с ним не соглашался, считая, что у сына это прекрасно получается.

Поскольку Чарльзу понравилось в Австралии, где он побывал в качестве студента, он не возражал, когда мать предложила ему там работу после свадьбы. Они с Дианой переедут в столицу Австралии — Канберру, где Чарльз займет пост генерал-губернатора. Пост приносил даже более солидный доход, чем у премьер-министра, но не давал реальной власти, если не считать должности главнокомандующего вооруженных сил. Кроме того, по австралийской конституции генерал-губернатор мог распускать и созывать парламент. Королева считала, что Чарльзу необходимо испытать, что такое ответственность. Она обсудила назначение принца с премьер-министром Маргарет Тэтчер, которая обратилась в Министерство иностранных дел в 1980 году. Затем Тэтчер сообщила королеве, что Чарльз может «прощупать почву» во время очередного турне по Австралии. Однако после поездки Чарльз решил, что даже если ему и будет предложена должность, он ее отклонит из-за того, что премьер-министр Австралии показался ему слишком угрюмым.

«Проблема заключается в том, что у него отсутствует чувство юмора, — сказал Чарльз Диане

по телефону из Австралии. — Он ужасно серьезен. Я отчаянно старался его развеселить, но он только мрачно на меня смотрел».

Это был один из пяти звонков, сделанных Чарльзом невесте и матери, которые удалось записать настроенным против Великобритании республиканцам, служившим в австралийской телефонной компании. Пленки они передали одному «свободному» английскому репортеру, который попытался продать их в Англии. Обеспокоенные ухудшением отношений с Австралией, которая угрожала выходом из Содружества, придворные королевы не стали терять времени попусту. Они обратились к адвокатам королевы, которые тут же заявили, что расшифровки не соответствуют оригиналу*. Королевский суд согласился и наложил запрет на публикацию расшифровок разговора в Англии. Затем адвокаты сумели добиться распространения запрещения на Западную Германию, но тут они опоздали: отрывки уже были опубликованы в «Ди актуэлле», после чего переведены с немецкого на английский и напечатаны в «Айриш индепендент».

В одной из бесед Диана упомянула о приготовлениях к свадьбе и пожаловалась на поведение своей мачехи Рейн, которая выступила по английскому телевидению. Стоя рядом со своим сияющим мужем, графиня Спенсер говорила за них обоих. Граф Спенсер, который так до конца и не оправился от удара, кротко улыбался.

* В 1993 году Алистер Форбс в «Дейли телеграф» заявил, что истинность записанных разговоров «не вызывает у него ни малейшего сомнения, несмотря на то что дворец все отрицает». — *Примеч. авт.*

— Она заставила папу подписывать фотографии и продавать их в магазине подарков, — говорила она. — Я чувствовала себя ужасно. — Диана добавила, что ее мачеха собирается устраивать платные экскурсии в Олторп. Билет будет стоить 2,5 доллара, причем сюда входит еще и чай с «жуткой розовой леди» — так теперь Диана называла Барбару Картленд. — Свадьба окажется настоящей катастрофой, если Рейн будет продолжать в таком же духе.

— Не стоит беспокоиться из-за такой чепухи, — отвечал Чарльз. — Эдвард [Эйдин] все сделает, когда мы вернемся. Ты увидишь, королева отдаст необходимые распоряжения, и никто не посмеет ей перечить.

— Да, я знаю, — заявила Диана. — Но разве я не могу высказать свое мнение, ведь речь идет о моей собственной свадьбе?

— Естественно, но пусть твоя мать даст тебе необходимые советы.

— Так я и сделаю, обещаю, — сказала Диана. — Я и в самом деле не хочу жаловаться, Чарльз, уж поверь мне. Завтра обязательно поговорю обо всем с мамой. Она замечательно чувствует такие вещи. И очень благообразна.

«Спектейтор» уже обратился к матери Дианы. Вслед за телевизионным интервью Рейн консервативный журнал взмолился: «Возвращайтесь домой, миссис Шенд Кидд, ваша страна нуждается в вас». В редакционной статье, где поносилось участие Рейн Спенсер и Барбары Картленд в королевской свадьбе, Александр Чанселор писал: «Если необходимо выпустить специальный парламентский указ, значит, так тому и быть. Потому что будет очень несправедливо по отношению ко всем остальным,

если двум леди, склонным к театральным эффектам, позволят превратить трогательный национальный праздник в фарс».

Диана ничего не могла поделать с участием в свадьбе своей мачехи, но категорически возражала против Барбары Картленд. «Она вычеркнула Барбару Картленд из списка гостей», — сказал бывший референт принца Чарльза, пытавшийся заступиться за нее. Через полгода его уволили.

«С Барбарой поступили слишком жестоко, — говорил он. — Она расстроилась и страшно обиделась, но мы ничего не могли сделать. Диана настояла на том, чтобы ее приемную бабушку не пустили в собор Святого Павла, и королева не стала возражать. Барбара была так унижена, что в день свадьбы хотела уехать за границу, но сыновья отговорили ее: все подумают, что ее изгнали, если она так поступит».

Чтобы сохранить лицо, Барбара Картленд устроила вечеринку для волонтеров «Бригады скорой помощи Святого Иоанна»*. Оставив дома свой излюбленный костюм, украшенный страусовыми перьями, она переоделась в коричневую униформу Ордена Святого Иоанна и появилась в международной телевизионной передаче, посвященной этой организации. Она заявила, что волонтеры Святого Иоанна готовы дать «христианский ответ на проблемы измученного материалистического мира».

К этому моменту даже церковь начала получать дивиденды от королевского бракосочетания.

* Благотворительное общество, оказывающее первую помощь пострадавшим во время пожаров и т. п.

Архиепископ Кентерберийский открыл средствам массовой информации содержание частного разговора, который он имел с Чарльзом и Дианой*. А три церковных хора собора Святого Павла собрали по 1200 долларов каждый на 250 певцов. По сравнению с этим Барбара Картленд выглядела кроткой овечкой.

Во время одного из разговоров с Чарльзом, когда он находился в Австралии, Диана сказала, что ошеломлена тем, сколько ей нужно узнать за такое короткое время.

— Я так взволнована, что не могу как следует сосредоточиться, — призналась она. — Мне тебя так не хватает!

— Я тоже по тебе скучаю, — ответил Чарльз и добавил, что опаздывает на вечеринку, но хозяйкам придется подождать. — Целый день я занимался тем, что исполнял свой долг, а теперь говорю с невестой, которую так люблю. — Чарльз рассказал ей, что в австралийском аэропорту его встречали девушки, похожие на Ди. — Однако до оригинала им было далеко.

Диана захихикала. Чарльз пожаловался на прессу:

— Один тип постоянно пытается сфотографировать мою лысину.

Диана рассмеялась:

— Я не знала, что у тебя есть лысина.

— Ужасно глупо. Я делал столько всего полезного, а их интересуют только дурацкие детали.

* Через несколько лет, уйдя в отставку, бывший архиепископ признался своему биографу, что принц Уэльский находился перед женитьбой в тяжелой депрессии, потому что любил другую женщину. Кроме того, он назвал Диану «интриганкой». — *Примеч. авт.*

— Мне кажется, это очень забавно.

— Да. Детьми мы всегда ужасно веселились, когда видели, как отец пытается скрыть появляющуюся у него лысину.

— Ну, я надеюсь, у тебя она не такая большая, как у твоего отца, — заявила Диана. — В любом случае тебе там гораздо интереснее, чем мне тут.

Жаловаться дальше Диана не могла себе позволить. Перед Чарльзом она делала вид, что обожает королеву-мать, но друзьям говорила, что ее в «буквальном смысле игнорируют», когда она попадает в Кларенс-Хаус. После того как Диана переехала в Букингемский дворец, ей отвели небольшую комнату рядом с Оливером Эвереттом, личным секретарем Чарльза. Эверетт развеселился, когда Диана первый раз влетела к нему в кабинет в балетном трико и с наушниками на голове. Вскоре он узнал, что еженедельный танцкласс для Дианы важнее всего остального и что она любит рок-н-ролл. «Я действительно хотела стать балериной, — призналась Диана, — но я слишком высокая». Она день и ночь смотрела телевизор и обожала мыльные оперы. Он начал учить Диану, как быть принцессой, объяснив, что такое королевские обязательства, которые включают в себя 170 официальных церемоний в год, в том числе Аскот, вынос знамени*, трехдневные заезды лошадей в Бадминтоне**, открытие парламента, Челсийскую цветочную выставку***, Уимблдон,

* Торжественный развод караулов с выносом знамени, проводится ежегодно в день рождения монарха.

** Ежегодные соревнования по конноспортивному троебрю в усадьбе герцога Бофортского в графстве Глостершир.

*** Главная выставка цветов в Великобритании, проводится ежегодно в Челси, фешенебельном районе Лондона.

Прием в саду*, Каусская регата**, благотворительные мероприятия и все, о чем попросят военные.

Придворная дама королевы, Сьюзан Хасси, помогала Эверетту провести будущую принцессу через лабиринт королевских правил: на публике всегда носить шляпу и яркие цвета, чтобы выделяться; махать рукой от локтя, а не от запястья; никогда не пользоваться общественными туалетами. «Самое тяжелое в роли принцессы, — сказала Диана годы спустя, — невозможность облегчить мочевого пузыря, когда захочется».

Эверетт столкнулся с первыми трудностями, когда порекомендовал определенный курс занятий и вручил Диане несколько исторических книг, чтобы она прочитала о роли принцессы Уэльской. Скучая по Чарльзу, терзаемая приступами булимии, Диана вдруг заартачилась. Когда придворный вышел за дверь, рассказала Диана подруге, она швырнула книги на пол. «Если он думает, что я стану читать всякую чепуху, — заявила она, — то его ждут разочарования».

Ослабев от потери веса, она часто не выдерживала напряжения и срывалась во время подготовки к крупнейшей церемонии в истории Британии. «Мне кажется, теперь я понимаю, что это значит, — сказала Диана репортеру за несколько недель до свадьбы, — и с каждым днем мне становится все страшнее и страшнее». Однажды она расплакалась перед фотографами во время матча в поло, и матери пришлось ее увести. «Для нее

* Ежегодный чай в саду Букингемского дворца, устраивается монархом для официальных лиц, дипломатов, представителей делового мира и т. п.

** Ежегодная парусная регата в курортном городе Каусе, крупное событие светской жизни.

это слишком», — объяснил принц Чарльз прессе. А друзьям он сказал, что беспокоится: «Не знаю, справится ли она со всеми трудностями».

Сама большая любительница поиграть в теннис, Диана посетила финалы Уимблдона, но покинула королевскую ложу еще до того, как американская теннисная звезда Джон Макинрой одержал победу. Он тринадцать раз спорил по поводу счета, громко ругался и поносил судью. «Меня всегда обкрадывают из-за долбанных судей в вашей стране!» — злобно выкрикивал он.

«Свадьбу придется отменить, — заявил один из телевизионных комментаторов, наблюдавших за поспешным уходом Дианы. — Уши леди Дианы потеряли невинность».

Внизу, где подавали чай, Диана встретила чемпионку Уимблдона Крис Эверт, которая спросила, почему принц Чарльз не пришел на стадион.

«Он не может сидеть спокойно, — ответила Диана. — Чарльз похож на большого ребенка. Однако я надеюсь, что наступит день, когда он немного успокоится и сможет насладиться игрой».

Диана призналась теннисной звезде, что нервничает перед свадьбой. «Я заверила ее, что супружество — это замечательно и что ей ни о чем не стоит волноваться, — сказала Эверт (позже она вышла замуж за британскую теннисную звезду Джона Ллойда, с которым впоследствии развелась). — Я сказала Диане, чтобы она расслабилась и думала о чем-нибудь другом».

Мужчины из окружения принца Чарльза тоже старались помочь Диане побыстрее приспособиться к новым обязанностям. Они показали ей ежедневные и месячные календари и объяснили, как составляются расписания турне, которые пла-

нировались на шесть месяцев вперед. Однако Диану волновали только отношения принца с другими женщинами. Его персонал не знал, как отвечать на ее постоянные вопросы о личной жизни принца. «Я спросила у Чарльза, любит ли он до сих пор Камиллу Паркер Боулз, — рассказала Диана Фрэнсису Корнишу, — но он так и не дал мне внятного ответа. Что мне делать?» Помощник личного секретаря опустил глаза и переключился на тему разговора.

Через несколько дней Майклу Колборну, помощнику Чарльза, пришлось столкнуться с еще более неприятными вопросами. На его письменном столе Диана нашла браслет, который Колборн заказал для Чарльза. Браслет предназначался для прощального подарка любовнице принца. На золоте, украшенном лазуритом, были выгравированы инициалы Д. П. [Девушка Пятница]. Диана начала расспрашивать Колборна про подарок, ей страшно хотелось узнать, кому он предназначен. «Я знаю, это для Камиллы, — заявила она. — Почему бы вам не признаться? Что все это значит? Почему Чарльз так поступает?» Колборн с неохотой признал, что Чарльз действительно заказал браслет, но отказался отвечать на остальные вопросы. Вскоре после свадьбы он тоже лишился своего места.

Диана принялась расспрашивать самого Чарльза, и он признался, что браслет действительно предназначен Камилле Паркер Боулз. Он сказал, что собирается вручить подарок лично, чтобы попрощаться с ней, уверял, что намерен положить конец их отношениям. Диана ему не поверила. Они поссорились, и она выбежала из кабинета в слезах. Позднее она призналась се-

страм, что не хочет выходить замуж за человека, который все еще влюблен в свою бывшую любовницу. «Это дурная примета, Дуч, — сказала ее сестра Сара, использовав семейное прозвище Дианы. — Твое лицо уже появилось на салфетках, теперь слишком поздно отступать». Феминистки несколько недель носили значки с надписью: «Не делай этого, Ди!»

На следующий день Диана отомстила, вычеркнув имя Камиллы из списка гостей, приглашенных на свадебный завтрак. Кроме того, она вычеркнула имя леди Дейл «Канга» Трион. Она не могла сделать так, чтобы они не присутствовали на свадьбе, но заявила, что не желает их видеть на завтраке. Чарльз, на глазах которого отец менял любовниц, как колоды карт, решил не спорить со своей нервной невестой. Он сказал личному секретарю, что не понимает неожиданных смен настроения Дианы, а приступы плача выводят его из равновесия. Он добавил, что встревожен сообщением своего конюшего, который рассказал, что Диана часами просиживает в кресле, спрятав голову в коленях, и безутешно рыдает. Чарльз заявил, что подобное поведение кажется ему неразумным и очень его беспокоит. Личный секретарь объяснил поведение Дианы расшалившимися перед свадьбой нервами.

Чарльз, который всегда был склонен к колебаниям, теперь иначе оценивал свое решение жениться на Диане. Он навестил свою сестру в Гэткомб-парке и поделился с ней сомнениями. Принцесса Анна, собиравшаяся через месяц родить второго ребенка, была совсем не в подходящем настроении для поисков истины. Анна весело отмела все его опасения и назвала брата безволь-

ным. «Чарльз, — заявила она, — тебе следует играть теми картами, которые тебе сдали. — А потом повторила совет королевы Виктории, данный ею своей дочери относительно того, как пережить акт любви: — Просто закрой глаза и думай об Англии».

Продолжая сомневаться, принц навестил в Лондоне свою бывшую любовницу Зою Саллис. Ее квартира на Эбури-стрит находилась всего в нескольких ярдах от полицейского участка, — поэтому патрульный видел, как приходит и уходит Чарльз. Он попытался скрыть свое лицо, поглубже надвинув на лоб серую шляпу с широкими полями. Несколько полисменов, наблюдавших за ним из окна, рассмеялись, глядя на королевский камуфляж. Один из них заметил: «Он похож на типа, у которого большие уши торчат из-под дамской шляпки».

«Позднее Зою сказала мне, что принц Чарльз признался ей в своем страхе перед браком с Дианой, — писал обозреватель «Таймс» Роланд Фламини, — но чувство долга требовало, чтобы он довел дело до конца».

Предпочтя благоразумие страсти, Чарльз посетил Бродландс, где планировал провести первую часть медового месяца. «За пять дней до королевского бракосочетания, — говорил, покачивая головой, Джон Бэретт, — Чарльз сказал мне и лорду Ромси [внук Маунтбаттена], что любит только Камиллу. Он заявил: «Я никогда не буду чувствовать себя с Дианой так, как чувствовал себя рядом с Камиллой». Лорд Ромси заверил Чарльза, что почти наверняка его чувства через некоторое время изменятся».

Хотя невеста страдала булимией, а жених был прощельгой, они казались идеальной парой. Бри-

танцы радостно следили за развитием их романа: принц наконец-то нашел свою принцессу, и после свадьбы 29 июля 1981 года они будут жить долго и счастливо. Чушь и розовые слюни. Многим страшно хотелось верить в волшебную сказку, чтобы отвлечься от жуткой реальности — бесчинств на улицах, терроризма ИРА и растущей безработицы. Елизавета прекрасно понимала, какое влияние может оказать королевское бракосочетание на доведенную до крайней черты нацию. Несмотря на то что более трех миллионов людей остались без работы, Ее Величество без колебаний тратила деньги налогоплательщиков. Она считала, что любые расходы (одни только приглашения обошлись в 10 000 долларов) направлены на защиту от чувства безнадежности. Хотя Елизавета всегда недолюбливала шоу-бизнес и терпеть не могла, когда особ королевской крови сравнивали со знаменитостями, она устроила феерию, достойную Голливуда, с барабанами, трубами и каретами. Ей удалось совместить романтику высшего общества с волшебством фантазии. У нее были лучшие костюмы и больше лошадей, чем в «Бен-Гуре»*. Королевская свадьба, поставленная Елизаветой, подняла на небывалую высоту рейтинг британской монархии и принесла немалые доходы туристическому бизнесу. Королева знала, что корона и страна нуждаются в пышных зрелищах. «Это получается у нас лучше всего», — сказал ее лорд-гофмейстер.

Королева выбрала собор Святого Павла потому, что Вестминстерское аббатство не могло вместить

* Знаменитый голливудский фильм, центральным эпизодом которого является гонка колесниц.

всех приглашенных. «Я рада, что церемония будет проходить именно здесь, — сказала Диана. — Я не смогла бы венчаться там же, где мои родители». Свадебный гимн, который она выбрала, говорил о «любви, не задающей вопросов, — любви, которая платит высокую цену и готова лечь на алтарь в последнем жертвоприношении».

Королева разослала 2500 приглашений* друзьям, родственникам, главам государств и коронованным особам Европы. Испанский король Хуан Карлос отклонил приглашение, когда узнал, что новобрачные сядут на королевскую яхту в Гибралтаре, где и проведут часть медового месяца. Испания уже давно оспаривала право Британии на эту маленькую колонию на оконечности Иберийского полуострова. Король заявил, что решение Чарльза и Дианы взойти на борт «Британии» именно там является дипломатической ошибкой. С глазу на глаз принц Филипп сказал Хуану Карлосу, что он идиот. «Мы уже сыты по горло историей с Гибралтаром, — заявил Филипп, — он дорого нам обходится».

Президент Соединенных Штатов также отклонил приглашение королевы, поскольку персонал Белого дома считал, что Рональду Рейгану не следует участвовать в ослепительном спектакле, который устраивает британская монархия, — ведь это будет его первый официальный визит после вступления в должность. Люди могут его неправильно понять. Так что жена Рейгана отправилась в Вели-

* Невесте разрешили пригласить сто человек, а ее родителям — пятьдесят. Жених разослал триста приглашений. Среди его гостей оказались его любимая няня Мейбл Андерсон, прежние подруги Сабрина Гиннес и Сьюзан Джордж и, конечно, любовница Камилла Паркер Боулз с мужем. — *Примеч. авт.*

кобританию одна. «Мне безумно нравится принц Чарльз», — заявила Нэнси Рейган, которая прилетела с двадцатью шестью чемоданами, одиннадцатью шляпными коробками, семнадцатью секретными агентами и одной парой взятых напрокат бриллиантовых серег стоимостью в 880 000 долларов.

Журналисты из США наводнили Лондон, моментально подняв цены на места в окнах вдоль движения процессии. Дворцовый пресс-центр регулярно выпускал специальные бюллетени, посвященные церемонии, которая должна была транслироваться на 750 миллионов телезрителей. Журналисты, не слишком хорошо разбирающиеся в титулах, узнали, что леди Диана Спенсер очень скоро будет занимать более высокое положение, чем все британские женщины, кроме королевы и королевы-матери. Как дочь графа, она шла за тридцатью восемью категориями британских женщин, которые имели более высокие титулы. Но после свадьбы сразу взлетала на самый верх иерархической пирамиды. Древний титул принцессы Уэльской давал ей право ждать низких реверансов от всех остальных женщин, членов королевской семьи, включая принцессу Анну и тетю мужа, принцессу Маргарет.

«Безусловно, так гласит протокол, — объяснил дворецкий принцессы Маргарет, — но он не соответствует реальности. Никогда в жизни принцесса Маргарет не сделает реверанс перед кем-нибудь, кроме королевы или ее матери. Не следует забывать, Маргарет рождена в королевской семье; Диана же лишь выходит замуж за принца. Огромная разница! Что же касается принцессы Анны, ну, как однажды сказал ее отец: «Если оно не пукает и не ест солому, ее это не интересует».

Пресс-служба дворца объявила о том, как изменится положение Дианы Спенсер после свадьбы. «После церемонии бракосочетания ее будут называть Диана, принцесса Уэльская. Она не станет принцессой Дианой, поскольку по рождению не является особой королевской крови. Только дети суверена имеют право на определенный артикль перед своим титулом». Американцы, которые не понимали значения титулов и тонкостей связанных с ними церемоний, стали называть Диану принцессой Ди.

В «Тайм» британский литературный критик Малькольм Маггеридж довольно скептически отозвался о крупнейшем бракосочетании столетия: «Только предсказатели судьбы, марксисты и свидетели Иеговы осмелятся высказывать прогнозы относительно того, наступит ли день, когда принц Чарльз и леди Диана вступят на трон как король и королева Англии. За пятьдесят лет работы журналистом я видел слишком много неожиданных поворотов, чтобы ни в чем не быть уверенным... Популярность, какой бы она ни была, может улетучиться за один день, а общественные установления, просуществовавшие века, исчезают за одну ночь. Поэтому в заключение лишь скажу: «Да благословит Бог принца и принцессу Уэльских». Спустя пятнадцать лет критик выглядит как настоящий провидец.

Вечером перед свадьбой королевская семья собралась на балконе Букингемского дворца посмотреть на самый крупный фейерверк со времен бомбежек Второй мировой войны. По подсчетам британской полиции, 175 000 человек расположились вокруг собора Святого Павла, чтобы наблюдать за процессией конных экипажей. Толпы

людей стали собираться за день до того, как аристократия начала прибывать во дворец, чтобы принять участие в королевском балу.

«В тот вечер у нас возникло ощущение Ватерлоо, — вспоминала одна из титулованных британских дам. — Казалось, воздух пропитан запахом нафталина. В тот день я в последний раз надела свою диадему. Мы шли по Мэлл в украшениях, сверкающих бриллиантами, наши роскошные платья развевались на ветру. Мы с каждым шагом приближались к тому событию, в котором мечтали участвовать все, кроме тех из нас, кто был обязан на нем присутствовать».

После бала Диана провела ночь в Кларенс-Хаусе. Чарльз — в объятиях своей любовницы. Позднее Камилла Паркер Боулз по секрету рассказала своему деверю, что спала с принцем в его покоях во дворце. «Камиллу утешала мысль, что сердце Чарльза принадлежит ей, несмотря на то что он женится на Диане», — сказал Ричард Паркер Боулз.

На следующий день, когда невеста произносила свою клятву, она так нервничала, что перепутала порядок имен своего жениха: Чарльз Филипп Артур Джордж превратился в Филиппа Чарльза Артура Джорджа. Но даже совершив ошибку, она была очаровательна. «Ну, — сказала она впоследствии, — четыре имени не так-то просто расставить в нужном порядке». Когда жених клялся разделить со своей женой все свои земные богатства, он тоже нервничал. И в результате забыл вставить слово «земные». Пророческая ошибка, поскольку они расстались через пятнадцать лет.

Принцесса Уэльская не хотела сдаваться и отдавать мужа любовнице. Диана была полна решимос-

ти как можно быстрее забеременеть, сцементировав тем самым свой брак. В соответствии со своим намерением она подготовилась к медовому месяцу, взяв с собой зеленое бикини, которое так нравилось Чарльзу, шесть шелковых кружевных трусиков и несколько прозрачных ночных рубашек. Чарльз прихватил свои рыболовные принадлежности. А еще книгу Артура Кестлера по парапсихологии и пять научных трудов Лоуренса ван дер Поста, которые собирался изучать вместе с женой. Диана положила в чемодан два романа Дэниель Стил в мягких обложках, хотя и знала, что Чарльзу это не понравится. «Он не любит, когда я читаю бульварную литературу, — сказала она. — А я ее обожаю».

Годы спустя Диана прочитала очерк о психологическом состоянии террориста, чьи преступления объяснялись тем, что он чувствовал себя одиноким. В десять лет, будучи математическим гением, он взял с собой на каникулы книгу под заглавием «Математика от сложения до алгебры». «Очень напоминает Чарльза во время нашего медового месяца», — скажет потом Диана.

На борту королевской яхты «Британия» принцесса очаровала команду, состоящую из 256 военных моряков, а в особенности тех, кто работал на камбузе, — у них она постоянно просила добавки десерта. Мимо каюты новобранцев все ходили в тапочках на резиновой подошве, чтобы не нарушать покой королевской четы.

«Нам сказали, чтобы нас не было видно, — вспоминал матрос Филипп Бенджамин. — Мы должны были превратиться в бесплотные тени. Если к нам не обращались, нам следовало молчать и смотреть прямо перед собой. Впрочем, у нас это не всегда получалось — в особенности когда

принцесса Уэльская выскакивала из каюты в одной ночной рубашке.

Помню, как однажды днем она вышла из королевской каюты в прозрачном, не до конца запахнутом белом пеньюаре с розовым атласным бантом на груди. Он был развязан. Она пыталась отвлечь принца от его книг.

— Чарльз, — сказала она нараспев очень сексуальным голосом, — иди сюда и исполни свой долг.

Он сидел на палубе в шезлонге и читал, а она хотела, чтобы он спустился вниз и занялся производством наследника. Я стоял на посту всего в нескольких футах от нее и смотрел прямо перед собой. Она захихикала, когда сообразила, что я ее услышал, но совсем не смутилась. Диана продолжала дразнить Чарльза, стараясь затащить его в постель. Она вообще часто его дразнила. Мне ни разу не доводилось видеть ее в мрачном настроении, на которое потом жаловался Его Королевское Высочество».

Принц Чарльз сказал своему официальному биографу Джонатану Димблби, что во время медового месяца он узнал о приступах булимии у Дианы. Чарльз утверждал, что ее болезнь являлась причиной неожиданной смены настроения — веселая и смеющаяся Диана могла в любой момент расплакаться. Через две недели, проведенных на борту яхты, молодожены вернулись в Балморал и присоединились к королевской семье. Временами Диана чувствовала себя не лучшим образом в присутствии родственников мужа, тогда она просила прощения, уходила, и ее рвало. Чарльз был так обеспокоен ее желудочным расстройством, что связался с Лоуренсом ван дер Постом и попросил его о помощи. Он

был в годах, она ему доверяла, а он мягко беседовал с ней во время каждого сеанса. Однако довольно быстро Пост понял, что принцесса Уэльская нуждается в профессиональной помощи. Он назвал Чарльзу имя психиатра, который начал тайно консультировать молодоженов. Врач встречался с ними в их покоях в Балморале в одиннадцать и в четыре часа каждый день. Тридцать минут он разговаривал с обоими, а потом еще тридцать минут с Дианой, пытаясь выяснить причины ее тревог. Чарльз говорил, что его волнует эмоциональное состояние жены. «Она — как натянутая струна, — сказал он. Его даже беспокоило, не страдает ли Диана от маниакально-депрессивного психоза. — Как еще можно объяснить смены настроения — веселая и очаровательная по утрам и все проклинающая вечером?» Врач порекомендовал транквилизаторы. После окончания медового месяца Диана продолжала психотерапию в Лондоне, но лекарства принимать отказывалась. Булимия преследовала ее еще одиннадцать лет.

«Это коварная болезнь, от которой трудно избавиться, — вспоминала она много лет спустя. — Она начинается в тот момент, когда ты очень низкого мнения о себе и тебе кажется, что ты никому не нужна и ни на что не годишься. Ты наполняешь свой желудок четыре или пять раз в день, и это дает тебе ощущение удовлетворения. Словно чьи-то руки тебя обнимают, но облегчение оказывается очень кратковременным. Потом раздутый живот вызывает у тебя отвращение, и все начинается снова... Болезнь циклична и носит разрушительный характер».

Возле Балморала собралось множество журналистов из разных стран, они окружили все выходы,

надеясь сделать побольше новых снимков. Чарльз страшно злился, говорил, что репортеры повсюду преследовали «Британию», не давая им покоя своими длинными объективами. Он даже рассердился на Патрика Личфилда, кузена королевы, за то, что тот тайно сфотографировал их с Дианой во время свадебной церемонии, а потом продавал снимок по всему миру. «Он даже не показал его королеве», — ворчал Чарльз. На фотографии Личфилда принц и принцесса Уэльские вместе со свитой сидят на ступенях тронного зала после свадьбы и покатываются со смеху. Чарльз заявил, что снимок, сделанный в такой неподходящий момент, выставляет его в дурном свете. Он считал, что его использовали, когда предоставили Личфилду эксклюзивные права на съемку бракосочетания. Принц не ожидал, что Личфилд станет продавать фотографии, не спрашивая его разрешения. «Не могу поверить, что лорд Личфилд мог нас так подвести», — сказал Чарльз. Позднее Личфилд размножил фотографию и раздавал ее вместо своей визитной карточки.

«Одну он подарил мне, — сказал обладатель Пулитцеровской премии фотограф Дэвид Хьюм Кеннерли. — Конечно, он весьма самонадеянный тип, но снимок получился очень удачным».

Чарльз был совсем не в том настроении, чтобы утихомиривать прессу, но на четвертый день той части медового месяца, который они проводили в Балморале, у него не осталось выбора. Королевская семья чувствовала себя в осаде, поэтому королева послала своего пресс-секретаря, чтобы он договорился о компромиссе: интервью с молодоженами плюс фотографии в обмен на спокойствие. Стороны договорились, и Чарльзу пришлось согласиться.

Принц Уэльский был шефом Гордонского хайлендского полка, поэтому он оделся на интервью как шотландский горец — гольфы до колен, клетчатый килт и кожаный спорран (сумка мехом наружу, которую носят спереди). В назначенный час он появился перед журналистами, держа под руку жену.

— Где вы хотите устроить представление? — спросил он.

— Здесь нас вполне устраивает, Ваше Королевское Высочество, — ответил репортер.

Чарльз его узнал.

— Надеюсь, вы хорошо провели время на Средиземном море?

— Там малость дороговато, — ответил репортер.

— Отлично! — заявил Чарльз с натянутой улыбкой.

Пока неприветливый Чарльз и очаровательная принцесса разговаривали с прессой, фотоаппараты шелкали, не переставая.

— Как прошел медовый месяц?

— Потрясающе! — ответила Диана.

— А как вам нравится супружеская жизнь?

— Очень рекомендую, — сияя, заявила принцесса.

— Вы уже готовили завтрак для своего мужа?

— Я не ем завтраков.

Чарльз выглядел озадаченным.

— Из нашего интервью могла бы получиться замечательная телепередача, — саркастически заметил он.

Диана опустила глаза и улыбнулась. Через несколько секунд принц поцеловал ей руку, она весело рассмеялась, а фотографы снова защелкали затворами своих камер.

Когда молодожены собрались уходить, один из фотографов подарил Диане букет цветов.

— Благодарю вас. Надеюсь, вы вставите его в ваши производственные расходы, — пошутила она.

Через два месяца, 5 ноября 1981 года, дворец заявил, что принцесса беременна. Диана попыталась участвовать в королевских приемах, но частые приступы утренней дурноты вынудили ее от них отказаться. Ее муж все объяснил репортерам.

«У каждого из вас есть жены, поэтому проблемы супружеской жизни вам знакомы... Лучше не заниматься делами слишком активно... Примерно через три месяца моей жене станет немного лучше. — Затем он добавил официальным тоном: — Я готов принять на себя всю ответственность».

Через несколько дней принцесса возобновила исполнение своих обязанностей, но когда она оказывалась в толпе людей и принимала букеты цветов, на нее накатывали приступы тошноты. Она не пыталась скрыть, что ей нехорошо. «Какой ужас! — говорила она. — Никто не предупредил меня, что я буду так отвратительно себя чувствовать». Увидев беременную женщину в Дербишире, она сочувственно схватила ее за руки. «Ах, утренняя дурнота — это такой кошмар!»

Во время каждого выхода Дианы в свет ее сопровождала пресса. Она безупречно вела себя на публике, но каждая новая встреча отнимала у нее силы, создавая стрессовые ситуации. Дома она теряла над собой контроль. «Как только двери закрывались, у нее начиналась истерика или она устраивала скандал», — вспоминает один из придворных. Чарльз не знал, как справляться с пережелезьяющими через край эмоциями жены. Он обращался за советами к своей любовнице и стал

больше играть в поло. «Я должен почаще уходить из дома, — сказал он своему телохранителю. — Тут слишком много гормонов».

Чем чаще Чарльз отсутствовал, тем более расстроенной выглядела Диана. Она обвиняла мужа в том, что он навещает Камиллу, а Чарльзу так надоела ее ревность, что он молча поворачивался и уходил, отчего Диана злилась еще сильнее. Сердитая из-за отсутствия мужа, постоянно пытающаяся установить, где он проводит время, раздраженная любопытными объективами фотоаппаратов, Диана горько жаловалась королеве, которой действовали на нервы ее истерики. Обвинив во всем прессу, королева собрала издателей с Флит-стрит и попросила их, чтобы они оставили Диану в покое. Сначала с ними встретился королевский пресс-секретарь Майкл Ши.

«Мы предполагали, что после медового месяца внимание прессы понемногу пойдет на убыль, — объявил он газетчикам. — Но наши ожидания не оправдались. Принцесса Уэльская чувствует себя как в осажденном городе. Люди, которые беспокоятся о ней и любят ее, тревожатся из-за того, как она реагирует на репортеров».

Потом вошла королева, чтобы подчеркнуть значимость того, что сказал ее пресс-секретарь. Она заявила, что со стороны репортеров нечестно прятаться с мощными телеобъективами в кустах — в надежде застать принцессу врасплох. Королева показала снимок, опубликованный накануне. На ней Диана обнимает мужа за шею и с любовью на него смотрит. Они стоят возле Хайгроува, своего дома в Глостершире. Получив королевский нагоняй, издатели обещали умирить пыл своих репортеров. В редакционной статье «Таймс», которая называлась

«Плененная принцесса», говорилось: «Приятно думать, что мы уже достаточно взрослые люди, чтобы не держать принцессу в плену во дворце». Перемирие продолжалось шесть недель. Затем Диана стала угрожать, что покончит с собой.

Вскоре после Рождества, проведенного в Сандринхеме, Диана предупредила Чарльза, что если он снова оставит ее одну и уедет кататься верхом, она совершит самоубийство. Когда он в ярости выскочил из комнаты, Диана бросилась вниз в короткий пролет лестницы. Королева-мать, которой уже исполнился восемьдесят один год, услышала шум и обнаружила на полу рыдающую принцессу. Лакей отвел Диану к ней в комнату, вызвали врача. После осмотра он объявил, что с ней все в порядке, если не считать небольшого синяка на животе; плод не пострадал. Несколько часов спустя лакей продал информацию о падении принцессы в «Сан», продемонстрировав всем, что королевские секреты стоят больших денег. На следующий день сообщение появилось на первой полосе, однако в газете ничего не говорилось о попытке самоубийства.

«Принцессе очень не хотелось отправляться в Сандринхем на Рождество, — заявил ее парикмахер Ричард Дэлтон. — Она сказала, что там ужасно холодно, а обед всегда заканчивается к трем часам. «Уже три часа, и пришло время смотреть меня по телевизору», — говорила она, имитируя сами знаете кого. Королевская семья каждый раз смотрит Рождественское обращение королевы по телевизору. Диана утверждала, что это обязательно для всех».

Королева-мать поговорила со своим племянником Джоном Боуэс-Лайоном относительно по-

ведения Дианы, которое усугублялось болезнью. «У нее случались припадки, продолжавшиеся всего несколько минут, во время которых она буквально сходила с ума и становилась неуправляемой, — сказал Боуэс-Лайон*. — А потом все кончалось так же быстро, как и начиналось.

Сначала доктора решили, что Диана больна эпилепсией, но потом отказались от своих предположений, поскольку у Дианы не был обложен язык и не появлялось других эпилептических симптомов. Вероятно, ее болезнь носила наследственный характер: в семье Фермой примеры аналогичного недуга встречались несколько раз — такое разъяснение получила королевская семья».

В течение следующих трех лет Диана трижды будет пытаться покончить с собой. Каждый раз она могла себя изуродовать. «Я делала это четыре или пять раз», — призналась Диана доктору Морису Липседжу, специалисту по пищевым расстройствам из лондонской больницы Гая**. Она рассказала ему о самых разнообразных вариантах: резала руку фруктовым ножом, пыталась перерезать себе вены на запястьях, рассекала вену на ноге, бросалась на застекленный шкаф.

* «Джону Боуэс-Лайону пришлось извиниться перед Дианой, когда в печати появилось сообщение, что во время приступов у нее в течение нескольких секунд изо рта идет пена, — писал обозреватель Таки Теодоракопулос в 1993 году. — У Дианы было легкое заболевание, напоминающее эпилепсию, о чем Джон Боуэс-Лайон узнал от королевы-матери. Он поделился со мной, а я, естественно, пересказал это Найджелу [Демпстеру], который по-свински использовал мои откровения в своей книге («За дверями дворца», написанной в 1993 году совместно с Питером Эвансом). Когда книга вышла, Джону пришлось отправить Диане письмо. «Приношу свои извинения, но я не имею к этому никакого отношения», — написал он». — *Примеч. авт.*

** Старая больница в Лондоне, основана в 1721 году книгопродавцем Томасом Гаем.

«Когда никто тебя не слушает или тебе кажется, что никто не слушает, может произойти все что угодно, — сказала Диана. — Все эти попытки были криком о помощи».

Когда королева заметила первые признаки отчуждения между супругами, она предложила Чарльзу и Диане отправиться в путешествие. «В подобных случаях Ее Величество всегда рекомендовала бегство, — сказал один из ее друзей. — Ее решение заключалось в том, чтобы сбежать вместе, разобраться — и все снова будет в порядке. Такой образ действия всегда приводил королеву к успеху. Почему у Чарльза и Дианы должно быть иначе?»

Через несколько дней принц и принцесса улетели на Багамские острова. «Диане необходимо погреться на солнышке, — заявил Чарльз, — чтобы лучше подготовиться к рождению ребенка». И снова пару преследовали не состоящие в штате фотографы, вооруженные длиннофокусными объективами. Им удалось сфотографировать принцессу на пятом месяце беременности в оранжевом бикини у полосы прибоя. И снова снимки Дианы замелькали на первых полосах бульварных газет, а королева опять возмутилась. «Это один из самых черных дней для британской журналистики», — заявила она через своего пресс-секретаря. Позднее «Сан» напечатала свои извинения, опубликовав фотографии вторично, — на тот случай, если пять миллионов читателей поинтересуются, почему газета извиняется.

Ее Величество еще раз разгневалась поведением газеты «Сан» и человека, который начал доминировать среди британских средств массовой информации, купив «Сан», «Санди таймс», «Таймс оф Лондон» и телевизионный канал. Руперт Мэр-

док продемонстрировал королеве, что ее ограничения ничто против «журналистики чековой книжки». Даже самая мелкая информация о том, что происходит во дворце, продавалась, а потом преподносилась читателю как сенсационное разоблачение. Австралиец, которого не останавливало почтение перед короной, не отличался монархистскими взглядами. Поэтому он регулярно печатал материалы, выставлявшие королевскую семью неприукрашенной, снабжая их весьма откровенными фотографиями. Лишившимся привычной уважительной защиты прессы, обитателям дворца ничего не оставалось, как махать крыльями и гоготать, напоминая гусей под прицелом охотничьего ружья. Королева читала лекции главным редакторам, требовала (и получала) запрещения на публикации и наконец подала в суд, надеясь заставить слуг держать язык за зубами и не продавать секреты королевской семьи. Она призывала применить санкции против прессы и судилась с издательствами, чтобы получить компенсацию за нанесенный ущерб.

«Ее Величество рассердилась из-за опубликованной фотографии ее шестилетнего внука Питера, крутившего во время охоты мертвого фазана за шею, — вспоминал один из придворных. — Она приказала всем журналистам и фотографам покинуть Сандрингем и запретила им доступ в Виндзор. Елизавета пыталась не допускать журналистов на семейные торжества, в том числе и на королевские крестины».

Первый ребенок Чарльза и Дианы, наследник британского трона, родился 21 июня 1982 года, и гусары Королевской конной артиллерии сделали сорок один традиционный залп в честь нового

принца. Светловолосого, голубоглазого мальчика семь дней называли «Беби Уэльс», пока его родители не перестали ругаться из-за имени. «Мы немного поспорили относительно того, как назвать сына», — признался Чарльз репортерам. В конце концов они остановились на Уильяме Артуре Филиппе Льюисе в честь Вильгельма Завоевателя, легендарного короля Артура, герцога Эдинбургского и лорда Льюиса Маунтбаттена. Принц Уильям («Уиллс» для родителей) должен был пройти обряд крещения в восемьдесят второй день рождения королевы-матери.

«Моя беременность проходила трудно — я чувствовала себя не лучшим образом, — вспоминала Диана в телевизионном интервью. — Но мне казалось, что вся страна помогает мне рожать... Так что в тот момент, когда появился Уильям, я почувствовала большое облегчение».

Британия ликовала, за исключением капризной тети Уильяма — принцессы Анны, которая, когда Диана рожала, находилась в Соединенных Штатах с визитом доброй воли. Принцессу Анну ужасно раздражали бесконечные вопросы журналистов.

— Ваше Королевское Высочество, есть какие-нибудь новости о принцессе Диане?

— Я не знаю, — резко ответила она. — Лучше вы сами мне скажите.

— Как вы относитесь к тому, что у нее сын?

Анна пожала плечами:

— Я не знала, что у нее есть сын.

— Он родился сегодня утром.

— Ах, замечательно, — саркастически проговорила она. — Разве мы все не рады?

— Как вам понравился ваш визит в Нью-Мексико?

- Оставьте свои вопросы при себе.
- Мадам, как вы себя чувствуете в роли тети?
- Это — мое дело, благодарю вас.

Ворчунья принцесса оказалась в самом низу списка популярности коронованных особ.

«Успокойся, Анна!» — заявила «Дейли мейл», утверждавшая, что принцесса просто завидует суматохе, поднявшейся вокруг Дианы.

Остальные газеты перестали обращать внимание на грубую, угрюмую и несчастную дочь королевы. Менее чем через десять лет эти умники изменят свою точку зрения. После того как она начала заниматься благотворительной работой для «Фонда помощи детям»*, Анна превратилась в одну из самых уважаемых женщин Великобритании. Некоторые опросы общественного мнения показали, что многие считают ее более достойной королевского трона, чем Чарльз, но в 1982 году ее поносили едва ли не больше всех в Соединенном Королевстве.

Внутри королевской семьи отношения между принцессой Анной и принцессой Уэльской сложились не лучшим образом: они презирали друг друга. Анна считала Диану тщеславной и недалекой невротичкой. «Она слишком сентиментальничает с детьми», — заявила сестра Чарльза.

Диана говорила, что Анна — переодетый мужчина. «Думаю, она брешет», — сказала Диана.

«Не следует забывать, — заметила ее подруга, — что Анна — единственная женщина, участвовавшая в Монреальской олимпиаде [1976 года], которой разрешили не проходить тест на определение пола».

* Благотворительная организация, оказывающая материальную и другую помощь детям из нуждающихся семей.

«Результат оказался бы слишком ошеломляющим для всех, — пошутила Диана. — Она — Филипп в женском платье».

Принцесса Уэльская не понимала женщин вроде Анны, которые совершенно сознательно старались быть неженственными. Анна отказывалась пользоваться макияжем, стягивала волосы в хвост на затылке и носила одежду, которая казалась дешевой. Диана слышала, что Анна изменила мужу с дворцовым охранником, но не понимала, что его к ней притягивало. «И что в ней только находят мужчины?» — спрашивала она.

Резкая, как пуля, Анна ничего не делала для того, чтобы снискать расположение других людей, в особенности прессы, которую презирала. «Вы мне противны уже потому, что держите в руках камеру!» — заявила она репортеру, попытавшемуся ее сфотографировать.

Чарльз соглашался с тем, что иногда с Анной бывает трудно, но всегда добавлял, что она его единственная сестра и оказала честь, сделав крестным отцом своего первенца. Поэтому он захотел отплатить ей тем же, предложив Анне стать крестной принца Уильяма. Диана категорически возражала.

«Дорогая, пожалуйста, — жалобно попросил Чарльз. — Пожалуйста!»

Однако Диана стояла на своем, и Чарльзу пришлось сдаться. Через несколько дней они объявили о своем выборе крестных: принцесса Александра, герцогиня Вестминстерская, леди Сюзан Хасси, греческий король Константин II, лорд Ромси, сэр Лоуренс ван дер Пост.

Во время крещения архиепископ Кентерберийский окропил водой голову младенца и дал

зажженную свечу его отцу, означавшую, что юный принц принят в лоно церкви.

«Окна были открыты, лучи солнца заливали зал, — рассказал сэр Лоуренс журналу «Гороскоп». — Потом небо потемнело, собиралась гроза. В тот самый момент, когда архиепископ протянул зажженную свечу, в окна влетел порыв ветра. Свеча замигала, но не погасла».

Ученый муж увидел в этом знамение и добрый знак для принца и принцессы Уэльских, которые верили в мистику. Ван дер Пост сказал, что мерцающая свеча означает кризис в будущем Уильяма, но он сможет с ним справиться.

Два года спустя, после рождения второго сына, Чарльз снова предложил сделать свою сестру крестной, но Диана опять отказалась. Вместо нее она выбрала леди Селию Вэсти, дочь принцессы Маргарет леди Сару Армстронг-Джонс и свою бывшую соседку по квартире Каролин Прайд Бартоломью. В качестве крестных отцов Чарльз выбрал своего брата Эндрю, герцога Йоркского; художника Брайана Органа, который писал льстивые королевские портреты, и Джеральда Уорда, богатого игрока в поло.

Объявление имен крестных вызвало грандиозную ссору внутри королевского семейства. Принц Филипп рассердился на Чарльза за то, что тот во второй раз обошел Анну, и не разговаривал с ним и не навещал внука в течение шести недель. В конце года он написал Чарльзу письмо, в котором утверждал, что принц Уэльский ведет себя не так, как положено наследнику. Филипп превозносил Анну, свою любимую дочь, как самого работающего члена королевской семьи. «Она представляла корону 201 раз, ты — всего 93 раза, а твоя

жена — 51. Даже если ваши усилия [за 1984 год] сложить вместе, они не сравнятся с тем, что сделала твоя сестра».

Три года спустя королева вознаградила дочь за верную службу, пожаловав ей титул принцессы-цесаревны — высшая почеть, которой может удостоить королева женщину из королевской семьи.

Однако Анна так возмутилась тем, что ее дважды не сделали крестной матерью, что вообще отказалась участвовать в крестинах принца Генри Чарльза Альберта Дэвида (родители называли его «Гарри»). Анна заявила, что дата крестин совпадает с заранее назначенной охотой, в которой она собиралась участвовать вместе с мужем. Королева и принц Чарльз перенесли крестины из Букингемского дворца в часовню Святого Георгия в Виндзоре, чтобы оказаться поближе к поместью Анны, надеясь, что она передумает. Однако обиженная принцесса не изменила своих планов. Пресс-секретарь королевы позвонил ей и попросил отменить охоту, поскольку ее отсутствие будет расценено прессой как неуважение к принцессе Уэльской.

«Ну и что? — заявила Анна, отославшая детей домой. — Питер и Зара там будут, этого вполне достаточно».

Майкл Ши умолял ее, но Анна осталась непреклонной. Как он и предсказывал, пресса Мэрдока назвала дочь королевы вздорной и мстительной. Они канонизировали принцессу Уэльскую и объявили ее самой любимой персоной в королевстве после королевы-матери.

ГЛАВА 14

— Я сыт по горло вашей проклятой без-
опасностью! — взорвался герцог
Эдинбургский. — Поехали.
— Мне очень жаль, сэр, — ответил
американский секретный агент, — но я ничего не
могу сделать, пока не сдвинется лимузин прези-
дента.

Королева и герцог путешествовали по Кали-
форнии по приглашению Рейганов в 1983 году.
Сидя в своем лимузине, они ждали, пока двинет-
ся кортеж автомобилей по залитым дождем ули-
цам Сан-Франциско. Филиппа переполняло не-
терпение.

— Я же сказал, чтобы ехали вперед, а не сто-
яли на месте! — резко повторил он.

— Сэр, мы ждем машину президента Рейгана.
Королева смотрела прямо перед собой. Про-
шло еще несколько секунд. Переполненный гне-
вом, Филипп вытащил журнал из кармана на
спинке сиденья, скатал его в трубочку и треснул
им водителя по затылку.

— Трогай свою проклятую машину! — закри-
чал он. — Трогай немедленно!

Королева сидела абсолютно равнодушно и ни слова не сказала мужу, который понукал агента, словно перед ним был не человек, а лошадь. Через час, когда они уже прибыли в отель, она послала представителя посольства пригласить агента выпить с ними.

— Нет, благодарю вас, — ответил агент.

Он даже не пытался скрыть свой гнев — его возмутило поведение мужа королевы и то, что она при этом молчала.

— Пожалуйста, сэр. Вам следует принять предложение Ее Величества.

— Я сказал: «Нет, благодарю вас». Я не собираюсь находиться в их обществе больше, чем это необходимо.

Посланец королевы обратился к представителю Белого дома, который присутствовал при разговоре.

— Пожалуйста, сэр, я вас прошу. Я не могу вернуться к Ее Величеству и сказать, что ее приглашение отклонено. Я потеряю свое место. Срок моей службы заканчивается через шесть месяцев, и я не могу уйти в отставку, не получив пенсии. Я признаю, что герцог Эдинбургский вел себя похамски — безобразно грубил, — но я прошу вас о личном одолжении. Пожалуйста, примите приглашение.

Представитель Белого дома посмотрел на секретного агента, который не сводил взгляда с посланца королевы. Агент изменил свое решение.

— Я хочу, чтобы вы знали, — мрачно заявил он, — я делаю это ради вас.

Секретная служба США в течение всего визита старалась обеспечить максимальную безопасность королевской четы, но герцог Эдинбургский

всячески им мешал. За день до описываемых событий он зажег свет внутри лимузина.

— Мне очень жаль, сэр, — вмешался агент, — но я должен попросить вас выключить свет. Вы становитесь удобной мишенью.

— Будь я проклят, если последую вашему совету! — резко ответил Филипп. — Зачем, по-вашему, сюда пришли люди? Они хотят меня увидеть, а я хочу помахать им рукой.

Тогда вмешалась Сельва Рузвельт, шеф протокольного отдела:

— Сэр, сотрудники секретной службы просто делают свою работу. Если с вами что-нибудь случится, виноваты будут они. Пожалуйста, не срывайте на них свое дурное настроение. Они получили приказ и стараются его выполнить.

Когда Филипп вышел из машины, он захлопнул дверцу прямо перед Сельвой. Через несколько часов, во время обеда, он принес ей свои извинения.

По дороге из Сан-Диего в Сан-Франциско и на ранчо Рейгана в Санта-Барбаре герцог возмущался секретной службой.

— Проклятые бабуины!.. — брюзжал он королеве, которую не меньше раздражали дополнительные меры безопасности.

Она тоже была недовольна, но сохраняла молчание. Елизавета приехала в США с визитом доброй воли уже в пятый раз. В ее задачу входило упрочить особые отношения между двумя странами — такое напутствие дало ей правительство Великобритании. Британский премьер-министр Маргарет Тэтчер имела сходные политические взгляды с Рональдом Рейганом; она нуждалась в помощи США и потому послала королевскую чету в Америку, которая всегда с удовольствием принимала британских монархов.

Рейган поддержал Тэтчер, когда британские войска высадились на Фолклендских островах в 1982 году, чтобы потребовать их обратно у Аргентины. Цена: 237 британских солдат и 3,7 миллиарда долларов. Большинство людей считали, что Британия слишком бедна и пассивна, чтобы нанести такой удар, поэтому вторжение подняло престиж страны. Капитуляция Аргентины в июне 1982 года позволила волевому премьер-министру получить прозвище Железной леди. Принц Эндрю, любимый сын королевы, пилотировал тяжелый вертолет и вернулся с войны героем.

«Особые отношения» между Лондоном и Вашингтоном несколько ухудшились после того, как США оккупировали Гренаду, бывшую британскую колонию в Карибском море, которая оставалась частью Британского Содружества. Как королева Англии, Елизавета II оставалась королевой Гренады и не могла поддерживать захватчиков, даже если они и являлись союзниками. «Она крайне недовольна Рональдом Рейганом в связи с этим актом», — заявил представитель лейбористской партии. Королева призвала Маргарет Тэтчер во дворец и потребовала объяснений: почему Ее Величество узнала о вторжении в Гренаду не от премьер-министра, а от Би-би-си? Миссис Тэтчер ответила, что сама ничего не знала, пока несколько минут назад не позвонила президенту. «Это — мягкое вторжение», — заверил ее Рейган, который объяснил, что придется эвакуировать тысячу американских граждан в случае прихода к власти коммунистов. Миссис Тэтчер сказала королеве, что она тоже расстроена, но Британия не станет осуждать вторжение. «Мы союзники США и будем продолжать их поддерживать, — заявила

премьер-министр. — Соединенные Штаты — главный гарант свободы Европы».

Королева продемонстрировала свое недовольствие премьер-министру, не предложив ей сесть. Впоследствии Елизавета так рассказывала о реакции Тэтчер: «Только два реверанса в ту нашу встречу». Преувеличенный апломб премьер-министра, которая называла себя «мы», забавлял королевскую семью. Принц Филипп презрительно отзывался о ней как о «дочери зеленщика», потому что Маргарет Тэтчер родилась в квартире, которая располагалась над семейной бакалейной лавкой в Грэнтеме. Королева, которая славилась своим искусством перевоплощения, любила изображать Маргарет Тэтчер. Больше всего Елизавете нравилось показывать, как премьер-министр посещала дом для престарелых.

«Вы знаете, кто я такая?» — спрашивала королева, имитируя претенциозный акцент Тэтчер и показывая, как она жмет руку пожилого обитателя дома престарелых.

«Нет, — отвечал смущенный старик, — но если вы спросите старшую сестру, она вам расскажет».

Хотя однажды шутка обернулась против королевы. Рассказывают историю — скорее всего правдивую, — как некий дипломат Содружества отправился в Букингемский дворец, чтобы предъявить свои верительные грамоты. Когда королеве показалось, что он ушел, она начала его передразнивать, но тут, к собственному смущению, заметила, что дипломат все еще не покинул зал для аудиенций.

— Совсем неплохо, мадам, — вежливо заметил он и поклонился, — совсем неплохо.

Пресс-секретарь королевы всячески подчеркивал, что у Елизаветы имеется чувство юмора, ко-

торый часто пробивался сквозь суровое обличье королевы. Он узнал, что королевская семья называет Елизавету «мисс Поросячье личико», когда она начинала скучать или казалась недовольной. Она и сама могла посмеяться над собой. Просматривая видеофильм о королевском бракосочетании, она позвала мужа: «Филипп, иди сюда, взгляни. У меня здесь опять мое «Поросячье личико».

«Иногда — не всегда, конечно — Ее Величество получала удовольствие, наблюдая за изображающей ее в «Спиттинг имэдж» куклой», — сказал пресс-секретарь королевы, имея в виду сатирическое телевизионное шоу, в котором использовались резиновые куклы, изображающие членов королевской семьи и других известных личностей. Один из скетчей особенно понравился королеве. Резиновая карикатура на премьер-министра — сильно наруганные щеки, острый нос, прилизанные волосы — разговаривала с куклой-королевой, одетой в унылый свитер и старушечий платок, повязанный поверх короны.

— Во всяком случае, мы не ходим с важным видом в нелепых маленьких шапочках, — заявила кукла Маргарет Тэтчер.

— Но ты была бы не против, не так ли? — отпарировала кукла-королева.

Отношения королевы и Маргарет Тэтчер всегда носили ровный и официальный характер, но никогда не были такими теплыми и близкими, как с Уинстоном Черчиллем и Гарольдом Уилсоном. Отчасти проблема заключалась в том, что королева предпочитала мужчин. «Она считает, что женщина, по определению, всегда уступает мужчине», — говорил британский историк Дэвид Кэннадайн. «Другая часть проблемы заключалась

в самой Маргарет Тэтчер, — сказал принц Чарльз своему биографу. — Она вела себя слишком жестко». Принц описывал премьер-министра редактору «Санди экспресс» как «немного похожую на школьную учительницу». Чарльз со временем настолько разочаровался в консервативной политике Тэтчер, что даже отправил послание королеве, в котором просил ее что-нибудь сделать, прежде чем премьер-министр окончательно погубит страну. Королева, которая была согласна с сыном, ничего не могла предпринять — ей оставалось лишь разделять свое неудовольствие с другими лидерами Британского Содружества.

«Ее Величество тревожит политика Маргарет Тэтчер, — говорил бывший премьер-министр Австралии Роберт Хок. — Она считает ее опасной». Во время обеда с лордом Шокроссом королева высказалась весьма критично в адрес своего премьер-министра, поскольку Маргарет Тэтчер изменила своему слову и отказала в политическом убежище шаху Ирана. «Если уж слово дано, — заявила королева, — его следует держать».

Несмотря на свои чувства, королева наградила Маргарет Тэтчер орденом Подвязки, когда та покинула свой пост. Орден, пожалованный лишь двадцати четырем гражданам, являлся высшим рыцарским отличием, которым монарх обычно оценивал премьер-министра, ушедшего в отставку добровольно, а не в результате проигранных выборов. Тэтчер ушла со своего поста в 1990 году.

В свою очередь, Маргарет Тэтчер с сомнением относилась к политическим убеждениям королевы и даже сказала одному из своих референтов, что Ее Величество «не одна из нас». Железная леди разошлась с королевой во мнениях относи-

тельно осуждения апартеида странами Британского Содружества. Тэтчер не разделяла энтузиазма своего монарха по поводу Содружества; ее гораздо больше беспокоило положение Британии в Европе. Более того: она считала Содружество сборищем жадных нищих.

Королева призналась Энтони Бенну, члену парламента от лейбористов, что презирает страны «Общего рынка» и считает их лидеров грубыми и циничными. В своем дневнике Бенн предположил, что отрицательное отношение королевы вызвано тем, что она не видела себе места в Европейском Союзе. Бенн, республиканец по убеждениям, тоже высмеивал королеву, а однажды заявил, что она неспособна сказать «доброе утро» без бумажки, написанной для нее придворными.

Однако королева, не обращая внимания на взгляды премьер-министра, оставалась верной своим доминионам. И делала все возможное, чтобы укрепить ослабевающую концепцию монархии, особенно в Канаде и Австралии, где были особенно сильны республиканские настроения. К 1982 году она совершила двенадцать королевских турне по Канаде и девять по Австралии. Кроме того, Елизавета обеспечивала постоянное королевское присутствие в этих странах, регулярно посылая туда членов королевской семьи. В 1983 году в Австралию на шесть недель отправились принц и принцесса Уэльские, хотя сначала Диана отказывалась туда ехать. После длительных препирательств она наконец согласилась, но настояла на том, чтобы взять с собой девятимесячного ребенка и его няню.

«Ты же знаешь, как переживает ребенок, — сказала Диана Чарльзу. — Ты чувствовал себя отвратительно, когда мать оставляла тебя на не-

сколько месяцев, а ведь ты тогда был гораздо старше Уиллса». Она напомнила мужу его рассказы о своем одиноком детстве. Диана чувствовала, что Чарльз очень сильно страдал из-за постоянного отсутствия родителей. «Я не позволю, чтобы с Уиллсом произошло то же самое, — заявила она в присутствии придворных. Диана цитировала книги, в которых прочитала о первых двух годах жизни ребенка, когда формируется чувство самоуважения и безопасности. — Я знаю, он еще совсем маленький, — говорила она, — но мальчик нуждается в нашем внимании».

Диана считала, что мать должна поддерживать постоянные контакты с ребенком, или, как она говорила, что «мальчика следует обнимать и ласкать». Она часто пугала няню Барбару Барнс, влетая в детскую в самые неожиданные моменты, например, когда ребенок спал. «Я пришла его поцеловать», — заявляла Диана, брала Уиллса на руки, и он просыпался. Беспокойная мать, она постоянно топталась возле колыбели Уиллса и тревожилась из-за его плача: «А вы уверены, что с ним все будет в порядке?» Няня, которую Уиллс называл «баба», сердилась на принцессу, волнуясь, что Барбара посягает на ее права. Несколько лет спустя Диана почувствовала, что ребенок путает «баба» и «мама», и потому уволила няню.

Когда Чарльз предложил взять с собой ребенка в турне 1983 года, королева высказала сомнения. Но он объяснил, что Диана не хочет расставаться с сыном на целых шесть недель. Королева терпеливо его выслушала и согласилась договориться с Министерством иностранных дел, чтобы королевская чета могла путешествовать с ребенком. И все-таки королева тревожилась.

Поведение Дианы беспокоило королеву, в особенности со времени поездки принцессы в Австрию на лыжный курорт, состоявшейся за несколько месяцев до турне. Принц и принцесса привлекали множество папарацци, которые толпились на склонах гор, в магазинах и ресторанах, повсюду устраивая неразбериху. Расталкивая друг друга, они пытались подобраться поближе к королевской чете. Журналисты отпихивали в сторону туристов, которые с интересом глазели на происходящее. Создавалось впечатление, что город наводнен безумцами с микрофонами и фотоаппаратами в руках. Репортеры, которым ужасно хотелось снять Диану, выламывали двери и разбивали окна магазинов, преследуя принцессу. Только вмешательство полиции позволяло восстановить порядок.

Если раньше Диана всегда вела себя с репортерами доброжелательно, то теперь отказывалась им позировать. Ее страшно раздражал постоянный и навязчивый интерес с их стороны, где бы она ни появлялась. Она прятала лицо в воротник пальто, засовывала руки в карманы и опускала голову. Надвигала лыжную шапочку на глаза, носила большие очки и отказывалась улыбаться.

Когда они оказались на склоне горы, Чарльз убеждал ее не мешать журналистам.

— Пожалуйста, дорогая, пожалуйста, — просил он. — Улыбнись им, и нас оставят в покое.

Однако Диана продолжала опускать глаза.

— Пожалуйста, не прячь лицо, — умолял он, наклонившись к Диане.

Она напряглась и отвернулась, опустив лицо.

— Диана, ты ведешь себя глупо, — раздраженно заявил Чарльз. — Пожалуйста, дорогая, взгляни на них.

Однако принцесса не поднимала глаз.

— Ваше Королевское Высочество, — просил один из фоторепортеров, — одну маленькую улыбку. Как в старое доброе время.

Диана закрыла лицо руками и простояла так пять минут, еще больше рассердив Чарльза и огорчив репортеров.

Фотографии мрачной принцессы и ее мрачного мужа ежедневно появлялись в британской прессе рядом с рассказами о волнениях, которые вызвала Диана: здесь были репортажи об автомобильных гонках со скоростью сто миль в час, когда принцесса пыталась ускользнуть от репортеров; о блондинках, которых она посылала, чтобы отвлечь фотографов; о баррикадах и барьерах для прессы; о пострадавших репортерах и фотографах, вынужденных съехать с дороги. Когда королева прочитала о британском фотографе, избитом до крови королевским телохранителем, она послала одного из своих придворных, чтобы он успокоил пострадавшую сторону.

Виктор Чэпмен, канадский дипломат с отличным чувством юмора, вылетел в тот день в Лихтенштейн вместе с Фрэнсисом Корнишем, принадлежащим к окружению Чарльза, чтобы договориться с принцессой. Во время встречи с королевской четой Корниш напомнил Диане о ее обязанностях принцессы. Он сурово сказал ей, что она должна нормально общаться с журналистами — хотя бы ради Ее Величества. Диана, которая больше не могла терпеть придворных, не обращала на Корниша ни малейшего внимания, однако ответила на легкий флирт Чэпмена, подмигнувшего ей во время строгой отповеди.

«Вик очень приятный человек, — вспоминал один из его друзей. — Он был дважды женат и имеет пятерых дочерей. Он любил женщин и прекрасно знал, как следует вести себя с Дианой, — льстил, уговаривал и поддразнивал».

В то время принцесса Уэльская находилась в угнетенном психологическом состоянии. Но выглядела великолепно, ей удалось сильно похудеть (она сбросила 53 фунта, набранные во время беременности). Диана каждый день отправлялась за покупками, чтобы как-то отвлечься от грызущего чувства голода. Результат получился поразительный. Диана прекрасно знала, что стиль имеет для принцессы большое значение, и была полна решимости стать самой хорошо одетой принцессой Уэльской в истории. Внутреннее содержание придет позже; сейчас же она хотела создать ошеломительное первое впечатление. Она изучала все свои снимки в газетах и самым внимательным образом прочитывала комментарии по поводу своей одежды. Консультировалась с редакторами модных журналов и кутюрье. Диана дала им понять, что собирается придать стиль и блеск своей роли, чтобы отличаться от остальных женщин Виндзора с их белыми сумочками, шляпками и туфлями на толстой платформе. С блестящими светлыми волосами, всегда загорелая, она выглядела привлекательной как кинозвезда. «Великолепная — вот единственное слово, которое для нее подходит, — вздыхал журнал «Vog». — Великолепная настолько, что сердце замирает, когда смотришь на нее».

Конечно, совсем немногие подозревали, что принцесса больна булимией или что она страдает от послеродовой депрессии. Во дворце считали, что она просто избалованна и истерична. Позднее

Диана призналась Чэпмену, что ей ужасно надоело исполнять королевские обязанности и она собирается забеременеть еще раз, как только ей представится такая возможность. «Уж лучше я буду есть и рожать детей*, чем собирать букеты», — заявила она.

«Я совершенно с вами согласен, мадам, — ответил он, — но, пожалуйста, давайте пока оставим эту информацию при себе и не станем делиться ею с Фрэнсисом [Корнишем]». У Чэпмена установились такие теплые отношения с Дианой, что королева послала его вместе с королевской четой в австралийское турне в 1983 году.

«Именно там ему удалось коренным образом изменить взгляды Дианы, — заявила женщина, также принимавшая участие в турне. — Вик научил ее быть принцессой. Он наставлял ее:

— Было бы очень мило, если бы вы станцевали с мужем перед объективами камер, — сказал он перед благотворительной вечеринкой в отеле «Южный Крест» в Мельбурне. Диана сделала недовольное лицо, но он продолжал: — Потанцуйте себе на радость. Покажите им, что у вас есть стиль. — Он льстил Диане, заверив ее, что она танцует просто великолепно.

— Лучше всех? — спросила она.

Вик рассмеялся.

— Да, лучше всех — после дамы Марго Фонтейн. Да и то только потому, что она заполучила в партнеры Нуриева.

* Через несколько месяцев принцесса Диана забеременела и объявила эту новость королевской семье в Балморале. Королева приказала подать шампанское, чтобы отпраздновать радостное событие. Через неделю у Дианы случился выкидыш. В третий раз она забеременела в 1983 году и родила принца Генри 15 сентября 1984 года. — *Примеч. авт.*

Диана ответила, что ей-то в партнеры достался Чарльз, который признался, что ненавидит момент, когда ему приходится подниматься после окончания официального обеда и танцевать на глазах у всех. «Уверяю вас, — сказал как-то он, — у меня сердце уходит в пятки оттого, что приходится выставлять себя напоказ, да еще на глазах у такого количества зрителей».

Вик заигрывал с Дианой. Он действовал на нее расслабляюще. Она состроила ему гримасу за спиной у придворной дамы, которая возилась с украшениями для предстоящей вечеринки. Диана взяла ожерелье и попыталась надеть его через голову, не открыв замочка. Однако оно застряло, зацепившись за нос.

— У меня слишком длинный клюв, — заявила она.

Вик расхохотался.

— Оставьте его там, — предложил он. — Вы молоды и остроумны. Будьте собой. Все они хотят только одного — иметь красивую принцессу. Они полюбят вас.

Так оно и вышло. Фотография танцующих Чарльза и Дианы успокоила британцев, уже начавших беспокоиться о своей принцессе, у которой, как оказалось, тоже есть недостатки. С изумрудами королевы Марии, украшавшими волосы, Диана произвела настоящий фурор.

Когда турне закончилось, Диана подарила своей придворной даме Анне Бекит-Смит пару дорогих сережек. Надпись на карточке гласила: «Без вас я бы не смогла этого сделать».

Проблемы принцессы больше не существовало, но принц казался не очень довольным. «У нас неприятности, — признался Чэпмен своей подру-

ге Каролин Таунсенд, когда вернулся в Англию. — Она стала слишком популярной, и ему это совсем не нравится».

Принц не понимал привлекательности своей жены. Он ожидал, что все оценят его ум выше ее красоты. У него вызывал раздражение восторг толпы, которая хотела видеть Диану, а не его самого. Он страдал, когда люди переходили на другую сторону улицы, чтобы оказаться рядом с ней, а не с ним. Поскольку Диана выглядела, как ангел, и ее удивительным образом окружала аура принцессы из волшебной сказки, она явилась воплощением мечты многих людей. Чарльз попросту не был на такое способен. И завидовал. Диана извлекала на поверхность чувства, которые находились в подсознании людей, где живут сказки о безупречном идеале, достойном обожания. Титул Ее Королевское Высочество, который Диана получила после замужества, поднял ее в глазах людей. Как святая, она автоматически стала объектом поклонения, достойным любви. Она научилась подавать себя, а красота в сочетании с естественной теплотой наделила ее магнетической привлекательностью. Чарльз, несмотря на все свои многочисленные достоинства, выглядел скучным; Диана казалась ослепительной.

«Одно из редких истинных обобщений, — писал Саймон Сибэг Монтефиоре в «Сайкологджи тудей», — состоит в том, что все народы, включая британцев и американцев, стараются бороться со скукой повседневной жизни, восхищаясь блеском своих владык и презирая их недостатки».

Поэтому — как и Жаклин Кеннеди-Онассис и принцесса Грейс из Монако до нее — принцесса Уэльская стала фокусом, в котором сходилась ин-

терес множества людей. Ее стали воспринимать как удивительное явление, и она превратилась в объект массового поклонения и истерии. Люди выстраивались на улицах и ждали долгие часы только для того, чтобы один разок взглянуть на принцессу Диану. Они протягивали к ней руки, надеясь ее коснуться, и чувствовали себя счастливыми, если она им улыбалась. В отличие от своего серьезного мужа Диана волновала людей. От нее исходило сияние, как от кинозвезды, и Чарльз не мог этого выдержать.

«Вик видел, что конфликт начал развиваться еще в Австралии, — вспоминала Таунсенд, — поэтому он попытался исправить положение, в котором оказался Чарльз. Вик предложил принцу сделать несколько остроумных замечаний на прощальном банкете в Окленде, в стиле президента Кеннеди, когда тот заявил, что чувствовал себя человеком, который сопровождал Жаклин Кеннеди в Париж, и наслаждался каждой минутой турне. Но Чарльз не был Джоном Ф. Кеннеди».

Всякий раз, когда принц пытался казаться скромным, он выглядел напряженно и неестественно. Заметив, как кто-то размахивает букетом цветов, надеясь передать его Диане, Чарльз предложил это сделать. «Сегодня я всего лишь собиратель букетов», — сказал он. Его манера заставляла вспомнить о грешнике, который видит искупление в насмешках над собой, но неспособен поверить в него. Хотя Чарльз явно чувствовал себя неудобно, когда пытался посмеяться над собой, он не оставлял попыток. «Я пришел к выводу, что было бы гораздо легче иметь двух жен, — заявил он. — Тогда бы они могли идти по обеим сторонам улицы, а я бы двигался посредине и руководил операцией».

Поскольку говорил принц Уэльский, все рассмелялись. Однако Чэпмен знал, как трудно для Чарльза отступить в сторону и позволить Диане быть звездой.

«Вик отправился с нами в загородную резиденцию, — вспоминала Таунсенд. — Поздно вечером позвонил принц Уэльский, который беспокоился из-за появившейся в газете статьи с негативными отзывами.

— Тут ничего не поделаешь, — проговорил Вик.

А остальные придворные суетились вокруг Чарльза и повторяли:

— О да, Ваше Королевское Высочество, вы абсолютно правы, сэр. Такая чепуха. Просто возмутительно. В самом деле. Да, сэр. Да, сэр. Какое безобразие.

Но только не Вик. Он говорил Чарльзу все, как оно есть.

Диана кусала ногти — она всегда так делала, когда тревожилась: статьи в бульварных газетах наверняка вызовут недовольство дворца. Однажды принцесса сделала себе новую прическу и, к несчастью, превзошла королеву, которая открывала парламентские слушания. Принцесса Маргарет пришла в ярость и что-то сказала Чарльзу, а тот, в свою очередь, устроил Диане грандиозный скандал. Бедняжка, в те дни ей оставалось лишь трепетать. Диану выдавали ногти: если они оказывались короткими и неровными, значит, у нее возникли неприятности».

Британская пресса писала, что за три года замужества Диана произнесла всего пятьсот слов на публике. Она боялась выступать с речами или появляться без мужа. Первый раз Диана выступила

не в Англии, а во Франции, когда прибыла на похороны Грейс, принцессы Монако. Хотя они встречались всего один раз, Диана посчитала себя ее другом. «Между нами возник контакт», — заявила Диана ее дочери Каролин. Диана, верившая в астрологию и в магические числа, чувствовала, что она и принцесса Монако родились под одной звездой и разделяют некие мистические свойства. В самом деле: обе происходили из распавшихся семей. Обе были третьими детьми. Обе вышли замуж за принцев. Обе были более знаменитыми, чем их мужья. И обоим пришлось дорого за это заплатить.

Диана получила подтверждение своим предположениям, когда через несколько лет Роберт Лейси выпустил биографическую книгу, которую назвал «Грейс». Лейси рассказал о склонности принцессы к алкоголизму, неудачном браке и многочисленных изменах. Диана заявила, что книга сделала достоверными многие ее интуитивные догадки. Когда в 1982 году Грейс умерла, Диане пришлось сражаться за разрешение отправиться на похороны. Дворец не хотел, чтобы она поехала во Францию, в то время как никто из королевской семьи не выразил такого желания. Впоследствии Диана говорила, что восторженные отзывы прессы убедили ее в том, что она приняла правильное решение.

Чарльза больше беспокоило, как получить похвалу своим собственным добрым делам. Он заявил, что был первым членом королевской семьи, который сдал свою кровь, но никто не обратил внимания на его подвиг. «Я намеревался успокоить доноров, поскольку из-за СПИДа количество донорской крови заметно уменьшилось, но прес-

су гораздо больше интересовали новые платья Дианы, — жаловался он своему конюшему. — Журналисты такие мерзавцы — проклятые бумагомаратели, все до единого!»

Его конюший видел, как сильно принц Уэльский мечтает о том, чтобы общественность оценила его добрые дела. «Я хотел бы быть Бобом Гелдофом», — сказал Чарльз после того, как ирландского рок-музыканта осыпали похвалами за то, что он сумел собрать миллионы долларов для голодающих в Эфиопии.

Для того чтобы угодить принцу, конюший позвонил репортеру и упомянул в разговоре с ним, что Чарльз носит карточку донора, которая разрешает использовать его органы для операций по спасению человеческих жизней. Репортер написал статью, но никто не обратил на нее внимания, поскольку Диана в тот же вечер появилась в новом, расшитом серебряными блестками платье, прикрывающем лишь одно плечо, и первые полосы газет пестрели ее фотографиями.

Через несколько дней упорный конюший позвонил на радио Би-би-си и рассказал, что принц изучает причины роста преступности в центральных городах. Он отметил, что Чарльз целую ночь провел на темных улицах Лондона, посещая приюты и разговаривая с бездомными.

Играющий в поло принц видел себя человеком народа, но его сестра сказала, что он «слишком важный» для этой роли. Она отметила, что весь персонал в Хайгроуве должен носить специальную униформу, включающую плюмаж из трех страусовых перьев, и кланяться всякий раз, когда они обращаются к принцу. Выходить из комнаты слуги должны, пятась задом. Лакей, прослуживший у

Чарльза двенадцать лет, с ней полностью согласился. «Мне повезло: я хорошо знал принца, — вспоминал Стивен Бэрри, — но мне никогда не удавалось забыть, что он хозяин, а я — слуга».

Чарльз не понимал абсурдности своего поведения, когда призывал к экономии топлива, а сам ездил на «бентли», поглощающем очень много бензина. Он называл себя фермером-джентльменом, которому приходится заниматься перестройкой и модернизацией городов — когда он покидает свое загородное поместье. Хотя Чарльз был одним из самых богатых людей в мире, он всегда проявлял интерес к беднякам. Он продемонстрировал его во время своего двухдневного визита в Соединенные Штаты: первый день он потратил на осмотр трущоб Питсбурга, а во второй играл в поло в Палм-Бич. После таких нагрузок он полетел отдохнуть в Швейцарию на лыжный курорт.

В Англии Чарльз с удовольствием принимал участие в открытых политических дебатах. Он сразу ухватился за представившуюся ему возможность в мае 1984 года, выступив с речью в Королевском институте британских архитекторов по случаю 150-й годовщины этого учреждения. Архитекторы ожидали, что их будут восхвалять, но принц Уэльский обрушился на них, критикуя за элитарность. Он заявил, что их невозможные проекты игнорируют чувства и пожелания простых людей. В качестве примера он привел крыло из стекла и стали Национальной художественной галереи в Лондоне. Чарльз назвал проект «чудовищным карбункулом на лице любимого и элегантного друга».

Его речь попала на первые страницы британских газет, и он был очень доволен, когда узнал, что проект нового крыла не принят. «Я много

трудился, чтобы достойно исполнять роль принца Уэльского, — сказал он издателю «Санди телеграф» во время совместного завтрака. — Я чувствую, что должен совершать поступки, которые могут послужить толчком к пробуждению сознания нации, булавочным уколом, стимулирующим ее реакцию». Некоторые архитекторы говорили, что последняя часть в большей степени соответствует действительности.

«Позднее я почувствовал, что должен оспорить его мнение, — заявил Гордон Грэм, бывший президент Королевского института британских архитекторов. — Я сделал это вежливо, но достаточно твердо». Грэм утверждал, что после его выступления королевская семья не продемонстрировала ему своего неудовольствия, но друзья с ним не согласились.

«Чепуха, — заявил Ян Коултер, международный консультант, который в свое время работал с Рэндольфом Черчиллем. — Гордон Грэм потерял свой шанс получить рыцарское звание после той речи. Публично выступив против наследника престола, он замахнулся на самую большую мельницу в нашем государстве. Если король-солнце оборачивается к тебе спиной, ты оказываешься в его тени. Стоит вам лишиться королевской поддержки, и вы мертвец».

Чарльз понимал свое могущество, но не переносил критики. Он привык к неумеренным похвалам, но вот уже несколько месяцев журналы и газеты смеялись над ним, его женой и браком. В «Вэнити фэйр» говорилось, что он «навек победен милой кошечкой». Его любовница называла Диану мышкой, но остальные считали ее королевской кошкой. Она провела чистку персона-

ла Чарльза, в результате которой около сорока человек лишились работы или ушли в отставку сами. Принцесса избавилась от «розовой мафии», как она называла гомосексуалистов из персонала Чарльза, потому что не хотела, чтобы они находились рядом с ее юными сыновьями. Она даже изгнала старого лабрадора из-за того, что собака страдала недержанием.

Диану, как и Чарльза, раздражали бесконечные заметки в бульварных газетах о ее «непреодолимом стремлении к бесконечным покупкам» и «огромных суммах денег», которые она «промаывает» на «высокую моду». Одна из газет подсчитала, что с тех пор, как Диана начала консультироваться у британского «Вог», она потратила 1,4 миллиона долларов на 373 полных комплекта одежды, куда входили шляпы, пояса, туфли и сумочки.

«Это неправда, неправда! — стонала Диана. — Поначалу я действительно покупала множество новых вещей, потому что во время турне приходится переодеваться по три или четыре раза в день. Я должна была покупать новые вещи. Не могла же я ходить в леопардовой шкуре».

Шкафы с ее одеждой занимали шесть комнат в Кенсингтонском дворце. Одна комната была полностью посвящена туфлям. «Триста двадцать пар, — радостно заявила она своей подруге Саре Фергюсон, — не считая спортивной обуви».

Довольно быстро Диана научилась посылать свои счета за одежду, которую она носила во время королевских турне, в Министерство иностранных дел. За шестнадцатидневную поездку в Оман, Катар, Бахрейн и Саудовскую Аравию счета составили 122 000 долларов.

Диану огорчали истории о том, как она превратилась из романтической и наивной девственницы в самовлюбленную ведьму. Ее не совсем справедливо обвиняли в том, что из-за нее Чарльз стал мрачным мистиком, которому больше не разрешалось охотиться и стрелять.

Чарльз постоянно злился из-за того, как средства массовой информации освещали его деятельность. Бульварные газеты он не читал, называя их «дешевыми, грязными листками». Однако жаловался, что серьезные газеты, которые он действительно внимательно просматривал, неадекватно комментировали его достойные поступки. Он жаловался редактору «Санди телеграф» Перегрину Уорстхорну: «Иногда я думаю, почему бы мне не собрать вещи и не посвятить все свое время игре в поло».

Как и политики, которые живут и умирают в соответствии с опросами общественного мнения, Чарльз и Диана мучительно пытались найти выход из создавшегося положения. Они ко всем обращались за советом, запрашивали даже представителей партии тори в парламенте, редакторов газет, умеющих хранить тайны, и придворных. Пытались получить квалифицированную помощь от адвокатов и специалистов по работе со средствами массовой информации, приглашая всех в Кенсингтонский дворец — в надежде услышать что-нибудь полезное.

«В ноябре 1984 года меня позвали на завтрак, — написал в своих мемуарах Джон Джунон, бывший редактор «Санди экспресс». — Принц заявил, что Диане пора начинать давать интервью. Однако потом он добавил: «Может быть, немного позднее, когда она наберется опыта».

Принцесса согласилась. «К сожалению, я ненавижу звук собственного голоса, — призналась она. — Просто не могу его переносить. Когда я выступала на прошлой неделе, а потом прослушала запись, то просто не могла поверить своим ушам. Казалось, это говорил кто-то другой».

Принц рассмеялся: «Я чувствую себя точно так же. Просто невозможно признать, что этот манерный голос, такой подчеркнуто аристократический, исходит от меня».

Чарльз попросил у Джунора совета. Как вести себя с представителями прессы? Как бороться с «идиотскими историями», которые появляются в газетах? Принц долго говорил о том, что его волнует: неблагоприятное положение молодежи, неадекватность англиканской церкви, — а редактор слушал. Диана молчала до тех пор, пока Джунок не повернулся к ней, чтобы вовлечь ее в разговор.

«Дорогая, мне так жаль, — проговорил Чарльз. — Я говорил без остановки. Ты что-то хотела сказать?»

Принцесса кивнула. И вылила на Джунора свое неудовольствие тем, что ее обвиняют в давлении на мужа и в том, что она не позволяет ему охотиться.

«Меня это тоже сердит, — вмешался принц. — На самом деле жена не имеет никакого отношения к моей охоте. В действительности Диана любит охотиться. А я стал противником подобных развлечений».

Другому журналисту Диана сказала: «Он сам принял такое решение. Я выросла на природе и люблю охоту. Во время нашего медового месяца я подстрелила оленя в Балморале. Мне кажется, что Чарльз слегка помешался на охране дикой природы».

Очарованный принцессой, Джон Джунор сохранил некоторые сомнения относительно принца: «Чарльз производил впечатление серьезного, возможно, даже слишком серьезного молодого человека, поглощенного идеей служения нации. Существует опасность, что он может подавить жену или, что еще хуже, ей наскучить».

После долгих консультаций с разными советниками, среди которых был и астролог, принц и принцесса решили выступить по телевидению. Они заявили, что хотят дать интервью («Журналист должен вести себя уважительно», — заранее предупредил Чарльз), чтобы они могли предстать перед людьми в своем истинном виде, не искаженном субъективностью газетных репортеров. «Пусть все увидят нас такими, какие мы есть», — сказала Диана. В обмен «Независимое телевидение» обещало им возможность редакторской правки и мягкое освещение. «Я не хочу, чтобы моя лысина ослепила зрителей», — пошутил Чарльз.

Они пригласили сэра Ричарда Атенборо, известного кинорежиссера, чтобы он проинструктировал Чарльза и Диану. Под его руководством они стали первоклассными иллюзионистами. Чарльз играл романтического героя, Диана изображала хорошенькую инженерю. Два маленьких принца, Уиллс и Генри, создавали необходимый фон. Как будущий король, Чарльз должен был выглядеть сильным, решительным и достойным доверия. Роль Дианы заключалась в том, чтобы во всем его поддерживать. К октябрю 1985 года они в совершенстве овладели своими партиями.

«Люди ждут от нас многого, — серьезно начал Чарльз, — и я всегда об этом помню. Я уверен, что ты тоже, дорогая. Мы не хотим обмануть на-

дежды британцев». Диана кротко посмотрела на него и кивнула.

Потом принцессу спросили о том, как она понимает свою роль. «Поддерживать мужа, — ответила она. — Всегда находиться рядом с ним. И, что еще важнее, быть женой и матерью».

Сорок пять минут они вели себя абсолютно безупречно. Диана сказала, что никогда не соблюдает диету; он заявил, что даже не знает, как выглядит планшетка для спиритических сеансов. Она отрицала, что помешана на бесконечных покупках; он не занимается гомеопатией. Она сообщила об огромном уважении, которое питает к принцессе Анне. Он заявил, что имеет весьма широкие взгляды на архитектуру.

Когда ведущий деликатно коснулся слухов о том, что Диана диктует вкусы Чарльзу, она изобразила удивление. «Иногда я выбираю для мужа галстук, — ответила она. — Но на этом мое вмешательство и заканчивается». Позднее она рассказывала, что Чарльз рассмеялся, когда услышал ее ответ, вспомнив отчаянные попытки Дианы изменить его манеру одеваться. Она проводила целые дни, разбирая вещи, откладывая в сторону гладкие синие рубашки — «они такие скучные» — и заменяя их на полосатые от «Тернбулл и Ассер», отказываясь от пиджаков с одной пуговицей в пользу двубортных блейзеров, выбрасывая туфли из кордовской кожи со шнурками — «слишком консервативные» — и заменяя их на мягкие мокасины с кисточками. Она даже послала Чарльза к своему парикмахеру с инструкциями о том, как уложить волосы феном: «Скрыть лысину». Поскольку у Чарльза были большие уши, она не ре-

комендовала ему носить шляпы. «Ты становишься похожим на «фольксваген» с двумя открытыми дверцами».

На телевизионном экране королевская чета демонстрировала дружеские отношения и даже некоторую игривость, что должно было положить конец слухам о возникших в их браке проблемах. Они слегка подтрунивали друг над другом, часто улыбались и совершенно очаровали зрителей. Позднее интервью показали по американскому телевидению, как раз в то время, когда в 1985 году супружеская чета отправилась с официальным визитом в Вашингтон. Диана впервые собиралась в Америку, поэтому королева послала своего пресс-секретаря в Соединенные Штаты, чтобы он руководил ее общением со средствами массовой информации. Майкл Ши объяснил американским репортерам, как им следует себя вести, предупредив, что они должны задавать свои вопросы только принцу и ни в коем случае не принцессе. «Она не станет на них отвечать, — заверил их Майкл Ши, — так что даже не пытайтесь».

За время двухдневного турне Диана не сделала ни одного официального заявления. Когда они уже уезжали, у нее спросили, как ей понравился Вашингтон.

— Очень понравился, — тихо проговорила она, — я...

— Выступая от лица жены, — перебил Диану громоподобным голосом Чарльз, — могу вас заверить, что леди Диана считает ваш город просто замечательным.

Ши укоризненно посмотрел на репортера, который осмелился обратиться с вопросом к принцессе, а не к принцу. Репортер закатил глаза.

— Ну, тогда скажите, сэр, — проговорил журналист, глядя на Чарльза, — понравился ли принцессе обед в Белом доме?

— Я полагаю, ты получила большое удовольствие, не так ли, дорогая? — ответил Чарльз. — Нужно быть последней идиоткой, чтобы не получить удовольствия от танца с Джоном Траволтой, не правда ли?

За несколько дней до обеда, который Рейган устраивал для королевской четы, жена президента приказала оркестру морской пехоты отрепетировать песню из «Субботней лихорадки», чтобы голливудская звезда Джон Траволта мог пригласить на танец в Большом фойе Белого дома принцессу. Зная, что Диана когда-то мечтала стать балериной, миссис Рейган посадила ее рядом с Михаилом Барышниковым, руководителем и режиссером Американского театра балета. Первая леди также пригласила любимых звезд Дианы: Нейла Даймонда, Тома Селлека и Клинта Иствуда. И хотя республиканка первая леди прекрасно относилась к Чарльзу, она не позвала на обед кинозвезду, которой он восхищался, — Барбару Стрейзанд, — потому что та придерживалась взглядов либеральных демократов. По счастливому совпадению, все обожаемые принцессой кинозвезды оказались республиканцами, которые поддерживали Рональда Рейгана.

Однако президент и первая леди не произвели на принцессу особого впечатления. Диана среди друзей называла Рейгана «Хорликсом» — словечко, которым она пользовалась для обозначения старого и надоедливого человека, а Эндрю Нейлу (редактору лондонской «Санди таймс») призналась, что считает Нэнси Рейган вульгарной аме-

риканкой. Диана заявила, что единственная причина, по которой первая леди прилетала в Лондон год назад, заключалась в том, что она хотела сфотографироваться вместе с королевской четой и принцем Уильямом.

В Белом доме президент заявил, что первый танец с принцессой принадлежит ему, и ей пришлось прикусить губу, чтобы не рассмеяться, когда он во время послеобеденного разговора неверно произнес ее имя. Встав, чтобы поприветствовать королевскую чету, Рейган предложил тост за принца Чарльза и «его прелестную леди, принцессу Дэвид». Он тут же поправился и назвал ее «принцессой Дайаной».

— Что он сказал? — прошептала балерина Сюзан Фаррелл. — Кажется, он назвал ее принцессой Дэвид?!

— Не беспокойтесь, — ответил актер Питер Устинов. — Просто он размышляет о предстоящем уик-энде в Кэмп-Диане*.

Обед в Белом доме в честь королевской четы был назван самым замечательным приемом года. Но на британский журналистский корпус он не произвел особого впечатления. Они посмеивались над Рейганами за то, что те неустанно пытались общаться с особами королевской крови, и критиковали за лень американских журналистов. «Они даже не научились дежурить у крыльца, — заметил Джеймс Уитакер из «Дейли миррор». Уитакер и его коллеги гордились тем, что умели преследовать тех, кто не хотел давать им интервью, до самых дверей. Миссис Рейган запретила осве-

* Смысл шутки в том, что актер искажил название загородной резиденции президентов Кэмп-Дэвид.

щать в прессе обед и танцы, поэтому британские журналисты отправились вслед за кинозвездами в их отели. «Мы устроили им засаду, — гордо рассказывал Уитакер. — А американские репортеры вели себя так, будто им наплевать. Они отправились спать. Неописуемо ленивые типы». Со своей стороны американские журналисты заявили, что, хотя британцы и выглядят цивилизованно, ведут они себя как настоящие животные.

Корреспондент Би-би-си задал презрительный тон британским средствам массовой информации во время освещения пребывания королевской четы в Белом доме: «Президент Рейган приветствовал принца и принцессу, надев клетчатый пиджак, удивительным образом напоминающий ковер в замке Балморал».

Тем же вечером, после того как королевская чета и Рейганы станцевали первый танец, первая леди подошла к Траволте.

— Время пришло, Джон, — сказала она.

Траволта подошел к столику, за которым сидела принцесса, и пригласил ее на танец.

«Я затрепетала», — вспоминала потом Диана.

Все замолчали и принялись наблюдать за ними, не обращая ни малейшего внимания на принца Уэльского, который танцевал с балериной Сюзан Фаррелл.

«Принцесса поняла, что наступил особенный момент, — вспоминал Траволта, — и она словно взлетела. У нее великолепное чувство ритма. Мы вращались и делали повороты. У нас получился современный вариант фокстрота, и она уверенно следовала за мной. Леди Диана двигается просто великолепно».

Как только смолкла музыка, гости начали отчаянно аплодировать, и Траволта проводил

Диану до ее столика. Гибкая принцесса, покрасневшая от возбуждения, не могла спокойно сидеть на месте. И прошептала Клинту Иствуду, что мечтает танцевать с мужчиной, который значительно выше ее ростом. Потом она ему призналась, что ей рекомендовали не носить высоких каблуков, чтобы не оказаться выше мужа.

— Вы же выше шести футов, — сказала принцесса актеру с резкими чертами лица.

— Я бы пригласил вас на танец, — заявил Иствуд с непроницаемым лицом, — но вы слишком стары для меня.

— Мне всего двадцать четыре года, — кокетливо проговорила Диана.

— Ладно, — со вздохом проговорил Иствуд, которому уже исполнилось пятьдесят пять. — Сделаю для вас исключение.

Иствуд описал свой танец с Дианой, перефразировав строку из своего знаменитого фильма «Грязный Гарри»: «Она стала главным событием этого дня».

Точно так же, как знаменитости были ослеплены Дианой, она, в свою очередь, радовалась знакомству с ними, в том числе с путешественником Жаком Кусто, фигуристкой Дороти Хэмилл, художником Дэвидом Хокни, гимнасткой из олимпийской команды США Мэри Лу Реттон и актрисой Брук Шилдс. Диана сказала Барышникову, что получила его автограф несколько лет назад, когда он выступал в «Ковент-Гардене».

— Я была одной из тех девушек, которые часами поджидали вас у входа в театр после окончания спектакля, — призналась Диана.

Принцесса спросила у Дороти Хэмилл, есть ли в Америке журналы светской хроники, наподобие

тех, что выходят в Англии. «Они могут быть очень милыми, — заявила Диана. — Сначала задают три симпатичных вопроса, а потом подбрасывают что-нибудь сногшибательное».

Кроме того, она спрашивала о телевизионных ток-шоу и интересовалась подробностями шоу Джонни Карсона «Сегодня».

«Конечно, в разговоре всплыло имя Джоан Риверс, — вспоминает Дороти Хэмилл, сидевшая за одним столом с Дианой. — Но тут вмешался Барышников. «Нет, не делайте этого! Не ходите на шоу Джоан Риверс», — сказал он».

За завтраком на следующий день в Аппервилле, штат Виргиния, в поместье известного филантропа Пола Меллона, британскую королевскую чету познакомили с Каролин Кеннеди и Джоном Ф. Кеннеди-младшим. Через несколько дней на благотворительном балу в Палм-Бич принц и принцесса встретились с Бобом Хоупом, Грегори Пеком и Джоан Коллинз, которая недавно вышла замуж за человека на шестнадцать лет ее моложе. Диана заинтересовалась пятидесятитрехлетней телезвездой из «Династии» и, зажав в углу репортера из «Дейли мейл», принялась расспрашивать его о последней свадьбе Коллинз. «Поразительная женщина! — сказала Диана. — В ее возрасте. Четвертый муж».

В Вашингтоне и Палм-Бич королевскую чету восторженно встречали толпы людей. Молодые девушки непрерывно подпрыгивали и визжали от восторга, когда им удавалось разглядеть Диану. Принцесса Уэльская стала международным идолом. Она вызывала такой же шумный восторг, как звезды рок-музыки. Когда она сопровождала мужа на службу в Вашингтонском кафедральном

соборе, там собралось более двенадцати тысяч людей. «Я думаю, тут все дело в ее шляпке, напоминающей летающую тарелку», — заявил принц Чарльз, указывая на большой диск у жены на макушке.

В беззаботном прощальном тосте в Вашингтоне он сказал: «Один джентльмен из прессы спросил меня — не слишком тактично, я бы сказал, — почему перед собором толпилось больше зевак, чем во время моего предыдущего визита, когда я приезжал один. Ответ, естественно, заключался в том, что всем хотелось увидеть мой новый костюм».

Аудитория оценила его шутку, а когда он упомянул о своей свадьбе как о событии, освященном шоу-бизнесом, все рассмеялись снова.

«Мы с женой приятно поражены удивительным дружеским приемом, который нам здесь оказали, — сказал Чарльз. — Возможно, это из-за того, что четыре года назад, когда состоялась наша свадьба, Голливуд не снял об этом фильма».

Хотя большая часть внимания, конечно же, досталась юной и красивой Диане, Чарльзу удалось очаровать нескольких дам постарше. «Должна признаться, что он мне понравился больше, чем его жена, — написала в своих мемуарах глава протокольного отдела Сельва Рузвельт. — Он хорошо начитан, прекрасно говорит, обладает очарованием своего отца и прекрасным чувством юмора». Однако дочь президента Рейгана, Морин, оказалась более откровенной. «Нам всем страшно понравился Чарльз, — заявила она, — а Диана глупа. Кто-то должен был ей сказать, что ее одурманенный взгляд из-под ресниц не производит никакого впечатления».

К моменту возвращения в Лондон принцесса Уэльская превратилась в живой памятник. Опрос общественного мнения показал, что Диана стала самым привлекательным объектом для туристов — даже более значительным, чем Трафальгарская площадь и здание парламента, вместе взятые. Кто-то подсчитал, что благодаря принцессе Уэльской казна получила доход в 66,6 миллиона долларов от журналов, книг и туристов. Диану прославляли за то, что она единственная из всей королевской семьи пожимала руки, сняв перчатки, подписывала автографы, целовала глав правительств и обнимала больных СПИДом. Она принесла очарование в унылый дом Виндзоров, а 23 декабря 1985 года показала еще и свою сексуальную привлекательность.

Она сопровождала принца Чарльза в «Ковент-Гарден» на бенефис Королевского оперного театра. Во время перерыва Диана незаметно выскользнула из ложи и прошла за кулисы, чтобы подготовить сюрприз. Когда занавес поднялся, стройная блондинка в облегающем белом шелковом платье закружилась от края сцены к ее центру. Публика ахнула, когда все узнали танцовщицу, которая раскачивалась под популярную музыку Билли Джоэла «Девчонка с окраины»:

Девчонка с окраины,
Тихо жила-поживала,
Пока жаркая кровь не выиграла.
Тогда богача искать она стала.

В своих белых атласных туфельках на высоких каблуках принцесса Уэльская (пять футов и десять дюймов) возвышалась над своим партнером (пять

футов и два дюйма) Уэйном Слипом. Танцор Королевского балета попал в Книгу рекордов Гиннеса за то, что мог сделать больше прыжков, чем Нинжинский. Однако на него никто не обратил внимания. Все взгляды были устремлены на Диану.

Она тайно репетировала в Кенсингтонском дворце, чтобы сделать мужу сюрприз. И показала свой танец в присутствии 2600 зрителей, которые еще никогда не видели, как принцесса струится над сценой, соблазнительно покачивая бедрами.

«Принц чуть не свалился со своего кресла, — вспоминал Слип, — в особенности когда она сделала у меня над головой антраша... После этого зал словно обрушился... Я не мог поверить своим глазам — Диана была необыкновенно хороша и настолько уверена в себе, что даже сделала реверанс в сторону королевской ложи». Слип поднял ее на руки и унес со сцены. «Нервничать следовало мне, — говорил он, — ведь я держал будущую королеву Англии».

Зрители взревели от восторга, встали и устроили популярной принцессе овацию. Ее восемь раз вызывали на поклоны, она кланялась, не спуская глаз с мужа, и улыбалась. Диана хотела исполнить свой номер на бис. «Я посоветовал ей этого не делать, — вспоминал Слип, — потому что зрители начали бы выискивать недостатки — Диана хорошо танцует, но она не профессиональная балерина. Я утащил ее за кулисы, когда она попыталась занять исходную позицию. Принцесса осталась очень довольна».

Диана вернулась на сцену через несколько месяцев, чтобы сделать видеозапись своего танца под песню из «Фантома оперы». Посмотрев шесть раз шоу Эндрю Ллойда Вебера, принцесса сказала

менеджеру «Театра Ее Величества»*, что хочет снять свой танец на музыку любовной песни «Все, о чем я тебя прошу». Принцесса заявила, что намеревается сделать подарок мужу к дню рождения. Поскольку просьба исходила от принцессы Уэльской и касалась принца Чарльза, менеджер согласился пригласить оркестр и предоставить Диане сцену. Потом она призналась, что не собиралась дарить запись Чарльзу, а хотела оставить ее для себя.

Диана не стала возражать, когда официальный фотограф Королевского оперного театра продал снимки ее смелого танца с Уэйном Слипом за тысячи долларов. «Это было самое сексуальное представление в «Ковент-Гарден», которое я когда-либо видел», — признался фотограф.

К несчастью, принц, который стоя аплодировал жене на публике, отчитал ее дома за то, что принцесса неприлично выставила себя напоказ. Он не принял ее подарок, посчитав его проявлением самолюбования, и заявил, что Диана специально это все устроила, чтобы его унижить. Он не гордился ее талантом. Чарльз нашел утешение в нежных объятиях любовницы.

* Театр в Лондоне, открылся в 1897 году при королеве Виктории. Расположен в здании, построенном в стиле барокко, с медным куполом.

ГЛАВА 15

Сара Фергюсон относилась к тому разряду пациентов, с которыми мы предпочитали больше никогда не встречаться. Она вела себя грубо, надоедливо и вульгарно, — заявил Стивен Мэйтлин, известный лондонский гомеопат. — За несколько месяцев до замужества она пришла в нашу клинику на Виктория-стрит, чтобы избавиться от лишнего веса. Она привела с собой кутюрье Линдку Сирэк — автора своего подвенечного платья, — которая ужасно хотела, чтобы Сара занялась своей фигурой.

Линдка прошла через настоящий ад, добиваясь того, чтобы Сара стала стройной, — и немного успокоилась. Мы лечили ее в клинике при помощи иглоукальвания и специальных препаратов, а мой партнер продолжал курс в Букингемском дворце, где она жила. Однако после нескольких сеансов мы умыли руки. Сара считала, что мы должны возникать перед ней по первому ее зову в любое время суток: если она немного прибавляла в весе, нам следовало все бросать и заниматься только ею, а еще постоянно утешать, если она была чем-то взволнована. Когда Сара страдала от похмелья, она требо-

вала массажиста. Еда, секс, алкоголь — она не знала удержу и часто выходила за рамки разумного — во всем. Слишком много кокаина, амфетаминов; слишком много шампанского. И еда, еда, еда и секс — постоянно».

Весна 1986 года выдалась очень непростой для помолвленной с принцем Эндрю Сары Маргарет Фергюсон, двадцатипятилетней женщины, которую все называли Ферджи. «Сара определенно нуждается в помощи, — говорила Линдка Сирэк, — и я пыталась ей помочь... Я приводила ее в клинику через заднюю дверь, брала деньги и сама платила, чтобы никто ничего не узнал».

Объявление о помолвке Сары Фергюсон с Его Королевским Высочеством принцем Эндрю взволновало всю семью. Лакей принца Джеймс Берри вспоминает, как реагировал ее отец, когда новость стала достоянием прессы. «Он пришел в такой восторг, что принялся скакать на одной ноге, грызть ногти и вопить от радости».

«Мы действительно чрезвычайно эмоционально отреагировали на известие о помолвке», — признала мачеха Сары, Сьюзан Фергюсон, которая и через несколько месяцев не могла прийти в себя от счастья.

Британская газета «Социалист уоркер» сообщила новость под заголовком: «Паразит женится на попрошайке». Февральское оглашение вывело из равновесия пресс-секретаря королевы, который уже несколько месяцев советовал репортерам не обращать внимания на отношения принца с неудержимой Ферджи — еще одной вершиной, покоровшейся двадцатипятилетнему Эндрю.

Принц Эндрю, получивший репутацию холостяка, охотно меняющего подружек, казалось, пред-

почитал актрис и моделей. Веснушчатая Ферджи ни под одну из этих категорий не подходила.

«Я помню, как Майкл [Ши] пригласил нас двоих на королевскую яхту «Британия», чтобы рассказать об отношениях Эндрю и Ферджи, — вспоминал Стив Линас, работавший тогда репортером газеты «Тудей». — Ши заверил нас, что «эти двое ни при каких обстоятельствах не могут обручиться». Мы так и написали. Однако уже через пару дней появилось объявление о помолвке».

Один карикатурист изобразил парочку в виде кукол Энн и Энди, которые стоят перед священником. Надпись под карикатурой гласила: «Согласна ли ты, Распутная Энн, взять в мужа Потрошителя Энди...»

«Книга пэров Берка» — библия аристократии — возмущалась тем, что принц Эндрю, четвертый в линии наследования трона, выбрал такую женщину, как Сара Фергюсон, «чья личная жизнь совсем не соответствует традициям королевской семьи и к тому же подробно описана в национальной прессе... Шесть романов за шесть лет... Совсем не викторианских по своему характеру».

Отец Сары, Рональд Фергюсон, армейский майор в отставке, презрительно фыркнул. «Если бы у нее не было прошлого в двадцать шесть лет, — заявил он, — люди сказали бы, что с ней что-то не так».

Именно из-за прошлого Ферджи многие считали, что она идеально подходит Эндрю, который определял занятия любовью, как «скачки по горизонтальной поверхности». Он не увидел ничего особенного в том, чтобы засунуть живого омара под купальный костюм своей очередной подружки. Неистовый нрав принца смущал его друзей.

«Однажды я спросил, — рассказывал Ферди Макдональд, знавший принца как закоренелого холостяка, — почему вы всегда поливаете ваших девушек водой и бросаете в них разные предметы, сэр?» У меня сложилось впечатление, что он не понял моего вопроса. «Но им же нравится, разве не так? Когда я окатываю их водой, они визжат. Значит, им нравится», — сказал принц».

Ферджи тоже любила разные игры. И никогда не пыталась извиняться за свой беспутный образ жизни. «Я современная женщина», — говорила она. Ферджи с легкостью произносила бранные слова, выкуривала пачку сигарет в день и охотно обменивалась грязными шутками с мужчинами. В одном из своих первых телевизионных интервью она совершенно хладнокровно произнесла слово «член». Своим пронзительным голосом Ферджи часто подшучивала над всеми и вела себя так, словно была единственной женщиной, допущенной в компанию мужчин, играющих в покер. Она говорила «угу» вместо «да». Когда репортер Би-би-си спросил у нее, что было у нее на завтрак, она сострила: «Сосиски и мигрень».

Ферджи утверждала, что страдает от жутких мигреней с детства, поскольку часто падала с пони. Бесстрашная спортсменка, она получала звания чемпионки по лыжам, плаванию и за участие в скачках. После полуночных соревнований в стипль-чезе Ферджи стала членом «Клуба опасных видов спорта», что давало ей право носить значок клуба — золотые костыли. Сара Фергюсон оказалась единственной женщиной, принявшей участие в заезде. Она повзрослела, но так и не оставила замашек шкодливого мальчишки — лазила по деревьям и устраивала самые разные про-

казы. Ферджи ходила, как пастух с ранчо, большими шагами на полусогнутых ногах и говорила, не разжимая губ.

Ее одноклассницы в «Херст-Лодж», закрытой школе в Саннингдейле, графство Беркшир, помнили Сару по великолепному аппетиту и прозвали ее «Добавка», потому что она требовала добавки каждого блюда. Экспансивная и полная энтузиазма, Ферджи отличалась поразительной щедростью и часто смущала своих друзей, посылая им огромные букеты и дорогие подарки. Она подрабатывала клерком в магазине, курьером, официанткой, водителем и гидом. Чтобы оплатить поездку на лыжный курорт в Швейцарию, Сара работала горничной в отеле.

Имея за плечами лишь среднюю школу, она поступила в Королевский колледж для секретарш в Лондоне. «По ней не было видно, что она много училась», — отмечала одна из ее учительниц. Когда Сара окончила колледж последней в классе, она хвасталась, что едва умеет печатать. Довольно пожимая плечами, она заявила: «Я предпочитаю скакать на лошади, а не читать».

Ее отец тоже больше любил лошадей, чем книги. Когда майора Рона, как он любил себя называть, обвинили в попытках использовать помолвку своей дочери в собственных целях, он заявил, что не нуждается в продвижении, в особенности при помощи королевской семьи. «Моя мать — урожденная Мариан Луиза Монтегю-Дуглас-Скотт, дочь лорда Герберта Монтегю-Дугласа-Скотта, пятого сына шестого герцога Бакклиского, — сказал он. — К моему удивлению, семья матери всегда считала Бакклискую линию значительно более знатной, чем Виндзорскую». Фергю-

сон ознакомил прессу со своим генеалогическим древом, включающим четырех герцогов и таких предков, как король Карл II и его любовница Люси Уолтерс. Кроме того, майор приходился кузеном Роберту Феллоузу, личному секретарю королевы.

«Таймс» писала, что Сара Фергюсон происходит из нетитулованного, мелкопоместного дворянства, скорее из рода землевладельцев, чем служилых аристократов. Многие поколения ее предков служили в кавалерии. «Все ее предки, вплоть до отца, служили в лейб-гвардейском конном полку, — отмечала газета. — Семья с традициями и старыми деньгами, но не слишком большими».

Проблема денег серьезно встала в 1970 году, когда майор Рон согласился на общественных началах стать менеджером поло при принце Чарльзе. Он провалил экзамен на должность полковника, что сделало невозможным его дальнейшее продвижение по службе, после чего вышел в отставку. Его кабинет находился в Гвардейском клубе поло в Виндзоре. Даже сделавшись гражданским человеком, он не забывал о своем звании. «Большинство людей называют меня майором», — сказал он писателю, который обратился к нему «мистер Фергюсон». Свои мемуары он озаглавил «Галопирующий майор».

Принцу Уэльскому исполнился двадцать один год, когда он предложил майору Фергюсону почетную должность организатора своих игр в поло, и Фергюсон, сам страстный игрок, с благодарностью согласился. Он договорился с такими спонсорами; как «Картье» и «Роллекс», которые с радостью согласились связать названия своих фирм с именем принца Уэльского, и попросил их обес-

печить страховку турнира и оплату расходов принца. Выгодная сделка включала и солидную компенсацию за труды самого менеджера.

«Рональд с удовольствием принял предложение принца Чарльза, — вспоминала его первая жена Сьюзан. — Новая должность позволяла ему проводить много времени с принцем, а кроме того, он снова попал в мир лошадей, который всегда любил».

Два года спустя, в 1972 году, когда Сара и ее сестра Джейн еще были подростками, Фергюсоны разошлись. Рональд признался друзьям, что его жена Сьюзан завела роман с принцем Филиппом, когда мужчины играли вместе в поло в шестидесятые годы. Сьюзан Фергюсон, обладательница длинных волос и стройных ног, была такой спортивной и элегантной, что модельер Ральф Лорен однажды даже предложил ей позировать для рекламы поло. «Она принадлежала к тому типу женщин, которые нравились Филиппу», — сказала ее дочь. Однако публично майор Фергюсон говорил о своей жене и принце Филиппе так: «Муж королевы находит общество моей жены Сьюзан гораздо более привлекательным, чем мое».

Сьюзан Фергюсон отрицала, что находилась в интимных отношениях с принцем Филиппом во время своего первого брака, и клялась, что сохраняла верность мужу. «А вот Рональда встречался с другими женщинами, — писала она в своих мемуарах, — даже когда я была беременна... Его интрижки причиняли мне много страданий... Я без конца плакала».

Однако она ничего не написала о своей дружбе с принцем Филиппом после того, как распался ее второй брак. Тем не менее ее дочь Сара не раз

намекала на их тайный роман. Она рассказала своим знакомым в Нью-Йорке, что ее мать находилась вместе с Филиппом в Аргентине в ноябре 1992 года, где состоялось заседание «Всемирного фонда защиты дикой природы». «Как раз тогда случился пожар в Виндзорском замке, совпавший с сорок пятой годовщиной бракосочетания королевы, — вспоминала одна из подружек Ферджи. — Пока Филипп пребывал со Сьюзи в Буэнос-Айресе, королеве пришлось бегать с ведрами и самой тушить пожар в Виндзоре». Рональд Фергюсон не удивился такому повороту событий. «Я всегда подозревал, что принц Филипп положил глаз на Сьюзи, — писал он в 1994 году. — Не вызывает сомнений, что и по сей день они остаются друзьями».

После шестнадцати лет совместной жизни Сюзан Фергюсон ушла от мужа к другому мужчине, детей ей пришлось оставить мужу. Обе ее дочери продолжали жить с отцом в Англии в небольшой деревушке Даммер, графство Гэмпшир, в шестидесяти милях к юго-западу от Лондона. Когда они окончательно развелись, Сюзан Фергюсон вышла замуж за Гектора Баррантеса, красавца аргентинца, одного из главных соперников Рональда Фергюсона по игре в поло. Пара переехала в Буэнос-Айрес, где Баррантес тренировал и выращивал лучших в мире пони для поло.

«Майор Рон долгие годы с горечью говорил о своем распавшемся браке, — вспоминал писатель Николас Монсон. — Он все еще переживал из-за развода, когда я брал у него интервью в 1986 году и спросил, сможет ли Аргентина играть с Англией в поло из-за Фолклендской войны. «Черт возьми, при чем здесь война? — возмутился майор. — Ар-

гентина не станет играть здесь из-за того, что один из их ублюдков сбежал с моей женой».

Майор Фергюсон признался, что глубоко переживал развод. «Мягко говоря, я был несколько напуган, — сказал он. — Наши дочери, у которых наступил самый трудный возраст, остались без матери, поэтому отцу пришлось стараться изо всех сил». Он так и не простил жену. «Вы не должны забывать, что она бросила своих детей», — говорил он друзьям. Майор женился вторично в 1976 году на Сюзан Делтфорд, дочери богатого фермера. Сара в шутку представляла ее своим друзьям, называя «моя злая мачеха». Очень скоро вторая Сюзан Фергюсон поняла, что ей придется смириться с постоянными романами мужа.

«Что тут такого... вполне нормальное поведение для некоторых мужчин, — заявил Рональд Фергюсон после того, как его застукали в массажном салоне, где работали проститутки. — Более того, именно эти качества мне нравятся в принце Эндрю. Он приобрел репутацию большого любителя женщин, и я испытал огромное облегчение. Он вел себя, как нормальный молодой моряк, регулярно меняющий подружек, — совершенно естественное здоровое поведение».

С тех пор как роман Эндрю с американской актрисой Ку Старк стал достоянием прессы, его начали называть «Похотливым Энди». Пока продолжалась их связь, бульварные газеты публиковали фотографии обнаженной Ку из весьма популярного эротического фильма, где она играла лесбиянку. На снимках она принимала душ вместе с другой женщиной. Через несколько месяцев те же газеты напечатали фотографии Эндрю, купающегося на

гишом в Канаде с подписью: «Гольый принц Энди режется в реке». Один из дешевых журнальчиков поместил снимок вместе со стихотворением:

Роза краснеет,
Ку голубеет,
Энди потерял свой стыд,
У королевы голова болит.

В сатирическом телевизионном ревью «Спиттинг имэдж» сделали голую куклу, карикатурно изображавшую красавца принца. Кукла держала в руке бокал с шампанским и была опоясана связкой сосисок. Дворец угрожал продюсеру судом, но главный прокурор не рекомендовал доводить дело до официального разбирательства. «На вашем месте, — посоветовал он адвокатам королевы, — я бы забыл об этом шоу, потому что они обязательно принесут в суд куклу». Дворец дал обратный ход.

Через несколько недель «Фабер и Фабер», издатель Т. С. Элиота, заявил о том, что собирается напечатать книгу, где будет фотография с обнаженной куклой, изображающей принца Эндрю*. На сей раз, вместо того чтобы угрожать судом, дворец решил прибегнуть к тактике интриг.

«Мне позвонил пресс-секретарь королевы, — вспоминал Мэтью Эванс, глава «Фабер и Фабер», —

* Изображение принца Эндрю, весьма привлекательного молодого холостяка, появилось в «чудовишно неуважительной» книге «Спиттинг имэдж». Надпись под фотографией гласила: «Энди — самый соблазнительный представитель королевской семьи, лишенный наследственных заболеваний, которыми страдала его предки. У него нет горба Ричарда III, и он не страдает безумием Кнуда [король Англии, Дании и Норвегии (995—1035)]. Зато он обладает гениталиями Катберта Пахаря, который, согласно легенде, оставлял за собой при ходьбе небольшую борозду». — *Примеч. авт.*

и сказал: «Мы разочарованы тем, что издательство такого уровня выпускает столь лишенную вкуса книгу. Мы просим вас не делать допечаток». В ответ Эванс поднял тираж до пятисот тысяч экземпляров, и книга стала национальным бестселлером.

«Королева страшно рассердилась, — вспоминал секретарь. — Она заявила, что теперь не видит разницы между издателем Элиотом и бульварной прессой Мэрдока».

Незадолго до этого Ее Величество подала в суд на «Сан» Мэрдока за то, что там опубликовали интимные подробности жизни принца Эндрю во дворце. «Молодые дамы всегда отличались привлекательностью, — рассказал репортеру бывший буфетчик, — а Эндрю настолько твердо верил в собственную неотразимость, что еще с вечера заказывал завтрак на двоих — каков нахал!»

Продав свою историю, слуга нарушил соглашение о неразглашении, которое подписал при поступлении на работу. Елизавету гораздо больше возмутил сам факт, чем содержание его откровений. Однако газета Мэрдока заплатила слуге более половины (3500 долларов) того, что он заработал за целый год службы у королевы. Поэтому бывший буфетчик и заговорил. Он заявил, что любовница Эндрю, Ку Старк, разгуливала по дворцовой кухне в коротеньких юбочках и обтягивающих футболках с ярко-красным личным знаком на груди, который ей подарил Эндрю после Фолклендской войны. Актриса, которая была на четыре года старше Эндрю, отдавала распоряжения прислуге, организовывала пикники для себя и принца и с удовольствием поглощала любимый шоколад королевы. Первая часть рассказа заканчивалась завлекательным пассажем,

касающимся принцессы Уэльской: «ЗАВТРА ЧИТАЙТЕ: КОГДА БОСАЯ ДИ НАМАЗАЛА МОЙ ТОСТ МАСЛОМ...»

Королева, которая в это время находилась в турне, связалась со своими лондонскими адвокатами и уже через несколько часов получила запрет на публикацию. На следующий день газета вышла с заголовком: «Королева делает затмение «Сан»^{*}. Тогда королева подала на Мэрдока в суд, а дворец сопроводил беспрецедентную акцию своего монарха следующим жестким заявлением:

«Слуга нарушил договор о неразглашении, который подписывают все служащие дворца. В договоре они обязуются ничего не рассказывать о своей работе. Документ имеет обязательную силу в глазах закона».

«Возможно, нам придется перейти к санкциям, — предупредил пресс-секретарь дворца королевских репортеров. — Необходимо провести черту между законным любопытством публики, существование которого признают все члены королевской семьи, и нездоровым интересом к их личной жизни». Елизавете присудили компенсацию в размере шести тысяч долларов. «Сан» согласилась выплатить всю сумму в «Фонд печати» и оплатить судебные издержки.

Герцог Эдинбургский позвонил Эндрю и заявил, что ему следует прекратить отношения с Ку Старк. «Пора кончать, Эндрю», — сурово сказал Филипп. Двадцатитрехлетний принц даже и не подумал возражать. Он слишком боялся отца и не хотел огорчать мать. Охваченный любовью и

* Название газеты в переводе означает «солнце».

страхом, он не знал, что предпринять. Поэтому не стал ничего делать. Вместо любовных клятв и предложений руки и сердца он пошел на попятный. Эндрю так и не принес Ку Старк извинений и ничего не объяснил. Просто перестал ей звонить и отвечать на ее звонки.

«Эндрю испортил Ку Старк жизнь», — заявила ее подруга Луиза Аллен Джонс.

Хотя сердце Ку Старк было разбито, она ушла красиво и продолжала сохранять скромное молчание. Через несколько месяцев она вышла замуж и попыталась вернуться к карьере актрисы. Однако ее имя постоянно связывали с именем Эндрю. Через несколько лет она развелась с мужем, но еще долго не встречалась с принцем. Хотя Эндрю назначал свидания другим женщинам, он продолжал любить Ку, пока принцесса Уэльская не решила отвлечь его и не познакомила со своей подругой Сарой Фергюсон.

Диана в первый раз встретилась с Ферджи еще до замужества на матче поло, и они быстро подружились. Обе интересовались астрологией, оракулами, гаданием на картах таро и с удовольствием сравнивали полученные предсказания. В дальнейшем Ферджи регулярно посещала квартиру в подвале, где жила известная целительница мадам Вассо, которая сажала ее под синюю пластиковую пирамиду и читала заклинания. Ферджи утверждала, что во время этих сеансов ее душа очищается.

Сара присутствовала на свадьбе Дианы и несколько раз навещала ее в Кенсингтонском дворце; когда Диана впадала в депрессию, Саре всегда удавалось ее рассмешить. Сару единственную пригласили на ужин в Букингемский дворец в день рождения Дианы, когда той исполнился

двадцать один год. «Она такая забавная», — говорила Диана Эндрю, своему самому любимому родственнику со стороны мужа. Она сообщила имя Сары королеве, как подходящей молодой одинокой девушки, чтобы ее включили в список гостей на вечеринку в Виндзорском замке по случаю скачек в Аскоте.

В то время Ферджи рассчитывала выйти замуж за Пэдди Макнелли, автогонщика, с которым она периодически жила в Швейцарии. За время их отношений, продолжавшихся около трех лет, Ферджи несколько раз делала ему предложения, но Макнелли, сорокавосьмилетний вдовец с детьми, упорно говорил «нет». Наконец она предъявила ему ультиматум: или женись, или я уйду. Он предложил помочь с упаковкой вещей.

«Мужчины плохо с ней обращались», — заявила ее подруга Ингрид Сьюард, редактор журнала «Мэджести».

Макнелли часто доводил Сару до слез (так же ее отец вел себя в отношении ее матери), открыто ухаживая за другими женщинами. Теперь, надеясь вызвать его зависть, она всем показывала королевское приглашение в Аскот. В ответ он предложил ей воспользоваться представившимся шансом, чтобы познакомиться с королевской семьей. Он даже отвез ее в Виндзор на уик-энд и передал с рук на руки королевскому дворецкому. Потом Макнелли весело помахал ей рукой и пожелал хорошо провести время.

За ужином, до начала скачек, Сара и Эндрю познакомились. Точнее, возобновили знакомство: двадцать лет назад, будучи еще детьми, они встречались на игре в поло. За столом он угощал ее профитролями, а она шлепала его по руке и го-

ворила, что от них очень толстеют. Он попытался затолкнуть очередную булочку ей в рот, а она со смехом принялась угрожать ему, что ответит тем же. Оба любили шумные развлечения и обожали грубый низменный юмор, в особенности неприличные звуки — рыгание, икоту и хрюканье. «Она восторженно хохотала и веселилась над его шутками, — вспоминал официант, который обслуживал их в Виндзорском замке. — Позднее, для смеха, она подарила ему куклу со всеми анатомическими деталями, и он поставил ее на почетное место в своей комнате в Бак-Хаусе».

Плохо воспитанного принца, который стучал серебряными приборами по столу и накладывал себе еду еще до того, как обслужили других, так описывал один из его знакомых: «Типичный сын своего отца — мужиковатый немец». Другие восхищались им, как единственным из детей королевы, «который честно пошел служить на флот». Кроме того, он изучал фотографию и играл в гольф, как профессионал.

Как и его прадед, дед и отец, Эндрю предпочел служение на флоте университетскому образованию. Когда принц Эндрю пошел на службу, он был вторым наследником престола, поэтому пользовался привилегиями особы королевской крови. Он питался отдельно от остальных офицеров и настаивал на том, чтобы ему накрывали в его собственной каюте. На его мундире было написано: «ЕКВ принц Эндрю». Он даже получил прозвище «В» — Высочество.

В 1981 году он подписал двенадцатилетний контракт о службе на флоте. В следующем году, во время Фолклендской войны, Эндрю прославился как пилот вертолета. К тому моменту когда он

встретился с Сарой в 1985 году, Эндрю служил лейтенантом на борту фрегата «Брейзен». Через несколько дней после скачек в Аскоте он вернулся на корабль. Но прежде послал Саре букет роз и написал на карточке «Э.».

Принцесса Уэльская всячески способствовала развитию их романа, даже организовала для себя и своего четырехлетнего сына, принца Уильяма, визит на корабль Эндрю. Она пригласила Сару в качестве своей фрейлины, и фотокорреспонденты яростно на них набросились. Ферджи потрясла шумиха, поднятая вокруг, казалось бы, самого обычного визита.

— Господи, что все это значит? — удивленно воскликнула она, когда на них налетели фоторепортеры.

— Улыбайся, — прошептала Диана, крепко державшая сына за руку. — Что бы ты ни делала, все время улыбайся.

Принцесса несколько раз приглашала Сару и Эндрю на выходные в Хайгроув, и экономка вспоминает, что Ферджи всегда брала много почтовой бумаги с вензелями и постоянно просила дать ей еще. «Мне просто необходимо послать из Хайгроува несколько писем, — хихикая, говорила она. — Я пообещала подружке, которая будет ужасно польщена». Экономка приносила ей бумагу и чистое белье. «Каждый раз, когда она приезжала, — говорит экономка, — нам приходилось стирать и гладить ее грязное белье».

Главным образом роман развивался во время выходных, когда парочка отправлялась в загородные имения своих друзей, которые рассказывают, что физическое влечение обоих друг к другу не вызывало сомнений, и вспоминают их грубоватые

ухаживания. Однажды зимой 1985 года во время игры в жмурки Эндрю спрятался под столом, а Сара — с завязанными глазами — принялась ползать по полу, чтобы его найти. Она его отыскала и сильно ущипнула. «Поосторожнее! — крикнул он. — Ты не имеешь права щипать королевскую задницу — пока!» В тот же вечер он сделал ей предложение.

«Когда проснешься завтра утром, можешь сказать мне, что ты просто пошутил», — ответила Сара.

На следующее утро Эндрю снова сделал ей предложение и подарил кольцо с рубином стоимостью 37 000 долларов.

Сара немедленно позвонила отцу.

«Папа, он хочет, чтобы я вышла за него замуж! — радостно вопила она. — Я заставила его дважды сделать мне предложение — чтобы уж наверняка!» И предупредила отца, что тот не должен никому ничего говорить, пока Эндрю не получит разрешение королевы на брак.

Твердо решив снискать расположение королевской семьи, Сара проводила с Эндрю в Виндзорском замке все выходные. По утрам сопровождала королеву во время прогулок верхом — Диана никогда этого не делала, потому что боялась лошадей. В детстве ее сбросила лошадь, и она сломала руку; с тех пор никогда не ездила верхом. В отличие от Дианы Сара просто обожала играть в шарады и в те карточные игры, что нравились Ее Величеству. «Сара жульничает еще больше, чем моя мать, когда мы играем в карты», — сказала Елизавета бабушке Сары. Королева называла свою будущую невестку по имени, которое ей дали при рождении. «Она никогда не звала ее Ферджи, — вспоминал один из

слуг. — Всегда Сара». Королеве нравилось, что между Эндрю и его невестой возникло удивительное взаимопонимание, и она одобрительно заявила: «На этот раз он встретился с девушкой, которая ему подходит». Обмениваясь с принцем Филиппом колкостями, Ферджи громко хохотала над его солеными шутками и попросила Филиппа научить ее его любимому виду спорта — гонкам в открытых автомобилях. «Я думаю, она — отличное приобретение», — сказал Филипп журналистам. И принц Чарльз с ним согласился. «Она такая лихая, ее переполняет энтузиазм, — восхищался он Сарой. — С ней приятно находиться рядом. Просто восхитительно».

Эндрю был без ума от нее. «Я знаю, что решение жениться на Саре было и всегда будет самым правильным решением, которое я когда-либо принимал или еще приму в жизни», — заявил он. Он еще больше убедился в собственной правоте, когда Сара объявила, что желает потратить сорок часов на то, чтобы научиться управлять самолетом, — она хотела, как и он, стать пилотом вертолета. «Из нее получится великолепная жена для офицера военноморского флота», — сказал он своим родным.

Наконец-то Сара нашла мужчину, который обращался с ней уважительно.

«Самое главное, я восхищалась... его поразительной способностью заставить тебя почувствовать себя леди, женщиной... Я не могла смириться с тем, что в моей другой жизни — так я ее называла — было полно мужчин, которые считали себя страшными умниками, а на самом деле просто по-хамски вели себя с женщинами».

Желая продемонстрировать свою любовь, Сара захотела составить Эндрю компанию, когда

он будет исполнять одну из немногих обязанностей, налагаемых на него его положением. Когда они шли по коридору санатория для выздоравливающих больных, она заметила бассейн, используемый в лечебных целях, и весело предложила Эндрию туда нырнуть. Она знала, что он боится воды и не умеет плавать. Он улыбнулся ее словам, но вид у него сделался несколько смущенный. «Ах, Господи! — сказала она какому-то пациенту. — Он думает, что я слишком нервничаю!»

Сара с восторгом рассказывала отцу про выходные, которые проводила в Виндзорском замке. «Она влюблена либо в Эндрию, либо в королевскую семью, — сказал майор Рон журналистам, — думаю, второе». Королевская семья приняла в свои ряды Сару Фергюсон, однако многие сомневались в том, что она подходящая кандидатура на роль жены принца. Кое-кто из аристократов считал, что она выставит Эндрию и всех его родных на всеобщее посмешище, «Вот помяните мои слова, — предсказывала Руфь Фермой, фрейлина королевы-матери. — Из этой простолоудинки ничего путного не выйдет».

По крайней мере один издатель с Флит-стрит согласился с чопорной аристократкой. «Ферджи опрокинет дом Виндзоров», — заявил Брайан Вайн из «Дейли мейл».

Модные журналы критиковали ее, называя Сару «полной», «плотной», «рубенсовской». Один журналист-комментатор назвал ее будущей «герцогиней Свинской». Другой заявил, что она «проста, как картофелина» — так же близка к земле.

«Я не толстая, — возражала Сара, — и не собираюсь садиться на диету. Потому что у меня нет никаких проблем. У женщины должна быть

аккуратная талия, хорошая «верхняя часть» и достаточная, но не слишком большая, нижняя — вот что такое приличная женская фигура».

Когда скульптор снимал необходимые мерки, чтобы изготовить фигуру Сары для Музея восковых фигур мадам Тюссо, он не посчитал нужным сделать их достоянием общественности. И потому одна газета высказала ликующее предположение: 39—49—59*! А затем сообщила: «Вот идет невеста, рыхлая, как тесто». Однажды, когда Ферджи поднималась вверх по эскалатору, подул ветер, и у нее высоко задралась юбка — фотографии оказались тут как тут. Снимок появился со следующей подписью: «Ее Королевское Ляжкочество».

«Ферджи из тех девушек, что вечно ходят с хоккейными клюшками, — сказал издатель одного модного журнала. — Глоток свежего воздуха. Масса энергии. Да, энергии. Она очень подвижна. Ужасно похожа на мячик».

Без косметики, с простым хвостиком на голове Сара напоминала чью-нибудь деревенскую кузину, заблудившуюся в большом городе. Важные модельеры считали ее страшилищем — сплошные веснушки и кудряшки, однако публике нравилась свежесть Сары, ее слишком большие платья и стоптанные каблуки. Как, впрочем, и королеве тоже, которая дала единственный совет своей будущей невестке — махать руками помедленнее. Ферджи научилась имитировать взмах руки королевы, который называла «вкручивание лампочки». Но по-прежнему оставаясь резвой и энергичной, точно маленький щенок, Ферджи так и не

* Размеры даются в дюймах.

научилась сдерживать свои эмоции. Она врезалась в толпу, точно политик, готовый пожимать руки всем подряд. «Привет, привет и вам привет, привет», — говорила она, хватала всех за руки и принимала букеты.

К тому моменту принцесса Уэльская стала любимицей индустрии моды, и в своих сшитых по специальному заказу нарядах излучала такое кинематографическое сияние, что ее называли принцессой Воздушная кукуруза*. «Ридерс дайджест» присвоил ей имя «Мировой знаменитости номер один». В международном обзоре журналов за 1986 год сообщалось, что ее лицо появлялось на обложках чаще, чем лицо любой другой женщины, включая Жаклин Кеннеди-Онассис. Снимки Ферджи в мешковатых свитерах и одеяниях в полоску появлялись лишь на обложках «Сэдл ап!» и «Уэйт уотчерс»**.

«Кое-какая одежда Сары выглядит ужасно, — признавал ее отец, — но ей никто ничего по этому поводу не говорил. Вполне понятно, что она обижалась, когда кто-нибудь критиковал ее манеру одеваться, в особенности если ее сравнивали с принцессой Уэльской. «Я не хочу стать двойником Дианы!» — возмущалась она.

«Тут не о чем беспокоиться», — резко возразил британский «Вог».

Ферджи попыталась сделать вид, что вовсе не стремится быть непринужденно светской и элегантной дамой, но попросила Линдку Сирэк сделать подвенечное платье таким, чтобы она выгля-

* *Popcorn* (англ.) — воздушная кукуруза, пустые разговоры (жаргон кинематографистов). Для американцев это неотъемлемая часть похода в кино.

** Издания, посвященные верховой езде и проблемам контроля веса.

дела в нем как можно привлекательнее. Ферджи чувствовала давление со стороны пятисот миллионов зрителей, которые будут смотреть свадебную церемонию по телевизору.

Утром в день свадьбы, 23 июня 1986 года, королева пожаловала сыну титул герцога Йоркского, графа Инвернеского и барона Киллилига. Его невеста, Сара, стала Ее Королевским Высочеством герцогиней Йоркской. Титул никому не жаловался с 1936 года, когда предыдущая герцогиня Йоркская стала королевой-супругой. Теперь она носила титул королевы Елизаветы, королевы-матери и в возрасте восьмидесяти шести лет оставалась одной из самых популярных фигур в королевстве. Неожиданное приобщение Сары к королевской семье дало ей право стать Ее Высочеством и получать короткие кивки-поклоны от мужчин и глубокие реверансы от женщин, за исключением всего трех особ королевской семьи, которые имели более высокий ранг, — королевы, королевы-матери и принцессы Уэльской. Ферджи заявила, что она «тащится» от своего нового титула.

Ферджи всегда придерживалась протокола, она освоила его основы в возрасте двенадцати лет, когда уговорила отца уволить дворецкого, который не знал разницы между бриджами и гольфами. В телевизионном интервью после объявления о помолвке у нее спросили, будет ли дядя, работавший слугой, приглашен на свадьбу. «Конечно, он будет приглашен, — ответила Сара. — Какой абсурд. Но он все прекрасно понимает и не придет». Ее реплику из интервью вырезали. В разговоре с одним писателем Ферджи бранила принца Эндрю за недостаточную изысканность выражений. «Он использует слова, которых в английском

языке попросту не существует, — сказала она. — Должно быть, он нахватался их, когда служил на флоте: отражатель вместо зеркала, трубка вместо телефона, галюн вместо туалета, хорошо еще, что он не говорит «уборная»! В качестве герцогини Йоркской Сара ожидала, что при официальном знакомстве к ней будут обращаться Ваше Королевское Высочество. В дальнейшем ее следовало называть «мадам». «Это хорошо рифмуется со словом "спам"*», — заметила она.

Ферджи знала, что ей полагается иметь герб, и в конце концов выбрала для себя шмель и чертополох, а в качестве девиза — «*Ex Adversis Felicitas*» («Не было бы счастья, да несчастье помогло»).

После свадьбы она настаивала на том, чтобы члены ее семьи на публике следовали протоколу — следовательно, отец должен был отвешивать ей поклоны, а мачеха делать реверансы. Для друзей она сделала исключение, но проинструктировала слуг, чтобы они знакомили с королевским протоколом всех посторонних. Во время зарубежных поездок, в особенности в Соединенные Штаты, Сара написала инструкции о том, как следует себя вести присутствующим, когда она входит в комнату:

1. Ничего не говорить, если к вам не обращаются.

2. Не протягивать первым руку для рукопожатия.

3. Не предлагать тему разговора.

4. Обращаться к ней, используя королевский титул, но не Ваше Величество, а Ваше Королевское Высочество.

* Консервированный колбасный фарш, фирменное название.

Став герцогом Йоркским, Эндрю начал получать по цивильному листу 100 000 долларов в год, в дополнение к своей ежегодной зарплате морского офицера — 20 000 долларов. Кроме того, у него имелся доход от фонда в один миллион долларов, который установила для него мать. Однако Ферджи сохранила работу в издательстве, приносящую ей 35 000 долларов в год. Елизавета заплатила 350 000 долларов за свадьбу и подарила невесте бриллиантовую диадему, бриллиантовый браслет и бриллиантовое ожерелье. Ее Величество также преподнесла новобрачным пять акров земли и выплатила семь миллионов долларов на постройку Саннингхилл-парка, их сорокашестикомнатного особняка, который находился в пяти милях от Виндзорского замка.

«Я сделала это для Анны, — сказала королева, — поэтому, естественно, точно так же поступила и в отношении Эндрю».

В доме в стиле ранчо, проект которого придумали Сара и Эндрю, имелось двенадцать спален, бассейн, бомбоубежище и средневековая галерея для менестрелей. А еще — две основные спальни и ванная комната, где музыкальная шкатулка играла «Боже, храни королеву», когда разматывался рулон туалетной бумаги. Круглая ванна, установленная в центре белого мраморного пола, была такой большой, что строители называли ее корабль королевского флота «Ферджи». «Похоже на будуар шлюхи», — сказал принц Филипп. Впечатляющую резиденцию насмешливо называли «Пятидесятикомнатной пиццерией» и «Саутиорк» — в честь ранчо Саутфорк, где происходило действие в сериале «Даллас», который показывался в восьмидесятых годах.

Утром в день бракосочетания на улицах начали собираться толпы зевак, желавших поглазеть на процессию экипажей особ королевской крови и знаменитостей. Майор Фергюсон поражался количеству людей, выстроившихся вдоль тротуаров, — в некоторых местах они стояли в десять рядов. «Вы только посмотрите на всех этих людей, — сказал он, — они пришли полюбоваться на мою вонючую дочурку».

Первую леди Америки — Нэнси Рейган сопровождали в Вестминстерское аббатство двадцать два агента американской секретной службы. Парфюмерный магнат Эсте Лаудер шел вслед за кинозвездой Майклом Кейном. Популярный певец Элтон Джон в малиновых очках, волосы которого были собраны в хвост, радостно махал толпе, не отставая от Альберта, принца Монако. Несколько минут спустя появилась Маргарет Тэтчер, однако ее освистали за то, что она послала конную полицию разобраться с бастующими шахтерами.

Толпа принялась радостно вопить, когда перед ними предстала рыжеволосая невеста, стройная и прелестная, в викторианском платье цвета слоновой кости. Королевские трубачи возвестили о ее прибытии в тот момент, когда она вышла из застекленной кареты. Она начала подниматься по ступеням аббатства, а за ней тянулся шелковый шлейф с вышитыми якорями и буквой «Э», длина которого составляла семнадцать с половиной футов. На самом верху лестницы Ферджи остановилась, потому что не могла двинуться с места. Тогда она обернулась и с силой дернула шлейф.

«Кто, черт побери, стоит на моем шлейфе?» — рывкнула она. Модельер свадебного платья упала на колени и быстро поправила складки, только

после этого невеста двинулась вперед и схватила отца за руку.

«Идем, папочка, — сказала она, — покажем им, как это делается».

Взволнованный майор Фергюсон зашагал по длинному центральному проходу аббатства, выстроенного в одиннадцатом веке, рядом с дочерью, с лица которой не сходила улыбка. Она состроила гримасу кому-то из гостей, другому показала большой палец и пошутила по поводу необычных костюмов некоторых присутствующих — а всего на свадьбу было приглашено тысяча восемьсот человек.

Майор Фергюсон нервничал. «Когда мы дошли до арки, ведущей к алтарю, где нас с нетерпением ждали королева и принц Эндрю, — вспоминал он, — мне пришлось сказать: «Слушай, уже пора стать немного посерьезнее, давно пора».

Ферджи попыталась взять себя в руки, и это было заметно. У алтаря вперед выступил принц Эндрю, на его форме лейтенанта флота красовались фолклендские медали.

— Ты выглядишь великолепно, — заметил он.

— Спасибо, милый, — улыбаясь, ответила Ферджи. — Я забыла взять зубную щетку.

— Не важно, — успокоил ее сияющий герцог.

Королева, которой на протяжении всей службы приходилось делать глубокие вдохи, чтобы скрыть свои чувства, не могла отвести глаз от сына.

Принцесса Кентская, которая была замужем за кузеном королевы, Майклом, во все глаза смотрела на невесту. «Она так мерзко всем подмигивала, когда шла к алтарю, — сказала она. — Так грубо».

Принцесса Уэльская, казалось, ничего не замечала. Она сидела вместе с членами королевской семьи, на розово-золотом стуле, в стороне от остальных гостей, смотрела куда-то в пространство и выглядела грустной и рассеянной. Ее лицо осветила улыбка только в тот момент, когда она увидела своего сына Уильяма, бывшего одним из четырех маленьких пажей. Одетый в морскую форму, четырехлетний принц все время дергал шапочку, наматывал шнурок на нос и жевал его, точно конфету, а затем выгащил церемониальный кинжал и начал тыкать им в шестилетнюю подружку невесты, идущую рядом с ним.

Устроив союз Сары и Эндрю, Диана рассчитывала, что подруга станет родственницей и они вместе понесут то, что она называла «королевской ношей». Однако она не собиралась делиться с Ферджи популярностью. Неожиданное внимание средств массовой информации к Ферджи потрясло Диану, привыкшую находиться в центре внимания журналистов. Временно она отошла на второй план. В одном из интервью Диана даже попыталась пошутить по поводу своего изменившегося статуса. «Я вам больше не нужна, — заявила она. — У вас есть Ферджи».

Бракосочетание Сары и Эндрю забавнее всего было описано миланской газетой «Иль джорно»: «И в заключение отметим: если Флобер был прав, утверждая, что для счастья необходимо отличаться скромным интеллектом, быть немного высокомерным и, главное, обладать крепким здоровьем, мы можем не сомневаться, что Эндрю и Сару ждет восхитительное будущее». Так оно и случилось. В высшей степени восхитительное. Какое-то время.

ГЛАВА 16

Принц Уэльский не сомневался, что его жена завела роман со своим телохранителем. Барри Меннеки, общительный сержант полиции, получил должность охранника принцессы в 1985 году, когда брак Чарльза и Дианы начал распадаться. Сержант повсюду сопровождал принцессу, а Чарльз стал все больше времени проводить отдельно от жены. Диане ничего не оставалось, как довольствоваться компанией телохранителя.

«Он ничем не отличался от других офицеров, которых назначали телохранителями членов королевской семьи*, — заявил бывший начальник Скотланд-Ярда, получивший рыцарское звание после ухода в отставку. — Их выбирают за восприимчивость и дипломатичность. Они проходят

* Специальное подразделение Скотланд-Ярда обеспечивает охрану монарха, ее мужа, наследника, королевы-матери и всех детей королевы. Частичной охраной обеспечиваются некоторые кузены и кузины королевы, когда они исполняют общественные обязанности, но это не распространяется на их супругов. «Принц Майкл большую часть времени находится под охраной, — вспоминает бывший глава службы безопасности, — но не его жена». — *Примеч. авт.*

специальное обучение, никогда не расстаются с оружием и обязаны уметь приспособиться к любым обстоятельствам. В частности, от них требуется умение кататься на лыжах, ездить на лошади, охотиться и даже управлять каретой. Королевские телохранители стригутся у дорогих парикмахеров и носят рубашки самых престижных фирм. Они красивы, уверены в себе и умеют произвести хорошее впечатление».

Тридцатидевятилетний телохранитель принцессы Дианы имел жену и двоих детей, поэтому у него быстро наладились хорошие отношения с трехлетним принцем Уильямом. «Барри был весьма ярким и симпатичным человеком, — вспоминала экономка из Хайгроува. — Все обожали его за остроумие. Он идеально подходил принцессе в качестве телохранителя... Она прислушивалась к каждому его слову, отчаянно флиртowała и поддразнивала, намекая на то, что они очень близки. Поползли слухи, что у них роман, но я уверена — между ними ничего не было. Для Дианы Барри оставался просто другом, на которого она всегда могла положиться».

Телохранитель принцессы сопровождал ее во время бесконечного хождения по магазинам, вместе с ним Диана совершала долгие прогулки среди холмов Балморала, когда ее муж отправлялся на рыбалку, а ей хотелось оказаться подальше от королевской семьи. Диана обращалась к Меннеки, когда ей становилось грустно — а такое случалось в те дни довольно часто, — и он всегда находил нужные слова и утешал ее. Кроме того, Барри вселял в нее уверенность перед публичными выступлениями.

«Однажды она сказала, что больше не может это выдерживать, и просто упала мне на руки, — вспоминал Меннеки. — Я обнимал Диану до тех пор, пока она не перестала плакать. А что бы вы сделали на моем месте?»

Диана доверяла сержанту свои секреты, в том числе и предположения о том, что муж изменяет ей с Камиллой Паркер Боулз. Диана сказала Меннеки, что, несмотря на обещания, которые он давал перед свадьбой, Чарльз возобновил встречи со своей любовницей. Диана говорила, что ее подозрения превратились в уверенность, когда она приехала в Хайгроув на выходные, а Чарльза там не оказалось. Его секретарь пояснил, что принц умчался на спортивной машине всего за несколько минут до появления Дианы. Он не сказал, куда направляется, и не оставил номера, по которому его можно найти в случае крайней необходимости.

Диана направилась в кабинет принца и нажала кнопку повтора набора номера. На дисплее высветились цифры телефона поместья Боулзов. Когда трубку взял дворецкий, Диана не стала с ним разговаривать. Вместо этого она заглянула в личный календарь Чарльза и увидела «К», стоящее на этой дате. Затем принцесса осмотрела ящики письменного стола Чарльза и, как она рассказала телохранителю, нашла связку писем от Камиллы. Некоторые оказались забавными пустячками, но в других содержались интимные подробности, а обращение гласило: «Моему любимому».

После описываемых событий Меннеки старался еще сильнее оберегать принцессу, которая со слезами на глазах спрашивала у телохранителя, почему муж от нее отвернулся. «Он глупец, — ответил Меннеки, покачивая головой. — Ужасный

глупец». Диана была тронута преданностью телохранителя, а его акцент рабочего-лондонца вызывал у нее улыбку. Меннеки стал ее близким другом и доверенным лицом, он даже давал ей советы при выборе одежды. Диана обращалась к нему за одобрением — так обычно жена интересуется мнением мужа. Слуги вспоминали множество случаев, когда принцесса, одевшись перед появлением на публике, выходила из комнаты, чтобы спросить своего телохранителя:

— Барри, как я выгляжу? Вы считаете, эти серьги подходят мне?

— Превосходно, — отвечал он.

Она немного перед ним повертелась, пригладила платье и добавила чуть-чуть блеска для губ.

— Вы уверены? — говорила принцесса, глядя в зеркало. — Со мной все в порядке?

— Вы просто великолепны, — со смехом заявил Меннеки. — Вы могли бы поразить мое воображение.

— Но ведь я уже это сделала, не так ли? — кокетливо проговорила принцесса.

Такой обмен любезностями беспокоил Чарльза, который жил по двойному стандарту: сам делился с садовником из Хайгроува опасениями о своем браке, но не переносил, когда Диана откровенничала со своим телохранителем. Чарльз обвинял принцессу в нарушении приличий и утверждал, что она возмутительно ведет себя со слугами.

Принца смущало, что их семейные ссоры, которые раньше происходили за закрытыми дверями, теперь случались у всех на глазах. Он винил Диану за то, что она начала военные действия, огрызаясь ему вместо ответа, хотя раньше она не осмеливалась даже протестовать вслух. Однако

постепенно Диана преодолела свое почтительное отношение, ее уверенность в себе росла вместе с популярностью, и принцесса больше не хотела отступать перед мужем.

Обычно сдержанная на публике, дома Диана вела себя по-другому. Она возмущалась «льстивыми» друзьями Чарльза, его увлечением поло, обедами со «скучными, пахнущими сигарами стариками», рыбной ловлей, любовью к живописи и катанию на лыжах. Диана утверждала, что все это он делает только затем, чтобы от нее избавиться.

Принц отвечал, что путешествия необходимы ему для того, чтобы восстановить мир в своей душе после невротических выходов Дианы. Он упрекал жену за неправильное питание, которое приводило к обморокам на публике. «Ты всегда больна, — с отвращением говорил Чарльз. — Почему ты не похожа на Ферджи?» Во время еды он постоянно подтрунивал над Дианой: «Мы еще увидим это блюдо чуть позже? На тебя только зря расходуются продукты!»

Принцесса наносила ответные уколы, обвиняя Чарльза в эгоизме и скупости, а он кричал, что Диана слишком расточительна. «И чем скарее становился принц, тем больше она тратила, — рассказывает специалист по интерьеру Николас Хаслам, близкий друг королевской семьи. — Скупость мужа сводила Диану с ума... Впрочем, королевские особы любят играть в бедность. Камилла точно такая же; она просто не может себе позволить тратить деньги, и Чарльз ее за это боготворит. Они возбуждают друг друга своей прижимистостью. Когда Камилла с возмущением говорит о том, как дорого стоит чистка, Чарльз сразу же оживляется и принимается жаловаться на собственные огромные рас-

ходы на чистку. Так может продолжаться довольно долго — их негодование по поводу завышенных цен не знает границ. Им невероятно жаль денег, которые приходится тратить...»

Принцесса сожалела, что подобная мелочность лишила ее теннисного корта в Хайгроуве.

«Ты же знаешь, единственное, что мне так хотелось, — это иметь здесь корт», — заявила она Чарльзу.

Чарльз отвечал, что не в состоянии потратить двадцать тысяч долларов на теннисный корт.

«Неужели ты серьезно! — закричала Диана. — А как насчет тысяч, которые ты спускаешь на свой проклятый сад, да и на все, что тебе нравится? Вряд ли ты понимаешь, сколько мне приходится тратить сил, чтобы смириться с твоими бесконечными прихотями. Почему же ты не считаешься с моими желаниями?»

Он пожал плечами и вышел из комнаты. Диана продолжала вопить ему вслед. В тот вечер она не вышла к обеду. Пока он сидел и ждал ее в столовой, принцесса поела в детской, где, как она заявила, ей не надо просить о любви.

Во время самых жестоких ссор они обменивались проклятиями и даже бросали друг в друга разными предметами. После одного из грандиозных скандалов Чарльз вылетел из дома, прыгнул в свой автомобиль и с ревом умчался из Хайгроува. Диана открыла верхнее окно и закричала что было сил: «Ты дерьмо, Чарльз, абсолютное дерьмо!» Во время другой ссоры она швырнула в него чайник, выскочила из комнаты и захлопнула за собой дверь с такой силой, что чуть не сбила с ног слугу. Обернувшись через плечо, Диана крикнула напоследок: «Ты вонючее животное, Чарльз, и я тебя ненавижу!»

Вскоре Найджел Демпстер, обозреватель «Дейли мейл», который специализировался на слухах о королевской семье, обвинил Диану в печати. Он назвал ее испорченным, ужасным чудовищем, превратившим принца Уэльского в несчастного человека.

Растущее недоверие принцессы к Чарльзу, ее ревность к Камилле Паркер Боулз делали Диану — в глазах мужа — существом неразумным. Чарльз рассчитывал, что будет жить как пожелает, не встречая возражений со стороны жены. Истерики Дианы из-за его долгих отлучек еще больше убеждали принца в неуравновешенности ее характера. Но самое главное — она вызывала у Чарльза скуку. Он свысока смотрел на все интересы Дианы — одежда, танцы, рок-н-ролл. Говорил, будто она посещает больницы, исключительно чтобы потешить свое тщеславие, а юмор Дианы, который раньше так забавлял Чарльза, теперь вызывал у него раздражение.

Выпускник университета с претензиями на интеллектуальность, Чарльз испытывал неловкость из-за того, что, по его словам, жена не получила приличного образования и не отличала Сахарова от Солженицына. Во время записи телевизионного интервью в Хайгроуве в 1986 году она подтрунивала над собой за то, что не сумела сдать вступительные экзамены в колледж. «У меня мозг размером с горошину», — прощепетала она. Чарльз настоял на том, чтобы эту реплику вырезали. А Диана принялась настаивать на том, что ему неплохо было бы выбросить свои собственные слова о разговоре с растениями в саду в Хайгроуве. «С ними следует разговаривать», — сказал тогда Чарльз. На что Диана заявила: «Люди подумают, что ты сошел с

ума». Больше королевская чета никогда не давала совместных телевизионных интервью.

Однако Диана оказалась права. Реплика Чарльза многим показалась несколько эксцентричной, если не смешной. «В действительности он совсем не такой спятивший лунатик, как о нем пишут в газетах», — настаивал его брат Эндрю.

«Иногда Чарльз жаловался друзьям на грубый, даже вульгарный юмор Дианы, — писал журналист Николас Дейвис. — Однажды супруги ужинали со старым другом Чарльза, южноафриканским философом сэром Лоуренсом ван дер Постом. Мужчины вели серьезный разговор о проблемах белых и черных в Южной Африке, когда их неожиданно перебила Диана:

— Что такое полная неразбериха?

Мужчины недоуменно переглянулись.

— День отца* в Брикстоне [район Лондона, преимущественно заселенный черными], — весело заявила Диана.

— Не могу поверить, что слышу такое от тебя, — проговорил Чарльз.

— Ну, если вам отказывает чувство юмора, я вас оставляю. — С этими словами Диана удалилась».

Расстроенный Чарльз писал другу 11 марта 1986 года, что его брак «зашел в тупик, из которого нет выхода».

Он даже процитировал стихи Ричарда Ловела-са (1618—1658), чтобы описать свое отчаяние:

Тюрьма — не каменные стены
И не железные решетки...

* Третье воскресенье июня, по традиции в этот день дети делают подарки отцу.

Диана постоянно требовала от Чарльза внимания, настолько сильно его раздражая, что он не желал больше брать ее на официальные мероприятия. В прошлом он вдохновлял ее словами Шекспира из «Генриха V»: «Напряги свои силы, пусть взбурлит твоя кровь...» Теперь же он игнорировал Диану или выплескивал на нее свою злость. Чарльз жаловался биографу, что Диана поглощена собой и наделена поражающим воображение тщеславием. Принц утверждал, что она тратит по нескольку часов в день на чтение всех газет и журналов, где упоминается ее имя.

Соглашаясь с тем, что Диана и в самом деле погружена в собственные проблемы, Каролин Бартоломью защищала подругу в разговоре с писателем Эндрю Муртоном. «Как она может не быть одержима собой, — спрашивала она, — если за ней наблюдает весь мир?»

Чарльз, прежде всегда сохранявший корректность на публике, начал терять терпение. Он разругался с Дианой во время игры в поло, когда она принялась позировать перед фоторепортерами, сидя на капоте его «астон-мартина» 1970 года. Редкий автомобиль, стоимость которого в то время составляла 125 000 долларов, королева подарила Чарльзу на день рождения, когда ему исполнился двадцать один год.

«Прочь! Прочь! Что ты делаешь с моей замечательной машиной? — закричал он. — Здесь нельзя сидеть! Слезай немедленно! Ты поцарапаешь кузов».

Диана ужасно обиделась на выходку Чарльза, быстро соскользнула с капота, одновременно попытавшись лягнуть мужа ногой. Удивленный принц схватил ее за руку и собрался было прижать Диану

к машине, но принцесса метнулась в сторону и вскочила внутрь. Чарльз намеревался наградить жену подзатыльником, но вовремя заметил, что вокруг начали собираться люди. Ему ничего не оставалось, как криво улыбнуться и сделать вид, что супруги таким образом развлекаются.

В другой раз, когда они снова поссорились, Чарльз швырнул в Диану деревянным рожком для обуви. «Как ты смеешь со мной так разговаривать? — закричал он. — Ты знаешь, кто я такой?»

Сначала Чарльз встречал ее выходки мрачным молчанием. Теперь же пытался сдерживать гнев, но далеко не всегда ему сопутствовал успех. Однажды он выскочил из комнаты, устремился в ванную и на глазах у своего слуги, Кена Стронака, вырвал из стены фарфоровую раковину и разбил ее об пол.

«Мне надо было сделать что-то, — вспоминал слуга слова Чарльза. — Ты ведь меня понимаешь, правда?» — Слуга только молча кивнул.

Хотя Чарльз нередко впадал в ярость, он всегда отрицал, что когда-либо бил жену. Более того: он обвинял Диану в том, что она швыряет лампы и бьет окна. Во время одного из визитов в Олторп, фамильное имение Дианы, они остановились в заново отделанной комнате. Позднее отец Дианы признавал, что королевская чета «кое-что испортила» в своей комнате. Античное зеркало было разбито, оконное стекло треснуло, бесценный стул сломан. «Между ними произошла грандиозная ссора, — сказал граф Спенсер и быстро добавил, что всякие супруги ругаются между собой. — Ничего страшного. Диана по-прежнему влюблена в Чарльза».

Диана перестала посещать Олторп из-за жены отца. Так что графу Спенсеру приходилось ездить

в Лондон, чтобы повидать дочь и внуков. После свадьбы брата Диана заявила, что больше не может переносить присутствие «этой женщины» [мачехи]. Глядя на Рейн, восседающую во главе стола в родовом доме Спенсеров во время приема в честь обручения брата, Диана пришла в ярость. Диана чувствовала, что права ее матери, Фрэнсис Шенд Кидд, ущемлены. Незадолго до этого после девятнадцати лет супружества второй муж бросил Фрэнсис ради другой женщины. Хотя Фрэнсис покинула Джона Спенсера до того, как он унаследовал Олторп, Диана, ее сестры и брат считали — без особых на то оснований, — что Рейн узурпировала законное место их матери. Даже став взрослыми, они продолжали поносить мачеху.

Во время приема, устроенного перед свадьбой брата в Олторпе, Диана наблюдала за тем, как Рейн отправилась в детскую и милостиво налила чай внукам своего мужа. Когда Рейн вышла из комнаты и направилась к лестнице, Диана выскочила из-за ее спины и толкнула мачеху плечом. Пятидесятивосьмилетняя женщина упала на колени и покатила по ступенькам. Ей удалось остановиться только на следующей площадке. Диана обошла ее и, не говоря ни слова, присоединилась к другим гостям.

Нападение встревожило личную помощницу графини Сью Инграм.

«Я хотела побежать наверх и спросить у ее светлости, все ли с ней в порядке, но постеснялась не столько из-за себя, сколько из-за нее, — вспоминала она. — Мы со слугами сделали вид, что ничего не произошло, — мы просто отвели глаза».

Позднее Рейн заговорила со своей помощницей о неприятном эпизоде.

«Что случилось с Дианой? — спросила она. — Почему она так поступила? Я ее не понимаю».

Беспорядочное питание, неверность мужа — все это приводило к вулканическим выбросам темперамента Дианы. После очередной жестокой ссоры Чарльз нашел жену в спальне, где она со слезами рассказывала телохранителю о поздних телефонных звонках мужа Камилле Паркер Боулз и его необъяснимых исчезновениях. Чарльза возмутила такая несдержанная откровенность.

Через несколько дней сержанта, который охранял Диану в течение целого года, неожиданно перевели в дипломатический корпус. Человек из окружения принца сообщил репортерам, что неожиданный перевод телохранителя связан с его «излишней фамильярностью» с принцессой.

«Он просто наказывает меня», — с горечью говорила друзьям Диана.

«Меня перевели по семейным обстоятельствам, — заявил прессе Меннеки, — но я не собираюсь их обсуждать».

Принц, который всегда вел себя со слугами вежливо, но холодно, не одобрял жену за дружеские отношения с ними. Он сохранял дистанцию и считал, что Диана должна поступать аналогичным образом. Однако принцесса относилась к камердинеру, телохранителю и дворецкому, как к членам семьи.

«Следует правильно понимать поведение принца, — сказал один из придворных. — Его кажущаяся отстраненность связана с тем, что он с детства привык быть особой королевской крови».

Диана, воспитанная иначе, воспринимала слуг как друзей. Она вполне могла поест в кухне; первое, что она обычно спрашивала, когда приезжа-

ла в Сандринхем, Балморал или Букингемский дворец: «Что сегодня на обед?» Она ходила на вечеринки для слуг, приносила пластинки и, нисколько не смущаясь, танцевала. Чарльз редко посещал такие сборища: он понимал, что его присутствие сковывает остальных. Однако он считал, что Диана ведет себя в высшей степени неприлично.

Кроме того, принца раздражало, что его жена столь открыто проявляет свои чувства. Он утверждал, что она целуется со всеми, даже если встретится с человеком впервые. Принцесса не делала различий между рабочими и главами государств. На игре в поло она, здороваясь, поцеловала майора Рона Фергюсона. После королевской свадьбы Диана в знак благодарности поцеловала лорда-гофмейстера. Во время медового месяца принцесса, прощаясь с президентом Египта Анваром Садатом, поцеловала и его. В Новой Зеландии она потерлась носами с женщиной племени маори. Возвращаясь домой, Диана целовалась со слугами.

Когда королевская семья присутствовала на большом балу, который устраивается для персонала в Букингемском дворце, Диана, в диадеме и драгоценностях, приветствовала всех участников. Она понимала, какое значение имеет ее титул и как люди рады ее присутствию. «Я замечала, как Чарльз краем глаза наблюдает за ней, — вспоминала Венди Берри, работавшая в Хайгроуве. — Но когда Диана обняла мать одного из слуг и сердечно расцеловала ее в обе щеки, он не мог оторвать от жены взгляда. Выражение ужаса на лице Чарльза смешалось с удивлением: как может принцесса вести себя так по-свойски с обычными людьми?»

Через восемь месяцев после того, как Меннеки перевели на новое место службы, в его мотоцикл

врезалась машина, и он погиб. Чарльзу немедленно сообщили об этом, однако он подождал сутки, прежде чем рассказал о смерти сержанта Диане. Он выбрал момент, когда они подъезжали к аэропорту, где их уже поджидали репортеры, за минуту до выхода из машины, — королевская чета собиралась лететь во Францию, на Каннский фестиваль.

— Кстати, — небрежно проговорил он, — мне вчера сообщили, что бедняга Барри Меннеки погиб. Какая-то автомобильная катастрофа. Ужасно, не так ли?

Диана разрыдалась как раз в тот момент, когда лимузин остановился рядом с королевским самолетом. Чарльз вытолкнул ее из машины.

— Нам пора, дорогая, — с сарказмом заметил принц. — Тебя ждут твои репортеры.

Диана не верила в то, что смерть Меннеки случайность. Она не сомневалась, что ее бывший телохранитель убит MI5 (британская разведка) по наущению ее ревнивого мужа. Диана винила себя за смерть Меннеки и несколько раз пыталась вызвать его дух во время спиритических сеансов. Когда в свет вышла книга, в которой содержался намек на то, что гибель Меннеки подло подстроила MI5, отец Меннеки заявил, что смерть его сына действительно явилась следствием несчастного случая. В дальнейшем Диана с этим смирилась, но так и не простила мужа за его жестокость — уж слишком неудачным оказался момент, когда он сообщил ей о гибели бывшего телохранителя. Она рассказала о поступке мужа друзьям, чтобы продемонстрировать бессердечие Чарльза и показать, какое дьявольское удовольствие он получал, мучая ее.

Для супругов волшебная сказка закончилась, но публика еще не видела трещин на роскошном фасаде. Впервые это произошло на игре в поло, когда на глазах у сотен людей Чарльз поцеловал жену после поражения своей команды. Она быстро отвернулась, точно ее лизнула распустившая слюни собака. Потом Диана достала платочек и вытерла щеку.

«Вероятно, я должен был что-то заметить еще в 1985 году, когда брал интервью у принца Чарльза для биографии покойного поэта Джона Бетджемена, — вспоминал писатель Бевис Хиллиер. — Но тогда я и не предполагал, что на их романтические отношения уже упала тень. Мне за пятьдесят, и я вырос с гимном «Боже, храни короля» на устах. Теперь я пою «Боже, храни королеву». Для меня монархия — это все равно что религия. И какими абсурдными ни казались бы мои убеждения, я хочу, чтобы она выжила...

Мы с принцем разговаривали в его кабинете в Кенсингтонском дворце, где часы бьют каждые пятнадцать минут. Повсюду валялись какие-то бумаги и красные коробочки с золотыми гербами принца Уэльского. Однако Чарльз вел себя очень мило и доброжелательно.

Мой последний вопрос был таким:

— Ваше любимое стихотворение Бетджемена?

Он полистал книгу и выбрал то, в котором говорилось об ослаблении сексуального влечения, и прочитал последнюю строфу:

Слишком долго в одно мы сплетали тела,
И теперь нам не скрыть отвращения
К тени той, что, увы, между нами легла,
К запоздалому вожделению.

Он грустно улыбнулся и добавил:

— Я бы хотел выбрать «Запоздалое вожделе-ние», но боюсь, что этого не следует делать.

В результате он предпочел «Игры возле Нью-бери». Принц выбрал стихотворение, где говори-лось о маленьких детях, которые держатся за руки, сидя в чулане».

«Осенью 1986 года, после интервью с принцем Чарльзом в Хайгроуве, я знал: что-то в его супру-жеской жизни не так, — вспоминал шеф лондон-ского бюро «Таймс». — С самого начала меня предупредили, что не следует задавать вопросов о его частной жизни. Мы сидели в кабинете, на стенах которого висело по меньшей мере сорок фотографий в серебряных рамках — королева, королева-мать, герцог Эдинбургский, король Хуан Карлос, Маунтбаттен, Уиллс и Генри, коро-левские лошади и королевские собаки. Но нигде я не увидел снимков леди Дианы. Хотя принцессу Уэльскую фотографировали чаще всех других женщин в мире, я не смог найти ее портретов в кабинете Чарльза».

Газетчики заметили возникшую напряжен-ность в отношениях принца и принцессы. Вскоре появилось сообщение, что за тридцать семь по-следних ночей, проведенных в Британии, они ни разу не спали в одной спальне. И несмотря на то что они отправились отдыхать всей семьей, принц Чарльз вернулся раньше срока, а принцесса по-явилась лишь через некоторое время. Даже на-правляясь в одно и то же место, они ехали раз-дельно. Диана посещала демонстрации мод и рок-концерты в компании своих друзей, а Чарльз ра-ботал в одиночестве в саду Хайгроува, в 113 милях к западу от города. Когда он отправлялся на ры-

балку в Балморал, Диана оставалась в Кенсингтонском дворце вместе с детьми.

Некий норвежский промышленник нажил большие деньги на разладе между Чарльзом и Дианой, сделав принца и принцессу Уэльских символами людей, которые слишком заняты, чтобы готовить. В Осло на рекламных афишах красовались скорбные лица Чарльза и Дианы, устремивших грустные взгляды на банки с макаронами и тушенкой. Рядом красовалась надпись: «Middag for en» — «Обед на одного». Однако серьезная британская пресса не верила в слухи о проблемах, возникших между принцем и принцессой. Они назвали статьи в дешевых газетенках «лживыми сплетнями» и обратились к такой влиятельной персоне, как Гарольд Брукс-Бейкер из «Дебретт», чтобы тот их опроверг.

Убежденный монархист с готовностью откликнулся на просьбы. «Возмутительно, просто возмутительно! — заявил Брукс-Бейкер. — Болтовня о супружеском разладе бросает тень на королевскую семью и подрывает основы монархии. Ее следует немедленно прекратить. Не может быть и речи о разрыве между принцем и принцессой Уэльскими, не говоря уже о разводе».

Впрочем, несмотря на его выступление, королевские слуги продолжали верить бульварной прессе. «Слишком многое из того, о чем рассказывали газеты, соответствовало истине, — в смятении заявил один из дворецких принцессы Маргарет. — Мы не сомневались, что информация идет изнутри. От одного из нас. И королевская семья тоже об этом знала. Однако королева ничего не могла поделать со слугами, которые продавали чужие секреты, если, конечно, они не попа-

дались с поличным. Тогда их увольняли или даже арестовывали.

Только личные горничные принца и принцессы Уэльских знали, что они больше не спят в одной постели. Думаю, что даже Ее Величеству это не было известно. Да она и не хотела ни во что вникать. Принцесса Маргарет не раз говорила, что ей нужно читать газеты хотя бы для того, чтобы выяснить, что происходит в ее собственной семье. Во время грандиозных скандалов между ними [Чарльзом и Дианой] присутствовали все их слуги — подобные тайны недолго остаются секретом для остального мира».

Дворецкий предложил свое объяснение несоответствию между тем, что пишет солидная пресса, которая объявляла брак вполне устойчивым, и бульварной прессой, утверждающей, будто между супругами произошел разрыв. Он рассказал, что слуга в Хайгроуве видел, как принцесса швырнула чайник в принца и в слезах выбежала из комнаты. Через несколько часов королевская чета привела себя в порядок и появилась перед публикой на благотворительном обеде. Их улыбающиеся лица на фотографиях в «Дейли телеграф» делали историю о чайнике в «Миррор» абсолютно неправдоподобной.

«В действительности, — говорил дворецкий, — и то, и другое правда, но бульварная пресса всегда выбирает наиболее скандальные новости».

Диана с отвращением воспринимала газетные сплетни о собственном браке, но не знала, что с этим можно сделать. «То, что я отправляюсь куда-то без мужа, — протестовала она, — еще не означает, что наш брак потерпел крушение». Она стала гораздо чаще появляться на публике: 299

раз в 1985 году — на 70 процентов больше, чем 177 выходов в свет в 1984-м, — причем более чем в половине случаев в Британии Диана была без мужа. Принц Филипп, довольный ее более серьезным отношением к выполнению обязанностей принцессы, сказал, чтобы Диана не обращала внимания на слухи. Она попыталась последовать его совету.

«Когда мы поженились, — заявила она, — все считали нас образцовой супружеской парой. Теперь газеты утверждают, будто мы живем отдельно. Если так и дальше пойдет дело, то очень скоро я прочитаю в газетах, что у меня появился черный любовник католического вероисповедания».

Постоянная необходимость появляться на публике и быть вежливой с репортерами, которые вели себя, как расстрельная команда, ужасно утомляла Диану. Во время посещения детского сада директор спросил у нее, будет ли она позировать перед фоторепортерами, шумевшими снаружи.

«Я не понимаю, почему я должна пойти им навстречу, — ответила Диана. — Для меня они никогда ничего не делают».

На следующий день «Сан» напечатала на первой полосе: «Принцесса Диана спрашивает: «Что для меня сделали газеты?» «Сан» может ответить Ее Прелести одним словом — всё! Газеты превратили ее в самую знаменитую женщину в мире. И наделили аурой величия и романтики. Без этого семья Виндзоров стала бы такой же скучной, как датские и шведские династии».

Необходимость поддерживать солнечный, безупречный облик отнимала у принцессы много сил. «Никто не помогает мне нести мою ношу», — жаловалась Диана своей придворной даме. Как и

принц Уэльский, дворец ожидал, что Диана будет выполнять свои обязанности без малейших комментариев: делай свое дело — и помалкивай. Однако Диана нуждалась в поддержке. Без Барри Меннеки ей стало не к кому обратиться за помощью, попросить совета. Чарльз возмущался постоянным нытьем принцессы. «Господи, что с нами опять случилось?» — вопрошал он, когда появлялась Диана. Она чувствовала себя чужой в королевской семье, но и сестрам не могла довериться, в особенности Джейн, которая вышла замуж за Роберта Феллоуза, личного секретаря королевы.

Кроме того, Диана с подозрением относилась к Саре Фергюсон, которая — по словам принцессы — слишком стремилась угодить Чарльзу. Диане не хотелось огорчать своих друзей, признав, что сказочный брак оказался полным разочарованием, поэтому она молчала. Когда ее прежняя соседка по квартире Каролин Прайд Бартоломью заметила, что подруга начала быстро терять вес, Диане пришлось рассказать ей о своих проблемах с питанием и признаться, что ее рвет четыре или пять раз в день. Диана не смогла скрыть того, что чувствует себя ужасно несчастной — ведь принц перестал быть таким очаровательным, как раньше.

Когда миссис Бартоломью в Австралии атаковали репортеры, допытываясь об отношениях Чарльза и Дианы, она отказалась отвечать на их вопросы. Каролин промолчала, когда ее спрашивали о отдельных спальнях и о свободном времени, которое супруги проводят каждый сам по себе. Один из репортеров, обратив внимание на большую разницу в возрасте, предположил, что двадцатишестилетней принцессе скучно с тридцатидевятилетним мужем.

— Вовсе нет, — ответила миссис Бартоломью.

— А что у них общего?

— Ну... ну... гм... гм... у них есть дети.

Диана чувствовала себя совершенно незащищенной, когда в 1986 году познакомилась на вечеринке с капитаном Джеймсом Хьюитом. Двадцатисемилетний холостяк флиртовал с принцессой, не переступая запретной черты. Его представили как искусного наездника из лейб-гвардейского конного полка. Диана призналась, что боится лошадей с тех самых пор, как в детстве упала с пони. Она добавила, что ее страх перед верховой ездой разочаровал мужа и всю королевскую семью и что ей хотелось бы изменить ситуацию. Красавчик офицер улыбнулся и предложил свою помощь. Через два дня Диана позвонила ему, чтобы договориться об уроках верховой езды.

Окончив частную академию в Милфилде, Джеймс Хьюит продолжил военное образование в Сандхерсте*, после чего вступил в лейб-гвардейский полк, посвятив армии всю свою жизнь. Он считал большой честью для себя служить в элитном королевском полку. Вне службы молодой офицер одевался как джентльмен и носил двубортный блейзер, мокасины от Гуччи и золотые запонки. Хьюит предпочитал шелковые галстуки, играл в поло и славился изысканными манерами. Кроме того, он слушал записи военных речей Уинстона Черчилля, чтобы улучшить свое произношение. Рыжеватые вьющиеся волосы, полные губы и мечтательные голубые глаза делали молодого офицера исключительно привлекательным

* Военное училище сухопутных войск.

для женщин. «Я отлично разбираюсь только в двух вещах, — говорил он, — лошадях и сексе». Годы спустя он хвастался, что ему удалось разделить и то, и другое с принцессой Уэльской.

Их роман начался в конюшнях Найтсбриджских казарм. В течение первых двух месяцев Диана появлялась здесь каждую неделю в сопровождении телохранителя и придворной дамы и брала уроки верховой езды. Вскоре придворная дама начала оставаться во дворце. А телохранитель скромно сидел в казарме, пока принцесса и ее инструктор вдвоем скакали по трассе, обмениваясь шутивными репликами. «Их лошади не часто выглядели утомленными», — вспоминал конюх Малькольм Лит. Позднее он продал свои воспоминания одной газете.

В Джеймсе Хьюите Диана нашла ровесника-мужчину, который умел наслаждаться женщинами и относился к ним с такой же любовью, как и к породистым лошадям. Он успокаивал и утешал их.

Принцесса Уэльская преодолела классовый барьер, чтобы сблизиться с Хьюитом, сыном морского капитана и дочери дантиста. В беседе с подругой Диана назвала Хьюита «своей душой» и добавила, что они очень похожи, несмотря на разное происхождение. Оба оказались превосходными спортсменами, которые очень трепетно относились к своей физической форме и придавали большое значение внешности. Оба любили одеваться и тратили долгие часы на приготовления, прежде чем появиться на публике. Оба были истинными соблазнителями, которые умели пользоваться своим обаянием.

На более глубоком уровне их объединяла травма, полученная в результате развода родителей.

Диана говорила, что постарается сделать все возможное, чтобы ее детей эта участь миновала. Однако, несмотря на отчаянные усилия, дети постоянно становились свидетелями шумных сцен, слез и постоянных взаимных упреков, которыми обменивались родители. Хьюит избежал подобных неприятностей, продолжая оставаться холостяком. Он был единственным сыном; мать и сестры, с которыми он оставался очень близок, страшно его баловали.

В отличие от Чарльза Хьюит ловил каждое слово Дианы. Он внимательно слушал ее рассказы о благотворительности и о том, с каким удовольствием она исполняет свои королевские обязанности, когда «они» (придворные) ей не мешают. Она чувствовала, что наделена божественной способностью утешать больных и умирающих; принцесса призналась, что исцеляющее прикосновение пришло к ней от «духов», которые ее направляют. Благодаря им она сумела расстаться с обычной церемониальной ролью принцессы, посещающей больницы. Диана представляла себя матерью Терезой в короне и утверждала, что сопереживает страждущим и ощущает их боль. Хотя Хьюит не разделял ее мистицизма, он упоенно слушал Диану и не подвергал сомнению ее слова — в отличие от епископа Нориджского, которого самым глубочайшим образом потрясли заявления принцессы. Когда она сказала духовному лицу, что является реинкарнацией души, уже жившей раньше, на его лице появилось удивление. После того как Диана стала утверждать, будто ее охраняет мир духов умерших людей, которых она знала, на лице епископа появился ужас. Однако Хьюит был человеком простодушным и нерелигиозным, и его молчание вдохновляло Диану.

Принцесса говорила ему о своих детях, которых называла «маленькими рыцарями в сияющих доспехах», и утверждала, что главнее их в ее жизни нет никого. В течение нескольких недель она водила Хьюита по болотам своего брака и открыла ему самые жуткие секреты — булимия, попытки самоубийства, отдельные спальни и любовница принца. Он увидел страдающую, отвергнутую мужем женщину. Как и у большинства мужчин, встречавшихся с Дианой, у него возникло желание ее защитить.

Однако у него хватило мудрости дать принцессе возможность сделать первый шаг, — так она и поступила, пригласив Хьюита на обед в Кенсингтонский дворец, когда Чарльз находился в Хайгроуве. В тот вечер она отпустила большую часть прислуги и чрезвычайно возбужденная встретила Джеймса у главного входа. Она отвела его в свою гостиную и показала на бутылку шампанского. Диана сказала, что редко пьет вино, но сейчас особый случай. Он откупорил бутылку и налил шампанское в бокалы, а Диана присела на полосатый диванчик. Оглядев комнату, Хьюит усмехнулся, заметив афоризм, вышитый на одной из разбросанных подушек:

«Если вы считаете,
что деньги не могут купить любовь,
значит, вам неизвестно, где ее покупают».

Он оценил умение Дианы делать покупки в лучших магазинах Лондона, поскольку и сам не раз получал самые экстравагантные подарки. Хьюит заявил, что на других офицеров его полка

произвели впечатление появившиеся у него новые вещи. Она опустила глаза и захихикала.

«С друзьями, любовниками и родственниками Диана всегда была очень щедрой, — вспоминал специалист по интерьерам Николас Хаслам. — Она просто неспособна не делать им подарков. Диана всегда появлялась в моей квартире с какой-нибудь милой вещицей — галстуком, растением или книгой. В отличие от остальных членов королевской семьи она умела тратить деньги на других людей».

Среди подарков, которые Хьюит получил от принцессы, был рыжевато-коричневый кашемировый свитер от «Харродз», четыре шелковых галстука и пара кожаных сапог для верховой езды ручной работы от Лобба, лучшего лондонского обувщика, стоившая 1500 долларов. Кроме того, он стал обладателем твидовой куртки для верховой езды с замшевыми накладками и кожаными пуговицами, трех сшитых на заказ костюмов, десяти рубашек от «Тернбулл и Ассер» с галстуками в тон, двух блейзеров, дюжины пар кашемировых носок, двух дюжин шелковых трусов, золотых запонок, усыпанной бриллиантами заколки для галстука и восемнадцатикаратными золотыми часами от Эспири, королевского ювелира.

Ограниченный жалованьем в 50 000 долларов в год, кавалерийский офицер не мог ответить ей взаимностью в таком же роскошном стиле. «Но зато я давал ей поносить свою одежду», — небрежно говорил он. Она просила его футболки и спала в них вместо ночной рубашки или надевала под лыжную парку его свитер для крикета. Она также нередко брала одну из его курток, в которой ходила гулять. Его самым дорогим подарком

была пара сережек с бриллиантами и изумрудами, которые Хьюит послал ей в награду за то, что она перестала грызть ногти.

После первого обеда в Кенсингтонском дворце он сидел на диване в гостиной, а Диана подала ему кофе. Затем потушила лампу над столиком, села ему на колени и обняла за шею. Через несколько мгновений — как Хьюит потом рассказал своему биографу — принцесса Уэльская встала и, не говоря ни слова, повела кавалерийского офицера в свою спальню.

В течение следующих восемнадцати месяцев их страстный роман развивался чрезвычайно стремительно, причем любовники далеко не всегда соблюдали приличия. Они посетили Олторп и, по словам Хьюита, занимались любовью в бассейне. Они приезжали в дом матери Хьюита в Девоне и занимались любовью в саду. Они проводили вместе ночи в Кенсингтонском дворце вместе с детьми Дианы и целые уик-энды в Хайгроуве, когда Чарльз уезжал. Молодые принцы так привыкли к присутствию Хьюита, что называли его «дядя Джеймс». Он проводил долгие часы, обучая их верховой езде. Иногда Хьюит брал мальчиков с собой в казармы, где они с интересом наблюдали за солдатами в мундирах. Он научил их маршировать, отдавать честь и держать ружье.

В свою очередь, Диана пригласила отца Хьюита и обеих его сестер на частный обед в Лондон. Джеймс рассказал им о своих отношениях с Дианой. Она также ездила с Джеймсом в Девон и проводила много времени с его матерью, которая содержала школу верховой езды. «Диана всегда помогала убирать после ужина, — вспоминала Ширли Хьюит. — Потом мыла посуду, а один раз

навела порядок в моем буфете. «А это еще что такое? Какое безобразие!» И принцесса тщательно вычистила и вымыла буфет».

Диана сумела расположить к себе миссис Хьюит, постоянно задавая ей вопросы о детстве Джеймса. Они вместе дразнили его, разглядывая старые альбомы с фотографиями.

Хьюит говорил, что не собирался влюбляться в принцессу, которую считал ранимой и эмоционально неустойчивой.

«Но, — признался он застенчиво, — это произошло... Мы много говорили о нашем совместном будущем. Было здорово мечтать и верить в то, что мы не в силах осуществить... в то, что мы сможем провести вместе остаток наших жизней».

Нервно подшучивая над «Эдиктом об измене» 1351 года, Хьюит спрашивал, смогут ли его отправить в Тауэр и отсечь голову за то, что он спит с Дианой. Древний закон запрещал прелюбодеяние с женой наследника престола, чтобы ни у кого не возникало сомнений в законности детей. Когда роман принцессы с ее инструктором верховой езды стал достоянием общественности — причем о нем рассказал сам Хьюит, а Диана подтвердила его слова, — некоторые королевские биографы заметили поразительное сходство между медноволосым Хьюитом и рыжеволосым принцем Генри. Однако Хьюит отрицал свое отцовство и неизменно утверждал, что они с Дианой познакомились только через два года после рождения ее младшего сына. «В действительности, — писал «Прайвит ай», — Хьюит впервые увидел Диану пятью годами раньше, на матче поло в 1981 году, перед ее свадьбой».

Принцесса не стала проявлять благоразумие и осторожность в отношениях с кавалерийским

офицером. Ее хватало лишь на то, чтобы изменять голос, когда она звонила ему в казарму из уличных автоматов, — больше Диана ничего не предпринимала. В некотором смысле она чувствовала себя защищенной от скандалов, поскольку люди привыкли видеть ее в сопровождении таких мужчин, как майор Дэвид Уотерхаус и банкир Филипп Данн. Так что все уже привыкли, что она появляется в общественных местах не одна. Диана рассчитывала на любовь, которую заслужила в роли принцессы Уэльской, понимая, что мало кто поверит в возможность ее супружеской измены — в особенности с человеком, который командует королевскими конюшнями.

«Это просто невысказано! — вспоминала одна из ее ближайших подруг. — Даже после того, как Диана во всем призналась по телевидению, связаться с хамом, который заработал на Диане кучу денег, написав о ней книгу, — я потрясена».

Брат Дианы, Чарльз Спенсер, несмотря на все свидетельства, защищал ее от обвинений в распущенности, потому что не мог представить себе, что она на такое способна. «Положив руку на сердце, — заявил он, — могу утверждать, что Диана спала только с одним человеком в жизни — со своим мужем».

Некоторые офицеры из полка Хьюита что-то заподозрили с самого начала и хитро подмигивали друг другу, как только речь заходила о принцессе и ее инструкторе верховой езды, которого они прозвали Рыжим Сеттером. Однако ни один из них не осмеливался сделать публичное заявление. «Даже когда я увидел, как они обнимались и целовались во время урока верховой езды, я был так поражен, что молчал об этом эпизоде целых

полтора года, даже жене ничего не сказал, пока не ушел в отставку», — заявил бывший конюх.

Вот как он описывал то, что ему довелось увидеть: «События происходили в середине ноября 1988 года, Хьюита перевели в Комбермерийскую казарму, что неподалеку от Виндзора. Я подготовил лошадь принцессы для урока, который начинался в три тридцать... и отвел ее в закрытый манеж, потому что погода в тот день выдалась отвратительная... Они встретились снаружи, а я стоял у входа и наблюдал за ними. Я увидел, как его руки пробралась к ней под блузку, которая выбилась из бриджей. Она прильнула к нему, и он приник к ней».

По мере развития романа Диана решила довериться своей бывшей соседке по квартире Каролин Бартоломью, а также Маре Берни, которая владела рестораном «Сан-Лоренцо» в Найтсбридже, где Диана и Хьюит иногда вместе ужинали. А еще Диана поведала свою тайну телохранителю Кену Уорфу, который сопровождал ее, когда она ехала куда-нибудь с Хьюитом, — в результате их встречи переставали походить на романтические свидания, а принимали деловой вид.

Диана включила имя любовника в список гостей, приглашенных в ноябре 1988 года на официальный бал по случаю сорокового дня рождения принца Чарльза. Даже не взглянув на список, состоящий из пяти сотен имен, Диана не сомневалась, что Чарльз позвал свою любовницу. Поэтому она посчитала необходимым пригласить своего инструктора верховой езды и любимого модельера Брюса Олдфилда. Все члены королевской семьи, кроме принца Эндрю, находившегося на борту «Эдинбурга», который плавал в австралий-

ских водах, собрались на балу в Букингемском дворце. На празднике присутствовали король Хуан Карлос и королева София из Испании, король Норвегии, великий герцог Люксембурга, князь Лихтенштейна и свергнутый король Греции. Герцоги Нортамберлендский и Вестминстерский танцевали и пили шампанское до трех часов утра вместе с рок-звездами, диск-жокеями и крупными бизнесменами.

Чарльз начал этот день с поездки в Бирмингем, где находился Фонд принца — благотворительное учреждение, основанное им в 1976 году, которое занимается устройством на работу молодых людей, имеющих врожденные недостатки. Первым делом утром он надел значок «Жизнь начинается в 40», который подарили ему дети, а толпа приветствовала его радостными воплями — все хором пели «С днем рождения».

— Когда вы станете королем? — выкрикнул какой-то механик.

— Не знаю, — ответил Чарльз. — Вполне возможно, что прежде я попаду под автобус.

Церемония празднования в Бирмингеме не произвела впечатления на лидера лейбористской партии. «Всего лишь очередной жест, — заявил Деннис Скиннер. — Королевские особы сбрасывают крохи со своего стола для бедных и несчастных... чтобы облегчить совесть и сделать вид, что они занимаются благотворительностью».

Вечерний бал во дворце вызвал еще большее негодование общественности. «Праздник стоил больше, чем многие малообеспеченные семьи в состоянии потратить за всю жизнь! — возмущался Скиннер. — Те, кто живет припеваючи, включая и королевскую семью, должны приложить не-

мало усилий, чтобы не относиться к бедным людям с презрением. Устраивать подобный праздник — все равно что сыпать песок в лица тех, кто стоит у подножия лестницы».

Чарльз заявил, что ему наплевать на критику, в особенности если она исходит от безумцев. «Теперь, когда мне исполнилось сорок, — говорил он, — я чувствую себя гораздо увереннее». Он считал, что его забота об инвалидах достойна особы королевской крови, в то время как участие, которое проявляла его жена по отношению к больным СПИДом, Чарльз считал «неуместным». Не устраивало принца и освещение в прессе визитов Дианы к таким больным. Он назвал его «сентиментальным» и «рекламным». Принц утверждал, что в намеченной Дианой поездке в гарлемскую больницу в Нью-Йорке, где она собиралась посетить детей, больных СПИДом, нет никакой необходимости. Когда Чарльз отказался сопровождать ее в Гарлем, столицу черной Америки, она отправилась туда сама. Позднее он назвал «предсказуемой» газетную фотографию, где принцесса обнимала умирающего от СПИДа черного ребенка.

Ответ Дианы оказался весьма расчетливым. Вернувшись в Лондон, она дала интервью корреспонденту «Дейли миррор», в котором поведала ему о своем турне. Принцесса рассказала о том, каким напряженным было ее расписание. «Меня охватывает глубокая печаль, когда я вспоминаю о том, как держала на руках маленького мальчика, — сказала она. — Он был таким трогательным! Может быть, такое впечатление сложилось у меня из-за того, что я путешествовала одна. Когда муж рядом, я никогда не испытываю подобной грусти».

Дворец интерпретировал ее слова как скрытую атаку против мужа и решил сделать заявление, в котором говорилось о переутомлении принцессы: «Посещение больницы в Гарлеме оказалось тяжелым переживанием для принцессы Дианы. Она два дня непрерывно работала, но реакция наступила только сейчас». Так в средствах массовой информации прозвучал первый выстрел в долгой войне, которую повели коварные придворные и своенравная принцесса.

«Диана мастерски добивалась преимущества, — писал лондонский обозреватель Росс Бенсон. — Когда она и Чарльз посетили музыкальный колледж, он получил возможность набрать очки, сыграв несколько нот на виолончели. Однако Диана легко вышла победительницей и здесь. Как только принц взялся за инструмент, она быстро пересекла сцену, уселась за рояль, открыла крышку и заиграла начало второго фортепьянного концерта Рахманинова. Все камеры немедленно обратились на нее, оставив без внимания униженного Чарльза».

Несмотря на возражения мужа, Диана отправилась вместе с ним на день рождения Аннабель Эллиот, сестры Камиллы Паркер Боулз. Сорок приглашенных гостей принадлежали к разряду людей, которых Диана называла скучными друзьями мужа, поэтому никто не ожидал ее появления. Однако принцесса решила встретиться лицом к лицу с любовницей мужа.

«Я помню, как видел Диану на том приеме вскоре после ее знаменитого путешествия в Гарлем, — писал лондонский адвокат, — и пришел к выводу, что она либо глупа, либо страдает от перемены часовых поясов: принцесса не могла поддержать раз-

говор и не сводила глаз с Чарльза, который весь вечер провел рядом с Камиллой. Я так и не понял, что происходит, пока мне не объяснила жена».

Когда прием подходил к концу, принцесса подошла к Камилле и сказала, что хочет поговорить с ней наедине. Диана дождалась, пока последний гость выйдет из комнаты, а потом, глядя сопернице в глаза, прямо спросила: «Почему бы вам не оставить моего мужа в покое?» Смутившись, Камилла начала протестовать, но Диана резко оборвала ее и сказала, что все знает. Она процитировала телефонные разговоры, любовные письма, вспомнила охоту на лисиц и вечерние воскресные визиты. Диана заявила, что ей известно, как Камилла играет роль хозяйки дома в Хайтроуе, когда она отсутствует, — и ей это совсем не по нраву. А затем обвинила Камиллу в том, что из-за нее Чарльз меньше внимания уделяет детям и что она разрушает брак наследника британского престола. Высказавшись, Диана подошла к мужу и потребовала, чтобы он отвез ее домой.

На следующее утро Диана позвонила Каролин Бартоломью и поведала ей о том, что сделала. Затем, наслаждаясь своей смелостью, она в подробностях рассказала Джеймсу Хьюиту о своем разговоре с Камиллой. Диана утверждала, что теперь наконец-то освободилась от Камиллы.

— Почему, почему, — спрашивала она Хьюита, — я не сделала этого раньше? Тогда все могло бы быть иначе.

Хьюит ответил, что Диана заслужила медаль за храбрость, и поинтересовался реакцией Чарльза.

— Он был охвачен холодной яростью, — с гордостью ответила Диана, — и все время повторял: «Как ты могла!»

В 1989 году отец Дианы пригласил королевскую чету на шестидесятую годовщину мачехи Дианы. Однако Чарльз планировал путешествие в Турцию и не захотел его отменять. «Меня не будет в Англии», — написал он в записке жене. Таким образом он старался избегать ссор. Чарльз тихо выехал из Кенсингтонского дворца и поселился в Хайгроуве. Дети теперь навещали его на уик-эндах. Он не сказал жене, что отправляется в Турцию в сопровождении Камиллы Паркер Боулз и ее мужа Эндрю, но Диана тем не менее это выяснила.

Когда Диана рассказала Хьюиту о предстоящей поездке Чарльза, она среди прочего заявила, что теперь ей наплевать на Чарльза, Камиллу и «Эндрю-Припаркованные яйца» — прозвище бригадира Боулза, которое она почерпнула из сатирического журнала «Прайвит ай»*. Однако Хьюит подозревал, что в действительности дело обстоит иначе, и Диана очень хотела бы восстановить свой брак. Но он ничего не сказал и сразу согласился сопровождать ее на бал в дом отца. «Там соберется пятьсот гостей, так что нам ничто не угрожает», — заверила его Диана.

Вскоре после праздника в Олторпе Хьюит получил приказ принять командование танковой ротой в Германии. Взволнованный повышением, он не знал, как сообщить Диане о том, что исчезнет из ее жизни на два года. Позднее Хьюит вспоминал, что она возмущалась его отношением и тем, что он поставил на первое место карьеру,

* За глаза Диана называла членов королевской семьи именами, данными им в «Прайвит ай»: королева была Брендой, герцог Эдинбургский — Кейтом, принцесса Маргарет — Ивонной, Чарльз — Брайаном, Эдуард — Кледом, а сама Диана — Черил. — *Примеч. авт.*

предавая тем самым их отношения. Диана перестала отвечать на его звонки, и Хьюит уехал из Англии, так и не повидавшись с ней.

Прошло несколько недель, и Диана разыскала человека, в которого была влюблена, когда ей исполнилось семнадцать лет. На сей раз Джеймс Гилби оказался куда более восприимчивым. Во время ужинов и тихих обедов он с благоговением слушал горестную сагу о несчастливом замужестве принцессы. И стал для нее чем-то вроде подушки, в которую она могла выплакаться. Они начали встречаться после званого обеда в доме их общего друга телерепортера Дэвида Фроста и его жены Карины. Когда в тот вечер Диана и Гилби вместе покинули дом Фростов, их сфотографировали в тот момент, когда они целовались на прощание. Поцелуй оказался таким долгим, что фотограф решил вести наблюдение за квартирой Гилби в Леннокс-Гарденс, неподалеку от универсама «Харродз». Через несколько дней терпение фоторепортера было вознаграждено: ему удалось снять принцессу, выходящую из квартиры Гилби в час пятнадцать ночи. Гилби заявил, что они играли в бридж, но тут же добавил: «Вероятно, нам с Дианой не стоило встречаться при таких обстоятельствах».

С тех пор Диана вела себя гораздо осторожнее. Вместо того чтобы навещать Гилби у него на квартире, она начала тайно встречаться с ним в доме Мары Берни, за углом ресторана «Сан-Лоренцо». Кроме того, она купила бумагорезательную машинку и поставила ее в своем кабинете в Кенсингтонском дворце. Затем арендовала на почте ящик для личной корреспонденции, а в разговорах по телефону пользовалась кодом. Диана предпочитала мобильные телефоны, поскольку считала их более

надежными. Как только принцесса обнаружила, что ошибалась, она сразу перестала ими пользоваться. Когда Диана звонила по телефону из Кенсингтонского дворца, она часто закрывала двери в свои комнаты и включала телевизор, чтобы слуги не подслушали разговор.

Несмотря на все ее усилия, одна из бесед Дианы с Джеймсом Гилби, состоявшаяся 31 декабря 1989 года, оказалась записанной на магнитофон. Когда британская бульварная пресса напечатала стенограмму разговора три года спустя, редактор решил изъять десятиминутный фрагмент, в котором принцесса и ее любовник обсуждали мастурбацию. Кроме того, Диана говорила, что боится забеременеть.

— Дорогая, тебе не следует ни о чем беспокоиться, — уверял ее Гилби. — Ты не забеременеешь.

Диана ответила, что начала тревожиться после того, как посмотрела телевизионный сериал, в котором у одной из главных героинь появился ребенок.

— Все думали, что отцом является ее муж, — сказала принцесса, — а в действительности отцом оказался любовник. — Они с Гилби рассмеялись.

— Манящая [такое прозвище придумал Гилби для Дианы], поцелуй меня... Ах Господи! Это так замечательно, правда? Это такое чувство... Тебе нравится?

— Да, милый, да! — ответила Диана.

К тому моменту когда записанный на магнитофонную пленку разговор, известный под названием «Манящие врата», стал достоянием публики, пьедестал принцессы уже обрушился в канаву, и она изо всех сил старалась удержать голову над навозной жижей.

ГЛАВА 17

Герцогиня тоже оказалась на грани скандала. Она покинула тропу «долга и декорума» за несколько недель до своего бракосочетания. И ее обвинили в том, что она сбила принцессу Уэльскую с пути праведного. Их сфотографировали в Аскоте в тот момент, когда они тыкали какого-то мужчину в зад кончиками своих зонтов. Пару дней спустя они переоделись полицейскими и ворвались на холостяцкую вечеринку принца Эндрю. Воспользовавшись полицейскими бляхами и дубинками, они вломились в ночной клуб «Аннабельс», уселись у стойки бара и потребовали выпивку. Общественное мнение пригвоздило Сару к позорному столбу. Диана же, всеобщая любимица, выпуталась из передряги без потерь. Все это напоминало волшебную сказку про двух принцесс: одна открывала рот, и из него сыпались рубины и бриллианты, когда же говорила другая, на свет появлялись лишь жабы.

«Принцесса Уэльская намного красивее, и потому ее не судят так строго, — написал обозреватель «Санди таймс» Крейг Браун, — и еще: ее выходы не так очевидны, как то, что вытворляет гер-

цогиня Йоркская. Герцогиня обладает удивительной способностью демонстрировать всем, что представляет собой современная Британия — яркую безвкусицу, шумную энергию и полное отсутствие загадочности».

В течение первого года супружеской жизни герцогиня Йоркская стала герцогиней Мерзкой*. Она взяла отпуск на 120 дней, но постоянно жаловалась на то, что слишком много работает. В течение года она выполнила 55 королевских обязанностей, в то время как принцесса Анна — 429. Сару Фергюсон стали называть герцогиня Бездельница. Когда она набрала пятьдесят фунтов за время первой беременности, она получила новое прозвище — герцогиня Свинская. Как только она согласилась на привилегию даром летать первым классом, даром останавливаться в самых роскошных апартаментах и даром пользоваться лимузинами, ей дали очередное имя: Паразитка Ферджи. Кроме того, Сара с готовностью приняла предложение Картье и Луи Виттона бесплатно получать от них часы и чемоданы. Поскольку она просто обожала деньги, Ферджи предполагала, что ей станут платить за все интервью, и требовала, чтобы модельеры создавали для нее дорогие туалеты. Французский кутюрье Ив Сен-Лоран принял ее предложение, в то время как соотечественница Ферджи — Зандра Роудс категорически отказалась, заявив: «Мне лишняя популярность ни к чему».

Сара вела себя, точно пьяница, которому уже окончательно отказала голова. Однажды при большом стечении народа она игриво швырнула

* Игра слов: York — Йоркская, уisk — мерзкая.

в своего мужа куском хлеба. В другой раз высыпала всю соль из солонки ему на голову и облила шампанским. Поскольку Сара занималась аукционами для благотворительных целей, она старалась заставить участников заплатить больше, чем они намеревались. «Да ладно, Джордж, — вопила она одному до крайности изумленному человеку, — твоя жена хочет по-больше!» На приеме в честь эмира из Ближнего Востока Ферджи на глазах у сорока изумленных гостей уселась на пол и крикнула девушке-стриптизерке: «Снимай! Все снимай!»

«Ферджи думает, что, разбрасывая вокруг себя еду, становится похожей на какую-нибудь представительницу низших классов, а на самом деле просто демонстрирует всем свою вульгарность, — писал журналист Таки Теодоракопулос. — Если вы хотите разогнать засидевшихся допоздна в вашей лондонской квартире гостей, скажите: «Ах, Ферджи! Наконец-то. Как поживаешь?» Ваши приятели мгновенно разбегутся в разные стороны. Когда Филипп хочет рассмешить королеву, он берет телефонную трубку и говорит: «Что? Неужели Ферджи переехал грузовик?»

Журналистам даже удалось заснять ее, когда она отправилась с королевской семьей в Шотландию на охоту и разбила себе лоб об оптический прицел ружья. Одна из журналисток сказала, что ей печально слышать про то, как Ферджи пострадала «в результате невинного девичьего развлечения, когда ради собственного удовольствия пыталась убить большое животное».

«До определенной степени, — признавал ее отец, — титул герцогини Йоркской ударил ей в голову. Впрочем, она никогда не отличалась при-

мерным поведением. Члены королевской семьи получают некоторые привилегии, однако необходимо понимать, что существует предел. Сара считала, что ей позволено многое. В те дни Эндрю должен был проявить твердость характера, чтобы направлять ее и давать ей разумные советы, но он этого не делал».

Эндрю без колебаний отчитывал Сару на людях, если она вела себя плохо, в особенности когда много пила. После очередного выговора она взорвалась. «Почему ты в присутствии посторонних постоянно ставишь меня в неловкое положение, если я что-нибудь делаю не так? — спросила она. — Это не благородно. Иногда ты становишься таким же отвратительным, как твой отец».

Ферджи, которая огорчалась из-за того, что в прессе о ней появлялись весьма нелестные отзывы, пыталась снискать расположение журналистов, в то время как Эндрю их игнорировал. «Не разговаривай с ними, — говорил он. — Они обожают всех критиковать. Сначала создают героев, а потом топчут их ногами».

«Что мне делать? — спрашивала она у подружки. — Эндрю советует мне не обращать внимания на газетчиков, но он сидит на своем корабле, и наша жизнь его не очень касается».

В феврале 1988-го, когда Йорки согласились отправиться в Лос-Анджелес, чтобы познакомить американцев с достижениями британского искусства и промышленности, поток критических статей несколько ослаб. Сара, которая была на третьем месяце беременности, предстала перед публикой в костюме, сшитом во Франции. Однако она тут же поспешила сообщить, что ее трусики сделаны в Англии.

«Мои штанишки куплены у «Маркса и Спаркса», — прошебетала она, сказав популярное название магазина «Маркс и Спенсер», в который ходят британские домохозяйки, принадлежащие к среднему классу.

В предвкушении визита королевской четы, купцы китайского квартала вывесили транспаранты: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, ФЕРДЖИ И КАКТАМ-ЕГО-ЗОВУТ». Эндрю веселился, глядя на них. В плотно облегающей полосатой рубашке он выглядел так, будто только что победил в конкурсе «кто больше съест». Во время предыдущего визита в Лос-Анджелес его называли королевским ублюдком после того, как он окатил журналистов краской. Британскому консульству пришлось заплатить одному американскому фотографу 1200 долларов, чтобы покрыть убытки, да еще принести извинения.

«Мне выдали чек, чтобы я починил фотоаппарат, — вспоминает фотограф Крис Галкен. — При этом мне сказали: «Ее Величество хочет, чтобы вы знали, что эти деньги вычтены из личного фонда Эндрю. Британский народ не пострадал».

Комментатор лос-анджелесского телевидения рассказывал о визите Эндрю в Калифорнию в 1984 году как «о самом неприятном посещении страны британцами с тех пор, как они сожгли Белый дом во время войны 1812 года».

Премьер-министр была настолько расстроена реакцией прессы на поведение Эндрю, что приказала специалистам по рекламе из лондонской конторы «Саатчи и Саатчи» провести конфиденциальное расследование с целью установить, что можно сделать, чтобы изменить общественный имидж Эндрю. Доклад миссис Тэтчер представи-

ли королеве, которая отказалась его читать. «Не думаю, что нуждаюсь в советах по вопросам, касающимся моей семьи, — заявила она, — в особенности от этой ужасной женщины».

Во время турне Эндрю вел себя гораздо лучше, чем обычно. Прибыв в Лонг-Бич на королевской яхте «Британия», они с Сарой в течение десяти дней путешествовали по Южной Калифорнии — посещали школы и супермаркеты, где Ферджи посылала воздушные поцелуи, а Эндрю раздавал автографы. Сара появлялась с крошечными американским и британским флажками в волосах и говорила фотографам: «Обратите внимание на мою прическу, ребята». Во время посещения «Баллокс Уилшир», торгового центра в Лос-Анджелесе, чета зашла в несколько бутиков британских модельеров. Эндрю заметил черный замшевый пиджак, который ему ужасно понравился, и получил его в подарок от владельца. Принц принял подарок, но потом решил, что хотел бы иметь что-нибудь более современное, например небесно-голубой пиджак из замши. Ему поменяли один подарок на другой.

Школьники, никогда до сих пор не видевшие живой герцогини, толпились вокруг Ферджи и засыпали ее вопросами о жизни в замке. Она сказала, что самое трудное — ходить в туалет. У самых маленьких глаза открывались от изумления, когда они слышали ее рассказ о старомодных туалетных комнатах королевы. «Приходится дергать за веревку, а не нажимать на кнопку, — объясняла она. — Я вечно все путаю».

Британская пресса заклеимила ее, объявив вульгарной, как ревуший осел. Когда-то Ферджи называли глотком свежего воздуха, теперь же она

стала скунсом, пробравшимся на вечеринку в саду. «Она ставит нас в неловкое положение — причем на международном уровне, — жаловался корреспондент «Санди таймс». — Американцы, вне всякого сомнения, будут собираться на своих рафинированных обедах и потчевать друг друга анекдотами о вульгарности британцев».

В тот вечер герцогиня явилась на прием, увешанная бриллиантами, полученными от королевы. Слепительная в своей диадеме, ожерелье, сережках и браслете, она язвительно говорила тем, кто не мог отвести от нее взгляда: «Закрой варежку!»

Однако энергичная рыжеволосая англичанка очаровала американцев, в особенности кинозвезд, которые собрались в Голливуде, чтобы с ней познакомиться. Морган Ферчайлд взволнованно опустила перед Ферджи в реверансе, а Пирс Броснан потерял дар речи. «Я не знал, что ей сказать», — покраснев, признался он. Впрочем, Джек Николсон повел себя не столь сдержанно. «Она заявила, будто огорчена тем, что ее посадили не со мной, — рассказывает он со своей характерной усмешечкой. — Я же ответил, что, возможно, ей повезло, поскольку не знаю, какая ее ждала бы судьба, если бы я сидел рядом».

Ферджи подскочила к Джону Траволте и сообщила ему, что принцесса Уэльская все еще рассказывает всем и каждому о том, как танцевала с ним в Белом доме. «Она сообщила мне, что Диана просто обожает рассказывать о том эпизоде», — сияя, вспоминал Траволта.

На одном торжественном обеде герцогиня появилась в немыслимом одеянии из розового тюля с розовыми шелковыми цветами. Лондонская «Санди таймс» с отвращением прокомментировала

ла ее туалет следующим образом: «Она выглядела так, будто заняла третье место в конкурсе «Мы все похожи» Кармен Миранды».

На следующий вечер Сара заявила в отель «Билтмор» в длинном черном платье с огромными буфами из оранжевого шелка. Модельер мистер Блэкуэл охарактеризовал его как «отвратительно уродливое» и поставил Сару во главе своего «Списка самых плохо одетых людей 1988 года», назвав ее «герцогиней, которая ходит, точно хромая утка». Длинные рыжие волосы Ферджи превратились в массу кудряшек, закрепленных бриллиантовыми гребнями и ниспадающих на плечи спиральками. Впечатление она производила немыслимое даже по весьма вольным меркам Голливуда.

Подойдя к микрофону, Сара оглядела собравшихся — 750 человек, заплативших по тысяче долларов каждый за возможность оказаться рядом с одним из членов королевской семьи, — и подмигнула Роджеру Муру, конференсье, а потом, заметив актера Джорджа Гамильтона, демонстративно облизнулась. «Сколько здесь мужчин!» — сладостно любиво объявила она.

Какой-то восторженный молодой человек крикнул:

— Мы любим тебя, Ферджи!

Она ответила ему:

— А с тобой мы встретимся чуть позже.

— Вот она какая, Ферджи, — сочувственно кивая головой, проговорил обозреватель Росс Бенсон. — Таким было начало конца. Я написал о том, что она произвела потрясающее впечатление на американцев, однако вся британская пресса принялась мстительно поливать ее грязью. Журналисты заявили, что ее поведение опозорило ко-

рону, и со снобизмом, столь характерным для нашей страны, отмахнулись от Сары, как от плохо воспитанной дочери конюха, вырядившегося в клубный пиджак.

Йорки покинули Лос-Анджелес и направились в Палм-Спрингс, где Уолтер и Ли Анненберг пригласили их провести выходные в Саннилендс, поместье в 208 акров, расположенном в пустыне. Бывший посол Соединенных Штатов в Британии и его жена встречали королевский вертолет на своей собственной посадочной площадке. Анненберги устроили так, что целая флотилия мототележек для гольфа должна была перевезти в дом герцога и герцогиню, их камердинеров, горничных, охрану и багаж.

Ферджи выпрыгнула из вертолета, ее волосы скрепляла большая золотая заколка в форме гитары с надписью «РОК». Эндрю был в мокасинах с кисточками. Они запрыгнули в две тележки и точно маленькие дети на аттракционе, радостно хохоча, принялись разъезжать по взлетной полосе.

На следующий день они присутствовали на игре в поло, а вечером — на официальном обеде в поместье Анненбергов.

«Мы пригласили всего лишь нескольких друзей», — сказала миссис Анненберг про свой прием, на котором присутствовало около сотни человек. Специально выдрессированные собаки, работающие в Государственном департаменте Соединенных Штатов, обнюхали все углы в поисках взрывных механизмов, прежде чем прибыли кинозвезды и общественные деятели. Актер Майкл Йорк («Никаких родственных связей», — шутила Ферджи) делал фотографии, а герцогиня попро-

сила Фрэнка Синатру спеть для нее песню. Он исполнил в ее честь «Леди-бродяжка».

«Меня определенно оскорбляют критические высказывания британской прессы в адрес герцога и герцогини, — возмутился глава протокольного отдела в Лос-Анджелесе. — Мэр Брэдли находит герцогиню весьма занимательной особой и считает, что турне королевской четы по Калифорнии прошло исключительно успешно».

Многие американцы встали на сторону Ферджи: герцогиня-сумасбродка пришлась им по душе, в особенности приводили в восторг вызывающие манеры и ремарки. «Не имеет значения, что иногда заявления Ферджи заканчиваются вопросительным знаком, — писал корреспондент «Ю-эс-эй тудей». — Столь ослепительно яркая личность может залить светом всю комнату, даже если на нее надеть абажур».

Ферджи, в свою очередь, нашла американцев очень симпатичными. «Мне нравится путешествовать по Соединенным Штатам, — сказала она в Национальном пресс-клубе в Вашингтоне несколько лет спустя, — потому что американцы ведут себя со мной так мило. Возможно, в своей прежней жизни я была американкой». Все принялись радостно хлопать, очевидно, не обратив внимания на тот факт, что герцогиня верит в реинкарнацию. Она сказала, что особенно ей понравился Нью-Йорк. «Вот где мне удалось затовариться», — заметила она, имея в виду свои марафонские рейды по магазинам. Когда Ферджи вернулась в Лондон, авиакомпания прислала ей чек на 1200 долларов за 51 лишнее место багажа.

«Поездки в Америку привели к тому, что ее имидж здесь заметно пострадал», — отмечала

британская журналистка Ингрид Сьюард, когда дружила с ней.

Однако Саре было все равно. Муж находился в море, а она скучала. И потому начала летать на «конкорде» в Нью-Йорк, где ее присутствие вызвало среди богатых выскочек волну бесстыдного соревнования. Ее социальное положение привлекало магнатов и миллионеров, которые постоянно вертелись вокруг нее. «Она поразительно красива, — заявил мультимиллионер Дональд Трамп, — очень энергична и обладает яркой индивидуальностью».

Сара всегда удивляла и развлекала окружающих. Она потчевала новых друзей анекдотами о королевской семье, вспоминала о любви королевы к непристойному юмору, повторяла любимые шутки Ее Величества, включая историю о визите нигерийского генерала Гована.

Она рассказала, что королева встретила президента Гована на вокзале Виктория, а потом они сели в карету и поехали во дворец. Одна из лошадей подняла хвост и испортила воздух.

Королева повернулась к президенту Говану.

— Ах, приношу свои извинения, не слишком удачное начало вашего визита.

— Пожалуйста, не извиняйтесь, — ответил Гован. — К тому же я подумал, что это сделала одна из лошадей.

После нескольких бокалов Сара продолжала делиться с окружающими своим запасом скабрзных шуток. Одной из самых любимых была история о том, как королеву пригласили на радишоу «Что это такое?». Ответ на вопрос сообщают собравшейся аудитории ведущие до того, как появляется гость, который имеет право задать двад-

цать вопросов, после чего должен угадать задуманное слово.

В тот вечер, когда гостем оказалась сама королева, было задумано слово «horsecock» — «лошадиный член».

Королева сразу приступила к делу.

— Животное, овощ или минерал? — спросила она.

— Животное, — ответили участники передачи.

— Это можно поцеловать?

— Ну, как вам сказать... Пожалуй, да, это можно поцеловать, если возникнет такое желание.

— Это лошадиный член? — спросила королева.

Сара заливалась смехом, когда произносила ключевую фразу, чем несказанно поразила хозяйку дома.

«Я совсем не так представляла себе герцогиню, — осторожно призналась она, — но жизненная энергия в ней была ключом, и она всегда присылала нам благодарственные письма».

Послания Сары, которые она отправляла из Букингемского дворца, были написаны на личной почтовой бумаге с тисненой маленькой короной над большой буквой «С».

Искусный пародист, Сара развлекала новых друзей, показывая им своих королевских родственников. Она изображала принца Филиппа, вышагивая по комнате гусиным шагом, совсем как немецкий солдат, и выкрикивая приказы. Потом сделала гримаску и проговорила: «А это Ее Величество, когда мы называем ее «мисс Поросячье личико». Она продемонстрировала походку королевы, не забыв о сумочке, которая раскачивалась на согнутой в локте руке. Затем, к удивлению ауди-

тории, она схватила кухонный нож и при его помощи произвела в рыщари хозяйскую собаку. Приложив стальное лезвие к ушам щенка, она пропищала, имитируя королеву: «Встаньте, сэр Резерфорд».

Герцогиня встретила достойного партнера на приеме в Нью-Йорке, который устроил ее первый литературный агент Морт Джанклоу, усадивший Сару напротив писателя Нормана Мейлера.

— Я никогда не читала ваших книг, — призналась Ферджи. — С какой бы вы посоветовали мне начать?

— «Крутые парни не танцуют», — ответил Норман Мейлер.

— О чем она?

— О лохматке и дырке.

Писатель Том Вулф затаил дыхание, но герцогиня не дрогнула.

— Знаете, мистер Мейлер, — заявила она, — сейчас мне так интересно наблюдать за лицами собравшихся здесь людей.

На Мейлера ее мгновенная реакция произвела впечатление.

«Она ответила мне превосходным экспромтом, — с некоторым сожалением вспоминал он позднее тот вечер. — В меня словно вселился дьявол... Я сказал, что в моей книге есть любопытная дискуссия о различиях между внутренними и внешними женскими половыми органами, лохматкой и дыркой. Должен признать, что Ферджи держалась великолепно. Многие гости почувствовали себя оскорбленными, но Сара Фергюсон вела себя превосходно, продемонстрировав жеманницам, что совершенно не обижена. Мне было немного не по себе, когда газеты извлекли ее в

грязи, — полагаю, в Англии на такие вещи обращают внимание».

Когда Сара вернулась в Букингемский дворец, ее приветствовал мрачный сэр Роберт Феллоуз, который получил повышение и теперь выполнял обязанности личного секретаря королевы*. Он вошел, размахивая целой стопкой газетных вырезок.

— Ну, кажется, мы опять неважно выступили, не так ли? — осведомился Феллоуз, недовольно покачав головой.

Он швырнул вырезки на письменный стол Сары, словно это были дохлые мыши. Она сердито на него посмотрела.

— Да бросьте вы, Роберт! — вскричала Сара.

— Вы, должно быть, испытали большое разочарование, — сказал он, глядя на нее сквозь очки в стальной оправе. И, уже повернувшись, чтобы уйти, добавил: — Во всяком случае, Ее Величество весьма расстроена.

Феллоуз, или «Беллоуз»**, как его называла Ферджи, приходился ее отцу двоюродным братом. И довольно скоро она начала его презирать.

* За период правления у королевы было шесть личных секретарей, все они были мужчины. Вот первые четыре: сэр Алан Ласель (1952—1953), сэр Майкл Эдин (1953—1972), сэр Мартин Чартерис (1972—1977) и сэр Филипп Мур (1977—1986). Все — старше королевы. Два последних секретаря были моложе Елизаветы. Это сэр Уильям Хезелтайн (1986—1990) и сэр Роберт Феллоуз (р. 1990). К 1990 году стало очевидно, что королева предпочитает доверять ответственные должности при дворе мужчинам. Из 49 мест только четыре места занимали женщины, причем одна из них была вынуждена уйти в отставку после брака с разведенным мужчиной. Хотя в Содружестве живет довольно много чернокожих, среди обслуживающего персонала королевы, насчитывающего 900 человек, есть только десять чернокожих, причем все они являются рядовыми слугами. — *Примеч. авт.*

** От bellow — мычать (англ.).

Сара страшилась его визитов в свой кабинет, потому что он всегда входил с кислой миной и мрачно бросал на стол очередную кипу газетных вырезок, повествующих о ее последних похождениях. Ферджи говорила друзьям, что как только «Беллоуз» приближается к ее дверям, у нее немедленно начинает болеть живот. «Ему не терпелось показать мне статью, где писали, что премьер-министр сказала, будто я позорю королевскую семью», — жаловалась она.

«Он был ее главным палачом, — заявила одна деловая женщина из Нью-Йорка, советами которой неофициально пользовалась герцогиня. — Зануда «Беллоуз», как его называла Ферджи, превратил ее жизнь в ад. Ей приходилось в одиночку сражаться с неумолимой дворцовой системой, которая пыталась подавить ее свободолюбивый дух. Сара не могла рассчитывать ни на чью помощь. Даже муж был не в силах защитить Сару от придворных, хотя очень ее любил. Он сам их боялся.

Неожиданно Ферджи поняла, что монархия направила против нее свое могущество; она знала, что попала в беду, но ей было не к кому обратиться за поддержкой. Никто из придворных не желал ее слушать. Королева обожала невестку, но королева не определяла дворцовой политики. Всем управлял принц Филипп. Как только он решил, что Сара не стоит тех неприятностей, которые доставляет, с ней все было кончено. Эндрю, постоянно уходившего в море, никогда не оказывалось рядом. Принцесса Уэльская видела в Ферджи соперницу. Мать Сары ухаживала в Бразилии за умирающим мужем. Ее сестра Джейн разводилась с мужем в Австралии. А на помощь отца не приходилось рассчитывать после того, как он оказал-

ся вовлеченным в сексуальный скандал. Поэтому, будучи ее другом, я попыталась ей помочь».

Американская подруга посоветовала герцогине улучшить свой имидж, активнее исполняя обязанности члена королевской семьи и занимаясь благотворительностью для умственно отсталых и детей-инвалидов. «Я предложила Саре воспользоваться страницей из книги Дианы», — сказала советчица. Она объяснила постоянно меняющиеся отношения герцогини и принцессы соперничеством и самой обычной ревностью. «Сара чувствовала, что ее приносят в жертву, чтобы освободить поле деятельности для Дианы, будущей королевы. Она возмущалась, когда пресса постоянно сравнивала их — Диана выглядела любящей матерью, а Сара — распутницей, бросающей своих детей на долгие месяцы, чтобы предаваться дорогостоящим развлечениям».

Лыжный инструктор Ферджи, Бруно Спречер из Швейцарии, описывал ее как женщину, которая не любит других женщин. «Герцогиня всегда умела хорошо кататься, — говорил он, хотя Сара останавливалась каждые десять минут, чтобы выкурить сигарету, — и всегда оставалась в отличных отношениях со всеми мужчинами в группе, но не признавала конкуренции со стороны женщин».

Подруга из Нью-Йорка смотрела на сложившееся положение иначе: «К несчастью, Сара вела себя слишком откровенно и тем самым себе вредила. Она признавалась, что никогда не любила детей, пока не обзавелась собственными. Диана, естественно, представлялась окружающим мадонной, обожающей всех малышей подряд. Однако Сара не считала, что Диана такая уж хорошая мать, особенно когда принцесса Уэльская попыталась настроить

своих детей против Чарльза. Она [Диана] постоянно спрашивала маленьких принцев: «Кто любит тебя больше всех? Кто любит тебя больше всего на свете?» А мальчики должны были отвечать: «Ты, мамочка. Ты любишь нас больше всех». Сара чувствовала, что так нельзя. Кроме того, она возмущалась, когда Диана описывала Чарльза самыми черными красками. Сара говорила, что принц совсем не настолько плох. Недалекий — да, но вовсе не такое чудовище, каким его изображает Диана».

Советчица Сары из Нью-Йорка продолжала: «Сара никогда не критиковала принцессу Уэльскую — она была для этого достаточно умна, — но герцогиня не раз замечала, как Диана плохо к ней относится. Например, принцесса даже не пыталась утешить Сару, когда у ее отца начались те жуткие неприятности. [В мае 1988 года в бульварной прессе появились сообщения, что майор Рон является постоянным посетителем массажных салонов. «Прайвит ай» устроил конкурс на составление анаграмм из «Ronald Ferguson». Победителями стали: «organ flounders» и «old groaner's fun»*. Через четыре года его роман с Лесли Плейер стал достоянием публики, и она призналась, что сделала аборт; принц Чарльз уволил Фергюсона с должности своего менеджера по организации игр в поло.] Диана проявила благоразумие и постаралась держаться подальше от майора, она даже забирала детей со стадиона, когда там появлялся Фергюсон, чтобы они с ним не общались. Сара расстраивалась и чувствовала себя униженной из-за отца, но она не раз повторяла, что семья

* «Барахтанье органа» и «забава старого нытика».

Дианы никогда не являлась примером благочестия и у принцессы нет причины вести себя так, словно она образец святости».

Вскоре после свадьбы брат Дианы — Чарльз Спенсер позвонил репортеру светской хроники «Дейли мейл» и признался в связи со своей бывшей любовницей за несколько дней до того, как ее рассказ появился на страницах бульварной прессы. Признание Спенсера вызвало грандиозный скандал на страницах британских газет. «Сейчас я причинил своей жене столько страданий, сколько не хотел бы причинить за всю нашу совместную жизнь, — заявил Спенсер, — и я готов принять всю меру ответственности за свой проступок. Теперь, после рождения нашего ребенка, мы нежно любим друг друга, и брак стал самым главным в нашей жизни». Позднее он сказал, что его жена, бывшая модель Виктория Локвуд, тяжело переживала его измену, заболела анорексией и начала страдать от алкоголизма. Ей потребовалось трехмесячное пребывание в клинике, где она проходила курс лечения в связи с «серьезными психологическими проблемами», как сказал ее муж. В речи на приеме, посвященном своему дню рождения, Чарльз Спенсер, известный до свадьбы как «Чарли-Шампанское», заявил, что отец посоветовал ему найти жену, которая будет оставаться рядом с ним даже в самые трудные времена, будь то болезнь или засуха. «Ну, — заявил он своим гостям, — те из вас, кто знаком с Викторией, знают, что она больна — и, вне всякого сомнения, засохла». Через шесть лет, когда у Чарльза и Виктории уже было четверо детей, их брак распался.

На публике герцогиня Йоркская продолжала поддерживать отца после того, как он попался в

массажном салоне, но друзьям горько жаловалась, что чувствует себя опозоренной. Она говорила, что теперь ей будет гораздо труднее собирать средства на благотворительность. Она чувствовала, что «галопирующий майор», как начал называть себя Рон Фергюсон, делает ее менее респектабельной. Организации, нуждающиеся в поддержке королевского дома, в особенности те, которым требовались деньги при сохранении престижа, начали ее избегать. Принцесса Уэльская выступала в качестве патрона 120 благотворительных учреждений; на долю герцогини Йоркской приходилось лишь пятнадцать.

«У меня есть друзья, — сказала Сара, — которые занимались борьбой с наркотиками, и я спросила у них, могу ли присоединиться к их движению». Так она стала патроном «Центра по борьбе с наркотиками». «Люди склонны слишком строго судить наркоманов, — говорила она. — Но я отношусь к ним как к равным». В свое время Сара тоже употребляла наркотики. «Она пристрастилась к лекарствам, помогающим избавиться от лишнего веса [амфетаминам]. То было началом ее падения, — сказал семидесятидевятилетний Джек Темпл, один из множества врачей, к которым Сара обращалась за помощью. — Препараты туманили ее мозг, и она неадекватно себя вела».

Американская подруга Ферджи в смятении наблюдала из Нью-Йорка, как пресса все чаще изображает герцогиню наступающей сразу на весь мир с протянутыми руками. Сара продала одной британской газете за 201 600 долларов свое эксклюзивное интервью. Редактор пожаловался, что она вела беседу недостаточно откровенно, и удержал часть гонорара, поскольку Сара отрицала, что беременна. В тот день, когда статья увиде-

ла свет, герцогиня призналась в телевизионном интервью, что ждет второго ребенка. «Я забыла», — заявила Сара редактору и принялась настаивать на полной выплате гонорара. Она стала угрожать судом, но тут вмешалась Елизавета, и Саре пришлось отступить.

Герцогиня Йоркская получила 500 000 долларов за то, что открыла двери своего дома Саннингхилл-парк для «Хэлло!» — крупного иллюстрированного журнала, специализирующегося на рассказах о знаменитостях, в особенности на особах королевской крови. Журнал, который платил огромные деньги за эксклюзивные материалы, пользовался особой любовью Сары; в течение следующих десяти лет она несколько раз попадала на его обложку. Она продавала туда интервью, собственные снимки, фотографии мужа и детей, матери, отца и сестер. В первом выпуске Ферджи с Эндрю снялись в тот момент, когда вместе меняли пеленки ребенку. На сорока восьми страницах журнал напечатал семьдесят фотографий Йорков с двумя дочерьми, принцессами Беатрисой и Евгенией. На обложке красовалась хвастливая фраза: «Герцог и герцогиня Йоркские дали нам чрезвычайно откровенные интервью и впервые открыли двери своего дома, чтобы мы могли разделить с ними самые интимные моменты их жизни». Королева заявила, что все это похоже на раскрутку новой голливудской кинозвезды. Даже романистка Барбара Картленд, которую правительство миссис Тэтчер наградило орденом Британской империи*, выразила неудовольст-

* Орденом Британской империи, учрежденным в 1917 году, награждают за выдающиеся заслуги перед Британской империей.

вие: «С тем же успехом мы можем напечатать фотографии королевы-матери, когда она раздевается перед тем, как забраться в ванну».

Нью-Йоркской советчице Сары было над чем поломать голову. Она писала: «Газетные статьи о Саре стали такими чудовищными, что я посоветовала ей прекратить давать интервью, поскольку ее непосредственность оказывается губительной для и так далеко не идеальной репутации. Стоило Саре пошутить, как репортеры своими комментариями превращали каждое ее слово в дерзость или глупость. В конце концов секретарь Сары предложил репортерам задавать вопросы в письменной форме. Она по факсу отсылала мне их вопросы вместе со своими предполагаемыми ответами; я редактировала их и возвращала обратно. Некоторое время у нас неплохо получалось...»

Деловая женщина из Нью-Йорка пыталась защитить герцогиню от прессы, однако самым главным врагом Сары была она сама. Она не следовала советам подруги и не училась на собственных ошибках. Лишь оплакивала утрату имиджа и винила в своих неприятностях окружающих — придворных, прессу, принцессу Уэльскую («Я знаю, она распускает про меня дурацкие сплетни», — говорила Сара), своего отца и даже мужа, про которого теперь говорила друзьям, что он «скучный... милый, но очень скучный». Ферджи жаловалась, что Эндрю зарабатывает недостаточно денег, чтобы поддерживать королевский стиль жизни. Очарованная тем, с какой легкостью тратят деньги ее новые американские друзья, а особенно невероятно богатые техасцы, она решила увеличить свои доходы.

Во время первой беременности Сара попыталась написать книгу для детей, хотя и признава-

лась, что в школе ей лучше всего давались лишь современные танцы. Директор «Херст-Лодж» однажды так написала о ней в очередном отчете: «Весьма активная ученица, которая вносит оживление в жизнь нашей школы... [но] редко добивается успеха в письменных работах».

Не теряющая присутствия духа Сара заявила, что не хочет быть похожей на писателей, проглотивших словарь. Поэтому она поставила свое имя под простой историей о вертолете по прозвищу «Баджи» (сленговое название волнистого попугайчика), над которым посмеивается большой самолет. Так продолжается до тех пор, пока вертолет не совершает нечто героическое. «Я уселась за стол в гостиной с большой кипой ненужной бумаги, — рассказала герцогиня еженедельнику «Паблшерз уикли», — и принялась писать карандашом на оборотной стороне распечаток».

При помощи этого карандаша она заработала целое состояние. Сара получила задаток 1 миллион долларов от «Саймон и Шустер»; за четыре года ей удалось написать четыре книги о Баджи. Они принесли герцогине более 2,5 миллиона долларов от продажи прав на сериал и издание книг в мягких обложках, а также прав для зарубежных издательств. Позднее она продала права на использование изображения Баджи в комиксах, на футболках, шапочках, заводных игрушках и тому подобных штуках. Книги стали бестселлерами в Англии, несмотря на то что критики называли их «бледными и скучными» и «полнейшей чепухой».

Сару так жестоко критиковали за корыстное использование королевского титула, что Роберт Феллоуз сурово посоветовал ей подумать о том, чтобы выделить по меньшей мере десять процентов от по-

лученных сумм на благотворительность. Сначала она сопротивлялась, утверждая, что Баджи является единственным источником ее доходов. Однако, сообразив, что «совет» исходит от Ее Величества, сразу согласилась. Сара знала, что требования королевы часто передаются через Роберта Феллоуза. Когда ее в очередной раз обвинили в плагиате*, герцогиня заявила, что передаст на благотворительные цели «определенный процент». Впрочем, сделав официальное заявление, Сара передумала и оставила гонорар себе. А затем ее книги о Баджи захлестнул водоворот неприятностей.

Внимательный читатель заметил несколько одинаковых черт между «Баджи — маленьким вертолетом» Ее Королевского Высочества герцогини Йоркской и «Вертолетом Гектором» Артура Болдуина, англичанина, который умер несколько лет назад.

В обеих книгах речь шла о приключениях маленького вертолета с ресницами; обе имели похожие картинки, но самое главное — в них рассказывалась одна и та же история.

Приключения Гектора начинались с того, что вертолет чувствовал себя «всеми покинутым и забытым», потому что его оставили в ангаре бить баклуши, в то время как остальные его товарищи летали в самые экзотические места. Баджи тоже приходилось бездельничать, потому что самолеты из его ангара отправились на воздушное шоу.

* Герцогиня Йоркская была не первым членом королевской семьи, обвиненным в плагиате. В 1986 году принцессу Кентскую, которая написала «Коронавание в далекой стране» (издательство «Вайденфельд энд Николас»), обвинили в заимствовании идеи у Дафны Беннет. Принцессе пришлось заплатить Беннет несколько тысяч долларов. — *Примеч. авт.*

Гектор заснул, и ему приснился «замечательный сон». С Баджи произошло то же самое. Проснувшись, Гектор отправился полетать. Так же поступил и Баджи. Гектор приободрился. «Вдали он увидел море, сверкающее в утренних лучах солнца». Баджи тоже «приободрился». «Море сверкало, а холодный ветер трепал его по щекам». И Гектор, и Баджи совершили подвиги и спасли людям жизнь. Оба маленьких вертолетика заслужили уважение больших самолетов, и оба с тех пор жили счастливо.

Герцогиня упорно стояла на том, что Баджи — ее собственное изобретение, и не собиралась сдаваться: «Это мои книги. Каждая ее страница». Издатель, который владел правами на Гектора, сомневался, но не стал публично возражать герцогине. «Трудно сказать, можно ли говорить о «копировании», — написала Джейн Мур, официальный юридический консультант «Рид интернэшнл букс». — Однако меня бы сильно удивило, если бы оказалось, что автор «Баджи» черпал вдохновение не в книжке про Гектора». Впрочем, окончательного приговора Джейн Мур так и не вынесла.

Во время второй беременности, в ноябре 1989 года, Сара полетела в Техас в качестве почетного гостя Линн и Оскара Уатт. Состояние Уаттов оценивалось приблизительно в 8 миллиардов долларов и обеспечивало им роскошную жизнь с частными самолетами и французскими виллами. Линн, наследница универсальных магазинов Саковитца, была четвертой женой Оскара. Оскар, нефтяной магнат, владел «Коустейл корпорейшн». Как маленькие дети, которые коллекционируют куклы Барби и Кена, Уатты коллекционировали знаменитостей — кинозвезд, моделей, художников, дизайнеров и особ королевской крови. «Грейс и Ренье —

наши соседи на юге Франции», — говорила, растягивая слова, Линн Уатт. В результате принц и принцесса Монако превращались в «обычных ребят» с ближайшего ранчо. Маленькая светловолосая красавица, прочно занимавшая почетное место в списке самых хорошо одетых людей, Линн Уатт расцветала, общаясь с такими знаменитостями, как Энди Уорхол, Мик Джаггер, Джерри Холл, Лайза Миннелли, Нэнси Рейган, принцесса Маргарет и Ага Хан.

«Уатты настоящие ходячие бумажники», — говорила Ферджи подруге, описывая легкость, с которой хозяева расставались с деньгами. Она с придыханием рассказывала о расточительстве Линн Уатт, которая организовала бал в спортивном клубе в Монте-Карло. «Она выписала четыре тысячи желтых роз, — Ферджи даже прищелкнула пальцами, — и глазом не моргнула».

Будучи покровителем хьюстонского оперного театра, Линн Уатт пригласила герцогиню представлять королевскую семью на вечере, который устраивала в честь британской оперы. Она дала обед в честь герцогини Йоркской и пригласила на него двоих своих сыновей от первого брака. Миссис Уатт посадила старшего сына, тридцатипятилетнего Стива, рядом с Сарой. Он жил в Лондоне и работал на нефтяную империю своего отчима, занимаясь продажами на Ближнем Востоке. Он прилетел в Хьюстон из Лондона только для того, чтобы принять участие в приеме, посвященном герцогине Йоркской.

Ферджи сразу влюбилась в высокого худощавого техасца с густыми темными волосами, ровным круглогодичным загаром и крепкими мускулами. Он говорил о себе как о человеке тонком, считая

это качество заслугой мадам Вассо, которая впоследствии утверждала, будто у Сары и Стива завязался роман, когда Сара находилась на пятом месяце беременности. Мадам предложила свою информацию нью-йоркскому издательству, рассчитывая выпустить в 1996 году книгу. Но главный редактор отклонил ее предложение, заявив, что похождения герцогини никого не интересуют.

Сара, которая регулярно обращалась к астрологам, призналась одному из них, что не может устоять перед техасцем. Она описывала его следующим образом: «Он такой соблазнительный... словно голубоглазый пудинг». Кроме того, Ферджи доложила отцу, что «Фред» — кодовое имя, данное ей Уатту, — ведет себя в постели неподражаемо. Сначала майор Фергюсон возражал против их отношений и просил дочь прекратить встречаться со Стивом.

— Ты действительно считаешь, что это необходимо? — спросила Сара.

— Да, я так считаю, — ответил майор. — Остановись. Немедленно.

— Ты же не думаешь, что я буду ночь за ночью спать одна, — резко возразила Сара.

Она не разговаривала с отцом шесть месяцев.

«Многие советовали Саре порвать с Уаттом, — признавал майор Фергюсон, — с ними она тоже не разговаривала по нескольку месяцев».

Стива Уатта усыновил второй муж матери после того, как его настоящий отец, Роберт Липман, принял слишком большую дозу наркотиков и убил женщину. По приговору суда он провел шесть лет в тюрьме. Стив боготворил своего щедрого приемного отца, Оскара Уатта, и редко упоминал Липмана. Если его спрашивали о настоящем отце, Стив намекал, что тот умер еще до его

рождения. От матери Стив научился основам поведения в высшем свете: он льстил богатым женам и прислушивался к мнению богатых мужей.

Стив и Сара говорили на одном и том же языке Нового века — о мистике, о каналах, связывающих людей с космосом, о кристаллах, заключающих в себе электромагнитные поля, которые, как им казалось, обладают целительными и восстанавливающими свойствами. Ферджи рассказала Стиву о голосах, звучащих у нее в голове, и духах, защищающих ее от физической опасности. Он же поведал Саре, что спит под пирамидальным экраном мадам Вассо, установленным над постелью, чтобы охранять его душу. Стив каждое утро медитировал и соблюдал вегетарианскую диету. «Он наводил на всех зеленую тоску рассуждениями о различных диетах, карме и прочей чепухе, которой современные американцы засоряют наши мозги», — заявил обозреватель Таки.

Уатт презирал сигареты, поэтому Сара пыталась не курить в его присутствии. Большой энтузиаст хорошей физической формы, он говорил: «Мое тело — мой храм». Герцогиня заявила, что готова начать ему поклоняться. Оба весело рассмеялись.

На следующий день после званого обеда Оскар Уатт предложил Саре осмотреть свое ранчо площадью в двадцать девять тысяч акров с воздуха. Они полетели на его личном вертолете, и он позволил ей им управлять. Стив восхищался ее навыками пилотирования.

— Ваш муж научил вас? — спросил он.

— У моего мужа нет времени учить меня чему бы то ни было, — ответила она.

— Как жаль, — проговорил Уатт.

Его восхитила невестка королевы, и он не стал скрывать своих чувств.

Сара дала ему номер своего личного телефона во дворце и предложила позвонить, как только он вернется в Лондон. Когда Стив воспользовался ее предложением, Сара сразу же позвала его выпить. Он ответил приглашениями на приемы и в рестораны. Она навещала Уатта в его квартире на Кэдоган-сквер. Через несколько недель Сара познакомила его со своим ничего не подозревающим мужем, а когда Эндрю вновь ушел в море, привела Уатта в свой дом в Беркшире. Она звала его на новоселье, на крестины дочери и на обед со своими родственниками со стороны мужа. Сара даже усадила Уатта на почетное место рядом с королевой.

В январе 1990 года, вскоре после того, как Эндрю вернулся на свой корабль, Сара позвонила ему и сказала, что у нее мрачное настроение. Ферджи спросила мужа, как они могут сохранить свой брак, если им все время приходится надолго расставаться. Эндрю напомнил Саре о том, что говорил ей перед свадьбой: он прежде всего принц и морской офицер и только потом ее муж. Эндрю предположил, что причиной хандры является беременность, однако Сара не переставала твердить, что хочет расторгнуть брак и избавиться от придворных. «Я мечтаю жить в Аргентине с мамой», — жаловалась она. Их разговор был записан на магнитофон человеком, чье имя неизвестно. Впоследствии он продал пленку одной из британских газет.

Эндрю поспешил домой 23 марта 1990 года, когда родилась его вторая дочь, и провел с семьей шесть недель. Пока он вместе с няней ухаживал за новорожденной, Стив Уатт улетел на своем личном самолете в Марокко — с Сарой, которая хотела немного отдохнуть, и двухлетней Беатрисой. В следующем месяце Уатт отправился с Сарой на юг Фран-

ции, где его мать снимала виллу. Еще через несколько недель, в августе 1990 года, он попросил ее принять в Букингемском дворце доктора Рамзи Салмана, министра нефтяной промышленности Ирака. Сара согласилась без колебаний.

Она пригласила на обед в свои покои на третьем этаже дворца Стива Уатта и его делового иракского партнера. По наивности она не подумала о политических последствиях приема членом королевской семьи представителя Саддама Хусейна — через несколько дней после вторжения Ирака в Кувейт. Когда принц Филипп обнаружил, что она наделала, он обрушился на нее, обвинив в полнейшем отсутствии здравого смысла. Встреча невестки королевы с иракским министром в тот момент, когда британская армия могла вступить в войну против Ирака, была «просто чудовищной глупостью». Сара во всем обвинила придворных. «Кто-нибудь должен был меня предупредить», — возмутилась она.

Тем вечером, после обеда, она отвела обоих своих гостей в «Ле Гаврош», один из лучших лондонских французских ресторанов, где они приняли участие в небольшой вечеринке, которую устроил Алистер Макалпайн, бывший казначей партии тори. Лорд и леди Макалпайн дружили с Йорками и нередко обедали в Саннингхилл-парке. Им нравилась Сара, но они чувствовали себя не лучшим образом из-за того, что им пришлось принимать посланника Саддама Хусейна. Кроме того, их беспокоило несколько развязное поведение Сары со Стивом Уаттом. «Мне еще никогда не приходилось видеть таких откровенных взаимных ласк в ресторане с тремя звездочками», — заявил один из гостей Макалпайнов.

«Герцогиня наделена духом свободолюбия, — писал позднее Алистер Макалпайн, — она считает, что инстинкт оправдывает любые ее действия, какими бы смешными и неподобающими они ни оказались».

Как ни странно, Сара, мастер того, что журнал «Панч» называл «snobless oblige», не понимала, к чему приведет то, что она завела любовника-американца. Это было столкновение двух культур — аристократов и броненосцев — на острове, где предпочтение отдается аристократам. Несмотря на деньги отца, техасец не мог рассчитывать на достойное положение в британском обществе. Социальные барьеры оказались слишком высокими даже для такого опытного скалолаза, как Стив Уатт. Одна американка, попытавшаяся преодолеть эту стену, закончила свою жизнь в изгнании, — а она вышла замуж за короля Англии. «Большая часть британцев, — говорил Гарольд Брукс-Бейкер, — считают американцев дикарями».

К 1990 году уже все в Британии знали, что у Сары и Эндрю как у супружеской четы нет будущего. Все, кроме ее мужа. Любовник Ферджи, который продолжал спать с другими женщинами, по-прежнему получал удовольствие от приглашений в королевский дворец. «Еврейский юноша из Хьюстона, чей отец замешан в скандальном убийстве, — писала «Дейли мейл», — не мог одержать большей победы, чем получить приглашение от герцогини Йоркской в декабре 1990 года на бал в Букингемский дворец, где праздновались дни рождения королевы-матери (90), принцессы Маргарет (60), принцессы Анны (40) и герцога Йоркского (30)».

Впрочем, вскоре Стива Уатта перестали звать на королевские праздники. Через придворных

Елизавета довела до сведения герцогини Йоркской свое неудовольствие ее поведением и вынудила прекратить встречи с техасцем. «Скорее у быка появятся соски, чем я поставлю в неудобное положение эту маленькую леди», — заявил Оскар Уатт своему коллеге по бизнесу. Чтобы не огорчать Ее Величество, он начал действовать совместно с дворцом, чтобы перевести сына в Соединенные Штаты. «Ужасно неприятно, — сказала Линн Уатт обозревателю светской хроники. — Принц Эндрю даже позвонил Стиву, чтобы выразить свои сожаления по поводу всей этой истории».

Выезжая из своей квартиры на Кэдоган-сквер, Стив Уатт оставил 120 фотографий, сделанных во время отпуска, который он провел вместе с Сарой и ее детьми в Марокко. Один из рабочих нашел брошенные снимки, узнал герцогиню Йоркскую и продал фотографии газетчикам. Сара направлялась с отцом и его любовницей в Палм-Бич, когда перед публикацией снимков ей позвонил муж.

Эндрю находился на борту своего корабля, и с ним связался представитель Букингемского дворца. Пресс-секретарь королевы предложил герцогу сообщить обо всем жене. Поэтому Эндрю позвонил Саре, которая оказалась в этот момент в аэропорту Палм-Бич. Она накричала на мужа за то, что он ее не защищал.

«Ведь ты же не мог не знать о фотографиях! — возмущалась она. — Ты же их видел. И знал о нашем отпуске. Почему ты ничего не сказал? Почему никогда не защищаешь меня от этих ублюдков?» — Она бросила трубку и тем же вечером напилась. Очень сильно напилась.

Когда на следующий день Сара выступала перед «Ассоциацией больных с поражением двига-

тельного нерва», она призналась в том, что накануне злоупотребила спиртными напитками. «Вчера вечером я выпила слишком много коктейлей майтай*», — заявила она. Сара немного повеселела во время визита в детский сад в Уэст-Палм-Бич, где она позировала перед фоторепортерами вместе с черными детьми, больными СПИДом. В тот же вечер она отправилась на обед в закрытый клуб «Эверглейдс» в Палм-Бич. На следующий день в газетах появилась суровая критика принцессы, посетившей клуб, куда не пускают черных и евреев**.

Как только Сара села в самолет, возвращающийся в Лондон, она сразу начала пить. После двух бокалов шампанского она принялась бросать в отца пакетики с сахаром. Потом швырнула влажное полотенце в его любовницу и разбросала по салону земляные орешки. «Затем Сара нацепила индивидуальный пакет себе на голову, — вспоминала любовница майора, — и принялась изображать телефонные гудки. Мы покатывались со смеху, как глупые школьники». Остальные пассажиры с удивлением наблюдали за суматохой, поднятой принцессой Йоркской. Среди них оказались трое журналистов, которые быстро что-то писали в своих блокнотах.

* Коктейль из рома, ликера «Кюрасо» и фруктового сока.

** «Этот клуб придерживается старомодной традиции, хотя и слегка приукрашенной, но, по сути, не отличающейся от расизма, исповедуемого молодчиками в капюшонах, — заявил Артур Тейтельбаум, директор южного отделения «Антидиффамационной лиги», регистрирующей проявления антисемитизма. — Мы поставили в известность посольство... и ожидали, что там достаточно высоко ценят престиж королевской семьи, чтобы посоветовать герцогине не принимать приглашения клуба. Однако они решили закрыть глаза на характер данного заведения, о чем мы весьма сожалеем». — *Примеч. авт.*

«То, как пресса подала эту историю, — раздраженно заявил майор Фергюсон, — окончательно убедило меня в твердом намерении средств массовой информации дискредитировать мою дочь».

Два месяца спустя, 19 марта* 1992 года, пресс-служба дворца объявила о разводе герцога и герцогини Йоркских. Пресс-секретарь королевы Чарльз Энсон сделал короткое сообщение корреспонденту Би-би-си, который написал:

«Дворец занес над Ферджи кинжалы». Журналист добавил, что королева очень расстроена поведением герцогини, а остальные члены семьи считают ее недостойной находиться среди них.

«Я был в ярости, — вспоминал отец Сары, — позвонил сэру Роберту Феллоузу и сказал, что считаю происходящее чудовищным оскорблением... Такое нельзя простить».

Придворный отвечал ему очень спокойно.

— Я выполняю свою работу. В мои обязанности входит защищать семью, а в особенности королеву. Это мой долг.

— Но вы не обязаны заходить так далеко, — ответил Фергюсон.

Впоследствии пресс-секретарь принес Саре свои извинения и подал королеве прошение об отставке, однако она его не приняла**. Более того, через четыре года она наградила его рыцарским званием.

* Дворец находился во власти суеверий королевы, выбирая дату для сообщения о разводе Йорков. 19 марта 1976 года было объявлено о разводе принцессы Маргарет, а 19 марта 1986 года — о помолвке Сары и Эндрю. — *Примеч. авт.*

** «Королева не приняла отставки Чарльза, — вспоминала близкая приятельница Энсона Максина Чемпион, — потому что была с ним согласна. Так он рассказал нам, когда приехал в Вашингтон. Однажды мы с ним обедали, и он поведал нам о неприятностях с Ферджи». — *Примеч. авт.*

«Вульгарно, вульгарно, вульгарно». Именно это слово трижды использовал лорд Чартерис, проклиная герцогиню. Чартерис, бывший личный секретарь королевы, очень резко отозвался о Саре в беседе с журналисткой из «Спектейтор» Норин Тейлор. И обозреватель из «Мейл он санди» Джон Джунолр заклеил герцогиню как «абсолютно аморальную» особу. Он даже назвал ее «королевским велосипедом», на котором успели покататься все.

К этому моменту она уже была окончательно опозорена и как жена, и как мать. Но больше всего Ферджи огорчило то, что человек, которого она называла любовью всей своей жизни, Стив Уатт, бросил ее ради американской красавицы Кейт Магеннис. Когда он рассказал ей об этом, она пожала плечами и пожелала всего хорошего. Однако позднее Ферджи призналась, что едва не расплакалась. После их свадьбы она заявила: «Я не могу быть с человеком, которого люблю, потому что он женится. Что ему во мне не нравится? Почему он не захотел взять в жены меня?»

В кильватере Уатта уже появился другой техасец с хорошо подвешенным языком. «Если вы хотите быстро и спокойно выплыть из глубин на поверхность, — писал Трумэн Капоте в одном из своих рассказов, — самый надежный способ — найти акулу и стать для нее рыбой-лоцманом».

В течение следующих трех лет будет трудно различить, кто играет роль акулы, а кто рыбы-лоцмана, но герцогиня собиралась начать главное путешествие своей жизни.

ГЛАВА 18

«**О**н классно умеет обращаться с деньгами, — болтала герцогиня Йоркская. — По-настоящему классно!»

Так Сара описывала Джона Брайана своему мужу. Она предлагала ему сесть и обсудить с тридцатипятилетним американцем состояние их финансов. «Он в силах нам помочь, — говорила она. — Я уверена».

К 1991 году герцог и герцогиня тратили в четыре раза больше своего годового дохода, и королева отказывалась от уплаты их долгов. Сара, которая сорила деньгами, не желала сокращать расходы. Чем хуже становились их отношения с Эндрю, тем больше денег она пускала на ветер, оставляя в магазинах огромные счета. У нее на кухне постоянно была икра, малина (независимо от времени года), огромное количество дорогих сыров и не меньше тринадцати сортов мороженого. За год она потратила 102 000 долларов на подарки и 84 560 долларов на экстрасенсов. Потом Стив Уатт познакомил ее со своим другом Энтони Джоном Эдриеном Брайаном-младшим, которого друзья называли Джонни. Он обещал исправить

ее финансовое положение. «Вмешался Джонни, — сказал обозреватель Таки, — и взял под контроль счета Ферджи — в буквальном смысле».

Называющий себя финансовым волшебником, Джон Брайан обладал искусством заключения сделок. Он знал все тонкости управления счетами в швейцарских банках и приемы, позволяющие уклониться от уплаты налогов. Он распутывал секреты сложных финансовых операций, сводя их к простым логическим системам. И помогал людям вроде Сары и Эндрю, которые не умели разумно управляться с собственными деньгами. После того как Брайан объяснил им преимущества при уплате налогов, которые они получают, если создадут корпорацию, через которую начнут поступать доходы за «Баджи», Эндрю и Сара с радостью согласились на его предложение. Брайан помог им создать издательскую фирму «ЭСБ» [Эндрю, Сара, Брайан] и по настоянию Эндрю и Сары стал членом совета директоров.

Легко поддающиеся влиянию гуру, астрологов и предсказателей будущего, герцог и герцогиня увлеклись американцем с хорошо подвешенным языком. Их цели совпадали с его целями: сделать деньги — большие деньги, — или, как любил повторять Брайан, «мегамиллионы».

Во время их первой встречи, как вспоминает секретарь, который на ней присутствовал, Брайан сразу понравился герцогу Йоркскому, предложив восстановить репутацию герцогини в глазах прессы. «Большая часть того, что о ней пишут, — сказал им Брайан, — полнейшая чепуха». Эндрю согласно кивнул. Несмотря на возникающие между ним и Сарой проблемы, он продолжал любить ее и хотел, чтобы весь мир смотрел на герцогиню его глазами.

«Сэр, — почтительно сказал Брайан, — я хочу показать, с каким рвением Ее Королевское Высочество занимается благотворительностью, и привлечь всеобщее внимание к ее благородным поступкам, которые она совершает для поддержания чести королевской семьи». Сара сияла, наблюдая за тем, с каким мастерством вел Брайан свою партию. Он говорил со спокойной уверенностью. Как позднее сказал один писатель, Брайан пользовался принципом «осторожно, осторожно... и поймашь обезьяну». Через пятнадцать минут после начала встречи шарманщик сумел заманить в свои сети герцога Йоркского.

Эндрю и Сара, как зачарованные, смотрели на то, как американец превращает их долги в активы. Он говорил так, что их финансовое будущее стало казаться светлым и прекрасным. Лысый волшебник отличался таким красноречием, что сумел бы продать парики растафарианам*. Он так великолепно владел даром убеждения, что вполне мог бы заставить непарного шелкопряда выглядеть красивой бабочкой.

«Он умен и, несомненно, знает свое дело, — заявил англичанин, который знал Брайана с тех самых пор, как тот переехал в Лондон. — Однако амбициозен, как персонаж Гордона Гекко в [фильме] «Уолл-стрит». Джонни дорого брал за свои услуги. Он кипел энергией и всегда старался пройти по самому краю пропасти. Как говорят американцы, Джонни выступал без страховки».

Брайан демонстрировал стиль, когда выпшагивал по натянутой над пропастью проволоке, поскольку

* Политико-религиозное течение среди черного населения на Ямайке и в других странах. Среди прочего не расчесывают волос.

прекрасно понимал важность упаковки товара и первого впечатления, которое произведет на клиента. Джонни выглядел богатым: носил сделанные на заказ костюмы, кожаные туфли ручной работы и золотые запонки; катался на горных лыжах, играл в гольф и сквош в частных клубах; яростно сражался на теннисных кортах. Назначал свидания моделям и молодым актрисам.

Однако за великолепным фасадом мало что стояло. Джонни не владел ни недвижимостью, ни солидным пакетом акций. Джонни тратил все, что зарабатывал, — и даже больше. Когда у его фирм в Нью-Йорке, Лондоне и Мюнхене кончались деньги и Джонни объявляли банкротом, он покидал эти города.

Начал он в Нью-Йорке. Окончив Техасский университет в 1979 году, Джонни Брайан получил в университете Питсбурга степень магистра по управлению бизнесом. Затем переехал в Манхэттен и основал небольшую компанию с капиталом в один миллион долларов, который собрал у частных инвесторов. Он обещал им большие прибыли, но через четыре года компания разорилась.

«Я потерял из-за этого парня 50 000 долларов, — вспоминал Таки. — Я доверил ему деньги по дружбе... и, должен сказать, глубоко в нем разочаровался. Он сказал, что дело верное, что мы не можем промахнуться и что мои 50 000 долларов превратятся в миллионы. Когда компания обанкротилась, он на время затаился, а потом возник [в Лондоне] возле Ферджи».

Британское министерство внутренних дел не выдало Брайану разрешения на работу, потому что посчитало, что он не сможет себя содержать. Его лондонская квартира, служившая одновременно

офисом, принадлежала не ему. Как и вся мебель в ней. Кроме того, он снимал коттедж в Глостершире. «Именно там я с ним и познакомился, — вспоминает журналист Рори Найт Брюс. — Он был одет в американский твидовый костюм и курил марихуану».

Взятый Джонни напрокат автомобиль собрал столько неоплаченных квитанций за неправильную парковку, что Брайана арестовали и оштрафовали на 800 долларов. Заплатив их, он продолжал коллекционировать квитанции, которые оставляли ему полицейские. Наконец, полиция увезла его машину, и ему пришлось путешествовать на такси. Изредка он нанимал лимузин, а счет переводил на свою фирму — пока снова не обанкротился. Джонни редко расплачивался наличными, за исключением тех случаев, когда покупал кокаин*.

* В книге «Моя история: герцогиня Йоркская, ее отец и я» («Харпер Коллинз», 1993) Лесли Плейер писала, что Джон Брайан привержен к кокаину. Она рассказывала, что когда Брайан пригласил ее и еще одну женщину в свою квартиру, он нюхал этот наркотик. Брайан не стал комментировать книгу, но Алан Старки, его деловой партнер по «Океоникс дейчланд», немецкой строительной компании, объявил свидетельство Плейер ложным. «Я был тем вечером на квартире Джона в Челси и не видел, чтобы кто-то принимал наркотики». Плейер утверждала, что там были только трое — она, ее подруга и Брайан.

Старки, сопровождавший герцогиню Йоркскую в ее благотворительной поездке по Восточной Европе, был позднее арестован в Германии, когда «Океоникс» разорилась. Он провел в тюрьме пять месяцев, ожидая полицейского расследования дела о лопнувшей компании, долги которой составили 15 миллионов долларов.

В 1995 году Брайан, переехавший обратно в Соединенные Штаты, предлагал всем желающим кокаин и проститутку в надежде привлечь инвесторов для покупки недвижимости в Лас-Вегасе. «Инвесторами» оказались репортеры британской газетенки «Ньюс оф уорлд», которые и опубликовали рассказ о Джонни под заголовком: «Бывший приятель Ферджи поставляет наркотики и проститутку». — *Примеч. авт.*

«Ферджи тоже часто нюхала кокаин, — заявил Таки, который много общался с обоими. — Я знаю, поскольку и сам через это прошел».

Хотя Брайана представили как техасского миллионера, он родился в Уилмингтоне, штат Делавэр. После развода родителей, когда ему исполнилось девять лет, он с матерью перебрался в Хьюстон, а его отец женился на Джозефине Эберкромби, богатой техасской наследнице. Во время второго брака у отца Джонни начался роман с Памелой Зодерер Саковитц (на которой он впоследствии женился), женой наследника универсальных магазинов Саковитца — Роберта Саковитца, дяди Стива Уатта.

Брайан хвастался одному писателю, что являлся частью «американского истеблишмента», потому что его крестным отцом был Феликс Дюпон, а имя матери, которая трижды выходила замуж, внесено в «Светский альманах». Он любил рассказывать своим подружкам, что его мать однажды ходила на свидание с Фрэнком Синатрой, а отец, уроженец Британии, окончил Гарвардскую школу бизнеса.

«Возможно, не случайно, — заявила Памела Зодерер Саковитц после развода с Брайаном-старшим, — отец Джонни выбирал богатых, влиятельных и иногда замужних женщин, чтобы покорить их сердца, — в том числе и меня». Хотя отец Джонни был женат четыре раза и всякий раз очень удачно, ему так и не удалось взять в жены герцогиню.

Снимая сливки с высших кругов лондонского общества, Джон Брайан устраивал вечеринки в дорогих ресторанах и ночных клубах, таких как «Аннабельс» и «Трампс». Став финансовым советником Йорков, он попал в еще более рафинированные круги. И все-таки закрытый мир «Уайтса»

и «Брукса» (частные мужские клубы Лондона) оставался для него недоступным. С точки зрения британских аристократов, Брайан выглядел американским пройдохой. А герцогиня Йоркская считала Джонни рыцарем на белом коне.

Брайан обещал сделать ее богатой и восстановить имидж. Он благоговел перед ее титулом не меньше, чем она сама, и одобрял за то, что она поправила Марию Шрайвер во время телевизионного интервью по Эн-би-си, когда та обратилась к ней, назвав Сарой Фергюсон. «Я — Ее Королевское Высочество, — заявила Сара. — Герцогиня Йоркская». Брайан всячески подчеркивал рыночную ценность титула Ферджи. «Ваш имидж — все, что у вас есть, — повторял он снова и снова. — Это на сто процентов самое главное ваше достояние».

Используя Ферджи с максимальной выгодой для себя, Джонни сделал ее своим самым большим вложением. Всего через несколько дней после того, как общественность была поставлена в известность о решении Йорков расстаться и жить раздельно, Брайан полностью овладел жизнью Сары. «Когда Сара перебралась из Саннингхилла в арендованный ею дом Роменда-Лодж в Уэнтурте, Джон участвовал в составлении договоров с агентством по найму слуг, занимался системой безопасности и заключением конфиденциальных соглашений», — вспоминал ее отец майор Фергюсон.

После переезда Сара заявила, что у нее будет нервный срыв, если она немедленно не устроит себе отпуск. Поэтому «Дж. Б.», как она и ее дети называли Брайана, организовал экстравагантное шестинедельное турне на Дальний Восток, спланировав все мелочи, включая чартерные рейсы,

лимузины и номера в роскошных отелях. Брайан сказал, что заплатил за все 135 000 долларов.

Он присоединился к герцогине, ее детям, няне и телохранителям на Фукете, острове-курорте, расположенном неподалеку от Таиланда. Дальше по Индонезии он отправился путешествовать вместе с ними.

Их с герцогиней часто фотографировали, а в прессе о Брайане писали как о неизвестном мужчине, который носит принцессу Евгению на плечах. Позднее он объяснил, что, являясь другом семьи и советником герцога и герцогини по вопросам брака, он пытается добиться их воссоединения. Кроме того, Джонни сообщил, что королева и принц Эндрю попросили его управлять финансами Сары. «Было бы полнейшим абсурдом предположить, что с герцогиней меня связывают какие-нибудь отношения, кроме деловых, — заявил он. — Я лишь исполняю свои профессиональные обязанности».

Через несколько недель они посетили мать Сары на ферме, где та разводила лошадей для поло, в 400 милях к западу от Буэнос-Айреса. Сара хотела, чтобы Брайан дал Сюзан Баррантес несколько советов о том, как следует управлять поместьем мужа. Брайан заявил Сюзан, что может сделать*

* Джон Брайан также вел дела сестры Сары — Джейн Фергюсон-Людек. Он продал права на эксклюзивное освещение ее второго брака журналу «Хэлло!» за 300 000 долларов, но Джейн и ее муж получили только 217 000. Они предъявили Брайану иск на оставшиеся 83 000 долларов. Сару поступок сестры возмутил, и она, приняв сторону Брайана, перестала разговаривать с сестрой. Однако суд решил, что Брайан должен выплатить все деньги, а также проценты и судебные издержки. Вплоть до июля 1996 года Брайан решения суда не выполнил, а в следующем месяце было объявлено о его банкротстве. — *Примеч. авт.*

ее «мегамиллионершей», если она захочет поставить фильм об игре в поло в Аргентине.

В течение лета 1992 года Брайана и Сару видели, когда они делали покупки в Нью-Йорке, и на приемах в Лондоне и Париже. Однако он продолжал настаивать на том, что их отношения остаются платоническими. Когда Клайв Гудмен из «Ньюс оф уорлд» спросил Брайана, что связывает его с герцогиней Йоркской, тот резко ответил: «Подобные намеки являются грубыми, оскорбительными и недостойными». К этому моменту он уже перевез свою одежду в Роменда-Лодж и поставил тапочки под кровать Сары.

С военной точностью он приступил к реорганизации ее финансов. Сам большой любитель сорить деньгами, Брайан был удивлен ее расходами, которые, по его подсчетам, составляли 81 000 долларов в месяц. Он сообщил Саре, что она тратит почти миллион долларов в год, что существенно превышает ее доходы. Но Ферджи лишь пожала плечами — она все еще оставалась невесткой самой богатой женщины в мире. «Настоящее безумие, — вспоминал позднее Джонни, — тратить только ради того, чтобы тратить, не думая о настоящем, не говоря уже о будущем». В то время он не раз шутил о том, чтобы открыть благотворительный фонд под названием «Герцогиня в беде».

Когда писательница Элизабет Кей сравнила его с Золушкой, Джон Брайан не стал возражать. «Да, я похож на Золушку, — согласился он. — Со мной приключилась замечательная любовная история». Он и в самом деле собирался жениться на герцогине после ее развода, но его друг Таки сильно сомневался, что такое произойдет. «До

брака дело никогда не дойдет, — предсказал Таки. — У Брайана не хватит на Ферджи денег».

Для Сары Брайан стал совершенно незаменимым человеком — он отвечал за все ее капиталовложения, планировал отпуска, занимался ее гардеробом и даже питанием. «Для Джонни всегда было очень важно, чтобы Сара хорошо выглядела и не набирала вес», — говорила его мать. Ничто не ускользало от его внимания. Он даже расставлял мебель в ее доме. Джон Брайан регулярно собирал репортеров, чтобы рассказать о внимании, которое герцогиня уделяет «Ассоциации больных с поражением двигательного нерва». Он с гордостью заявлял, что она обеспечивает двадцать пять процентов всех расходов этого благотворительного заведения.

Благодарная герцогиня награждала своего финансового советника дорогими подарками: саквояж с его инициалами от Виттона за 1500 долларов, часы от Тэга Хьюэра, рубашки от «Тернбулл и Ассер» со специальным карманом для мобильного телефона, автомат для приготовления кофе от «Харродз», бордовые шелковые трусы, путешествие в Париж и, наконец, прием в честь его дня рождения, состоявшийся на открытом воздухе, причем музыкальный автомат весь вечер играл любимые песни Брайана. Прием обошелся Саре в 20 000 долларов.

В ответ на тридцать третий день рождения Сары Брайан подарил ей нижнего белья на 1000 долларов, в том числе сорочку за 330 долларов и пояс с резинками за 22 доллара.

«Они пытались превзойти друг друга в экстравагантности, — вспоминал их общий приятель, который решил, что победу одержал Джон Брай-

ан, когда организовал путешествие в Сен-Троpez летом 1992 года. — Во всяком случае, с точки зрения «радиоактивной» рекламы».

Он намекал на «радиоактивные осадки», выпавшие после опубликования снимков, сделанных издаleка при помощи мощных объективов, — герцогиня, снявшая верх своего красно-желтого цветастого купальника, и ее любовник развлекаются возле бассейна. Фотографии полуобнаженной сорвиголовы на французском Лазурном берегу вызвали грандиозный скандал.

Впрочем, снимков было несколько. Сару запечатлели в тот момент, когда она развалилась в шезлонге рядом с Брайаном, чья лысая голова сверкала на солнце. Камера выхватила мгновение, когда он поднял ее ногу, чтобы поцеловать в стопу. Щелк. Он массирует ей ноги, гладит плечи и грудь. Щелк. Щелк. Она втирает масло для загара в его лысую голову. Он обнял ее, и они повалились на землю. Щелк. Щелк. Щелк. Сара обняла его за шею и поцеловала в губы. Щелк. Щелк. Они по очереди курят одну сигарету. Рядом с ними играют дети Сары, а чуть подалее загорают на солнце два ее телохранителя. Позднее их уволили.

Компрометирующие фотографии появились в печати, когда Сара отдыхала вместе с королевской семьей в замке Балморал в Шотландии. Она приехала на неделю вместе с детьми и мужем, с которым недавно рассталась. Во вторник утром, 20 августа 1992 года, герцог и герцогиня спустились к завтраку, а дети еще оставались в своей комнате. Сару и Эндрю предупредили заранее, что фотографии будут опубликованы, но они еще их не видели. Поэтому оба испытали настоящее потрясение: на первой странице «Дейли миррор»

редактор поместил фотографию Джона Брайана в плавках, лежащего на Саре, у которой обнажена грудь. «Украденные поцелуи Ферджи», — кричал заголовок. «Ивнинг стандарт» напечатала снимки, снабдив их подписью: «Позор герцогини».

Когда Сара увидела газеты на столе, она побледнела. «Меня чуть не вырвало», — вспоминала она потом. Через несколько мгновений рядом с ней оказался герцог Эдинбургский. За два месяца до описываемых событий он устроил ей головомойку за то, что она присутствовала на приеме, посвященном сорокалетию Элтона Джона, который как раз тогда же оказался вовлеченным в сексуальный скандал. Филипп критиковал Сару за то, что она пришла в гости к человеку, имя которого фигурировало в скандальной хронике. Сара почувствовала себя отмщенной, когда рок-звезда получил 1,8 миллиона в качестве компенсации по судебному иску к «Сан» за несправедливые обвинения в том, что певец пользовался услугами мужчины-проститутки. Однако к этому моменту Филипп уже обвинял Сару в том, что она скомпрометировала королевскую семью, отправившись на лыжный курорт во время войны в Персидском заливе. Так что Сара приготовилась к новым упрекам.

Однако Филипп, известный любитель женщин, с сочувствием посмотрел на нее. «Послушай, — тихо проговорил он, — возможно, тебе будет приятно узнать, что вопреки всему я с тобой». Он расправил плечи и громко провозгласил, что намеревается отправиться на охоту вместе с Чарльзом и Эндрю. Потом резко повернулся и вышел из комнаты.

Сара оставалась в Балморале три дня, пока сэры Роберт Феллоуз не заявил строгим голосом, что

ей «лучше уехать вместе с детьми домой». Совет больше напоминал приказ. Поняв, что такова воля королевы, Сара немедленно собрала вещи.

После того как они с Эндрю решили расстаться, Саре запретили публично представлять королевскую семью. Впрочем, она не слишком переживала из-за того, что пропускала скачки в Аскоте или торжественный развод караула. «Какого черта? — говорила она. — Я сэкономлю на шляпках». Однако Ферджи стало не до смеха, когда она обнаружила, что больше не может попасть в свой кабинет в Букингемском дворце. Она заявила, что это козни придворных, которых называла «ротвейлерами королевы».

К досаде Сары, газеты во всем мире с интересом обсуждали ее фотографии с обнаженной грудью. «Монархия повержена в грязь!» — восклицала итальянская «Ла Stampa». Немецкая «Бильд» кричала со своих страниц: «Обнаженная Ферджи в объятиях любовника». «Нью-Йорк дейли ньюс» напечатала снимок Джона Брайана («Я не сосал пальцы ее ноги, а целовал подъем») под заголовком: «Сосущий пальцы и герцогиня Вульгарность». «США сегодня»: «Объективы не лгут».

«Вашингтон пост» в редакционной статье писала: «Если бы среднюю американскую жену, живущую на пособие, сняли в таком виде — с обнаженной грудью, в объятиях любовника, да еще в присутствии маленьких детей, — этого скорее всего хватило бы для того, чтобы суд постановил изъять детей из-под ее опеки. Здесь следует использовать самые суровые слова».

Однако мать герцогини — по-своему — ее защищала. «Сара не сожалеет из-за того, что ее поймали полуобнаженной в обществе Брайана, — за-

явила Сьюзан Баррантес итальянскому журналу «Дженте». — После того как Сара разошлась с принцем Эндрю, она может делать все, что пожелает. Однако она грустит потому, что уверена... кто-то... хочет отомстить ей и представить перед разводом в дурном свете».

Джон Брайан, который пытался (неудачно) получить судебный запрет на публикацию фотографий, ринулся в бой. «Мы все обернем в нашу пользу, — обещал он Саре. — Ты увидишь, мы этим подонкам еще покажем... Я собираюсь взять ублюдков из дворца за яйца».

Во Франции он подал против фотографа, который выкопал траншею в частном владении и просидел в ней два дня, вооруженный камерой с мощными объективами, судебный иск на пять миллионов за вмешательство в частную жизнь. Кроме того, Брайан подал в суд на «Пари-матч», заявив, что французский журнал сознательно намеревался причинить вред герцогине. «Из женщины, достойной уважения, — говорилось в его заявлении, — она превратилась во всеобщее посмешище». Французский судья согласился и постановил выплатить Саре 94 000 долларов, которые, как объявила герцогиня, будут переведены в институт, где лечат детей с болезнями мозга. «Я думаю, это правильно, не так ли? — спросила она. — У большинства журналистов тоже не все в порядке с мозгами».

Однако она по-прежнему выглядела глупо на страницах мировой прессы. «Меня так часто ругали за последние семь лет, что я окончательно потеряла уверенность в себе и самоуважение», — признавалась она. Однажды она расплакалась, увидев подпись под фотографией: «Ферджи, последнее примечание». И в самом буквальном смыс-

ле слова съезжилась, когда видела, что лондонские торговцы продают на улицах шоколадные пальцы ног. «Настоящий ад, — говорила она своему отцу. — Я больше не могу читать газеты». Один британский репортер написал, что с тех пор, как Сара стала герцогиней Йоркской, «освещать жизнь королевской семьи — все равно что плыть по сточной канаве на лодке с прозрачным дном». Некоторые писатели обращались к истории, чтобы провести злобные параллели между Ферджи и толстой, лишенной вкуса Каролин Брунсвикской, которая вышла замуж за принца Уэльского в 1795 году. Английский критик Макс Бирбом сказал о той распутной* принцессе, что «судьба написала для нее потрясающую трагедию, а она сыграла свою роль в трико**».

Сара совсем не так беспечно относилась к своим неприятностям, как могло показаться. Пять дней она пряталась в доме и никого не принимала. Одна женщина пожалела ее и написала письмо, в котором предлагала «дружеское плечо», чтобы на него опереться.

«Я почувствовала, что мне ее жаль! — заявила Тео Эллерт, которая возглавляла организацию «Международные ангелы». Это лондонское благотворительное общество в то время собирало средства для помощи польским детям, больным лейкемией. — Герцогиня находилась в самом мрачном расположении духа, но когда я предложила ей отправиться со мной в Польшу, она немедленно со-

* После того как Каролин застали в объятиях морского офицера, ее судили за прелюбодеяние. «Вы вступили в связь с адмиралом?» — спросили у нее. «Ах, не знаю, — ответила она. — Он был без шляпы». Ее признали невиновной. — *Примеч. авт.*

** То есть как в цирке. — *Примеч. ред.*

гласилась и сказала: «Мне необходимо думать о других, чтобы отвлечься от размышлений о себе».

Джон Брайан ухватился за это путешествие, как за прекрасную возможность изменить к лучшему имидж Сары. Он упрямо хотел превратить ее в «герцогиню, делающую добрые дела». «Если бы понадобилось, мы бы сами за все заплатили, чтобы никто не обвинил нас, что это очередной фокус Ферджи, — сказал он ее секретарю. — Забудьте о британской прессе. Мы расскажем о ее визите по американскому телевидению — там нас увидят миллионы... Мы дадим эксклюзивное интервью кому-нибудь вроде Дианы Сойер, в оптимальное время и в прямом эфире... Она самая лучшая... она нуждается в росте рейтинга... Никаких личных вопросов, только серьезное солидное интервью о работе...»

С маниакальной энергией он начал вести закулисные переговоры. «Брайан использовал команду, состоящую из мужа и жены, которые его представляли, — вспоминал телевизионный продюсер с Эй-би-си, — но руководил всем он сам». Брайан заверил Сару, что будет контролировать интервью и вопросы, которые ей зададут. Диана Сойер этого не помнит. Продюсер Дианы Сойер рассказывал, что Сара чувствовала себя неловко каждый раз, когда ее спрашивали об отношениях с принцессой Уэльской и королевской семьей. «Эти вопросы занимали ее гораздо больше, чем компрометирующие фотографии», — заявил продюсер. В конце интервью Диана Сойер спросила о Джоне Брайане:

— Каковы ваши отношения? Что вы можете о нем сказать?

Однако ей не удалось заставить Сару врасплох.

— Джонни мне помогает в решении финансовых проблем, — ответила она, — кроме того, он прекрасный друг.

— Но он не просто финансовый советник? — продолжала атаковать Сойер.

— А я этого и не говорила. Я сказала, что он прекрасный друг, помогающий мне решать финансовые проблемы.

Несмотря на ее отважное выступление, общество «Международные ангелы» отказалось от услуг герцогини. «У нее плохой имидж, и они не хотят иметь с ней ничего общего, — рассказала Тео Эллерт. — Тогда я заявила им: «Если она вам не нужна, то вам придется обойтись и без меня. Они и расстались со мной». Тогда Тео Эллерт помогла Саре основать свое собственное благотворительное общество «Дети в беде» и собрать средства для ребятшек в таких бедных странах, как Албания, Польша и бывшая Югославия. Благодаря этой организации герцогиня наконец обрела некоторую респектабельность. Однако она не желала идти традиционным путем. «У Сары было все, — написал ее отец в своих мемуарах, — и она все потеряла».

Герцогиня попыталась стать послом доброй воли, как принцесса Уэльская, но попала под огонь критики. Пресса считала, что Ферджи преследует свои личные цели.

«Я не знаю никого, менее подходящего на этот пост (Комитет ООН по делам беженцев), — заявил член парламента от партии тори сэр Николас Фэрбейрн. — Ей не хватает привлекательности, она не умеет одеваться, у нее фигура чудовища из юрского периода, ее жадность не знает пределов, она не знает, что такое такт, и более всего стремится затмить остальных».

Ферджи не получила вожделенного поста.

Корпус Королевских военно-воздушных сил отказался принять ее в качестве почетного шефа полка, потому что, по словам старшего офицера, она «безвкусно одевается, и мы посчитали, что у герцогини не очень хорошая репутация».

Когда же Сара отправилась с группой умственно отсталых молодых людей в горы Непала, над ней принялись издеваться за то, что она остановилась в самом дорогом отеле Катманду. Во время перехода Сара несла только бутылку с минеральной водой, дав возможность «Спектейтор» продемонстрировать свое остроумие:

Герцогине приелась дворцовая лесть,
Она сотню парней наняла
И заставила их на вершину залезть,
А потом вниз с вершины свела.

Когда двадцатидвухлетний шерп согласился покинуть отдаленную деревушку в Гималаях и последовать за Сарой в Англию, герцогиню обвинили в эксплуатации. «Может быть, капризная герцогиня решила поддержать благородную аристократическую традицию нанимать туземцев и увозить их с собой», — презрительно написала «Дейли телеграф».

Шерп, который готовил еду и носил рюкзак Сары, когда они поднимались в горы, начал заниматься тем же самым, когда они приехали в Роменда-Лодж. «Она использовала его на побегушках, — заявила одна женщина, — и ему не платили».

«Он гость герцогини, — сказала ее пресс-секретарь. — Она считает, что ему весьма полезно посетить дручу часть света».

Сара, которая была убеждена, что придворные постараются сделать все, чтобы ухудшить ее шансы на солидную компенсацию при разводе*, отослала шерпа назад. Брайан попытался развеять ее страхи, он опять клялся, что добьется для нее «мегамилионов». Чтобы создать соответствующее настроение, он попытался дискредитировать ее мужа.

Он позвонил в журнал «Пипл» и сказал, что принц Эндрю завел любовницу. «Я на сто процентов уверен, что он направляется на свидание, и мне известно, что его подружка не одну ночь провела в Южном Йорке, — заявил Брайан. — Я готов назвать ее имя. Однако хочу получить 30 000 долларов, потому что сначала мне придется добраться до записной книжки принца... И еще: деньги — медленно после публикации».

Журнал составил контракт, а Брайан три или четыре раза его исправлял. Когда он наконец назвал имя предполагаемой любовницы Эндрю, журнал решил, что его история не представляет интереса, и не стал ее печатать. Вместо этого они обнародовали записанный на магнитофонную пленку разговор с Брайаном: «Реактивный Джон требует 20 000 фунтов за ложь о принце Эндрю».

Нимало не смутившись, Брайан тут же заявил, что он всего лишь пошутил: ему хотелось разыграть журнал, однако Сара рассвирепела. «Она кричала на меня: «Ты не смеешь так поступать с герцогом Йоркским — какая возмутительная без-

* Сара хотела получить сразу 10 миллионов долларов и получить в дальнейшем ежемесячно по 5000 долларов на каждого ребенка, а также сохранить свой титул. В действительности она получила 750 000 долларов для себя и фонд в 2,1 миллиона на детей, а титул утратила. — *Примеч. авт.*

ответственность!» — признался Брайан приятелю, когда вспоминал о своих регулярных ссорах с герцогиней. На сей раз она выгнала его из дома. Впрочем, через несколько дней они помирились, и Брайан вернулся. Чтобы окончательно забыть о ссоре, Сара подарила ему серебряный глобус, на котором было выгравировано: «Вместе мы в силах его покорить».

После публикации компрометирующих фотографий отпуска на Лазурном берегу Сара и Джон решили вести себя более сдержанно. Рассчитывая, что смогут скрыть свою связь, они перестали появляться на публике вместе. Когда Брайан отправлялся из Лондона в дом Сары в Суррее, она посылала на железнодорожную станцию кого-нибудь из слуг. В темных очках и надвинутой на лоб бейсбольной шапочке он прятался в багажнике ее автомобиля, и его, словно украденную вещь, доставляли в Роменда-Лодж. На людях Сара делала вид, что предстоящий развод с Эндрю приводит ее в замешательство. Она говорила, что считает принца «своим самым лучшим другом».

«Мне кажется, она чувствовала, что уже никогда больше не ляжет с ним в постель, — сказала Тео Эллерт, — что их сексуальная жизнь с самого начала была недостаточно хороша и теперь ее уже невозможно спасти».

Миссис Эллерт не удержалась от комментариев после того, как она и герцогиня расстались при весьма неприятных обстоятельствах. Она сказала, что Ферджи не оказывала ей достаточной поддержки в качестве главы их благотворительного фонда. «Я думаю, она боялась, что мне достанется ее слава».

Сара везде пыталась найти поддержку; консультировалась с парапсихологами, астрологами и предсказателями будущего, звонила мистикам в Лос-Анджелес, встречалась с медиумами в Нью-Йорке и Лондоне. Кроме того, Сара советовалась с боснийским священником, который был известен в святилище Меджугордже как «Глаза Христа».

«Возвращайтесь к мужу, — посоветовал отец Светозар Кральджевич. — Так будет лучше всего для вас, вашей души, ваших детей и для всей королевской семьи».

«Я не могу! — простонала Сара. — Если я так поступаю, мне придется стать монашкой».

Отец Светозар порекомендовал ей провести некоторое время с монахинями в боснийском монастыре.

«Они покажут вам, что такое целомудренная жизнь», — сказал он.

Не приняв его сурового совета, Сара обратилась к своему другу Алистеру Макалпайну, который написал об их встрече так: «Сара часто просила совета, а потом рассыпалась в благодарностях, но все равно поступала так, как хотела с самого начала. Может быть, ей казалось, будто друзья, которые давали ей советы, уйдут удовлетворенные тем, что она оказала им честь, обратившись за помощью. Как велико ее непонимание человеческой природы».

Сара заявила лорду Макалпайну, что хочет развестись с мужем. «Он слишком скучный, — пожаловалась она. — Его интересуют только гольф и научно-фантастические фильмы».

Лорд Макалпайн посоветовал ей этого не делать. «И тогда Сара сообщила мне, будто бы принцесса Уэльская собиралась уйти от своего

мужа одновременно с ней, но решила подождать месяц или два, чтобы посмотреть, что получится у Сары».

В то время как Диана осталась в «автобусе», Сара решила соскочить. Однако она повторяла, что ее тревожит общественное мнение, а также отношение королевской семьи. «Она имела в виду, естественно, деньги», — объяснил Макалпайн.

Как белка, мечущаяся в поисках орешков, Джон Брайан предпринимал отчаянные попытки раздобыть для Сары денег. Он вел по телефону бесконечные переговоры и бомбардировал средства массовой информации предложениями, стараясь продать подороже: 25 000 долларов за эксклюзивные фотографии, от 50 000 до 200 000 долларов за эксклюзивное интервью. Брайан диктовал журналистам правила: он составляет список вопросов, а потом вносит правки в ответы герцогини. Торгуясь с журналом «Харперз энд куин», Джонни настоял на том, чтобы снимки делал самый лучший фотограф, а потом затребовал копирайт на все фотографии. «Вы знаете, сколько фотографий нужно герцогине в год? — спрашивал он. — Мы рассылаем тысячу, может быть, даже две тысячи снимков. Саре необходимы фотографии для благотворительных брошюр, программ, книжных обложек, рождественских открыток... Она хочет свободно и неограниченно использовать все свои снимки в собственных целях».

Во время переговоров он так шумел, что стал напоминать скоростной водяной велосипед на Темзе. «Мистер Брайан заставлял всех делать реверансы и подавать чай, — вспоминала одна измученная помощница редактора. — Он мог в любой момент заорать: «Мадам, если вы не возра-

жаете!», — когда хотя бы один из нас на мгновение забывал, что перед нами Ее Королевское Высочество».

В конце концов журнал прекратил переговоры, потому что все устали от его бесконечных требований, да и Сара отказывалась давать интервью. Она хотела, чтобы ее фотография красовалась на блестящей обложке, но не собиралась отвечать на вопросы. Сара позвонила редактору Викки Вудс, чтобы попытаться ее уговорить. Позднее мисс Вудс писала, что ужасно устала от «дурацких телефонных звонков» Джона Брайана.

«Ах вы, бедняжка! — сказала Сара мисс Вудс. — Я знаю, вы думаете, будто я считаю себя знаменитостью... Но я серьезный человек и не занимаюсь этим только для того, чтобы заполучить бесплатные рождественские открытки или еще что-нибудь...»

Редактор сказала герцогине, что она может сама договариваться с фотографом, но журнал не станет оплачивать счет без интервью с ней. Сара сослалась на дворцовый протокол: «Каждый раз ответственность ложится на меня, каждый раз я оказываюсь во всем виноватой! Мне надоело, и я больше не желаю участвовать в подобных мероприятиях. Я хочу жить своей собственной жизнью... Я так устала таскать для них каштаны из огня! В течение последних четырех лет я постоянно оказывалась козлом отпущения».

После окончания съемок Джон Брайан принялся расписывать фотографии редактору: «Эти самые сенсационные снимки, которые попадали мне в руки... Нам далеко не сразу удалось сделать все так, как хотелось. Герцогиня, черт возьми, настоящий профессионал, а не какая-нибудь дохлая, обычная, жалкая, бездарная маленькая модель».

В течение следующих шестнадцати месяцев Брайан носился из Нью-Йорка в Лондон, а из Лондона в Париж, заключая сделки от имени Ее Королевского Высочества. Пытался пристроить ее в качестве модели, писательницы и посла. Обхаживал издателей и продюсеров, рассчитывая продать «Баджи — маленький вертолет» для телевизионного мультипликационного сериала. «Когда я взялся за «Баджи», он практически ничего не стоил, — вспоминал он. — Никто в него не верил, никто не хотел иметь с ним ничего общего...»

Однако Брайан сумел продать «Баджи» на телевидение, а потом и права на сувениры: надувные подушки для плавания, купальные костюмы, пляжные полотенца, открытки, ночники, абажуры и воздушные шары. Выгодный контракт гарантировал герцогине 3 миллиона долларов плюс процент с продаж. Британские средства массовой информации сообщили о договоре с некоторым восхищением, смешанным с завистью.

Королева-мать услышала новость, когда, сидя в гостиной в Кларенс-Хаусе, она потягивала джин с тоником. Сделав пару глотков, подняла телефонную трубку и позвонила королеве.

«Я могу вас уверить, что королева-мать не была пьяна, — заявил бывший дворецкий, оскорбленный подобным предположением. — Ее Величество королева Елизавета, королева-мать, никогда не бывает пьяной. А в тот вечер она даже не была навеселе».

Королева-мать внимательно прослушала новости по телевизору:

«Герцогиня Йоркская намеревается заработать восемь миллионов фунтов [около 12 миллионов долларов], — бубнил диктор, — когда ее

книга «Баджи — маленький вертолет» будет экранизирована. Фильм увидят сотни тысяч телезрителей во всех концах земного шара. Герцогиня продала свою книгу, чтобы по ней сняли телесериал. Кроме того, она подписала контракты с тринадцатью американскими фирмами, которые получили права использовать изображение «Баджи» на столовых приборах, сувенирах и даже на стульчаках туалетов».

— На стульчаках туалетов? Они так сказали? — переспросила королева-мать.

— Да, мадам, — со вздохом ответил дворецкий. — Боюсь, что именно так.

Королева-мать знаком показала, что хочет еще один стакан джина с тоником, и потребовала свежие газеты. Новую порцию она получила практически сразу. На поиски газет потребовалось немного больше времени: в последние годы она редко их читала из-за катаракты на левом глазу. Наконец дворецкий появился с «Дейли мейл» за 19 апреля 1994 года и открыл газету на том месте, которое интересовало королеву-мать.

Она молча слушала, как дворецкий читает вслух о визите герцогини в Канны: Сара устроила там «ключевой обед» — как она сама заявила — для двухсот главных покупателей, действующих на рынке телевизионных программ.

«Я в полном восторге, — заявила Сара. — Мне удалось заключить множество контрактов на продажу маленькой книги, написанной мной в 1989 году».

Королева-мать вздохнула. Казалось, новость ее совершенно не касается. Она никогда не критиковала Сару Фергюсон — во всяком случае, публично. И сохраняла невозмутимость, когда слы-

шала, что Сара над ней посмеивается. Однажды, когда неистовая герцогиня вихрем пронеслась по продуктовому отделению универсального магазина «Харродз» в Лондоне, она заметила коробку печенья с изображением королевы-матери. Сара изрядно удивила покупателей, постучав по коробке и крикнув: «Вы здесь, дорогая?»

Во время встреч со своим персоналом для составления расписания на месяц герцогиня регулярно намекала на возможную смерть королевы-матери как на шанс избежать посещения нежелательных мероприятий. «Если ей предстояла неприятная встреча, — вспоминал один из участников подобных совещаний, — «Ну, посмотрим на это философски — королева-мамочка может скончаться, и тогда нам придется из-за траура все отменить», — говорила Сара».

Будучи признанной любимицей британского общества, королева-мать смотрела свысока на Сару Фергюсон. Внешне обе женщины имели много общих черт. Каждая не могла похвастаться высоким происхождением; обоим удалось выйти замуж за второго сына монарха и стать герцогиней Йоркской; у каждой родились две дочери. Обе отличались обаянием и сильной волей, им нравилось оказываться в центре внимания; обе обожали флиртовать с мужчинами. Герцогиню притягивали молодые гетеросексуалы, в то время как королева-мать утешалась с пожилыми гомосексуалистами. Она называла их «мой кружок вязания» и «королевами королевы». Она так снисходительно относилась к своему высокопоставленному кружку, что однажды позвонила в буфетную Кларенс-Хауса и сказала: «Когда вы, старые королевы, перестанете там сплетничать,

вспомните об этой старой королеве, которая хочет выпить».

Шестьдесят лет, разделяющие королеву-мать и герцогиню Йоркскую, делали их разными. Одна чтит традиции, другая была женщиной современной. Первая спокойно и без сожалений платила высокую плату за то, что стала членом королевской семьи; вторая отказывалась приносить жертвы. И посему королева-мать пользовалась уважением, как королевская особа, сохранившая черты человека из народа; молодую герцогиню поносили за то, что она так и осталась простолюдинкой.

Прочитав королеве-матери статью о событиях в Каннах, дворецкий протянул ей газету. Однако она с отвращением отмахнулась. «Даже в худшие времена Уоллис не была такой вульгарной», — заявила она, имея в виду своего непримиримого врага герцогиню Виндзорскую. Королева-мать заказала еще один джин с тоником и подняла телефонную трубку, чтобы позвонить дочери — королеве Елизавете.

«Для Ферджи то был поцелуй смерти, — вспоминал слуга из Кларенс-Хауса. — С того вечера начался ее путь вниз».

Сара уже успела лишиться большей части своих привилегий — королевской охраны, королевского поезда, королевских обязанностей и приглашений на рауты. Не имея почтовых привилегий, она больше не могла бесплатно посылать письма. Ей запрещалось сопровождать мужа и детей в Виндзорский замок во время празднования Пасхи, однако королева испытывала по этому поводу угрызения совести. «Я туда не пойду, — сказала Сара отцу. — А Эндрю пойдет. Очевидно,

королева хотела бы меня видеть, но остальные члены семьи настроены против».

Сара потеряла свое место в королевской ложе в Уимблдоне, и ее фигура в натуральную величину была извлечена из Музея восковых фигур мадам Тюссо. Ее не пустили в королевскую ложу в Аскоте, и она выглядела жалкой, стоя у дороги и сжимая руки своих детей, когда мимо в экипаже проезжала королева. Оставшись без покровительства Ее Величества, герцогиня быстро лишилась своего и без того не очень надежного положения в британском обществе. И у нее не было никаких шансов вернуть расположение королевы без поддержки королевы-матери.

После изгнания из дворца Сара впала в отчаяние и обратилась за помощью к психиатру. Однако теперь она не могла рассчитывать на королевскую защиту, и очень скоро ее визиты в клинику стали достоянием общественности. Фоторепортеры множество раз запечатлели ее в тот момент, когда она входила и выходила из психиатрической лечебницы.

«Какой ужас! — восклицала Ферджи. — Мне остается только молиться Господу о помощи».

Достигшая девяносточетырехлетнего возраста королева-мать не собиралась тратить время и силы на Сару. В сложившейся ситуации хватало одного телефонного звонка. После того как королева-мать переговорила с Ее Величеством, она почувствовала уверенность, что семья наконец избавится от приносящей столько неприятностей молодой особы, которая впоследствии еще раз поставила их всех в крайне неприятное положение, объявив, что трижды сдавала анализы на СПИД.

Королева-мать прекрасно знала, что остается нерешенным достаточно неприятный вопрос о материальной компенсации по разводу, но ведь это всего лишь деньги. Как только они будут выплачены, герцогиня Йоркская станет не более чем рыжеволосой сноской в книге по истории королевской семьи. Престарелая королева отлично понимала, что не стоит отвлекаться на посторонние вопросы. Как центральный шест, на котором держится большой купол шапито, королева-мать старалась сосредоточить свое внимание на главных событиях и сохранить уходящую энергию для того, что происходило на арене цирка.

ГЛАВА 19

Шестидесятивосьмилетний граф Спенсер лежал с пневмонией в лондонской больнице, и Диана навестила его перед тем, как отправиться в Австрию кататься на лыжах. Она не разговаривала с отцом в течение нескольких месяцев и прихватила с собой детей, чтобы немного смягчить напряжение, которое неминуемо должно было возникнуть при встрече.

К несчастью, к моменту его смерти другие дети графа Спенсера были с ним в ссоре. «Очень печально, — сказал его сын Чарльз, — что когда отец умер, рядом с ним никого не было». Дети воевали по поводу перестройки Олторпа и публично выступали против планов отца и его жены, которые намеревались заплатить три с половиной миллиона долларов за восстановление имения. Они обвинили графа Спенсера и свою мачеху в том, что те позорят честь семьи и разбазаривают наследство, включая одиннадцать картин Ван Дейка, ради того, чтобы «оживить» старое, разваливающееся имение — так Диана назвала Олторп. Она особенно рассвирепела, когда узнала, что ее отец продал японцам право выпустить на

рынок копию ее свадебного платья. Она сказала тогда друзьям, что возмущена его поведением. И добавила, что ее смущают «безвкусица» мачехи и дух «грубого» меркантилизма, присущий отцу. А потом вся семья принялась высказывать свое мнение — на первых страницах газет.

Граф, который был очень привязан к своей второй жене, набросился на детей за то, что они не сумели оценить по достоинству попыток мачехи сделать Олторп местом, приносящим прибыль.

С особенной горечью он нападал на Диану.

«Я дал Диане чертову уйму денег — между 750 000 и полутора миллионами долларов, — чтобы она вложила их для Гарри», — сказал он, сделав всеобщим достоянием беспокойство Дианы по поводу будущего своего второго сына. Ее первенец, Уильям, принц Уэльский и будущий король, должен был в конце концов стать немислимо богатым человеком. В отличие от Гарри.

«Диана не разбирается в вопросах финансов, — сказал ее отец. — У нее нет никакого опыта. Она слишком молода». Он обвинил всех своих детей в «финансовой незрелости» и заявил, что они испорчены, неблагодарны и не понимают, как следует управлять солидным имением*.

* Покойный граф Спенсер оказался совершенно прав. После его смерти сын попытался управлять Олторпом, имением в 15 000 акров, которое оценивалось в 132 миллиона долларов. Через четыре года новоиспеченный граф Спенсер нанял управляющего, который стал сдавать имение за 5262 доллара в день акционерным обществам, проводящим там свои конференции и заседания. Сам Спенсер с женой и детьми уехал в Южную Африку. Позже он развелся с женой, но остался жить в Африке. Как и его отец, он использовал свое имя для извлечения прибыли. В 1996 году он продал несколько своих почетных титулов на аукционе, чтобы заплатить за прокладку новых водопроводных труб. — *Примеч. авт.*

Вскоре дети перестали приезжать в Олторп, а заодно и разговаривать с отцом.

Через несколько минут после того, как Диана узнала о смерти отца, в воскресенье 29 марта 1992 года, ее фрейлина бросилась в кладовую швейцарского горнолыжного курорта и достала из багажа черное платье, черные туфли и черную шляпу — члены королевской семьи всегда возили с собой траурную одежду на случай чьей-нибудь непредвиденной смерти. Диана хотела вернуться домой одна, но Чарльз настаивал на том, что должен ее сопровождать. Она воспротивилась его планам. «Уже слишком поздно начинать делать вид, что у нас все в порядке!» — сердито заявила она.

Чарльз прекрасно понимал, что ее возвращение в Лондон в одиночестве невыносимо, но Диана твердо стояла на своем, требуя, чтобы он остался с детьми и продолжал кататься на лыжах. Ей была противна одна мысль о том, что Чарльз воспользуется смертью ее отца, чтобы изображать любящего супруга.

Личный секретарь принца узнал, что королевская чета зашла в тупик, и связался с личным секретарем королевы. И только когда Ее Величество вмешалась и позвонила принцессе, Диана согласилась вернуться домой с мужем. На следующий день она вышла из самолета с красными от слез глазами, потрясенная горем.

«Похороны графа Спенсера пронизывала такая атмосфера вражды, — сказал один из родственников, который с грустью вспомнил один из заголовков «Таймс», создававший ложное представление о происходящем: «Граф Спенсер отправляется на вечный покой, примирившись со своей семьей». На самом же деле семейные раз-

ногласия преследовали графа до самой могилы. Печальные отношения Джонни Спенсера с отцом заставили Джонни покинуть фамильное имение. Он вернулся, только когда отец умер. Сам Джонни поссорился со своим сыном — история повторилась с точностью до деталей, — который находился в разладе с ним, когда отец умирал.

Дети Спенсера считали такие отношения частью своей жизни. Они выросли, наблюдая за тем, как отец отказался общаться со своим отцом, а мать порвала отношения со своей матерью. Дети не раз становились свидетелями безобразных сцен между родителями, которые, кстати, не прекратились и после развода. Как отец, так и мать завели новые семьи, но продолжали сражаться за внимание детей, осыпая их дорогими подарками. «В такой ситуации начинаешь быстро понимать свою выгоду», — признавал позднее их сын.

В надгробной речи, посвященной графу Спенсеру, лорд Сент-Джон Фослейский попытался сгладить семейные противоречия. «Птицы щебечут и клюют свою клетку, — сказал он, — даже если она золотая».

Он заверил прихожан, собравшихся в маленькой деревенской церкви в Нортгемптоншире, что граф Спенсер любил всех членов своей семьи, в особенности принцессу Уэльскую.

Венок от Дианы с карточкой, написанной ее собственной рукой: «Мне будет ужасно тебя не хватать, милый папочка, но я всегда буду тебя любить... Диана», — водрузили на самое видное место. Цветы, принесенные принцем Уэльским, оставались незамеченными позади гроба. Чарльз написал: «С самыми добрыми воспоминаниями».

На глазах у представителей прессы четверо детей графа Спенсера держались со своей мачехой дружелюбно, Диана даже в какой-то момент сочувственно протянула ей руку. «Когда я это увидела... меня чуть не стошнило», — заявила Сью Инграм, которая в течение семнадцати лет работала у Рейн Спенсер.

Секретарь, которого новый граф Спенсер уволил на следующий после похорон день, вспоминает, что происходило за кулисами. Когда Рейн, покинувшая Олторп через сорок восемь часов после смерти мужа, чтобы освободить место для нового владельца, послала туда горничную за своими вещами, ее поджидали Диана и ее брат.

Горничная прибыла и упаковала два чемодана от Луи Виттона с монограммой Спенсера — буквой «С». Диана не позволила ей покинуть поместье. «Что это у тебя такое? — сердито спросила она. — Чемоданы принадлежали моему отцу. Они не твои».

Горничная объяснила, что Рейн купила такие же точно чемоданы для поездки в Японию и попросила выгравировать на них инициалы «Р.С.».

Диана приказала горничной переложить содержимое чемоданов от Виттона в черные полиэтиленовые мешки для мусора. Горничной ничего не оставалось, как подчиниться. Диана схватила чемоданы, а ее брат спихнул мешки вниз по лестнице.

Несколько дней спустя Рейн приехала в имение с красными наклейками, чтобы пометить предметы обстановки, которые она хотела бы забрать, однако ей навстречу вышел адвокат ее пасынка. Он заявил, что она получит только то, на что сможет представить документы о покупке.

«Ей пришлось позвонить новоиспеченному графу, чтобы уточнить детали мемориальной службы [которая проводилась шесть недель спустя в Вестминстерском аббатстве], — рассказывает ее секретарь, — и он приказал своему поверенному послать ей факс». Когда прах ее мужа отправился в семейный склеп Спенсеров, Рейн не пригласили на церемонию.

Последний контракт, который подписал граф Спенсер перед своей смертью, был с издателем книги «Диана: ее правдивая история». Поскольку графа заверили, что в данной книге его семья будет изображена положительно, в особенности Диана, он продал права на восемьдесят фотографий из семейных альбомов Спенсеров. На сей раз Диана не возражала.

Она хотела, чтобы снимки стали иллюстрацией к книге, которая, как она надеялась, освободит ее от уз брака. За несколько месяцев до этого она дала разрешение нескольким своим друзьям переговорить с автором Эндрю Муртоном. При помощи брата, лучшей подруги, любовника и массажистки Диана хотела представить миру умершую волшебную сказку: она поцеловала принца, а он превратился в жабу. Из-за его любви к другой женщине она заболела булимией и пять раз пыталась покончить жизнь самоубийством. От нее отказалась королевская семья, которая не признавала ее попыток вдохнуть новую жизнь в их угасающую династию.

«Санди таймс» напечатала отрывок из книги. Его появление на первых страницах когда-то весьма уважаемой газеты придавало достоверность истории и делало ее значительной. А очевидное одобрение издания принцессой Уэльской делало его

еще более волнующим. Премьер-министр, члены парламента и председатель «Комиссии по делам прессы»* объявили книгу сенсационной и отвратительной. Архиепископ Кентерберийский посчитал, что она переходит все границы приличий, установленных обществом касательно уважительного отношения к общечеловеческим ценностям. «Харродз» отказался ее продавать. «Наши покупатели ни за что не поймут нас, если мы станем предлагать им такую непристойную книгу», — сказал представитель магазина. «Спектейтор» назвал ее «чепухой и мусором».

Книга мгновенно стала бестселлером, однако британская пресса тут же объявила, что ее автор совсем недавно работал в бульварной газетенке, а его отец и вовсе делал рамы для картин. Из этого снобистского комментария следовало, что Эндрю Мортон, к своему несчастью, является выходцем из рабочего класса: он придерживался республиканских взглядов в стране, почитающей королевскую власть. «Я спросил Эндрю Мортон, не боится ли он убить курицу, которая несет золотые яйца? — вспоминает Майкл Коул, бывший корреспондент Би-би-си, освещавший жизнь королевской семьи. — Он ответил: «Ну, в течение следующих двадцати лет я неплохо проживу на пепелище дома Виндзоров».

* Правительство может ограничивать деятельность журналистов, поскольку в Англии не существует формальных гарантий свободы слова. Чтобы не стать жертвой ограничительных законов, британские журналисты решили создать в 1991 году «Комиссию по деятельности прессы», которая следила бы за тем, чтобы пресса не переходила границ. В комиссию из 17 человек входят местные, региональные и национальные издатели газет. Она не имеет никакой власти, но обязана делать свои наблюдения всеобщим достоянием. — *Примеч. авт.*

Только две из двенадцати британских газет проигнорировали напечатанный отрывок из книги. Издатель «Файнэншл таймс» сказал: «Не наша тема». Глава же «Дейли телеграф» заявил, что от темы разит дурным вкусом. «Весьма одиозная вещь», — написал он в «Спектейтор», объясняя, почему его газета никак не осветила скандальное издание. «Телеграф», которую иногда называли «Ториграф», — любимая газета королевской семьи, а ее издатель Макс Хейстингс является близким другом принца Эндрю. «По сравнению с грязными газетными историями об отношениях принца Уэльского и его жены, — писал он, — пьянчужки, болтающие у пивных, просто джентльмены».

В то утро, когда вышел в свет отрывок из книги, принц Уэльский испытал самое настоящее потрясение. «Я бы сказала, что он был близок к панике», — вспоминает экономка Хайгроува. За завтраком Чарльз прочитал начало книги, которая должна была выходить по частям, — ему прислал его по факсу из Лондона секретарь. Чарльз знал, что вот-вот в свет выйдет книга, посвященная Диане, но предполагал, что это будет не более чем описание ее добрых дел, приправленное милыми фотографиями. Он оказался не готов к тому, что она станет атаковать его как мужчину, отца и мужа.

Дочитав до конца, Чарльз встал из-за стола и отправился в комнату Дианы, так и не выпустив из рук газеты. Как и Ричард III, он собирался задать своей жене всего один вопрос: «Зачем ты в меня плюешь?» Позднее Диана сравнила сцену, происшедшую тогда между ними, с эпизодом из «Крестного отца», где Аль Пачино обвиняет Диану Китон в том, что она его унизила, попытавшись разорвать брачные узы, их соединяющие.

Не в первый раз Диана сравнивала монархию с мафией. «Единственная разница заключается в том, — сказала она своей кузине, — что здесь преступники носят корону». Через несколько минут после того, как Чарльз в ярости выскочил из комнаты Дианы, она в слезах покинула Хайгроув. И хотя она отрицала, что имеет какое-то отношение к выходу книги, он придерживался другого мнения.

«У меня в ушах звучит ее голос, который все это произносит, — сказал он своему личному секретарю Ричарду Эйларду. — Ее слова, в точности».

Бабушка Дианы, леди Руфь Фермой, посетила Хайгроув несколькими днями позже, надеясь успокоить Чарльза. Он обнял хрупкую женщину, которой к тому моменту уже исполнилось восемьдесят три года, и попросил погулять с ним в саду. «Руфь считала Диану виновницей развода, — сказала крестница леди Фермой. — Она полагала, что Диана навлекла на семью позор, не сумев сохранить свой брак, и не разговаривала с внучкой до самого последнего дня жизни. Но даже умирая, она не простила Диану за то, что та предала монархию».

Чарльз был потрясен тем, что его жена нарушила королевский кодекс молчания и открыла всему миру имя его любовницы. Диана пошла даже дальше, она назвала Камиллу «ротвейлером» — собакой-убийцей, вцепившейся мертвой хваткой в брак принца Уэльского и ни за что не желающей его отпускать. Телезвезда Джоан Коллинз сказала, что хотела бы сыграть в телесериале, посвященном королевской семье. «Я могла бы сыграть Камиллу Паркер Боулз, — говорила она. — Могла бы изменить свою внешность и

стать такой же уродливой». В прессе появились весьма недоброжелательные описания Камиллы, сообщавшие, что у нее «ничем не примечательное лицо» и она «похожа на свою лошадь». «Она курит, шутит и может одеться к обеду после того, как провела целый день в седле, забыв предварительно принять душ», — язвительно сообщала «Скоттиш геральд». Известие о том, что принц Уэльский в течение многих лет состоял с ней в связи, так расстроило общественное мнение, что когда Камилла отпраивалась в бакалейную лавку за покупками, рассерженные покупатели забрасывали ее рогадиками.

Чарльз относился к тирадам жены по поводу Камиллы как к ревности еще незрелой женщины. Он не понимал ни отчаяния Дианы, ни ее желания нанести ему ответный удар. Он считал, что она должна принять свой брак, лишенный любви, за привилегию быть принцессой Уэльской. Чарльза потрясло осознание того, что она разочарована, и он чувствовал себя униженным выходом в свет книги, выставившей его чудовищем. Дворец мгновенно бросился на его защиту.

Сэр Роберт Феллоуз позвонил Диане до того, как она покинула Хайгроув. «Я хочу знать степень вашего участия», — сурово заявил он. Его брак с сестрой Дианы, Джейн, временами вносил некоторую напряженность во внутрисемейные отношения. Диана расплакалась и ответила, что ни разу не встречалась с автором и не дала ему ни одного интервью. Ее дрожащий голос убедил зятя, что она говорит правду. Он не догадывался, что Диану охватил панический страх, когда она поняла, какой шум поднялся в связи с выходом в свет отрывков из книги.

Впрочем, Диана довольно быстро успокоилась. Позднее она сказала одному из своих астрологов, что не сожалеет о данном согласии на публикацию книги, поскольку ее муж не заслуживает того, чтобы защищать его молчанием, — ведь он является принцем Уэльским. «Предполагается, что он должен быть образцом для подражания, — сказала она. — Он ведь станет защитником веры, черт его подери!» Через одиннадцать лет супружеской жизни Диана решила, что пришла пора открыть всему свету глаза на неверность мужа. Роберт Льюис Стивенсон предупреждал, что, заключая брак, «ты добровольно впускаешь в свою жизнь свидетеля... и больше не сможешь закрывать глаза на неприятные стороны жизни, тебе придется справляться со всеми трудностями и давать истинные имена своим действиям». Если Чарльз не желал этого делать, Диана была полна решимости. Но и ее потрясло то, что она сотворила.

Ее привело в ужас количество подробностей, которые приводились в книге, и она почувствовала, что брат ее предал, когда назвал лгуньей. Он сказал, что ей всегда «было трудно сказать правду, потому что она просто обожала все приукрашивать». «Однажды по дороге в школу, — вспоминал он, — их машину остановила жена викария и проговорила: «Диана Спенсер, если ты еще раз соврешь, я заставлю тебя идти домой пешком». И еще он рассказал, что в одном из школьных отчетов учительница написала: «Диана Спенсер — самая хитрая маленькая девочка, которую мне когда-либо приходилось встречать».

Кроме того, ее возмутило, что Джеймс Гилби изобразил ее как человека, склонного к суициду. Она прекрасно понимала, что Гилби раскрыл

тайну с ее согласия и хотел помочь, но он нарисовал такую жалкую картину, что Диана после этой публикации перестала с ним общаться.

Заверения Дианы в том, что она не имеет никакого отношения к книге, заставили пресс-секретаря королевы направить в «Комиссию по делам прессы» несколько жалоб. А также составить черновик заявления, в котором отрицалось ее участие в издании. Он сказал ей, что только публичный отказ убедит общественное мнение. Британцы были готовы поверить в самое худшее после всего, что они прочитали и видели за последний год.

За несколько месяцев до этого принц Уильям случайно получил по голове клюшкой для гольфа. Ему пробили череп, и возникла необходимость в срочном хирургическом вмешательстве. Диана, находившаяся в ресторане «Сан-Лоренцо» в тот момент, когда ей сообщили о травме, поспешила к сыну и провела с ним в больнице две ночи, пока его не выписали домой. Чарльз же навестил Уильяма сразу после операции, пробыл около постели несколько минут и больше не изменял своего привычного распорядка дня. Он заявил, что должен присутствовать на опере «Тоска». На прессу его слова произвели шокирующее впечатление. «Какой же вы отец!» — кричали заголовки в «Сан». Джин Рук из «Дейли экспресс» спрашивала: «Что можно сказать об отце восьмилетнего мальчика, лежащего в больнице с пробитой клюшкой от гольфа головой, который уходит от сына, не узнав, чем все может закончиться, чтобы насладиться вечером в опере?»

Чарльз обвинил Диану в том, что из-за нее он выглядел равнодушным отцом. И потому несколько недель спустя специально сфотографировался со

своими сыновьями во время велосипедной прогулки. Однако Диана сообщила журналистам, что Чарльз расстался с мальчиками через двадцать четыре часа после этого, чтобы отправиться на матч поло. Джин Рук обвинила Чарльза в том, что он обращается со своими детьми, как с «хорошо откормленными домашними животными, которые прекрасно знают, какое место занимают в жизни своего полностью занятого собой родителя. Конечно, Уильям и Гарри страдают оттого, что видят отца чаще по телевизору, чем рядом с собой».

Тут же в газетах появились фотографии, изображавшие Чарльза, идущего вместе с сыновьями в церковь в Сандринхеме, но когда кто-то в толпе спросил его, где принцесса, он вымученно улыбнулся и ответил: «Сегодня ее здесь нет, так что можете потребовать деньги назад».

Другие снимки тоже демонстрировали, что между супругами возникли разногласия. Во время турне в Индию Диана сфотографировалась перед Тадж-Махалом. Эта печальная картина (некоторые репортеры утверждают, что принцесса нарочно снялась именно так) напомнила всем визит принца Чарльза в Индию перед его бракосочетанием. Он пообещал приехать вместе с женой в храм семнадцатого века, всемирно известный памятник вечной любви. Однако когда в 1992 году он привез Диану в Индию — всего на четыре дня, — они уже не разговаривали друг с другом. Они прибыли на разных самолетах: он прилетел из Омана, а она — из Лондона. У них был разный распорядок дня. Они остановились в разных апартаментах, на разных этажах отеля в Нью-Дели и общались через служащих. Они улыбались, только если на них был наведен объектив камеры.

На страницах газет появилась фотография Дианы около пирамид — снова в одиночестве. Она хотела показать всем, что пока она принимает участие в официальном турне по Египту, ее муж отдыхает в Турции вместе со своей любовницей. И новая серия снимков: Чарльз играет в поло, — Диана посещает лепрозории; Чарльз стреляет дичь в Сандринхеме, — Диана утешает раковых больных в Ливерпуле; Чарльз развлекается на приеме с султаном Брунея, самым богатым человеком в мире, в то время как Диана встречается с матерью Терезой, которая боролась за облегчение страданий самых нищих людей на земле.

Дворец пытался смягчить впечатление от таких разных снимков королевской четы и их супружеской жизни, однако новые разоблачения продолжали появляться на свет, точно лягушки из болота. Когда констебль Эндрю Жак, охранник из Хайгроува, рассказал о том, что принц и принцесса живут каждый своей жизнью, дворец объявил его историю чистой воды вымыслом. Однако полицейский, проработавший в имении четыре года, твердо стоял на своем. «Они встречаются только за столом, — говорил он, — и очень часто заканчивают свое общение громким скандалом, свидетелями которого становятся все в доме». Он поведал прессе, что принц Чарльз спит в своей комнате один (и всегда берет с собой в постель старого плюшевого медвежонка), а принцесса ночует одна в главной спальне. «Они никогда не улыбаются, не смеются, ничего не делают вместе... За четыре года я только один раз видел, как он поцеловал ее на прощание, и то будто клюнул в щеку».

Неудивительно, что пресс-секретарь дворца связался с экспертом по делам высшей знати Гарольдом Брукс-Бейкером и попросил его ответить на заявления констебля. Как и всегда, этот родившийся в Америке роялист согласился. «Нельзя разрушить брак, которому пресса уделила столько внимания, — заявил эксперт репортеру из «Нью-Йорк таймс». — Пресса много обсуждала тот факт, что принц Чарльз не присутствовал на тридцатилетии Дианы в прошлом месяце, однако никто не заметил того, что следующие выходные супруги провели вместе; на столе стоял торт по случаю дня рождения, а принц подарил жене великолепный браслет».

Экономка Хайгроува рассказала, что подарок от Чарльза был сделан из стразов. В своем дневнике, который она вела, когда работала на принца и принцессу Уэльских, экономка записала, что Диана разрыдалась, обнаружив, что камни фальшивые. Принцесса, привыкшая получать дорогие подарки, возмутилась тем, что ее муж преподнес своей любовнице бриллиантовое ожерелье, а она получила в день рождения всего лишь дешевую безделушку. Экономка вспоминает слова принцессы: «Мне не нужны его мерзкие фальшивые драгоценности. Я думала, что мужья, обманывающие жен, изо всех сил стараются ублажить их по-настоящему ценными вещами, а всякую дрянь приберегают для своих девок».

Когда Диане должно было исполниться тридцать лет, Чарльз предложил устроить праздник. Однако Диана не хотела отмечать свой день рождения вместе с ним. Поэтому она сказала «нет» и уединилась со своим любовником Джеймсом Хьюитом, который незадолго перед этим вернулся с

войны в Персидском заливе. Чарльз был возмущен появившимися в прессе обвинениями в том, что он проигнорировал день рождения жены, и потому попросил своего приятеля связаться с Найджелом Демпстером и рассказать тому, как в действительности обстояло дело. Репортер светской хроники с удовольствием написал историю в «Дейли мейл», которая появилась на первых полосах газеты и сообщала о том, каким образом принц Чарльз продемонстрировал свою любовь к жене. Диана ответила на следующий день, тоже при посредничестве подруги, поведавшей «Сан», что принцесса не хотела принимать участия в грандиозном бале, на котором будут присутствовать «надутые приятели» ее мужа.

Принцесса Анна, пришедшая в негодование от этого газетного спарринга, обвинила Диану в том, что она превратила свой брак в тему для публичных сплетен и обсуждений. «До того как ты вошла в нашу семью, никакая информация не просачивалась за стены дворца, — заявила принцесса. — А теперь корабль превратился в решето, вода проникает во все дыры, и неудивительно, что он тонет».

Диана наградила принцессу Анну суровым взглядом, но не сказала ни слова в ответ. Впрочем, та не испугалась.

«Я бы на твоём месте не стала рассказывать столько разных небылиц, — предупредила ее Анна. — Рано или поздно они начнут тебя преследовать и не дадут спать по ночам».

После выговора, сделанного Анной, Диана убедилась в том, что королевская семья настроена против нее. И тогда решила сотрудничать с Эндрю Муртоном, дав своим друзьям разрешение

рассказать ему о своем ужасном браке. «Делайте так, как посчитаете правильным», — сказала она, когда они позвонили ей насчет книги. Но позаботилась о том, чтобы автор книги ничего не узнал о ее отношениях с Джеймсом Хьюитом.

Много месяцев спустя Диана не могла отречься от произведения Мортонa, и потому, когда с ней связался Роберт Феллоуз и зачитал заявление, которое он для нее составил, она не согласилась с ним выступить. Он настаивал на том, что она должна публично осудить книгу, однако Диана сказала: «Я не могу отвечать за то, что говорят мои друзья».

Дождаясь ответа принцессы, издатель «Санди таймс» страшно нервничал. «Мы думали, с ней случится нервный срыв: таким сильным оказалось давление, — вспоминает Эндрю Нейл. — В тот момент нас не удивило бы, если бы она совершила самоубийство. Ее психика находилась в чрезвычайно неустойчивом состоянии. Сначала я не поверил фактам, описанным в книге. Принцесса Уэльская страдает от булимии, ее рвет в туалете, она пытается совершить самоубийство? Невозможно! Однако я надавил на Эндрю Мортонa, потребовал, чтобы он сообщил мне имена тех, кто давал ему информацию, и сам переговорил с ними. Как только я убедился, что все сказанное в книге — чистая правда, я решил: она увидит свет, если два главных свидетеля, Каролин Бартоломью и Джеймс Гилби, дадут под присягой показания, подтверждающие их слова».

Сенсационный отрывок из книги появился в газете утром 7 июня 1992 года. Днем королева пригласила Камиллу Паркер Боулз и ее мужа в королевскую ложу, чтобы посмотреть матч в поло. Диана рассматривала этот жест как очерде-

ной удар, нанесенный ее гордости. В глубине души она начала сомневаться в состоянии рассудка королевы. «Если она хочет, чтобы наш брак сохранился, почему она мне не помогает и не ведет себя как разумная свекровь?»

На следующий день главный редактор «Санди телеграф» возмущенно провозгласил, что главный редактор «Санди таймс» является распространителем скандальных слухов и заслуживает того, чтобы его выпороли хлыстом. Эндрю Нейл напечатал заявление Джеймса Гилби:

«Я могу подтвердить, что принцесса множество раз говорила со мной о самоубийстве, как, впрочем, и со многими другими своими друзьями».

По словам издателя «Санди таймс», он понял, что положение монархии становится все более и более непрочным, когда ему стали звонить аристократы вроде Алана Кларка, бывшего государственного министра в правительстве тори, и выказывать свою поддержку. «Какой позор, — сказал Кларк Эндрю Нейлу, — но никакая не потеря. Королевская семья — это всего лишь куча немцев с одутловатыми лицами».

На головы британцев начал низвергаться поток самых разнообразных историй, редакционных статей и телепередач, которые высказывали сомнения по поводу того, что когда-то считалось незыблемым, — будущего монархии и необходимости королевской семьи для Британии. Возникли даже вопросы о том, что такое исполняющий свой долг монарх, ведь нынешняя королева гораздо больше внимания уделяла своим собачкам и лошадям, чем детям. Опрос общественного мнения показал, что большинство поддерживает принцессу, в особенности американки. Журнал

Принцесса Александра,
кузина королевы,
близкая подруга
принца Филиппа.

Светловолосый
голубоглазый принц,
женившийся на Елизавете
и ставший герцогом
Эдинбургским,
очаровал всех женщин.

У ныне покойной
кинозвезды Мерль Оберон,
еще одной своей близкой
подруги, Филипп любил
останавливаться, когда
приезжал в Голливуд.

Элен Корде, тоже близкая
подруга, первая женщина,
о которой поползли слухи,
будто она является
любовницей Филиппа.

Одно из нескольких писем,
полученных автором
во время работы над этой
книгой, с предложением
продать любовные письма,
якобы отправленные
Филиппом другим
женщинам из Балморала,
Сандринхема или с борта
«Британии».

*a possible of later...
of Kensington or W. Palace
to be. They are the King's 'Philip'
or of someone they are connected.
De Kensington, in the family.
The woman says a few people of
K.H., but the boss indicate a
favourite, & his wife was advised.*

Королевская семья в Виндзоре в октябре 1972 года на праздновании серебряной свадьбы королевы. В заднем ряду — слева направо — стоят: граф Сноудонский; герцог Кентский; принц Майкл Кентский; герцог Эдинбургский; граф Сент-Эндрюский (старший сын герцога Кентского); принц Чарльз, принц Уэльский; принц Эндрю; distinguished Ангус Огилви и его сын Джеймс Огилви.

На стульях — слева направо — сидят: принцесса Маргарет, графиня Сноудонская; герцогиня Кентская (держит на коленях лорда Николаса Виндзорского, своего младшего сына); королева-мать; королева Елизавета II; принцесса Анна; Марина Огилви и ее мать принцесса Александра.

На полу — слева направо — сидят: леди Сара Армстронг-Джонс и виконт Линли (дети принцессы Маргарет); принц Эдуард; Элен Виндзор (дочь герцога Кентского). Фотография Патрика Личфила.

Любовь королевской семьи к кровавым видам спорта: королева (в центре, держит фотоаппарат) и ее охота в Саваи Мадхопуре.

На земле лежит тигр (длиной восемь футов девять дюймов), застреленный принцем Филиппом (крайний слева), который является президентом Всемирного фонда защиты диких животных.

Герцог и герцогиня Виндзорские за спиной называли королеву-мать «Булочка», потому что она страшно любила сладости. Она же, в свою очередь, называла герцогиню Виндзорскую «эта женщина» и сделала все, что могла, чтобы та не получила статуса Ее Королевского Высочества. Их вражда продолжалась всю жизнь.

Герцогиня Виндзорская смотрит в окно Букингемского дворца после похорон мужа в 1972 году.

Чарльз и лорд Маунтбаттен, или «дядюшка Дики», как его называли в королевской семье. Он посоветовал юному принцу стать «движущейся мишенью для женщин».

«Я полагаю, в твоём положении мужчина должен перебеситься и, прежде чем устроить свою жизнь, завести столько интрижек, сколько ему вздумается...» — написал он Чарльзу однажды.

Чарльз влюбился в Камиллу Шенд, но она вышла замуж за Паркера Боулза.

Чарльз с двадцатидвухлетней дочерью графа Спенсера, Сарой, в «Каудрей-парке», где он играл в поло (1977 год).

Чарльз последовал совету Маунтбаттена «выбрать себе подходящую, привлекательную жену с мягким характером, прежде чем она успеет влюбиться в кого-то еще». В 1981 году состоялась его помолвка с леди Дианой Спенсер. Фотография Сноудона.

Принц и принцесса Уэльские после церемонии бракосочетания в соборе Святого Павла 29 июля 1981 года.

Отец Дианы, граф Спенсер, со своей второй женой, Рейн, перед Олторпом, семейным имением.

Барбара Картленд, автор любовных романов и мать Рейн Спенсер. «Ее фальшивые ресницы напоминают двух ворон, взлетевших на Белые скалы Дувра», — сказала Диана, которая не пожелала пригласить «бабушку» на свою свадьбу.

48

Диана с матерью, Фрэнсис, оставившей отца Дианы, чтобы выйти замуж за Питера Шенда Кидда. Из-за обвинения в адюльтере Фрэнсис было отказано в праве воспитывать своих детей, после того как ее собственная мать — леди Руфь Фермой — выступила на бракоразводном процессе и дала показания против дочери.

49

Брат Дианы, Чарльз Спенсер, унаследовавший титул отца, был известен прессе под именем «Чарли-Шампанское».

50

Диана не дружила со своей старшей сестрой, Джейн, которая вышла замуж за сэра Роберта Феллоуза, личного секретаря королевы.

51

Юная принцесса Уэльская на разных стадиях булимии, прежде чем она сумела справиться с болезнью и начала носить модные туалеты под опекой экспертов британского журнала «Вог».

52

5

5

55

56

57

58

59

60

Блистательная
принцесса стала
женщиной, которую
фотографировали
больше всех в мире.

61

62

63

Диана стала первым членом королевской семьи, прикоснувшимся к больному СПИДом.

«Я человек, занимающийся гуманитарной деятельностью, — сказала Диана во время своего визита в Анголу в 1977 году, — всегда такой была и всегда буду». Посетив детей, у которых ампутированы конечности, она высказалась против правительств, продолжающих выпускать смертоносное оружие, и призвала к всемирному запрещению использования противопехотных мин.

«Принц чуть не свалился со стула», — сказал Уэйн Слип из Королевского балета, когда Диана выскочила на сцену «Ковент-Гардена» в белом шелковом сарафане, чтобы преподнести мужу сюрприз. Она тайно отрепетировала движения танца, с которым выступила перед 2600 зрителями, никогда не видевшими, чтобы член королевской семьи соблазнительно скакал по сцене. Позже Чарльз сказал, что своим «экспозиционизмом» она поставила его в неловкое положение.

«Самое потрясающее переживание», — сказала Диана после танца с Джоном Траволтой (актер, сыгравший главную роль в фильме «Субботняя лихорадка») в Белом доме в 1985 году.

После того как Диана узнала об измене мужа с Камиллой Паркер Боулз, она начала свой роман с майором Джеймсом Хьюитом.

Капитан английской команды по регби Уилл Карлинг, еще один женатый человек, ставший близким другом принцессы Уэльской. Его жена грозилась назвать на суде Диану виновницей развода.

Диана вместе с торговцем предметами искусства Оливером Хоуром. Газеты писали, что в течение восемнадцати месяцев принцесса преследовала женатого мужчину анонимными телефонными звонками и поливала грязью его жену.

Британский продавец автомобилей Джеймс Гилби, чьи телефонные разговоры с Дианой были тайно записаны на пленку неизвестной третьей стороной. В расшифровке записи Гилби заверяет принцессу, которую называет «Завлекательница», что она не забеременеет.

«Я никогда не выглядела лучше», — сказала Сара Фергюсон 23 июля 1986 года, когда вышла замуж за Его Королевское Высочество герцога Йоркского, любимого сына королевы.

73

74

75

«В какой-то момент я весила 250 фунтов. У меня всегда были проблемы с лишним весом, — сказала герцогиня Йоркская, известная под именем Ферджи. — Я работала над собой некоторое время, но потом съела десять бутербродов со сладким майонезом». Она похудела на 100 фунтов

и стала одним из активных членов Международного общества следящих за своим весом.

«Наконец я стала выглядеть великолепно!» — воскликнула Ферджи в 1991 году после нескольких месяцев соблюдения жесточайшей диеты. Как и принцесса Уэльская, она заводила любовников, объясняя это тем, что ее муж, моряк, часто отсутствовал в море, — говорила она. — Но все равно остается моим самым лучшим другом».

Техасец Стив Уатт стал «любовью моей жизни», как сказала Ферджи. Когда они познакомились, она была на пятом месяце беременности. «Он навел на всех зеленую тоску, — сказал журналист Таки, — рассуждениями о различных диетах, карме и прочей чепухе, которой современные американцы засоряют наши мозги».

Джонни Брайан, чья возня с Ферджи и ее детьми у бассейна на юге Франции в 1992 году была заснята фоторепортерами.

Фотографии герцогини с обнаженной грудью в обществе финансового советника, целующего пальцы ее ноги, привели к международному скандалу.

«Я люблю спортивных мужчин», — сказала Ферджи, которая бегала за австрийским теннисистом Томасом Мастером.

Заголовки газет: КОНЕЦ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ; СВОБОДНЫ, ЧТОБЫ ОБРЕСТИ СЧАСТЬЕ; ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА РАССТАЮТСЯ.

Став матерями-одиночками, Диана и Сара начинают новую жизнь. Принцесса Уэльская со своими двумя детьми — принцем Генри и принцем Уильямом. Герцогиня Йоркская со своими детьми — принцессой Беатрисой и принцессой Евгенией.

Софи Рис Джонс с Его Королевским Высочеством принцем Эдуардом, который просит, чтобы днем, когда он зарабатывает себе на жизнь, снимая телевизионные документальные фильмы, его называли «мистер Виндзор». Вечером же он требует, чтобы к нему обращались Ваше Королевское Высочество. Они познакомились в 1993 году, и королева позволила им жить в апартаментах Эдуарда в Букингемском дворце.

Королева-мать во время своего девяносто четвертого дня рождения в окружении почти всех членов королевской семьи. Во втором ряду, слева направо: принцесса Анна; Тим Лоуренс; виконт Линли и его жена Серена; Питер Филлипс, сын принцессы Анны; сэр Ангус Огилви; принцесса Александра; принц Эдуард; принц Эндрю (отвернулся от фотоаппарата). В первом ряду, слева направо: Ее Величество; Зара Филлипс, дочь принцессы Анны; королева-мать; принц Уильям; принцесса Маргарет; принц Чарльз; принц Генри.

85

Разваливающиеся слова на рисунке означают ДОМ ВИНДЗОРОВ.

86
Сарколатта & Уилкин Спрингсайд

ПРОБЛЕМЫ ПРИНЦЕССЫ ДИ (реприза)
Кельвин Триллин

Нам ваши печали и беды, принцесса,
Так близки, как быть только может:
Здоровье шалит, муж законный — повеса,
Возлюбленный душу тревожит.

Уильяма вместо отца королем
Вы сделать клянетесь, не так ли?
Спешите, не то мы со скуки умрем
На этом кошмарном спектакле.

Принц Уильям — возможно, будущий король.

87

«Пипл», который выходит раз в неделю тиражом в двадцать миллионов экземпляров и который читают главным образом женщины, за шестнадцать лет сорок один раз печатал ее фотографии на своих обложках. А номер, в котором появились отрывок из книги Мортон и снимок принцессы Дианы, стал самым продаваемым в истории журнального дела. Американская писательница Камилла Паглия объявила принцессу кумиром двадцатого века: «Диана стала самым значительным символом мировой массовой культуры сегодня».

Впавшие в отчаяние представители пресс-службы дворца старались вести себя вежливо. Они недвусмысленно дали всем понять, что осуждают книгу: «Возмутительная безответственность». Теперь же решили немного отступить: «На данный момент у нас нет никаких комментариев». Они старались говорить короткими, рублеными фразами, точно рассчитывали, что холодное неодобрение остановит новые вопросы.

Пока пресс-служба пыталась отбиться от разговоров о внебрачной любовной связи принца Уэльского, во дворце составили официальную записку, в которой королева напоминала своим слугам, как им следует себя вести. Управляющий помещьем Балморал сделал «мягкое предупреждение» всем служащим, вступившим в незаконную любовную связь. В «предупреждении» говорилось, что провинившийся будет немедленно уволен с королевской службы. «Если вы живете в грехе, — заявил управляющий, — вы можете лишиться дома». Дворец попытался сделать вид, что не имеет никакого отношения к его строгим указам. «Любая корреспонденция, курсирующая в стенах поместья, является абсолютно частной», —

сказал пресс-секретарь. Однако Диана не удержалась от комментария, заявив, что королеве следовало бы послать «мягкое предупреждение» своему сыну. И хотя Диана многое могла бы сообщить о книге Мортон в частной беседе, она не сделала ни одного публичного заявления. Поняв, что она намеревается молчать, издатель «Санди таймс» заволновался. «Я не знал, что делать, чтобы восстановить доверие читателей!» — вспоминает Эндрю Нейл. Через несколько часов его репутацию спас анонимный звонок от женщины, сообщившей в «Пресс ассошиэйшен», Английское национальное агентство новостей, что принцесса Уэльская собирается навестить свою подругу Каролин Бартоломью. Снимок, на котором Диана обнимает подругу, явившуюся главным источником информации, собранной в книге, должна была убедить даже самых заядлых скептиков.

Когда фотография увидела свет, сэр Роберт Феллоуз понял, что Диана его обманула. Поскольку он ввел королеву в заблуждение, сообщив ей, что Диана не имеет никакого отношения к скандальной публикации, он подал прошение об отставке, однако королева его не приняла. 15 июня 1992 года она призвала Чарльза и Диану на семейный совет. Твердо решив держать себя в руках, она настаивала на том, что чета должна продемонстрировать британской общественности прочность супружеских уз — и начать следует с «Королевского Аскота». Ее муж тут же принялся возражать. «Кому нужно дурацкое притворство? — возмутился он. — Давайте покончим с глупостями, да и все тут». Однако королева видела, как несколько дней назад толпа приветствовала Диану, люди кричали и размахивали плакатами: «Диана, мы тебя любим» и «Господи,

благослови принцессу Уэльскую!» Королева прекрасно понимала, что британцы станут негодовать, если Диана не примет участия в традиционной процессии, когда королевская семья отправляется в Аскот. Елизавета сделала особый упор на то, что они не должны разочаровать народные массы. Повернувшись к Диане, она поинтересовалась: «Вы меня поняли?»

Диане не хватило смелости — тогда — открыто бросить вызов королеве, и потому она сделала так, как ей велели. «Я знаю, в чем состоит мой долг», — ответила она, опустив глаза. Когда ее увидели рядом с королевой-матерью в экипаже, следующем позади экипажа с королевой и принцем Чарльзом, толпа разразилась дикими воплями и приветствовала вторую повозку гораздо более горячими аплодисментами, чем первую. Герцог Эдинбургский хмурился.

«Он открыто продемонстрировал Диане свое отношение в тот день, — сообщил репортер Джеймс Уитакер. — Когда она вошла в королевскую ложу, Филипп отвернулся и не пожелал с ней разговаривать. Она села, а он уткнул нос в программку. Филипп не поднял головы и не показал, что знает о ее присутствии, однако, кажется, ее это не очень задело».

Когда кто-то упомянул при Диане о невежливом поведении герцога, она пожалала плечами и ответила: «В этом человеке тепла не больше, чем в снежной горошине». Ее поддерживали приветственные вопли зрителей, впрочем, радостное настроение довольно быстро прошло, и уверенность в себе уступила место подавленности.

Во время встречи в Виндзорском замке королева спросила Диану, чего она хочет. «Жить раз-

дельно решением суда», — ответила она. Королева предложила супругам на некоторое время расстаться, чтобы успокоиться и подумать. «Мы вернемся к данному вопросу через шесть месяцев», — сказала она и добавила, что рассчитывает на то, что Чарльз и Диана отправятся в давно спланированную поездку в Южную Корею. Они согласились, однако поездка оказалась самым настоящим провалом. В дипломатических сообщениях говорилось, что напряженность между Чарльзом и Дианой можно сравнить с напряженностью между Северной и Южной Кореей. Фотографии придали убедительность сверхсекретным телеграммам, летающим между Сеулом и Лондоном. Снимки изображали принца с кислым лицом и мрачную принцессу; вне всякого сомнения, супруги терпеть не могли друг друга.

Когда Елизавете показали снимки, она связалась с сыном.

— Чарльз, я тебя не понимаю, — заявила она, имея в виду, что он прикладывает недостаточно стараний, чтобы сохранить свой брак.

— Неужели ты не видишь, что Диана не в своем уме! — сердито ответил он. — Она спятила!

И прежде чем королева ему хоть что-нибудь ответила, Чарльз бросил трубку.

Вернувшись в Англию, Диана сообщила друзьям, что, по ее мнению, Чарльз не подходит для роли короля. В прошлом она говорила, что никогда не станет королевой и что Чарльз взойдет на трон без нее. Теперь же она начала сомневаться в его способности править страной. Ее выводы основывались на интуиции и прекрасном знании того, что представляет собой ее муж. Слова Дианы подняли целую бурю вопросов относи-

тельно Чарльза, — все тут же вспомнили, что в детстве он отличался болезненной робостью и постоянно капризничал. «Может быть, он слишком неуверенный в себе человек, чтобы стать королем?» — спрашивалось в редакционной статье, озаглавленной «Неверный и неуверенный?».

Чарльз очень хотел ответить на все выпады прессы, но не умел защищаться. Чрезвычайно активный конюший уговорил его сотрудничать с журналистом Джонатаном Димблби, который хотел написать книгу о жизни принца Уэльского. И потому Чарльз решил сделать для уважаемого журналиста беспрецедентную вещь — дать ему доступ к своим дневникам и письмам. Прежде чем биография должна была увидеть свет, планировалось организовать телевизионное интервью, которое по времени как раз совпадало с двадцать пятой годовщиной присвоения Чарльзу титула принца Уэльского.

Такие годовщины дают королевской семье возможность устраивать праздники с пышными парадами и фейерверками. Однако королева, отпраздновавшая в 1992 году сорокалетие своего правления*, заявила, что грандиозного торжества

* Чтобы отметить это событие, королева согласилась на демонстрацию документального фильма «Елизавета: год из жизни королевы», снятого Би-би-си. Фильм уделил пристальное внимание ее деятельности в качестве главы государства и очень немного показал жизнь королевской семьи. «Дворец считал, что наступила пора напомнить британцам, чем занимается королева, и подчеркнуть, что она отдает все свое время выполнению своих обязанностей, — сказал продюсер Эдвард Мирзоев. — Мы сознательно ограничили материал, рассказывающий о ее жизни». «Нью-Йорк таймс» написала, что этот фильм «является самым скучным товаром, когда-либо экспортировавшимся Би-би-си на американский телевизионный рынок». Королеве фильм понравился, и она возвела продюсера в рыцарское звание. — *Примеч. авт.*

не будет. Она прекратила сбор средств — 3,6 миллиона — на фонтан, который решено было установить в центре Парламентской площади, и сказала «нет», когда зашла речь о военном параде. «Прошедший год не останется в моей памяти как год, о котором я буду думать с несказанным удовольствием, — сказала она в своей речи. — Говоря словами одного из симпатизирующих мне журналистов, он стал *annus horribilis**». Одна газета вывела слова королевы в качестве заголовка: «Чей-то дрянной год». Другая критиковала Елизавету за то, что она прибегла к латыни, когда вся Англия прекрасно поняла бы ее и на своем родном языке:

Январь. Публикация фотографий герцогини Йоркской и Стива Уатта на отдыхе в Марокко. Дворец отрицает существование проблем в супружеской жизни Йорков.

Февраль. Принцессу Уэльскую обвинили в отсутствии патриотизма, когда она поменяла свой сделанный в Англии «ягуар» на «мерседес», прибывший из Германии. «Вот еще один пример того, как члены королевской семьи демонстрируют свое неуважение британским рабочим, — говорит Деннис Скиннер, член парламента от лейбористской партии. — Они живут на нашей земле на деньги налогоплательщиков, которые зарабатывают для них британские рабочие, а потом плюют им в лицо». По настоянию королевы Диана отказывается от «мерседеса» — семь месяцев спустя.

Март. Дворец объявляет о том, что герцог и герцогиня Йоркские приняли решение расстаться.

* Ужасный год (лат.).

Апрель. Через три года, прожитых врозь, принцесса Анна и капитан Марк Филлипс оформляют развод. Учительница из Новой Зеландии подает в суд на Филлипса, заявив, что после одной проведенной с ним ночи она родила от него ребенка. Не признавая отцовства, Филлипс согласился платить матери не названную вслух сумму за «консультативные услуги в области верховой езды».

Май. Появились сообщения о любовной интрижке сорокадвухлетней принцессы Анны с офицером военно-морского флота Тимоти Лоуренсом, тридцати семи лет. В связи с этим один из репортеров воскликнул: «Неужели снова, Анна!» А другой предупреждает: «Держись подальше от слуг». Дворец отрицает существование любовных отношений между принцессой и ее конюшим. Семь месяцев спустя она вышла за него замуж в Шотландии, где разрешен развод. Кое-кто из придворных считал, что они не подходят друг другу. Не потому, что невеста была разведена, а из-за того, что пра-пра-прадедушка жениха был евреем. В 1826 году семейство Леви взяло себе новую фамилию — Лоуренс. Почти два века спустя этот факт по-прежнему вызывал комментарии. Один корреспондент написал: «Невозможно не помнить... о его предках-евреях».

Июнь. Принц Эдуард, двадцативосьмилетний сын королевы, снова отрицает, что является гомосексуалистом. Затем он отрицает, что это отрицал, в результате «Вашингтон пост» прокомментировала: «Младший сын стал исключительно популярен среди журналистов по стандартам Виндзоров — ему просто необходимо каждый второй вторник отрицать, что он женщина».

Июль. Массажист Дианы сообщает прессе, что принцесса Уэльская хочет покончить с «присущим ее браку обманом, ощущением неудовлетворенности и болью». «Этой ситуации необходимо положить конец, — говорит Стивен Твигг, который в течение трех лет регулярно приходил в Кенсингтонский дворец и делал принцессе общий массаж. — Иначе произойдет трагедия». Несколько часов спустя Диана его уволила.

Август. В газетах появляются снимки полуобнаженной Сары Фергюсон и Джона Брайана, отдыхающих на юге Франции. Через несколько дней «Сан» опубликовала магнитофонную запись телефонного разговора между Дианой и Джеймсом Гилби, в котором она жалуется на отношение к себе королевской семьи. «Моя жизнь превратилась в сплошное мучение, — говорит она. — Самый настоящий ад. После всего, что я сделала для этой проклятой семейки».

Сентябрь. Дворец отрицает, что между принцем Уэльским и его супругой возникли разногласия.

Октябрь. Королеву освистали в Германии. Жители Дрездена бросают яйца в ее лимузин после того, как в Лондоне был торжественно открыт памятник Главнокомандующему военно-воздушными силами Артуру «Бомбардировщику» Харрису, приказавшему разбомбить Дрезден во время Второй мировой войны.

«Ноябрь принес нам самые худшие новости», — сказала королева. В пятницу утром, 20 ноября 1992 года, в небе над Виндзорским замком появились оранжевые всполохи, очерченные черными тучами едкого дыма. Пожар, начавшийся из-за того, что от неисправной лампы загорелись занавеси в личной часовне королевы, угрожал

уничтожить здание, которое Сэмюэль Пипс* назвал «самым романтическим замком в мире». Вместо того чтобы вызвать пожарных, слуги принялись звонить на коммутатор и спрашивать, что им делать. Приехавший в Виндзор на выходные принц Эндрю бросился спасать сокровища матери. Он присоединился к живой цепи, состоящей из служащих дворца, которые передавали из рук в руки картины, столы и часы — пока не вынесли все. Пожарные вылили на замок полтора миллиона галлонов воды, однако огонь буйствовал около пятнадцати часов.

«Королева потрясена, потрясена до глубины души, — сказал Эндрю в выступлении по Си-эн-эн сразу после того, как его мать прибыла в Лондон. — Она помогает выносить из замка разные вещи — произведения искусства. Она провела внутри целых полчаса».

Чарльз прибыл на следующий день, чтобы оценить размеры бедствия. Он назвал происшедшее «трагедией», а затем отправился на охоту в Сандринхем. Другие дети королевы, принцесса Анна и принц Эдуард, не появились вовсе.

Королева, которой к тому моменту исполнилось шестьдесят шесть лет, выглядела измученной и взволнованной, когда бродила среди обгоревших останков дворца. Из всех королевских резиденций Виндзорский замок оставался самым ее любимым. Там она жила ребенком во время Второй мировой войны. Там же хранила все ценные произведения искусства, считавшиеся самой зна-

* Сэмюэль Пипс (1633—1703) — английский моряк, секретарь Адмиралтейства, автор известного дневника, который он вел в течение десяти лет.

чительной частной коллекцией в мире. Ей принадлежали картины Рембрандта, Леонардо да Винчи, Гольбейна, Рубенса и Вермеера, бесценный фарфор, гобелены, мебель и оружие, начиная со времен Вильгельма Завоевателя.

Шагая в плаще с капюшоном и резиновых сапогах, королева печально рассматривала пожарные машины, шланги и лестницы. В этот день она отмечала сорок пятую годовщину своей свадьбы, а ее муж находился в Аргентине — с другой женщиной. «Филипп сопровождал нас в качестве президента «Всемирного фонда защиты дикой природы», — сообщил один из членов группы. — Я не видел его вместе со Сьюзан Баррантес [об их встрече позднее рассказала ее дочь, Сара Фергюсон], но ходили разговоры о нем и его секретарше... Лучшее всего мне запомнился совет директоров наутро после пожара... Мы все обсуждали телевизионный репортаж, в котором рассказывалось о том, как королева и принц Эндрю расчищали обломки замка. Филипп вошел в комнату [в Буэнос-Айресе] и начал совещание, ни словом не упомянув ни пожар, ни жену, ни сына. Мы не могли поверить своим ушам. Ни единого слова!»

Секретарь по наследию Британии объявил пожар национальным бедствием и выразил Елизавете соболезнование от имени всего народа. Он пообещал королеве, что правительство восстановит замок. Но поскольку дворец не был застрахован от пожара, работы обойдутся налогоплательщикам примерно в 80 миллионов долларов. Он сказал, что народ будет «горд» взять на себя это обязательство. Однако Англия страдала от экономического спада, и подданным Ее Величества совсем не понравилось, что им придется платить за восстановление замка.

«Пока замок стоит, он принадлежит королевской семье, — писала Джанет Дейли в «Таймс», — но если сгорает, становится нашим».

Дворец заявил, что в обязанности правительства входит покупать для королевы страховку от пожара.

«Для самой богатой женщины мира?» — взревел один из членов парламента.

«Она не самая богатая», — возразил один из придворных. И продемонстрировал недавно напечатанный список самых состоятельных женщин страны, в котором королева занимала десятое место, имея капитал в 150 миллионов долларов в отличие от объявленных ранее 7,5 миллиарда. Дворец понимал разницу между «имуществами» и «неимуществами». По мнению некоторых подданных королевы, она имела даже слишком много. Так что когда журнал «Бизнес эйдж» заявил, что она самая богатая женщина в Британии, дворец тут же направил жалобу в «Комиссию по делам прессы». Сторонники королевы возражали, что нельзя смешивать королевские резиденции, произведения искусства и драгоценности короны с личным имуществом монарха. Комиссия приняла их доводы, и миллиарды превратились в миллионы.

«Я уверен, что это весьма утешит моих безработных избирателей», — язвительно сказал член парламента.

«Ньюс оф уорлд», газета с самым большим тиражом, попросила своих читателей высказаться по вопросу реставрации замка. Дав два телефонных номера, газета предложила британцам позвонить по одному, если «мы должны заплатить», а по другому, если «она должна заплатить». Из шестнадцати тысяч позвонивших пятнадцать

тысяч заявили, что за реставрацию замка «должна заплатить она».

«Она» заняла весьма выгодную позицию. Со всем как настоящий магнат, понимающий, что новые времена несут новые прибыли, королева знала, что должна спасти династию. Даже британская монархия не могла рассчитывать на бесконечные привилегии. И потому Елизавета через премьер-министра объявила, что начинает платить налоги. И согласилась открывать на два месяца в год для посетителей Букингемский дворец. Королева предупредила, что входная плата будет равняться 12 долларам, а полученные средства пойдут на реставрацию Виндзорского замка. Кроме того, она сообщила, что использует в тех же целях деньги, вырученные от продажи сувениров в магазине при дворце, где туристы смогут купить памятные чайные сервизы (по 36 долларов) и шоколадки в форме короны (по 6 долларов). Несмотря на возражения мужа, Елизавета посчитала необходимым отказаться в 1997 году от королевской яхты «Британия». Еще раньше было принято решение перевести ее в 1997 году из действующего флота в резерв, чтобы налогоплательщикам не пришлось платить за капитальный ремонт*. К всеобщему негодованию своих родственников, королева сняла с государственного содержания всех, кроме себя, мужа и матери. Благода-

* За шесть месяцев до того, как «Британию» должны были перевести в резерв, министр обороны заявил, что к золотому юбилею королевы в 2002 году будет построен новый корабль стоимостью в 100 миллионов долларов. «Яхта «Британия» является символом короны, королевства и его морских традиций, — сказал он, — и строительство этого судна должна оплачивать нация». — *Примеч. авт.*

ря этому жесту к налогоплательщикам вернулось около 14 миллионов долларов. Однако в гражданском листе остались: она сама, получая 11 850 000 долларов в год, ее мать — 972 000 долларов в год и муж — 547 000 долларов в год.

Возможно, чтобы подчеркнуть свою значимость, Филипп согласился в 1993 году на предложение Фьямметты Рокко из «Индепендент он санди» написать о нем краткий биографический очерк. Журналистке дали пятьдесят телефонных номеров, по которым ей следовало позвонить. Однако наиболее интересным оказалось интервью с самим герцогом. «Я прибыла во дворец в тот день, когда королева произнесла свою знаменитую речь про *annus horribilis*, — вспоминает писательница, которой пришлось заранее представить на рассмотрение дворца свои вопросы. — Филипп отказался отвечать на личные вопросы, связанные с его семьей, — о родителях, жене и детях. Он хотел обсуждать только проблемы, представляющие общественный интерес, но тоже не все. Я не могла спросить его о посвящении в духовный сан женщин, зато он с воодушевлением говорил о «Всемирном фонде защиты дикой природы».

Во время интервью, журналистка немного отошла от предварительно составленного плана. Она принялась вслух размышлять о том, что Филипп является мужчиной, с именем которого связано множество мифов. Он оживился, и потому она решила продолжить в том же духе: «Один из мифов утверждает, будто у вас было множество любовниц».

Филипп тут же вышел из себя: «А вам никогда не приходило в голову, что за последние сорок лет я не сделал ни одного шага без сопровождения полицейского? Ну и как, по-вашему, я мог бы

провернуть то, о чем вы спрашиваете?» Он устоял в пространстве, дожидаясь нового вопроса. Эта тема была закрыта.

Его ответ развеселил бывшего главу королевской охраны, который весело расхохотался, прочитав его. «Правда заключается в том, что в наши обязанности входит охранять самого человека, а не его моральный облик... Если он находится в квартире какой-нибудь женщины, мы стоим снаружи. Для нас не имеет значения, что он там делает, если только он выходит оттуда целым и невредимым... Так что он может провернуть все, что пожелает... Наша служба заключается не в том, чтобы защищать его как мужа королевы, а как герцога Эдинбургского... А это совсем не одно и то же...»

Британский историк и писатель Ричард Хуф, который вместе с Филиппом в 1970 году путешествовал на борту «Британии» и писал там книгу, признавал, что в жизни герцога Эдинбургского время от времени появлялись другие женщины. «На борту корабля имелись две секретарши, обе очень хорошенькие, — вспоминает он. — И я знаю, что у него есть любовница... где-то в Ноттинг-Хилле. Но ведет он себя крайне осторожно». За несколько лет до этого Филипп подчеркнул важность осмотрительного поведения, когда его спросили о том, от чего зависит успех супружеской жизни. «Свой дом, — ответил он, — и здравый смысл».

Журналистка сменила тему.

«Второй миф, — продолжала она, — гласит, что принц Эндрю на самом деле не ваш сын. Что его отцом является лорд Порчестер [управляющий королевскими бегами]».

Филипп не дрогнул. Прекрасно понимая, что любая реакция станет газетной сенсацией, он

просто ничего не ответил. Он сидел неподвижно, точно камень, и молчал. «Совсем как ребенок, у которого рот набит кашей», — рассказала журналистка позднее одному из своих коллег. Она задала Филиппу вопрос об отцовстве Эндрю, потому что он был поднят за несколько недель до этого Найджелом Демпстером в журнале «Нью-Йорк таймс»: «Возьмите фотографию принца Эндрю и лорда Порчестера в одном возрасте, — цитировал Демпстер писателя Кристофера Хитченса. — И вы увидите, что принц Филипп никак не может быть отцом Энди».

Дворец и принц Филипп никак не отреагировали на очередную сенсацию. Когда молчание стало неловким, Рокко продолжала:

«Третий миф утверждает, что когда-то у вас был роман с Валери Жискар д'Эстеном [бывшим президентом Франции]», — сказала она.

«Жискар — отличный парень, — рассмеялся Филипп, — но я ни разу не останавливался в его дворце на Елисейских полях, когда он занимал президентское кресло. Я бывал там, когда в этом кресле сидел [Винсент] Ориоль [1947—1954]. Вот уж кто ни одного зада не пропуская, можете мне поверить».

Журналистка рассмеялась, словно хотела показать, что ее нахальные вопросы стоят его хитрых ответов. Несколько дней спустя к ней в дверь постучал человек из дворца и протянул конверт. На толстой почтовой бумаге из Виндзорского замка пришла короткая записка от Его Королевского Высочества принца Филиппа: «Не используйте мои слова про Ориоля». А редактору ее газеты позвонил пресс-секретарь королевы и пожаловался на наглость журналистки. Обоих пригласили во дворец на встречу с личным секретарем

принца Филиппа сэром Брайаном Макгротом. Он напомнил журналистам, что давал им имена и телефонные номера надежных людей, чьи воспоминания можно использовать в биографическом очерке. «По крайней мере пока воспоминания принца остаются на пленке», — сказал придворный. Все поняли его намек. Если журналисты воспользуются записанным на пленку интервью с Филиппом, они потеряют возможность разговаривать с людьми, согласившимися на то, чтобы их слова появились в очерке, поскольку Филипп дал им на это разрешение. А без конкретных имен биографический очерк не будет представлять никакого интереса.

Журналисты настаивали, что этот рассказ о покойном президенте демонстрирует чувство юмора принца Филиппа. Но дворец не дал себя провести. Договорились, что газета не упомянет об этом анекдоте, а дворец не отменит разрешения на другие интервью.

Позднее Филипп заявил, что больше не даст ни одного интервью британским репортерам. Но к тому моменту его личная жизнь, когда-то надежно спрятанная от прессы, стала уязвимой. «Индепендент он санди» объявила во всеулышание, что они с королевой спят в разных спальнях. «Вэнити фэйр» сообщил, что у Филиппа есть любовница. А «Нью-Йоркер» уточнил, что его любовницами становятся «актрисы, регулярно появляющиеся на телеэкране, так что зрители, которым известна правда, могут всегда сказать: «Это одна из его подружек». Для тех же, кто оставался на сей счет в неведении, «Тэтлер» опубликовал «Королевскую коллекцию»: список имен, подробные жизнеописания и фотографии тринадцати

женщин, названных «Клуб поклонниц герцога Эдинбургского». В список вошли британские звезды средней руки, однако имена американских знаменитостей, таких как Джейн Рассел, Заза Гейбор и Ширли Маклейн, не упоминались. В «Клуб» попали две британские принцессы, одна герцогиня, одна графиня, пять титулованных дам, включая семидесятилетнюю жену одного из бывших конюших королевы. «Меня тошнит, когда я представляю себе свою тещу в постели с принцем Филиппом! — возмущался ее зять. — Ужасно напугивает "Любовь среди развалин"».

«Этот список оказался далеко не полным, хотя в нем и значилось достаточное количество имен, — заявил обозреватель Таки. — Всем известно, что Саша [герцогиня Эйберкорнская] является любовницей Филиппа... Она продержалась дольше остальных — лет шесть или восемь... Он отправляется на «Британию» в Карибское море, в Сент-Китс, потому что там находится его подружка».

На снимке, сделанном во время одного из карибских турне и проданном в газеты, принц Филипп изображен с полотенцем вокруг бедер, при этом он обнимает герцогиню, одетую только в купальник. Ее мужа, Джеймса, стоявшего в нескольких футах позади нее, из фотографии вырезали. «Джеймс — милейший человек, — сказал о нем Таки. — Впрочем, ему ничего другого не оставалось, как мириться с капризами Филиппа».

Перед смертью в 1993 году Джон Бэретт, проработавший личным секретарем лорда Маунтбаттена в течение двадцати лет, также решил немного поговорить о любовных связях принца Филиппа. «Герцогиня Эйберкорнская теперь принадлежит Филиппу, но Маунтбаттен заполучил ее пер-

вым — он выступал в роли крестного отца и очень ее любил, хотя и был на сорок лет старше. А затем передал ее Филиппу...

Королева порой бывает очень высокомерной и холодной. Даже суровой. Так что вполне понятно, почему Филипп ищет утешения на стороне, он это делает постоянно — уж можете не сомневаться. Однако у него не так много любовных приключений, как всем кажется. Некоторые женщины полагают, что если их имя будет связано с именем герцога Эдинбургского, им удастся добиться более высокого положения в обществе. С их точки зрения, считаться любовницей мужа королевы — особый знак доблести... Я бы отнес Патрицию Клюге к данной категории, — написал он, имея в виду бывшую порнозвезду из Ливерпуля, обычно исполнявшую танец живота. — Прежде чем развестись с Джоном У. Клюге, американским магнатом, она заставила его подарить ей поместье, расположенное неподалеку от Балморала... Она постоянно звонила Филиппу и говорила: «У меня вечеринка, приходите и приводите своих друзей». Ее муж стоил 6 миллиардов долларов, и королевская семья не могла просто от нее отмахнуться — слишком они были богаты. Филипп и Чарльз сумели убедить ее раскошиться на 500 000 долларов, которые пошли на спонсирование Виндзорской королевской выставки лошадей, однако я сомневаюсь, что Филипп хотя бы раз устроил с ней скачки наедине...

«А вот принцесса Александра [дочь принцессы Марины, вышедшей замуж за герцога Кентского], — продолжает Бэретт, — совсем другая... Их с Филиппом связывали долгие отношения... Она двоюродная сестра королевы — высокая светловолосая красавица, жена сэра Ангуса Огилви... Очень похо-

жа на принцессу Анну, любимую дочь Филиппа. Обратите внимание на то, что большинство любовниц герцога Эдинбургского напоминают его дочь: у них такие же удлинненные, худые лица, такие же лошадиные зубы; они делают высокие прически, и у них стройные ноги...

Если посмотреть правде в глаза, Филипп несчастлив. У него надежный брак, который, однако, не приносит ему радости... Он исключительно энергичен и много путешествует, чтобы заполнить пустоту, рожденную тем фактом, что он является мужем королевы... Возможно, ему следовало жениться на какой-нибудь богатой американке, прекрасно провести время, а потом развестись. По крайней мере тогда он имел бы свободу. Здесь же он оказался в положении человека, находящегося на содержании у жены, а для такого гордеца, как Филипп, это невероятно унижительно».

Королева не обращала внимания на то, чего не видела, и потому ее муж продолжал заводить все новые и новые романы, соблюдая, однако, крайнюю осмотрительность. Если не считать временных, коротких связей с актрисами, он предпочитал иметь дело с замужними женщинами аристократического происхождения. Обычно его статус производил на них впечатление, и они наслаждались его вниманием. «Это тонкая форма шантажа», — сказала одна женщина, которая стала жертвой того, что она назвала «чрезмерными попытками герцога Эдинбургского завязать отношения».

Когда на прием в Балморал пригласили одного из королевских банкиров, он привез с собой свою весьма привлекательную жену. Принц Филипп заявил, что он хочет сыграть с женщинами в одну

игру — в музыкальной гостиной. Он выстроил всех в кружок, а сам встал посередине. Засунув бутылку с вином себе между ног, Филипп сказал, что они должны вытащить ее без помощи рук. Задача состояла в том, чтобы успеть забрать бутылку, пока не перестала играть музыка, причем действовать можно только ногами. «Никаких рук», — предупредил он жену банкира. Она ужасно смутилась, но стала играть с герцогом, потому что, как она потом сказала, отказаться было бы невежливо.

«Моя жена чувствовала то же самое, когда он пригласил ее на танец, — рассказывает Робин Найт Брюс, армейский офицер. — Филипп является шефом полка королевских ирландских гусар и приходит на полковые обеды, чтобы лапать офицерских жен. Когда он стал приставать к моей, я пошел к начальству и сказал: «Сделайте так, чтобы этот долбаный герцог Эдинбургский больше ни разу не танцевал с моей женой, или я как следует врежу ему по яйцам — и она тоже».

Умный человек, говорящий на трех языках, объехавший весь свет, собирающий произведения искусства и опубликовавший несколько книг, герцог Эдинбургский временами вел себя, как придурковатый подросток. Одна из подружек его сына сказала, что ее «ужасно смущали» его манеры шкодливого мальчишки. Роми Эдлингтон исполнилось шестнадцать, когда она впервые провела выходные с принцем Эдуардом и королевской семьей. Она потом рассказывала, что шестидесятишестилетний герцог бросал на нее плотоядные взоры и подмигивал, гладил по спине, когда она проходила по коридору в свою комнату, и не сводил глаз с ее декольте за обедом. Роми не понимала, что все могло быть и хуже.

«Если он забрал себе что-нибудь в голову, это сразу же видно по его лицу», — заявил один из его бывших конюших, вспоминая об откровенных высказываниях Филиппа о женщинах и сексе. Описывая герцога Эдинбургского как «мужчину мужчин», он улыбался. А потом чуть пожал плечами, словно хотел сказать: «Мальчики всегда остаются мальчиками». Он весело хохотал, когда вспоминал слова, сказанные Филиппом на премьере фильма, где он увидел живую Элизабет Тейлор. Когда герцог подошел к звезде, окруженной почитателями, он обратил внимание на ее весьма откровенное платье и грудь, которая, по его мнению, походила на две подушки. Повернувшись к своему помощнику, он фыркнул: «Запрыгивай!»

Филипп любил порассуждать на тему о том, что разница между мужчинами и женщинами лучше всего иллюстрируется умением слабого пола вязать. «Девушки способны отделать то, что они делают руками, от того, чем заняты их головы, — сказал он писательнице Гленис Робертс. — Вот почему они в состоянии выполнять однообразные операции на конвейере, которые интеллектуалы находят смертельно скучными. Однажды я спросил девушку на фабрике, о чем она думает во время работы. Она ответила, что думает о своем друге, магазинах, фильме, который собирается посмотреть. Потрясающе».

Филипп любил порассуждать на какую-нибудь тему, расцветив свое мнение самыми разнообразными красками, временами весьма оскорбительными. «Союз матерей Великобритании» был возмущен, когда он приравнял проституток к женам. Выступая в защиту охоты, принц Эдинбургский заявил, что не существует никакого раз-

личия — с точки зрения морали — в том, как убивать животных: за деньги или ради удовольствия. «Тут как в сексе, — высказался он. — Не думаю, что проститутка более моральна, чем жена, но занимаются они одним и тем же».

Когда член парламента спросил его, как можно связать его должность президента «Всемирного фонда защиты дикой природы» и любовь к кровавым видам спорта, Филипп фыркнул:

— А вы вегетарианец?

— Нет, — ответил член парламента Энтони Бомон-Дарк.

— Вы едите мясо домашних животных? — продолжал допрашивать его Филипп.

— Да, но это не имеет ничего общего с тем, что вы стреляете в птиц, летающих в небе.

— Это все равно что заявить, будто в прелюбодеянии нет ничего плохого, если вы не получаете от него удовольствия, — не согласился с ним Филипп.

— По-видимому, вам, сэр, — сказал, улыбнувшись, член парламента, — о прелюбодеянии известно больше, чем мне.

ГЛАВА 20

Принцесса Уэльская стояла посреди своей комнаты для обуви и показывала на три ряда туфель с низкими каблучками. Продемонстрировав туфли, которые ей пришлось носить, чтобы не возвышаться над своим супругом, она заявила своей камеристке: «Можешь выбросить этих гномов. Мне они больше не понадобятся». И уже через несколько дней начала носить туфли на высоких каблуках — открытые спереди, с ремешками, доходящими до щиколоток. Диана называла их «парадные рысаки». Она была освобождена заявлением премьер-министра в палате общин:

«Букингемский дворец выражает свое сожаление по поводу того, что принц и принцесса Уэльские решили жить раздельно. Их Королевские Высочества не собираются разводиться, и их конституционные права остаются прежними.

Решение было принято с дружественного согласия всех заинтересованных сторон... Королева и герцог Эдинбургский хотя и опечалены, но сочувствуют трудностям, которые привели к данному решению...»

Когда премьер-министр сделал свое заявление, он выглядел точно человек на похоронах, вынужденный произносить надгробную речь. Текст заявления написали адвокаты королевы и ее советники. Они стремились сообщить британцам печальную новость, не раскрывая всей правды. Несмотря на публичные заверения, Чарльз и Диана собирались развестись, и их решение не было дружественным, а конституционные права сторон были затронуты. Королева и герцог Эдинбургский не были опечалены, — они пришли в ярость. И совсем не сочувствовали трудностям супругов. Более того: они считали, что ради монархии брак следует сохранить, каким бы несчастным он ни казался принцу и принцессе.

9 декабря 1992 года все телевизионные программы были прерваны, чтобы передать заявление премьер-министра. Когда он поднялся на трибуну, палата общин неожиданно затихла. Затем член парламента от лейбористской партии горячий Деннис Скиннер заявил: «Королевская семья нажала кнопку самоуничтожения. — Его тут же прервали возмущенные крики. Однако он продолжал: — Сейчас самый подходящий момент, чтобы прекратить фарс с клятвой верности королеве и ее наследникам, поскольку порой мы даже не знаем, кому клянемся в верности... Вполне возможно, что нынешняя королева будет последним британским монархом».

Премьер-министр немедленно ошетинился: «Я уверен, вы не выражаете мнение всей нации или существенной ее части».

Однако премьер-министр ошибался — проведенные вслед за его заявлением опросы населения

показали, что трое из четырех британцев считают: дни дома Виндзоров сочтены.

Королева, которая находилась в Сандринхеме, не смотрела телевизор: она выгуливала собачек. Когда Елизавета вернулась, ее ждал паж, чтобы выразить свое сочувствие. Она быстро кивнула и сказала: «Я уверена, окажется, что все это только к лучшему».

Чарльз вел себя со своим персоналом в Хайгроуве более откровенно. «Я чувствую огромное облегчение», — заявил он. Чарльз немедленно начал заново обставлять комнаты, из которых выехала Диана. И приказал сжечь все вещи, оставленные принцессой, в том числе и старые детские игрушки. На вершине костра оказалась резная деревянная лошадь, подарок принцу Уильяму от президента Соединенных Штатов и миссис Рейган на день рождения.

После заявления премьер-министра репортеры нагрянули в особняк Камиллы Паркер Боулз в Уилтшире, но она сделала вид, что ей ничего не известно о решении, принятом принцем и принцессой. «Очевидно, что-то у них не сложилось, мне очень жаль, — заявила она. — Но мне известно не больше, чем любому другому британцу. Я знаю только то, что сказали по телевидению».

В это время из своей лондонской квартиры, находящейся примерно в пятидесяти милях от особняка Камиллы, вышел ее муж. Боулзы, чья супружеская жизнь продолжалась вот уже девятнадцать лет, давно жили отдельно и лишь изредка встречались на уик-эндах. Когда репортеры спросили, как он относится к только что объявленной новости, Эндрю Паркер Боулз даже не остановился. «Как и все остальные, — ответил он, — ужасно

огорчен». Он отругал журналиста, который предположил, что его жена виновата в ухудшении отношений между принцем и принцессой.

«Неправда, — заявил он. — Сколько раз нужно повторять одно и то же? Эти истории — чистейший вымысел».

Некоторые люди на улицах, отвечая на вопросы репортеров, говорили, что чувствуют себя обманутыми. «Королевская семья обязана соответствовать высоким стандартам, — сказала англичанка среднего возраста. — Они должны быть эталоном. В противном случае зачем они вообще нужны?»

Событие разделило поколения. Для тех, кто в детстве прятался от ночных налетов в лондонском метро во время Второй мировой войны, королевская семья являлась маяком. Но молодые люди, выросшие под музыку «Битлз», а не под взрывами бомб, относились к королевской семье как к реликвии. Для послевоенных поколений, в особенности для тех, кто увлекался видеоиграми, монархия выглядела просто глупо. Один девятнадцатилетний студент из Ливерпуля сказал: «Они просто сборище старомодных богачей, потерявших всякую связь с реальностью».

Однако роялист лорд Сент-Джон Фослейский не согласился с ним. Он заявил, что королевская семья является символом современной, лишившейся ориентиров обычной семьи. Великобритания, после Соединенных Штатов, занимает второе место по количеству разводов во всем западном мире, что, естественно, коснулось и членов королевской семьи. «В течение целого столетия монархия являлась образцом незыблемости семьи, — сказал он с непроницаемым лицом. — Однако так

не могло продолжаться вечно. Королевская семья должна адаптироваться к новым обстоятельствам. В некотором смысле она стала ближе к народу, поскольку столкнулась с проблемами, знакомыми каждому из нас».

Ни одна династия так не настраивала своих подданных против развода — и ни одна династия не давала им лучшего примера того, против чего настраивала. К 1992 году все дети королевы, состоявшие в браке, жили раздельно со своими супругами или собирались развестись. «Роскошные свадьбы, — заметила писательница Валери Гроувз, — оказывают отрицательное влияние на брак».

Половина Великобритании теперь верила, что к концу двадцать первого столетия с монархией будет покончено и страна от этого не пострадает. Пресса отражала общее настроение. «Чарльз не будет королем, — предсказывала «Сан». — Ди не станет королевой». «Дейли миррор» писала: «Последний скандал выставил королевскую семью на всеобщее посмешище. И если ничего не изменится, смех уничтожит монархию».

Чарльз не оправдал надежд британцев, и его рейтинг стремительно падал. Даже члены парламента, представляющие партию тори, сомневались в его праве унаследовать трон. Принц опасался конституционного кризиса и обратился за советом к своему другу лорду Арнольду Гудмену. Знаменитый адвокат сказал, что развод не может помешать ему стать королем, но второй брак окажется серьезным препятствием на пути к трону. Поэтому Чарльз заявил, что не собирается жениться во второй раз. «Я стану следующим королем», — решительно утверждал он.

Тот факт, что супруги приняли решение жить раздельно, имел международные последствия. В Германии музеи восковых фигур разделили фигуры Чарльза и Дианы. В Австралии правительство исключило все упоминания о королеве Елизавете II из текста клятвы на верность. В Великобритании член парламента от лейбористской партии Энтони Бенн внес на рассмотрение законопроект, упраздняющий монархию. Он предложил заменить королеву избираемым президентом, отделить церковь от государства и создать в Уэльсе и Шотландии собственные парламенты. Законопроект Бенна даже не обсуждался, но сторонники монархии забеспокоились.

Бывший голливудский пресс-агент принца Филиппа вновь предложил свои услуги. Генри Роджерс из «Роджерс энд Кауэн» в 1966 году организовал освещение пребывания Филиппа в Лос-Анджелесе. Их познакомил тогда Фрэнк Синатра, давний знакомый принца и клиент «Роджерс энд Кауэн». Теперь, двадцать шесть лет спустя, Роджерс предложил вернуться к работе и помочь Филиппу. Принц поблагодарил его в письме, которое собственноручно написал в Виндзорском замке:

«Дорогой Генри!

Жизнь неузнаваемо изменилась. Кто-то первым сказал: «Беда не приходит одна» — и сделал удивительно глубокое заявление! Столько событий происходит одновременно, удача от нас отвернулась, и все это происходит на мрачном фоне всеобщего спада.

Несмотря на излишний драматизм, которым полны последние сообщения прессы, мы получаем множество писем с выражением поддержки от

самых разных людей. Я очень надеюсь, что в нынешнем году многое изменится к лучшему.

Тем не менее благодарю за предложение помощи...»

Внешне королевская семья сохраняла спокойствие и старалась держаться твердо, в особенности королева-мать. Она знала, что страна пережила плохих королей, безумных королей, слабых королей, королей-гомосексуалистов и даже королей иностранного происхождения. В возрасте девяти лет она потеряла часть былой проницательности, но сохраняла решимость помочь Чарльзу, своему любимому внуку, реализовать предназначение судьбы. Ведь она умела лепить королей. В свое время королева-мать помогла стать сильным своему слабому мужу — и для подданных он был настоящим королем. Теперь она мечтала сделать то же самое для своего осаждаемого врагами внука.

Однако королева-мать возражала против развода — так яростно, что не позволила Чарльзу переехать в свой дворец после отъезда Дианы, когда заново обставлялись его покои во дворце Сент-Джеймс. Королева-мать воспитывалась в те времена, когда развод означал позор, и сохранила убежденность, что развод является единственной реальной угрозой для монархии. Она терпимо относилась ко всем отклонениям от нормы, начиная от алкоголизма и кончая пристрастием к наркотикам. Однако развод одобрить не могла. Королева-мать утверждала, что развод нанесет смертельный удар семейной стабильности, которую, как она чувствовала, должен олицетворять собой дом Виндзоров, — чтобы выжить. Она не присутствовала на второй свадьбе принцессы Анны в

Шотландии, потому что не хотела, чтобы все подумали, будто она тем самым одобряет второй развод в королевской семье. Но в конце концов королева-мать смирилась.

Она отмахивалась от доводов тех, кто утверждал, будто монархия оказалась в кризисном положении из-за женитьбы принцев на недостаточно аристократичных Саре Фергюсон и Диане Спенсер. Королева-мать, которая сама не могла похвастаться высоким происхождением, естественно, не соглашалась с подобными объяснениями. Она утверждала, что все дело в разводе и что Сара и Диана оказались «неподходящими» женами потому, что их родители находились в разводе.

И Сара, и Диана имели матерей, которые бросили свои дома и семьи, пытаясь найти счастье с другими мужчинами. Ни Саре, ни Диане так и не довелось увидеть брак, который перешел бы в пожизненное партнерство, преодолевающее превратности судьбы и скуку. Обе видели, как их матери поставили удовлетворение личных страстей выше чувства долга и ответственности. Для королевы-матери не существовало другого критерия. Теперь дочери лишь повторяли путь своих матерей, нарушая супружескую клятву. Поступая так, они предавали корону и страну.

«Вы взяли в жены девушек из разбитых домов, — сказала королева, — и вот как они вам отплатили».

Королева-мать с ней согласилась. Диану она прежде всего винила в том, что та дала миру возможность взглянуть на «грязь» неудачного брака. Королева-мать использовала это слово, когда говорила со своим внуком. Чарльз предупреждал ее о «неуравновешенности» Дианы и «проклятом от-

существованию здравого смысла», однако королева-мать оказалась не готовой к ее жутким откровениям.

«Булимия... переедание, которое сопровождается рвотой, вызвало у нее отвращение, — вспоминала одна из подруг королевы-матери. — Будущая королева Англии, мчащаяся на фарфоровой колеснице... Боюсь, она так и не сумела отрезвиться от невероятной картины: принцесса Уэльская склоняется над унитазом, чтобы избавиться от очередного пудинга».

«Предатель пробрался в наш дом», — сказала королева-мать своей фрейлине Руфи Фермой. Руфь с грустью согласилась — ведь «предательница» приходилась ей внучкой.

«Плоть, кровь и семья не имеют большого значения, если ты роялист, — сказала крестница фрейлины, — а Руфь Фермой была роялисткой до мозга костей. Она отвернулась от Дианы, когда та ушла от Чарльза, которого Руфь боготворила. И сказала, что это самый грустный день в ее жизни. Несмотря на слухи об участии леди Фермой и королевы-матери в организации свадьбы Чарльза и Дианы, Руфь призналась мне, что не хотела, чтобы Диана выходила замуж за Чарльза. Она предупреждала будущую принцессу Уэльскую о том, что ее ждет, когда она станет членом королевской семьи. Однако Диана была влюблена и заверила «бабулю Руфь», как она ее называла, что хочет посвятить Чарльзу всю свою жизнь...

Диана смогла немного смягчить Руфь перед смертью старой дамы, но вернуть прежнее отношение так и не удалось. Я находилась в квартире Руфи на Итон-сквер, когда Диана в последний раз навестила бабушку, и меня охватила печаль,

когда она ушла, потому что Руфь так и не простила Диану за то, что та сделала.

Впрочем, так же поступила и мать Дианы. Она [Фрэнсис Шенд Кидд] заявила (привожу ее точные слова): «Я знаю, Чарльз не раз обижал Диану, но я его люблю и не хочу принимать чью-либо сторону». И это сказала мать Дианы!

Что же до королевы-матери... Ну, она спустила всех собак, и с тех пор жизнь Дианы превратилась в настоящий ад».

Королева-мать, которая на публике всегда старалась избегать любых неприятностей, никогда не ворчала и не ругалась. Для этих целей она «спускала своих собак», которые и выражали ее мнение в прессе. Королева-мать, как и ее дочь, настаивала на поддержании мифа о том, что никогда не дает интервью, хотя обе не раз разговаривали со своими любимыми писателями и журналистами. После заявления премьер-министра о разезде принца и принцессы лорд Уатт выступил вперед, чтобы прокомментировать поведение принцессы Уэльской. Он считался «близким другом королевы-матери», поэтому читатели «Санди таймс» понимали, чью точку зрения он выражает:

«Принцесса Диана не смогла поступить в университет, однако сумела завоевать принца, но не удержала его. Она привыкла быть центром всеобщего внимания, которое принес ей брак с принцем. Это как наркотик — чтобы удовлетворить свою страсть, она способна на все, даже на уничтожение трона, который она торжественно поклялась поддерживать».

Однако уже через несколько недель Диану начали изображать жертвой, а не грешницей. 12 января 1993 года в печати появилась расшифровка

телефонных разговоров Чарльза и Камиллы. Секретная запись, получившая прозвище «Камиллагейт», была сделана 18 декабря 1989 года, за несколько дней до разговора Дианы с Джеймсом Гилби, названного «Скуиджигейт»*. Их подслушали мужчины, утверждавшие, что являются радиолюбителями и в свободное время занимаются прочесыванием эфира. Однако те, кто повсюду видит заговоры, утверждают, будто все не так просто. То обстоятельство, что записи напечатаны почти одновременно, через три года после телефонных звонков, не может быть обычным совпадением. Высказывается предположение, что здесь замешано отделение британской разведки MI5, которое намеревалось поставить королевскую семью в неприятное положение и дестабилизировать монархию.

Положение, в которое попала королевская семья, действительно оказалось весьма неприятным. По словам одного писателя, публика была «по-настоящему шокирована», когда услышала, как будущий верховный глава англиканской церкви говорит о своей страсти к жене другого человека. «Я хочу чувствовать тебя всю, снизу доверху, когда вхожу и когда выхожу... особенно в эти моменты, — сказал Чарльз Камилле. — Я хотел бы жить в твоих брючках или вроде того. Тогда все было бы легче...»

Во время позднего ночного разговора Чарльз заявил, что мечтал бы оказаться внутри Камиллы в качестве «тампакса». Она пришла в восторг. «Ах, какая замечательная идея!» — вскричала

* Обыгрывается слово squid — наживка (англ.).

она. Чарльз немного помолчал. «Мне повезет, если меня спустят в туалет, но я не утону, а буду вечно вращаться на поверхности». Камилла восторженно объявила, что хочет его днем и ночью... «Отчаянно, отчаянно, отчаянно!..»

В тот день, когда запись разговора увидела свет, репортеры окружили дом Камиллы. Выяснив, почему они явились, она пришла в замешательство. «Я не могу поверить. Не могу поверить!.. — повторяла она. — Мне необходимо поговорить с мужем. Он едет домой». Она закрыла дверь и подняла телефонную трубку.

«Шесть минут записи любовного разговора могут стоить Чарльзу трона!» — вопила «Сан», а «Лондон ивнинг стандард» вопрошала: «Что страшного в том, что король умеет произносить вслух непристойности?» Чарльз заявил, что он «возмущен» публикацией своего частного разговора, и позвонил друзьям, чтобы попросить прощения за то, что поставил их в неловкое положение. Они сожалели о публикации его беседы, которая была записана на пленку, размножена, продана и напечатана. «Можно спорить о том, заслужили ли Чарльз и Камилла подобный позор, — писала биограф Чарльза Пенни Джунон, — но не вызывает сомнений, что их дети тут ни при чем».

Говорят, девятилетний Уиллс подрался со своими одноклассниками в школе и умудрился засунуть голову одного из них в унитаз. Глубоко расстроенный ссорой родителей, он на долгие часы запирался в туалете, а его оценки в школе заметно ухудшились. Его младший брат Гарри попался на том, что пытался пронести сигареты в школу. Оба мальчика сосали большие пальцы и мочились в постель. Томаса Паркера Боулза, сына Камиллы и Эндрю,

полиция арестовала за хранение наркотиков. Ему не угрожало исключение из Оксфорда, потому что его задержали не на территории колледжа. Чтобы избежать насмешек товарищей, он начал называть себя Томом Боулзом. Юноша отказывался признаться в том, что его второе имя Чарльз в честь крестного отца — принца Уэльского.

Хотя бульварная пресса вынесла Чарльзу приговор, объявив дамским угодником, он нашел сочувствие в самом неожиданном месте. Питер Маккей написал в «Лондон ивнинг стандарт», что шестиминутный телефонный разговор был «глупым, трогательным и грязным... [но он] заставил меня лучше относиться к Чарльзу... Теперь он выглядит, как законченный романтик, горящий нетерпением поскорее забраться под одеяло и обожающий неприличные шутки». Писательница Фей Уэлдон заявила, что считает разговор умильным. «И я не понимаю, какое отношение он имеет к тому, что Чарльз должен стать королем. Мое мнение о нем изменилось — к лучшему, потому что он способен на проявление чувств...»

Однако большая часть страны испытывала отвращение, и когда Чарльз в следующий раз появился на публике, его освистали. «Неужели у вас нет стыда?» — выкрикнул кто-то из толпы. Опросы общественного мнения показывали, что только один из трех британцев считал, что Чарльз достоин стать королем. Как ни странно, народ относился к нему как к политику, которого следует лишить занимаемого поста из-за утраты репутации. Друг и бывший конюший Чарльза — Николас Сомс поспешил выступить с разъяснением принципа наследования трона. Право Чарльза на корону не зависит от его популярности: только от

речение или специальный парламентский акт могут лишить Чарльза короны. «Трон — это его долг, его обязательство, его судьба, — заявил Сомс. — Он не ищет престола, но престол будет ему принадлежать... Республиканская пресса мистера Мэрдока, увлеченная борьбой за увеличение тиражей, не сможет перечеркнуть двенадцать столетий британской истории. Наследник трона станет следующим королем, вот и все!»

«Для Чарльза то был ужасный момент, один из самых страшных во всей его жизни... — заявил еще один его близкий друг. — Он всегда хотел, чтобы его воспринимали всерьез. И искренне верил, что может многое сказать своим соотечественникам. За шесть минут частного разговора — разговора, являющегося личным делом Чарльза и женщины, с которой он беседовал, — его репутация была уничтожена... Он действительно не заслужил такого жестокого и публичного унижения».

Даже обитатели далеких островов Фиджи отреагировали на события в Британии. Правительство объявило, что прекращает празднование дня рождения Чарльза, поскольку в их глазах он потерял свое былое величие. В Австралии жена премьер-министра отказалась делать перед ним реверанс, а заместитель премьер-министра предложил не приглашать его на открытие Олимпиады в 2000 году: «Лучше уж позвать принца Уильяма — кто угодно, только не его отец».

Если бы Чарльз решил совершить один поступок, который настроил бы против него всех, то — за исключением изнасилования ребенка — он не мог бы сделать лучшего выбора. Через свой фонд он создал одно из самых крупных в стране благотворительных учреждений для детей из неблаго-

получных семей. Однако никакое количество пособий для юных лондонцев не помогло ему вернуть расположение людей. Как заметил биограф Энтони Холден: «Никто не станет слушать благочестивые проповеди от человека, который ведет двойную игру с самой желанной женщиной в мире».

Потрясенный возникшим кризисом, Чарльз вызвал на совет в Сандринхем шестерых друзей. Позднее одного из них отправили в редакцию «Телеграф», где он сообщил, что принц готов на любые жертвы, чтобы не потерять возможность вступить на трон. На следующий день газета вышла с заголовком: «Принц Уэльский выбирает безбрачие».

Попытка вернуть доверие англичан провалилась. Ничто не могло остановить потока издевательских шуток. «Вот один пакет чарльзов», — тянул лондонский продавец, отдавая покупательнице пачку гигиенических прокладок. Карикатурист изобразил лицо Чарльза в виде подставки для яйца с капающим из носа желтком. Появились поздравительные открытки с надписью: «С днем рождения, я хочу угостить вас «Маргаритой»* Чака и Ди. Он обжигающе холодный, заперт во льдах». Дворцу пришлось вмешаться и запретить расклейку плакатов с рекламой безопасного секса. На этом плакате были изображены принц и принцесса Уэльские, целующиеся на балконе Букингемского дворца перед собравшейся толпой. Надпись под фотографией гласила: «Внешность бывает обманчивой. Пользуйтесь

* Коктейль на основе текилы, подается с дробленным льдом.

презервативами Джонни». Представитель Британского совета по безопасному сексу возмутилась вмешательством дворца. «Нас абсолютно не интересует, что думают особы королевской крови, — заявила Фиона Харкомб. — Польза от плаката перевешивает оскорбление, которое могло бы быть нанесено королеве».

Чарльз был унижен. «Его Королевское Высочество не хочет оставлять поле боя, — вспоминал один из телохранителей Чарльза, — но его друзья советовали ему отступить. «Пусть все увидят, как ты помогаешь людям», — советовали они. Однако он был напуган. Мы видели его глаза. Как у кролика, попавшего в западню».

Когда Чарльз отправился на место аварии танкера возле Шетландских островов, он приказал: «Никаких детей». Его помощник объяснил: «Дети склонны задавать неудобные вопросы». Принц выглядел усталым и озабоченным; редущие волосы зачесаны так, чтобы скрыть лысину. Чарльз казался каким-то сгорбленным и производил впечатление человека, потерпевшего поражение в решающей битве. Он всячески старался избегать журналистов, когда шагал по залитым нефтью полям и старался завести разговор с фермерами, чей урожай оказался под отвратительной пленкой. Позднее, во время приема, он отказался от апельсинового сока и попросил шотландского виски. «Мы просили Его Королевское Высочество [Филиппа] посетить территорию, залитую нефтью: ведь он является президентом «Всемирного фонда защиты дикой природы», — сказал один из директоров фонда, — но персонал Чарльза высказался против... Они хотели благоприятного репортажа о принце Уэльском. Однако наш

фонд — одна из самых престижных организаций в мире, поэтому присутствие президента на месте катастрофы было нам необходимо... Наконец нам удалось договориться, что в Шотландию отправятся оба, но программа у них будет разной. Чарльз заранее заявил, что не станет разговаривать с прессой, а Филипп согласился ответить на вопросы журналистов. Однако уже после первого вопроса он потерял самообладание».

Телевизионный репортер спросил у Филиппа, не будет ли его визит омрачен заголовками о связи принца Чарльза с Камиллой Паркер Боулз.

— Эти события никак не связаны, — резко ответил Филипп и, повернувшись к репортеру, сердито проговорил: — Я мог бы предвидеть, что кто-нибудь обязательно задаст подобный вопрос. Кого вы представляете?

— НТН [Независимые телевизионные новости], — ответил репортер.

— Тогда понятно, — бросил Филипп и стремительно вышел из зала.

Герцог Эдинбургский пожаловался директору фонда, отвечающему за связь с прессой, что вопрос был грубым и хамским.

«Репортер НТН не нарушил рамки приличий, он лишь назвал вещи своими именами, — ответил служащий фонда. — Однако продемонстрировал отсутствие почтения, задав этот вопрос первым, что не ускользнуло от внимания Его Королевского Высочества...»

Отсутствие почтения и уважения к королевской семье всколыхнуло страну в мае 1993 года. Более пятисот человек устремились в лондонский «Конференс сентер» королевы Елизаветы II, чтобы послушать дебаты между роялистами и

республиканцами о том, что ждет монархию. Форум как в зеркале отразил беспокойные настроения, царившие в обществе. Собралось девять ораторов. Они обсуждали корону и ее будущее — если оно у монархии есть — в Англии двадцатого века.

«Нечто умерло, — заявил профессор Стивен Хаселер, — умерло то, что нравилось британскому народу в монархии». Историк Элизабет Лонгфорд не согласилась с ним. Она считала, что принц Чарльз должен стать королем. Однако драматург Дэвид Хейер порекомендовал уничтожить монархию, потому что считал ее источником фальши и снобизма. Между ними выступил лорд Рис-Могг, бывший редактор «Таймс», называвший себя роялистом, но признававший необходимость конституционных реформ. Он заметил, что установление, которое было учреждено в шестом веке, может уничтожить лишь война или революция. А поскольку ни то, ни другое стране не нужно, он призвал аудиторию поверить в способность монархии адаптироваться к новым условиям.

Елизавета продемонстрировала исключительную гибкость и способность реагировать на изменение ситуации. Менее чем через три года после того, как она объявила, что теперь будет платить налоги (со своих официальных доходов, а не с частных вложений), королева решила летать коммерческими рейсами. Отказавшись использовать один из одиннадцати самолетов королевской эскадрильи, она сэкономила налогоплательщикам 3 миллиона долларов — за один рейс. «Ее Величество выкупила все места в салоне первого класса, — сообщил служащий новозеландской авиакомпании, — но так оно и должно быть. В конце концов

она королева Великобритании, а не какой-нибудь велосипедной монархии».

Однако королева летела коммерческим рейсом только один раз. Елизавете гораздо больше нравились удобные королевские самолеты. Поэтому она решила сократить расходы на содержание двора. Она получала 70 миллионов долларов в год на финансирование путешествий, охрану и содержание восьми резиденций. Королева начала с того, что лишила своих служащих традиционных привилегий: шофер, который получал 9000 долларов в год, теперь должен был сам платить за ремонт своей обуви. Слуги, чья зарплата составляла 8000 долларов в год, больше не могли рассчитывать на бесплатное мыло. Придворные, чье годовое содержание равнялось 60 000 долларов, сопровождавшие королеву во время ее поездок, больше не получали бесплатных номеров в отелях. «Им будут выдаваться наличные, — заявил представитель дворца. — Мы хотим организовать нашу жизнь более эффективно».

Продолжая политику экономии, королева решила не выдавать денежных премий двумстам членам персонала Виндзорского замка, помогавшим спасти ее сокровища во время пожара 1992 года. Вместо денег она предложила им бесплатную экскурсию в библиотеку замка. Согласились лишь немногие.

Королевская семья холодно наблюдала за дебатами относительно своего будущего. Лорд Чартерис, бывший конюший королевы, заявил, что республиканские идеи никогда не проникают сквозь стены дворца. Однако леди Лонгфорд, подруга королевы, с ним не согласилась. «Они охотно обсуждали разные варианты», — сказала она.

Еще в 1966 году, во время путешествия по Канаде, они говорили о возможном превращении Великобритании в республику. И относились к такому варианту с легким сердцем. «Мы уйдем спокойно», — сказала королева. Филипп пошутил, что мог бы собрать свои вещи за один день, но Елизавете потребуется несколько недель. «Слишком много корги», — язвительно заметил он. Однажды, войдя в кабинет королевы в Букингемском дворце, он выглянул в окно и спросил: «Гильотину уже поставили?»

Королева тоже пошутила, когда присутствовала на конференции стран Содружества на Кипре. Она прибыла на остров осенью 1993 года на королевской яхте. После обеда Елизавета отдыхала вместе со своими гостями. Когда королева высказала сомнение по поводу того, что подобные конференции будут проходить и через сорок лет, все поняли, что Елизавета изучала опросы общественного мнения в Канаде, Австралии и Новой Зеландии, которые показали рост стремления к независимости от короны. «Единственное, в чем можно быть уверенным, так это в отсутствии трех участников — принца Филиппа, «Британии» и меня, — заявила королева совершенно спокойно. — Но кто знает... Теперь у меня достаточно опыта, полученного в том числе на скачках, чтобы не ставить деньги на то, сколько стран останется в Британском Содружестве через сорок лет, какими они будут и где состоится очередная конференция».

Внутри королевской семьи Елизавете не требовалось подсказок, чтобы выяснить, кто умеет лучше бежать по грязи, а у кого уже дрожат колени. Она читала результаты опроса обществен-

ного мнения, которые показывали, что ее живущая отдельно невестка выигрывает гонки, в то время как сын застрял на старте.

Чарльз, спотыкаясь, брел вперед, пытаясь восстановить свою репутацию, но все его усилия показывали, что он скорее склонен себя жалеть, чем упрекать. Оставляя автограф на футбольном мяче в центре отдыха и развлечений для подростков, он сказал: «Теперь на нем мое имя. Можете бить по нему, как пожелаете». Принц Уэльский бросил играть в поло; он разрезал ленточки, участвовал в возложении венков, инспектировал фабрики, посещал войска в Боснии и побывал в бывшем концентрационном лагере в Польше.

Однако он не мог соперничать с женой, которая выглядела на страницах газет, как кинозвезда, только что получившая статус святой. Один из заголовков гласил: «Принцесса добивается нимба и прощается со своими недоброжелателями». Она посещала хосписы, приюты и центры Красного Креста по бесплатной раздаче еды. В Индии прикасалась к неприкасаемым. В Непале обнимала прокаженных. Поддерживала инвалидов и разливала суп голодающим беженцам. Люди, очарованные ее обаянием, теплотой и красотой, толпами встречали принцессу.

Хотя Чарльз не мог привлекать к себе толпу, его конюший заявил, что принц правильно поступил, когда разошелся с Дианой. Он говорил, что Чарльз стал увереннее, после того как избавился от необходимости участвовать в «бесконечных турах с бесчисленными рукопожатиями». Впрочем, вместо того чтобы умалять достоинства Дианы, конюшему следовало бы посоветовать Чарльзу прийти в Кентерберийский собор и по-

каяться в грехе прелюбодеяния, как это сделал его предок после убийства Томаса Беккета*. Люди боготворили принцессу, и она наслаждалась их любовью.

Диана регулярно фотографировалась во время посещения приютов для бездомных и бесед с избитыми женами. Принцесса особенно близко приняла к сердцу судьбу одной из женщин, которая призналась, что облила бензином спящего мужа и подожгла. В результате женщина, заявившая, что муж доводил ее до безумия, была признана невиновной и освобождена. Принцесса обняла ее и сказала: «Вы вели себя так смело». Позднее, когда Чарльз посетил стройку многоквартирного дома, он пожал руку женщине в толпе, которая заявила, что встречалась с его женой. «И вы пришли сюда, чтобы рассказать мне об этом?» — с гримасой проговорил он.

Если судить по газетам, то никакого соревнования между Дианой и Чарльзом и быть не могло. Фирма, занимавшаяся изучением деятельности средств массовой информации, подсчитала в дюймах протяженность колонок, посвященных каждому из них за первые шесть дней марта 1993 года: Диана набрала 3603 дюйма, а Чарльз только 275.

Одна из ведущих британских журналисток, Линда Ли-Поттер, посоветовала принцу не обращать внимания на итоги подсчетов и не ввязываться в драку. «Он не должен принимать участия в женских играх, — написала она. — Чарльзу следует сохранять собственное достоинство и не жа-

* Святой Томас Беккет (1118—1170) — архиепископ Кентерберийский, убитый за противодействие политике короля Генриха II в отношении церкви.

ловаться. — Ли-Поттер заявила, что Диана объявила войну своему мужу: — Она хочет отомстить, мечтает унижить принца Чарльза. Ей нужен реванш, а не торжество справедливости. Однако Диана сможет продолжать свое «справедливое» сражение только в том случае, если ее муж и королевская семья будут ей отвечать. Если они примут такое решение, то наверняка потерпят поражение. Отказавшись с ней воевать, они обязательно одержат победу».

К этому моменту принцесса заставила дворец отступить. Придворные делали вид, что поддерживают ее благотворительную деятельность, но тайно старались всячески помешать. Они не допустили, чтобы Диана стала президентом Британского отделения Красного Креста и возглавила UNICEF*. Они не возражали, когда она делала публичные выступления, но всячески демонстрировали свое неудовольствие, стоило ей упомянуть о булимии и депрессии. Придворные, в основном мужчины средних лет, не считали, что ее заявления о собственной жертвенности являются положительным качеством в женщине, чья низкая самооценка когда-то заставляла ее думать, будто она заслуженно страдает. Они заявляли, что ее речи о самоуважении звучат глупо и недостойно.

Они кипели от возмущения, когда Диана касалась некоторых проблем — в особенности СПИДа, — не имеющих к ней никакого отношения. Диана не обращала на них внимания. Во время национальной конференции по СПИДУ она сказала: «Вдвойне трудно бороться со

* Международный фонд помощи детям при ООН.

СПИДом в такой стране, как Великобритания, где до сих пор люди с большой неохотой говорят о своих эмоциональных проблемах. Нам необходимо научиться преодолевать барьеры внутренних запретов...»

Когда принцессу попросили выступить по Би-би-си в престижном цикле Ричарда Димблби, чтобы поделиться своим мнением о СПИДе, дворец, наконец, решил перейти к активным действиям. Приглашение было аннулировано.

То, что не сумели отобрать у Дианы представители королевы, отнял Чарльз. Он стремился изъять ее из общественной жизни, лишив доступа к королевским самолетам, королевским поездам, королевской яхте, любым другим средствам передвижения, являющимся привилегией королевской семьи. По правде говоря, он мечтал исключить Диану из жизни королевской семьи. Однако королеву беспокоило его желание изолировать Диану, поскольку она не знала, какое впечатление это произведет на нестабильное состояние ее рассудка. Она послала премьер-министра в Кенсингтонский дворец с поручением успокоить принцессу и передать ей, что никто не собирается лишать ее той роли, которую она играла. Далее королева приказала напечатать в «Придворном циркуляре» сообщение о посещении принцессы премьер-министром, чтобы у окружающих и самой Дианы сложилось мнение, что ее по-прежнему считают ценной фигурой в общественной жизни страны. Дворец позволил ей совершить несколько турне, но по приказу Чарльза ее лишили ряда почестей, которыми раньше награждали. Ее не сопровождали придворные высшего ранга и официальная свита фрейлин. Теперь Диана могла

рассчитывать лишь на билеты в бизнес-классе, кроме того, дворец запретил исполнение национального гимна во время ее прибытия в Непал. Бульварная пресса, которая относилась к ней с благоговением, писала о других мелких проявлениях пренебрежения и самым решительным образом призывала официальные власти к более уважительному отношению к матери будущего короля.

Однако придворные опустили занавес, стараясь скрыть за ним звезду и побыстрее изгнать ее со сцены. Диана больше не участвовала в официальных церемониях, таких как торжественный развод караула с выносом знамени. Когда королева не прислала ей приглашения на «Королевский Аскот» в 1993 году, Диана поехала с мальчиками в «Планету Голливуд». На следующий день газеты опубликовали фотографию заботливой матери в синих джинсах, веселящейся со своими детьми, рядом с холодным снимком королевских особ, приветственно машущих руками из своих экипажей.

Не позвали Диану и на празднование дня рождения королевы-матери в августе 1993 года. Поэтому она вместе с сыновьями отправилась кататься на картингах. И снова фотографии, на которой Диана весело хохочет со своими сыновьями, появились на первых страницах газет. Когда королева посетила Венгрию — первый визит в посткоммунистическую страну, — Диана помчалась в Париж за покупками. Никто не обратил ни малейшего внимания на то, что делает Елизавета, зато газеты пестрели заголовками, посвященными Диане. В редакционной статье «Ивнинг стандарт» журналист задавал вопрос: «Может быть, следует

сажать принцессу под домашний арест, когда ее занимающие более высокое положение родственники отправляются куда-нибудь с официальным визитом?»

Стараясь быть похожей на ангела милосердия, Диана пожелала участвовать в торжественной церемонии похорон двоих детей, погибших во время взрыва бомбы террористами ИРА в городе Уоррингтон, графство Чешир. Однако дворец воспротивился и послал вместо нее принца Филиппа. Диана тут же продемонстрировала дворцу, что прекрасно умеет играть по жестким правилам: принцесса позвонила обоим скорбящим матерям.

«Я хотела быть вместе с вами и обнять вас, — сказала Диана, — но это выше моих сил, потому что королева решила послать моего свекра».

Даже противники принцессы видели, что дворец выглядит жалким и мелким в своих придирках.

Диана прекрасно понимала, что королевская семья объединилась с ее мужем. Однако Чарльз смотрел на проблему иначе. Он говорил, что друзья поддерживают его гораздо больше, чем семья. Принц Филипп общался с сыном, посылая ему сообщения со своего портативного компьютера, что далеко не у всех вызывало восторг. «Ах да, герцог и его полезные послания», — вспоминал один из секретарей Чарльза. Принц не раз говорил, что подобный способ общения его мало привлекает. Однако секретарь никак не комментировал поведение королевы, которая всегда держалась от своего наследника на расстоянии. Иногда придворные матери и сына схватывались, как задиристые петухи.

«Я чуть не сошел с ума, пытаюсь примирить их, — вспоминал дизайнер по интерьерам Николас Хаслам. — Соперничество между королевскими придворными никогда не утихает. Им наплевать на то, что они представляют мать и сына, — наплевать, и все тут! Идет ожесточенное сражение: Ее Величество королева против выскочки-принца, будущего короля...

Я пришел в Букингемский дворец в 1993 году по приглашению принца Чарльза, который хотел, чтобы я декорировал зал для обеда в честь Королевского шекспировского театра. Я осмотрел несколько комнат с одним из придворных королевы и попросил, чтобы стулья заменили на более мягкие и удобные.

— Абсолютно невозможно, — возразил придворный. — Ее Величество не одобрит таких перемен.

Тогда я обратился к другому придворному, чтобы он помог мне решить вопрос с освещением.

— Ее Величество предпочитает, чтобы освещение оставалось таким, какое оно сейчас.

Затем я спросил, нельзя ли сдвинуть несколько столов, поскольку принц устраивает обед на триста человек, и нам потребуется больше места.

— Ее Величество предпочитает, чтобы столы оставались на своих местах.

У меня уже начало кончатся терпение, — продолжал свой рассказ дизайнер. — Я не мог даже поднять вопрос о свечах, потому что «Ее Величество не одобряет обедов при свечах».

Представлять интересы Чарльза во владениях его матери — дело безнадежное, однако в конце концов мне удалось все организовать, и принц остался доволен. Чарльз сказал, что никогда еще Бу-

кингемский дворец не выглядел так мило, как в тот вечер. Однако я постарел лет на пятьдесят, пытаясь обо всем договориться с придворными королевы...»

В тот вечер его мать покинула свою резиденцию, а Чарльз поднял флаг принца Уэльского над Букингемским дворцом. Он очаровал своих гостей послеобеденными замечаниями. «За последний год мне пришлось довольно близко познакомиться с произведениями Шекспира, — заявил он. — Я пережил «Виндзорских насмешниц», «Бесплодные усилия любви» и «Укрощение строптивой»... Пришло время для «Все хорошо, что хорошо кончается». Все покатались со смеху.

При случае Диана тоже посмеивалась над своим трудным положением. Однажды, посетив лондонское общежитие для пострадавших от побоев жен, она присутствовала на сеансе групповой терапии и слушала высказывания женщин о том, как привести в порядок свою жизнь. Когда Диану спросили, не хочет ли она к ним присоединиться, она принялась обмахиваться платком. «Мне кажется, я сейчас покраснею», — заявила она.

Журналисты бульварной прессы с удовольствием цитировали ее легкомысленные шутки, в особенности когда их объектом оказывались репортеры из серьезных газет. «Ах да, вы из «Файнэншл таймс»? — спросила она одного из репортеров. — Мы получаем вашу газету. Да, мы ее стелим в клетку нашего волнистого попугайчика». Когда один из ее знакомых журналистов заявил, что она прекрасно выглядит, Диана удивила всех собравшихся, спросив, помнит ли он ее, когда она была моложе и являлась обладательницей большой груди.

«Ах, мадам, то было доброе старое время», — пошутил ее любимый фотограф Артур Эдвардс. Он фотографировал ее с тех самых пор, как ей исполнилось девятнадцать и она ждала предложения от принца Уэльского. Однажды в тот период она вышла из своей квартиры в Колехерн-Корт и расплакалась, когда увидела орду журналистов, собравшихся возле ее машины. Эдвардс подошел к ней, чтобы помочь. «Они не должны видеть ваших слез, — посоветовал он. — Вы можете стать королевой Ди, и когда это случится, я превращусь в сэра Артура».

С тех пор Диана всегда встречала фотографа самой приветливой из своих улыбок. Когда он заболел, она принесла ему лекарство. «Она всегда называла меня по имени, — рассказывал он. — Принц Чарльз до сих пор, обращаясь ко мне, говорит «мистер Эдвардс» и ведет себя чрезвычайно сдержанно. Мне кажется, в наше время такое поведение неуместно».

Фотограф из «Сан» не обманывал себя относительно доброжелательного отношения принцессы. «Причина заключалась в том, что тринадцать миллионов читателей будут смотреть на ее лучшую фотографию, — сказал он. — Забавная деталь: именно с репортерами газет, имеющих наибольшие тиражи, Диана особенно охотно встречалась».

Всякий раз, когда принцесса появлялась в роскошном новом туалете, этот фотограф одобритительно восклицал:

— Сегодня вы выглядите особенно прелестно, мадам!

Если же она надевала какое-нибудь старое платье, он с сожалением говорил:

— О, только не это, это уже было!

— Артур, — как-то раз мгновенно ответила она, — я думаю, вы бы предпочли, чтобы я пришла обнаженной.

— Ну, тогда бы у меня появился шанс напечатать вашу фотографию в газете, — отпарировал он.

— И все же шутить буду я, Артур, — с укором ответила Диана.

Позднее он использовал реплику Дианы в своей книге мемуаров о королевской семье. Диана дала ему понять, что она этим недовольна. Без своей обычной улыбки она спросила:

— Сколько книг вам удалось продать, Артур? Он застенчиво улыбнулся.

— Я считаю, что вы великолепны, мадам. Я никогда не причиню вам вреда.

Отец Дианы, покойный граф Спенсер, однажды сказал, что «внутри у нее чистая сталь», и Артуру Эдвардсу пришлось не раз испытать на себе ее выпады. Комментируя новую прическу Дианы, он сказал, что еще немного, и она будет выглядеть, как Сайнид О'Коннер, ирландская поп-звезда, которая брила голову.

— Ну, у меня хотя бы есть, что сбрить, — ответила Диана, выразительно посмотрев на лысую голову репортера.

Когда принцесса чувствовала себя обиженной, журналисты на собственной шкуре испытывали ее жалящие укусы. Одна молодая женщина написала, что для очередного королевского турне Диана выбрала удобную, но немодную одежду. Принцесса сделала вид, что не обратила на это внимания. Однако на обратном пути Диана взглянула на журналистку, юбка которой доходила ей

до щиколоток. «Она долго не протянет», — заявила Диана. Услышав, что принцесса обсуждает будущие визиты за океан, молодая журналистка спросила:

— Вы снова собираетесь в путешествие?

— Новые полеты в старой, немодной одежде, — без улыбки ответила Диана.

Обычно Диана вежливо обходилась со средствами массовой информации, в особенности после того, как начала жить отдельно от мужа. Теперь оба использовали прессу для взаимных уколов, и оба заручились поддержкой крупных национальных газет для изложения собственной версии своей супружеской жизни. К Диане пресса отнеслась с большей симпатией, поскольку она по-дружески держалась с репортерами: нередко приглашала на коктейль тех, кто освещал ее турне, посылала им записки, когда была особенно довольна репортажами, и даже помнила дни рождения своих любимых журналистов. Диана регулярно делилась последними новостями с корреспондентом «Дейли мейл» Ричардом Кеем, которого сфотографировали, когда он шептался с Дианой в машине. Она пригласила некоронованного короля прессы Руперта Мэрдока на ужин в Кенсингтонский дворец и послала такие же приглашения телевизионным знаменитостям Оупра Уинфри и Барбаре Уолтерс. Все они приняли ее приглашение. Диана сумела снискать расположение Кэтрин Грэм, главы компании «Вашингтон пост», посетив ее в Мартас-Виньярде и Вашингтоне. Кроме того, Диана участвовала в приемах, спонсорами которых выступали журналы «Пипл», «Харперз базар» и «Вэнити фэйр», позировала для «Вог». И так охотно работала с фотографами, сопровождавшими ее во время поездок в горы, когда

она каталась на лыжах со своими детьми, что сторонники Чарльза обвинили ее в использовании мальчиков для поддержания материнского имиджа. Чарльз ответил Диане, устроив детям еще более экзотические каникулы в Италии и Греции. Она превзошла его, отправившись с сыновьями в «Мир Диснея» во Флориде. Чарльз был полон решимости ей не уступать. Приехав с сыновьями на Пасху в Балморал, принц подарил им футбольные ворота, ракетки для бадминтона, два горных велосипеда, батут, ружья для стрельбы по кроликам и воронам и два маленьких мопеда, стоимостью 3000 долларов каждый. Однако даже заранее отрепетированные снимки рядом с Уилли и Генри не помогли ему превзойти Диану в популярности.

«Проблема членов королевской семьи заключается в том, что они относятся к журналистам, как к телеграфным столбам, — сказал Артур Эдвардс. — Они их просто обходят, абсолютно не обращая внимания. Именно в этом и заключается одна из причин недоброжелательного освещения королевской семьи прессой... Диана очень многое сделала, чтобы изменить ситуацию к лучшему».

Она стала самой фотографируемой женщиной в мире, и репортеры заработали на ней тысячи долларов. Диане напомнили, каким ценным товаром она стала, когда ей позвонила леди Элизабет Джонсон, друг королевской семьи, которая жила рядом с Виндзорским парком. От своей парикмахерши она узнала, что Диану тайно фотографируют во время ее еженедельных занятий в спортивном зале. Леди Джонсон предупредила принцессу, что владелец зала склонен к подглядыванию.

— О Господи, — пробормотала Диана. — Я прилично себя вела?

— Насколько мне известно, да.

— Какое облегчение. Моя свекровь этого не переживет.

На следующий день Диана попросила своего детектива Кена Уорфа проверить истинность информации. Он поговорил с владельцем спортивного клуба Брюсом Тейлором, который принялся яростно отрицать, что фотографировал принцессу.

«Видит Бог, — сказал Тейлор. — Она приходит сюда вот уже почти три года. Вы всегда с ней. Хоть раз возникали проблемы с безопасностью?»

Детектив на всякий случай осмотрел клуб. Он не стал производить тщательного обыска — впрочем, он все равно не нашел бы небольшое отверстие в потолке.

Через шесть месяцев фотография Дианы появилась на первой странице «Санди миррор». Принцесса была одета в эластичные шорты и бирюзовое обтягивающее трико. Газета согласилась заплатить 250 000 долларов за снимки, на которых Диана, широко расставив ноги, работала над мышцами плеч. Поза была неэстетичной даже для такой молодой и красивой женщины, как принцесса; яркий свет подчеркивал низ живота и лишние складки жира на бедрах.

Когда люди смотрели на эти тайно сделанные фотографии, у многих создавалось впечатление, что кто-то грязно пошутил над ничего не подозревающей девушкой. Хотя Диана была матерью двоих детей и имела любовников, ее по-прежнему окружала аура невинности. Все видели ее фотографии в платьях с глубоким декольте или сделанные во время прыжков на сцене, когда на принцессе был лишь тонкий шелковый сарафан. Публиковались даже ее фотографии в бикини,

когда она была беременна. Однако Диана никогда не выглядела столь вульгарно.

«Это был снимок промежности — простой, отвратительный и непристойный», — заявил редактор одного журнала.

Королевский биограф Брайан Хоуи заявил, что подобные фотографии никогда бы не увидели свет в Великобритании, если бы Диана продолжала жить с Чарльзом. «Средства массовой информации относятся к ней с таким же пренебрежением, как к кинозвездам или... Ферджи».

Диана чувствовала себя оскорбленной. «Я плакалась, когда увидела снимок, — призналась она. — Меня застали врасплох и унизили».

Дворец и парламент встали на ее сторону, заявив о вторжении в частную жизнь. Чарльз считал, что Диана получила то, что заслужила, но принц Филипп предложил ей подать в суд. Скандал из-за фотографий продолжался несколько дней: политики призывали обуздать прессу, издатели протестовали. Компания «Миррор груп», владеющая газетой, в которой появились оскорбительные фотографии, вышла из состава «Комиссии по делам прессы», а главный редактор признался, что поступил как дурак. Однако владелец клуба и не думал приносить извинения.

«Да, я спланировал все заранее, снимки сделаны тайно, — признался Брюс Тейлор. — Я не собираюсь придумывать смягчающие обстоятельства... У меня возникла возможность... Если бы я сказал вам, что могу абсолютно законным способом, не причиняя никому вреда, заработать миллион фунтов, разве вы бы не согласились принять участие в моем предприятии?»

Он нанял агента по рекламе и связался с фотостудией, собираясь продать альбом с 82 снимками Дианы, которые успел сделать. Адвокаты принцессы добились решения суда, которое заморозило гонорар Тейлора. При полной поддержке королевы Диана подала в суд на газету и фотографа. Она написала в закрытом судебном прошении:

«Я была шокирована, когда увидела собственные фотографии, на которых меня засняли во время занятий в спортивном клубе. Снимки опубликовали в «Санди миррор» 7 и 8 ноября 1993 года. Я не знала, что меня снимают, и не давала разрешения фотографировать меня в клубе. Я считаю, что мистер Тейлор обманул мое доверие».

Принцесса хотела начать кампанию за появление в Англии нового закона о защите частной жизни и была готова выступить перед судом. «Я сделаю все, что необходимо, для достижения справедливости», — сказала она. Диана сделала заявление, в котором поблагодарила всех, кто порицал газеты «Миррор групп». Через несколько недель опозоренный владелец гимнастического зала разорился, пытаясь отстоять свои интересы в суде. Однако по британским законам теперь он мог рассчитывать на квалифицированную защиту, поскольку пострадал в ситуации, когда речь шла о введении нового закона. Тейлор подал прошение, и судья назначил его защитником одного из самых известных английских юристов КА (королевского адвоката) Джеффри Робертсона.

Неожиданно судебное разбирательство, которое поначалу складывалось явно в пользу принцессы, приобрело другой характер. Робертсон

оказался достойным противником адвоката Дианы — Энтони Джулиуса из юридической фирмы «Мишон де Рейя». Владельцу зала особенно повезло, поскольку Робертсон родился в Австралии и отличался демократическими взглядами. Королевская семья не производила на адвоката никакого впечатления. Для Робертсона принцесса Уэльская была обычным богатым истцом по имени Диана Виндзор. По закрытым судебным документам видно, что он обращался к ней «миссис Виндзор»; Энтони Джулиус называл Диану Ее Королевское Высочество принцесса Уэльская.

Всего за несколько дней команда Робертсона представила суду работников зала, которые под присягой показали, что принцесса привлекала к себе внимание, делая упражнения перед самым окном, чтобы ее могли лучше рассмотреть. Другие свидетели сообщили, что она открыто флиртвала с членами мужского клуба и носила возбуждающую, обтягивающую одежду, чтобы продемонстрировать свое тело. Для них принцесса выглядела женщиной легкого поведения.

Адвокаты Дианы заявили, что она надевала обычный спортивный костюм всякий раз, когда приходила в зал; и в любом случае одежда в данном вопросе не имеет никакого значения, речь идет о праве на частную жизнь. Они предъявили письмо от Брюса Тейлора, датированное 25 сентября 1990 года, в котором он обещал защищать Диану от рекламы.

Адвокаты Тейлора тут же ответили, что, приняв трехлетнее членство в клубе как подарок, Диана не могла рассчитывать на привилегии, которые получали те, кто платил за занятия в зале.

Они утверждали, что, приняв подарок, Диана тем самым отказалась от защиты своей частной жизни, поскольку согласилась, чтобы ее взвешивали и измеряли. Они предъявили листок, на котором Диана собственной рукой записала свои данные под именем Салли Хьюз, бывшей секретарши:

Артериальное давление	120/60
Рост в сантиметрах	183
Индекс массы тела	60,5
Размеры в дюймах	
Плечи	40
Грудь	35
Правая рука	$9\frac{1}{7}$
Талия	27
Правое бедро	22
Икра	$13\frac{1}{2}$

Дворец пришел в замешательство, когда выяснилось, что некоторые заявления Дианы, сделанные под присягой, не совпадают со словами ее детектива. Когда защита вызвала Кена Уорфа для дачи свидетельских показаний, его быстро перевели на другую работу. Потом неожиданно шофер Дианы решил, что предпочитает возить принца Чарльза. С Дианой даже не посоветовались относительно их перевода. Потеряв обоих мужчин, которые работали у нее в течение нескольких лет, Диана пришла в замешательство. Через несколько часов после того, как ей сообщили об их уходе, она появилась на театральном представлении с красными, заплаканными глазами. Просидев в зале меньше часа, Диана с рыда-

ниями удалилась. Дворец заявил, что у нее случился приступ мигрени.

На следующий день газеты писали об «угнетенном состоянии принцессы» и даже предполагали, что она снова страдает от булимии. Пресса интерпретировала перевод детектива и шофера как попытку дворца воздействовать на принцессу. Диана хотела было закрыть эту тему, когда через три дня выступала с речью перед работниками благотворительного учреждения: «Леди и джентльмены, вам очень повезло, что сегодня я смогла сюда прийти, — заявила она. — Предполагается, что я должна была просидеть целый день в туалете... Кое-кто думает, что в любой момент может возникнуть ситуация, когда потребуется прислать за мной людей в белых халатах».

Аудитория захопала, радуясь, что принцесса способна шутить. «Если вы не возражаете, — заявила она в заключение, — я, пожалуй, отложу нервный срыв до более подходящего момента. — Улыбаясь, Диана добавила: — Иногда удивляешься, к чему только может привести обычная мигрень».

К этому моменту Елизавета решила прекратить поддерживать судебный иск Дианы. Королева сомневалась, сумеет ли эмоциональная принцесса выдержать суровый перекрестный допрос. Позднее она с тревогой обнаружила, что бывший любовник Дианы Джеймс Хьюит побывал в гостях у Джеффри Робертсона. Адвокат давал понять, что может вызвать в суд Хьюита, чтобы установить, действительно ли принцесса так опасается вторжений в свою личную жизнь. Особенно обеспокоил королеву ответ Хьюита на вопрос жены Робертсона, Кэти Летти, которая поинтересовалась, какова принцесса в действительности. «У нее

плохо пахнет изо рта, — сказал Хьюит, — и она все время хочет заниматься сексом».

Пресса с нетерпением ждала дальнейшего развития процесса, более девятисот корреспондентов подали официальное прошение, надеясь попасть в зал, вмещающий всего семьдесят пять человек. Королеву тревожила шумиха, которую могли устроить вокруг процесса иностранные репортеры; ее совсем не вдохновляла перспектива увидеть, как член королевской семьи дает свидетельские показания. Елизавета порекомендовала заинтересованным сторонам завершить дело полюбовно вне зала суда.

Брюсу Тейлору сообщили о желании королевы, но как только официальный процесс прекращался, владелец зала немедленно лишался бесплатного адвоката, и ему пришлось бы самому платить за его услуги. Так что Тейлора не привлекала перспектива закончить процесс таким образом. Он стал банкротом, ему оставалось рассчитывать лишь на скандальный процесс, чтобы удачно продать права на эту историю. Пресс-агент, которого он нанял, вспоминает: «Для него вопрос всегда упирался в деньги — только деньги, все остальное его не волновало».

Личный секретарь королевы связался с лордом Питером Пэламбо, близким другом Дианы, чтобы передать: королева желает избавить принцессу от необходимости давать показания. Лорд Пэламбо все понял. Хотя Диана намеревалась продолжать процесс, королева требовала его завершения. Поэтому лорд Пэламбо провел переговоры с адвокатами, в результате чего им удалось выработать секретное соглашение, которое устраивало

всех: принцесса выглядела победительницей, газеты избегали контроля и цензуры, любителю подглядывать не грозила нищета. Вот условия соглашения:

1. «Миррор групп» готова напечатать свои извинения, переводит от имени Дианы 40 000 долларов на благотворительные цели и прекращает любые публикации по данному вопросу.

2. Брюс Тейлор отдает Диане все фотографии и негативы и приносит публичные извинения. В обмен на обещание никогда не говорить о снимках и процессе он будет получать ежемесячные выплаты из специального фонда, которые в сумме составят 450 000 долларов. Тейлор не знал, от кого поступали деньги, но предполагал, что от короля Хуана Карлоса, поскольку фонд находился в Испании. Последние выплаты были сделаны в июне 1996 года. Кроме того, фонд покрывает налоги Тейлора и судебные издержки.

3. Часть судебных издержек Дианы будет выплачена из денег Тейлора, замороженных указом суда; остальное доплатит юридическая фирма лорда Мишона.

4. Все стороны подписывают соглашение, обязуясь не разглашать детали сделки.

Когда появилось объявление о прекращении процесса, «Ньюс оф уорлд» вздохнула с облегчением: «Королевская семья в безопасности». Другие лондонские газеты начали писать о «сокрушительной победе Ди».

«Полагаю, мы могли бы одержать победу, — заметил редактор «Миррор», — но она обошлась бы нам слишком дорого. И речь тут идет не о

деньгах, а о ненависти публики, в особенности читателей бульварной прессы, которые боготворят Диану».

Хотя в средствах массовой информации Диана и выглядела победительницей, принцесса понимала, что потерпела поражение. Большая часть ее персонала подала в отставку — повар, конюший, модельер, шофер и детектив. Диана нанесла ответный удар, уволив своего дворецкого Гарольда Брауна, который работал у нее со дня свадьбы и остался после того, как она рассталась с Чарльзом. Теперь Диана потребовала, чтобы он «уехал как можно быстрее» и покинул бесплатную квартиру в Кенсингтонском дворце. Когда принцесса Кентская захотела нанять этого высокого, обходительного дворецкого, который всю свою сознательную жизнь провел на королевской службе, Диана ответила отказом.

Встревоженный ее поведением, Чарльз послал за Брауном. «Я сожалею о том, как она с вами поступила, — сказал принц, — но не могу вмешаться... Не в моих силах даже взять вас к себе. Однако я хочу, чтобы вы понимали: мы знаем, что сделала принцесса. И королева тоже знает».

Впоследствии Гарольда Брауна наняла принцесса Маргарет, которая позволила ему сохранить за собой бесплатную квартиру. «Принцесса Уэльская не смеет указывать принцессе Маргарет, кого ей брать на службу, — заявил один из служащих Маргарет. — Не следует забывать: в жилах принцессы Маргарет течет королевская кровь. Диана же попала в королевскую семью, став женой принца Чарльза, — это совсем другое дело. Хотя по протоколу Диана занимает более высокое положение, это пустая формальность.

В действительности дело обстоит иначе: принцесса Маргарет приходится королеве сестрой, и Диана не может давить на тех, кто имеет королевские права по рождению. В отличие от принцессы Майкл Кентской».

К этому моменту у Дианы практически не осталось королевских обязанностей, а муж отклонил ее предложение о воссоединении. Он заявил, что скорее покончит с собой, чем согласится снова жить с ней. Диана чувствовала холодность со стороны королевской семьи, пресса ее преследовала. Поэтому она решила устраниваться от общественной жизни. 3 декабря 1993 года, в слезах, она сделала публичное заявление, пожелав, чтобы ее оставили в покое.

«Когда я начала свою общественную жизнь 12 лет назад, — призналась она в речи перед работниками «Ассоциации больных с травмами головы», — я понимала, что средства массовой информации станут интересоваться тем, что я делаю... Однако я и не представляла, каким назойливым будет их внимание, как сильно оно затронет мои общественные обязанности и личную жизнь. Теперь мне трудно это переносить. — А потом она швырнула бомбу: — Я намерена существенно сократить свое участие в общественной жизни».

На следующий день бульварные газеты вышли с кричащими заголовками: «Ab-Di-Cation»*.

Почитатели Дианы переживали ее отход от общественной жизни как настоящую трагедию для всей страны; хулители называли ее хитрой принцессой, которая использует в собственных целях

* Abdication — отречение (англ.); Di — так газетчики называли Диану.

симпатии публики. Решение Дианы вызвало множество газетных комментариев. Даже «Айриш таймс» поместила грустную статью. В Соединенных Штатах писатель Келвин Триллин просил Диану вернуться, написав забавный стишок:

О Ди, — рыдают газетчики, ломая руки,
Не бросай нас, не обрекай на муки!
Мы все по струночке станем ходить,
До истерик не будем тебя доводить.
Ты ужасно нужна нам, принцесса Ди,
Умоляем тебя: не уходи!
Наши газеты не раскупают,
Если супруг твой в них выступает.
Ди, дорогая, давай мириться,
Хватит, принцесса, на нас сердиться.
Тебя обещаем не раздражать,
Не хочешь — не станем тебя снимать.
Будь же умницей, милая Ди,
Не прощайся с нами, не уходи.

ГЛАВА 21

Члены британской королевской семьи начали выглядеть, как самозванцы: они носили драгоценности, одевались в великолепные одежды с золотыми позументами и ездили в роскошных экипажах. Однако вели они себя совсем не по-королевски.

Они хотели казаться храбрыми и верными, но даже не знали, что такое доброта. Они не понимали, что монархи должны вести себя безукоризненно честно, одарять своих подданных великодушием и показывать им хороший пример. Традиции королевской семьи, запечатленные в произведениях литературы и искусства, казалось, каким-то непостижимым образом остались им неизвестны. Они забыли легенды о короле Артуре и его блестящих рыцарях Круглого стола.

Многие из их верных подданных, когда-то благоговевших перед ними, теперь узнали, что такое разочарование. Кто-то равнодушно взирал на них со стороны, иные испытали легкое отвращение, но были и такие, кто стал демонстрировать откровенную враждебность. Уважения народа к короне заметно поубавилось, и британцы перестали пре-

клоняться перед институтом монархии. Складывалось впечатление, что только жизнерадостная королева-мать в перьях и вуалях способна пробудить в людях добрые чувства.

Королева, которая неохотно согласилась платить налоги, изменить содержание гражданского листа, открыть Букингемский дворец и отказаться от «Британии», получила в награду лишь холодное, вежливое отношение. В нарушение правил хорошего тона с ней никто не посоветовался, когда «Британская национальная служба переливания крови» приняла решение убрать корону со своего значка. Ее представителю нанесли оскорбление в Новой Зеландии, когда возмущенный маори обнажил перед ним свои покрытые татуировкой ягодицы, а потом сердито плюнул на землю. А в Южной Африке правительство потребовало, чтобы она вернула бриллиант «Куллинан», подаренный ее прадеду Эдуарду VII.

Королевская семья погружалась все глубже и глубже в собственное болото, и их проблемы пахли так же отвратительно, как разлагающийся под крыльцом дома дохлый опоссум. Пресса начала выходить из себя. Лондонская «Санди таймс» подвела итог, вызвавший ликование у антироялистов: «Унесенные Виндзорами». «Нью-Йорк таймс» не отставала: «Виндзоры и неудачники».

Монархисты, мечтавшие попасть в высококоморальную пьесу и брать пример с ее героев, неожиданно обнаружили, что оказались в мерзкой мыльной опере, где имелось все: незаконный секс, секс по телефону, секс стоя и, по свидетельству дворецкого Чарльза, секс в саду. Дворецкий, продавший секреты принца одной бульварной газетке, заявил, что однажды обнаружил испачканную

травой пижаму, в которой принц отправился в сад Хайгроува, чтобы немного поразвлечься с любовницей.

Средства массовой информации, некогда послушные слуги монархии, теперь стали господами. По стране распространялось такое количество слухов, что дворцу пришлось отказаться от принципа «никаких комментариев» и отвечать на самые непристойные сплетни. Когда в печати появились предположения касательно здоровья принца Эндрю, дворец принялся яростно отрицать слухи о том, что он ВИЧ-инфицирован.

«Мы всегда одинаково относились к сплетням, — сообщил корреспонденту «Сан» официальный представитель дворца. — Любой намек на то, что герцог Йоркский болен СПИДом, полнейшая чепуха... Он командует военным подразделением, и ему ни в коем случае не позволили бы оставаться на службе, если бы возникли сомнения на предмет его здоровья или годности к военной службе».

Тогда в прессе появились сообщения о том, что жена Эндрю, Сара Фергюсон, трижды сдавала анализ крови на СПИД. Тот факт, что она принимала наркотики и заводила весьма близкие отношения с наркоманами, заставил общественное мнение заволноваться по поводу того, чем она могла заразить своего мужа. Его друзья тоже за него беспокоились, но ничего ему не говорили. «Мы не смели, — сказала одна его подруга. — И уж конечно, не могли себе позволить высказываться отрицательно по поводу Сары. Он и слышать не желал ничего против нее».

Через четыре месяца после того, как дворец заявил, что у Эндрю нет СПИДа, он подал в от-

ставку. Принц сказал, что, будучи отцом-одиночкой, должен больше времени проводить со своими детьми. Кое-кто предположил, что капитан-лейтенант покидает военно-морской флот после семнадцати лет службы, потому что не может получить повышение и стать командиром корабля. Командование военно-морскими силами тут же сообщило в прессу, что Эндрю «весьма компетентный и надежный офицер».

По традиции члены королевской семьи по мужской линии всегда служат в вооруженных силах — и таким образом выполняют свой патриотический долг и демонстрируют мужественность. Тридцатичетырехлетний герцог Йоркский служил в военно-морском флоте, как и его отец, награжденный за участие во Второй мировой войне, и дед, принц Альберт, принимавший участие в Ютландском морском сражении во время Первой мировой войны, а позднее ставший королем Георгом VI. Эндрю отличился, пилотируя вертолет во время Фолклендской войны. После того как он ушел в отставку, в вооруженных силах Ее Величества больше не осталось ни одного принца королевской крови.

Младший брат Эндрю, Эдуард, захотел было служить в морской пехоте, но через девяносто дней подал в отставку. Его поступок серьезно беспокоил семью. Мать попросила его пересмотреть свое решение, в качестве одного из доводов заявив, что ему больше не будет позволено надевать военную форму во время официальных торжеств. Сестра Анна боялась, что Эдуарда станут считать слабаком и лентяем. Однако принц, которому исполнилось двадцать два года, заявил, что не может терпеть строгой военной дисциплины.

Его отец, почетный генерал-капитан военно-морского флота, возмущенно потребовал, чтобы сын взял себя в руки и не позорил семью. Юный принц проплакал несколько часов. Но на следующий день все-таки вышел в отставку. В «Нью-Йорк пост» появились заголовки: «Плачущий близнец Виндзор».

Принц Филипп написал командующему морской пехоты, выражая ему свое неудовольствие. «Естественно, я испытал ужасное разочарование, — говорилось в его письме, — но считаю, что столь яркое освещение данного события прессой не облегчает жизнь моему сыну. Мне кажется, теперь ему придется столкнуться с невероятно сложной проблемой — войти в новую жизнь».

Когда письмо Филиппа появилось в газете, королева подала на нее в суд и выиграла процесс. Однако к тому времени уже вся страна знала, что сын не оправдал надежд отца. Один комик, выступавший по телевидению, объявил: «Ходят слухи о том, что принц Филипп стал отцом нежеланного сына, который постоянно ставит его в неловкое положение. [Длинная пауза.] Его зовут Эдуард».

Когда принц решил вступить в труппу Эндрю Ллойда Вебера, над ним начали смеяться еще больше. Обозреватель Таки пожаловался в «Спектейтор», что Эдуарду «платят из общественного кошелька за то, чтобы он мог ходить по сцене, да еще ублажать нескольких холостяков». Намеки на гомосексуальные пристрастия принца, о которых прежде говорили только шепотом, теперь появились в печати. Представители прессы фальшивыми голосами разглагольствовали о том, что «младший сын королевы является заядлым холостяком». Инсинуа-

ции на тему сексуальной жизни Эдуарда появились в насмешливом диалоге в австралийском фильме «Присцилла, королева пустыни», когда один трансвестит спрашивает другого:

— А может ребенок королевы* стать нормальным?

— Ну, посмотри на принца Чарльза.

— Да, однако остается вопрос о принце Эдуарде.

Рассуждения о гомосексуальных наклонностях превратились в реальный факт. Когда принц Уильям поступил в Итон, директор не допустил к публикации в школьной газете статью, утверждавшую, будто в королевской семье «полно гомосексуалистов». Он сказал, что не хочет огорчать принца. Однако выпады на эту тему появились в «Нью-Йоркер», где писатель Джулиан Барнес рассуждал об «Эдуарде, который производит впечатление заядлого холостяка, не желающего связать себя узами брака». Во время лекции в Смитсоновском институте историк Дэвид Кэннадайн предположил: «Королева обеспокоена тем, что Эдуард не разведен. Она считает его не совсем нормальным». Писатель Кристофер Хитченс сказал в интервью: «Мои друзья-педики называют принца Эдуарда Тряпка Дорис. Они кричат: «Одерните поскорее юбки, идет Тряпка Дорис». Гор Видал чуть позднее поправил Хитченса. «Он не Тряпка Дорис, — сказал Видал. — Он Портювая Дорис». Когда сплетник Найджел Демпстер написал в «Дейли мейл», что Эдуард «трогательно дружит» с одним актером, принц наконец

* В очередной раз обыгрываются два значения слова «queen» — королева и гомосексуалист.

решил ответить — и весьма сердито. Во время визита в Нью-Йорк он раздраженно бросал журналистам: «Я не голубой!»

Когда тридцатилетний сын королевы начал встречаться с Софи Рис-Джонс, одна из газет объявила, что их роман «затеян специально ради успокоения общественности». Бульварные газеты принялись рассуждать о том, что высокий светловолосый принц и его привлекательная подружка являются приманкой, при помощи которой дворец надеется отвлечь внимание британцев от остальных членов семьи. Эдуард, всегда чрезвычайно резко относившийся к критике, отправил факс в лондонскую «Комиссию по делам прессы» и потребовал, чтобы журналисты «оставили меня и мою подругу в покое и дали нам возможность наслаждаться обществом друг друга без посторонних глаз». При молчаливом согласии Елизаветы стало известно, что она позволила Софи проводить ночи в апартаментах Эдуарда в Букингемском дворце. Архидиакон Йоркский сделал Ее Величеству выговор за то, что она разрешает сыну жить во грехе.

«Мы продолжаем считать королевскую семью примером», — сказал он, уговаривая Виндзоров вернуться к ценностям, звучавшим примерно так: «Никакого секса до свадьбы». Королева проигнорировала его выступление, а принц Филипп назвал надутым ослом.

В июне 1994 года принц Уэльский выдернул свободно болтающуюся нитку из древнего гобелена, коим являлась британская монархия, и с отворачиванием принялся наблюдать за тем, как он рассыпается в прах. Он признался по телевидению, что был неверен жене. Однако заявил, что,

несмотря ни на что, по-прежнему намеревается взойти на престол Британии. «Всю жизнь, — сказал он, — меня воспитывали для того... чтобы я мог исполнить свой долг».

Телевизионное интервью с журналистом Джонатаном Димблби было задумано в качестве ответного удара на нападки Дианы. Громогласный, резкий репортер мог легко заглушить твяканье ее бульварной собачки. В то время как изыскания Эндрю Мортонa, появившиеся в печати, только всех раздражали, книга Джонатана Димблби спустила всех псов с цепи. Представляя на общественное обозрение собственную версию своей супружеской жизни, Чарльз проигнорировал мудрую поговорку, гласившую: «Если ищешь отмщения,рой две могилы».

Чарльз отмахнулся от совета семьи, друзей и любовницы, предупреждавшей о том, что откровенность ни к чему хорошему не приведет. Любимая бабушка заявила, что не желает иметь к его планам никакого отношения. Однако личный секретарь Чарльза Ричард Эйлард пошел на поводу у гордости и тщеславия принца и сказал, что тот должен вернуть себе свое законное положение и имя. «Расскажите о вашей стороне дела, сэр», — посоветовал он. Эйлард убедил Чарльза в том, что разумнее всего будет сотрудничать с журналистом и дать ему беспрецедентную свободу — доступ к личным письмам и дневникам. Рьяный конюший намеревался помочь принцу поквитаться с принцессой. Он чувствовал, что Димблби будет самым надежным и верным помощником — и слугой. Эйлард представлял себе сражение, которое закончится после одного-двух ударов, и первым будет весьма льстивый документальный

очерк: «Чарльз: личная жизнь, общественная роль». А дальше в свет выйдет панегирик, книга под названием: «Принц Уэльский».

В телевизионном интервью Чарльз попытался показать себя достойным государственным деятелем, энергично рассуждая на весьма непростые темы: религия, политика и секс. Он выставлял себя человеком, заслуживающим права стать королем-философом: выпускник Оксбриджа*, художник, командир минного тральщика, фермер, бизнесмен, филантроп, спортсмен, посол, гуманист.

Он пожаловался на средства массовой информации и на то, что «они вторгаются в личную жизнь — настойчиво, бесконечно, недоброжелательно, поучительно, слишком критично, изыскивают сенсации, постоянно сочиняют мыльные оперы, стараясь превратить всех в знаменитостей».

Кроме того, он говорил о роли монарха в качестве защитника веры, заявив, что предпочел бы не поддерживать какую-нибудь одну конфессию, а скорее все сразу. Однако самым запоминающимся было его признание в неверности.

«Потрясающе!» — вскричали бульварные газеты, услышав, как принц Уэльский во всеуслышание объявил, что изменял жене. В то время как одни поносили его, другие целиком и полностью поддержали и даже начали превозносить. Историк Элизабет Лонгфорд громко аплодировала его честности, но большинство британцев были возмущены. «Сан» устроила телефонный опрос, озаглавив его «Вы судьи», и сообщила, что две трети

* Оксбридж — разговорное название Оксфордского и Кембриджского университетов. Употребляется как символ первоклассного образования.

позвонивших не хотят, чтобы Чарльз стал их королем, — никогда. «Дейли миррор» на первой странице поместила редакторскую статью: «Он не первый член королевской семьи, совершивший адюльтер. Вовсе нет. Однако он первым появился перед двадцатипятимиллионной аудиторией и признался в своем грехе».

«Ассоциация скаутов» решила пересмотреть свою клятву на верность Богу и монархии. «Мы высоко ценим такие добродетели, как честность, чистота, и считаем узы брака священными, — сказал представитель скаутов. — Принц Чарльз данными добродетелями не обладает». Джонатан Димблби выступил в его защиту по радио, объявив принца Уэльского поистине духовным человеком. «Он каждый вечер преклоняет колени, чтобы помолиться перед сном», — пишет его биограф. Однако ему позвонил один слушатель, которого совершенно не тронули эти откровения, и сказал, что встать на колени и помолиться совсем нетрудно. «А вот вести себя как полагается — тут нужен характер».

Королева настаивала на том, чтобы заранее просмотреть запись передачи. Она опасалась, что перед камерами Чарльз может наговорить лишнего, в особенности после комментария, сделанного им за несколько недель до этого, когда он заявил, что скандинавские монархи «величественнее, более торжественны и менее доступны, чем мы». Теперь же она молча смотрела документальную передачу, которая продолжалась два с половиной часа. Елизавета бросила на конюшего только один взгляд, когда Чарльз предложил разрешить британским солдатам отправляться наемниками в армии других стран. Елизавета чуть приподняла брови, когда он

пожаловался на то, что его помощники недостаточно эффективны и ему приходится из-за них перерабатывать. Елизавета лишь вздохнула, когда он принялся ругать ее собственных сотрудников. «Они сводят меня с ума», — сказал Чарльз про придворных королевы.

Говорят, что когда Филипп увидел передачу и услышал интервью, он воскликнул: «О Господи!» А потом пробормотал, что его сын окончательно лишился мозгов. И язвительно добавил: «Возможно, он и есть то недостающее звено». Филипп намекал на нерешенную загадку Пилтдаунского человека, предположительно являющегося неизвестным связующим звеном между человеком и обезьяной.

«В тот момент было бы не очень кстати напомнить герцогу, — сказал один из тех, кто тогда находился рядом с Филиппом, — его собственные слова о том, что каждое поколение получает именно ту молодежь, какую заслуживает. — Этот человек не раз являлся свидетелем яростных вспышек Филиппа, но в качестве оправдания заявил: — Говорят, что когда твоим единственным инструментом является молоток, все вокруг становится похожим на гвоздь».

Утверждают, будто королева сказала, что считает интервью, данное принцем Уэльским, неразумным поступком. Ей не понравилось, что Чарльз изменил определение роли монарха как «защитника одной веры» на «защитника веры вообще», попытавшись объединить все религии и не выделять только англиканскую церковь. «Я принадлежу к наследственной монархии, — сказал он. — И прекрасно понимаю, что она собой представляет, но я готов чуть раздвинуть границы, по-

скольку уверен, что в этом есть необходимость». Елизавета, запретившая ему присутствовать на католической мессе во время визита в Рим, чувствовала себя не очень уютно, когда ее сын объявил о своей идиосинкразии по отношению к англиканской церкви. Герцог Эдинбургский считал, что его сорокапятiletний сын установил мировой рекорд по глупости.

Дворец никак не прокомментировал интервью, зато практически все остальные молчать не стали. «Тайм» озаглавил статью «Обманщик Чарльз». А «Ньюсуик» назвал происшедшее «день никудышного наследника». И охарактеризовал документальную передачу как «плохой секс: утомительно скучное предисловие, за которым последовал мгновенный оргазм». В «Дейли мейл» появилась статья под заголовком «Чарльз: когда я изменял», а «Сан» писала: «Ди вам это говорила». Один карикатурист изобразил принца Уэльского в постели. Будущий монарх глупо ухмыляется, корона съехала набок. Сидя между двумя женщинами, он обнимает обеих. Подпись гласит: «Король — лжец». А на другой карикатуре он стоит перед двумя каменными плитами, на которых записаны десять заповедей, и стирает шестую — «Не прелюбодействуй».

Бывший личный секретарь королевы только вздыхал. «Со временем шумиха поутихнет, — прокомментировал происходящее лорд Мартин Чартерис в разговоре с писательницей Норин Тейлор. — Люди его простят. В защиту честности многое можно сказать». А потом придворный с грустью добавил, что монархии порой приходится переживать тяжелые времена. «Впрочем, королева реально смотрит на вещи, — заявил он. —

И знает, что нужно просто переждать, пока буря не утихнет».

Это королева умела делать преотлично. И потому молчала в течение нескольких недель, с ужасом ожидая выхода в свет биографии, которая должна была последовать за телевизионным интервью. К несчастью, книга появилась накануне ее отъезда в Россию — первого официального визита британского монарха со времен Эдуарда VII в 1908 году. Десять лет спустя, когда дед королевы Георг V отказался послать военно-морской флот для спасения своих кузенов, большевики с особой жестокостью расстреляли царя и его семью. После русской революции британское правительство отвечало отказом на все приглашения Москвы на том основании, что коммунисты убили монарха и всех его родных. В конце концов некоторые члены королевской семьи все-таки посетили Советский Союз, однако правительство считало, что королеве там делать нечего. До нынешнего момента. Наконец согласие было получено — после того, как Россия с огромными трудностями рассталась с коммунистической доктриной. Королева рассматривала этот шаг как одну из самых важных дипломатических акций, предпринятых за время ее правления. Но когда она стояла на Красной площади в Москве, протягивая ей руку дружбы, ее сын, оставшийся дома, нанес британской монархии сокрушительный удар. В той самой долгожданной книге.

При помощи своего доверенного биографа Чарльз изобразил королеву холодной и равнодушной матерью. Он заявил, что рос «в эмоциональном вакууме» и мечтал о любви, которой она «не могла или не хотела ему дать». Он нарисовал

отца язвительным солдафоном, а своих преподавателей из Гордонстона — тиранами. Описал жену, с которой расстался, как погруженную в себя невротичку, у которой не все в порядке с мозгами. Чарльз утверждал, что она постоянно его ревновала, была «переменчивой», «истеричной», «навязчивой». В довершение всего у нее «дико менялось настроение», часто она впадала в «черную депрессию» и «мрачную тоску». Он сообщил общественности, что единственная причина, по которой он женился, заключалась в том, что так хотел его отец. Принц, человек среднего возраста, ужасно походил на незащитного молодого человека из датского балета под названием «Юноша должен жениться», которого семья заставляла обзавестись женой, и в конце концов он оказался помолвлен с девушкой о трех головах. Пером Димблби Чарльз поведал всей Британии, что Диана была для него не больше, чем производительница наследников, принятая на службу в королевскую семью.

Его презрительные, ядовитые высказывания разочаровали британцев, считавших, что их король должен быть благородным человеком с добрым сердцем. Прибегнув к помощи Димблби, Чарльз попытался показать свою сторону проблемы, добиться справедливости там, где, по его мнению, он несправедливо пострадал. Но выглядел принц Уэльский мелким и жалким, когда оскорблял жену, родителей, сестру, братьев и сыновей. Ему даже удалось обидеть свою любимую кинозвезду Барбару Стрейзанд, про которую он однажды сказал, что «она поразительно привлекательна и наделена удивительной сексуальностью, притягивающей к ней мужчин».

За несколько месяцев до этого на стадионе Уэмбли в присутствии двенадцати тысяч зрителей, во время своего первого публичного выступления за двадцать восемь лет, Барбара пропела ему серенаду «Наступит день, и придет мой принц»* и сказала британцам, что просто обожает песни про сказочных принцев. «И знаете, что приводит меня в особенный восторг? Здесь присутствует настоящий принц», — проговорила она и кокетливо улыбнулась Чарльзу, сидевшему в королевской ложе. Он сиял от удовольствия. Барбара вспомнила, что вела себя не очень вежливо во время их первой встречи. «Кто знает, если бы я была примерной девочкой, может быть, мне удалось бы стать первой настоящей еврейской принцессой — принцессой Бэбс!»

Она представила себе, какие в газетах появились бы заголовки, если бы у них с Чарльзом начался роман. «Принцесса Цимес покоряет дворец» и «Барбара вцепилась в принца Уэльского». Чарльз смеялся вместе со всеми и выглядел довольным, когда она спела «Словно мы никогда не прощались». Аудитория пришла в неописуемый восторг и в течение двух минут, стоя, аплодировала мировой знаменитости. В тот день Барбара Стрейзанд заработала для фонда принца более 250 000 долларов. Однако в книге Димблби Чарльз заявил, что «ее привлекательность немного увяла».

Чтобы оправдаться перед звездой, несколько месяцев спустя Чарльз пригласил ее на выходные в Хайгроув. Впрочем, он чуть не отменил свое приглашение после того, как позвонила секре-

* Песня из мультфильма «Белоснежка и семь гномов».

тарь Барбары, чтобы заранее договориться о визите. Она заявила принцу Уэльскому, что Барбара Стрейзанд желает, чтобы в ее спальне стояли только белые цветы, а на завтрак ей подали омлет из яичных белков. Чарльз пожаловался своему другу Джеффри Кенту: «Звучит так, будто она спятила». Однако они с Барбарой, которая, по его словам, прибыла на два дня с восемью чемоданами, просидели всю ночь. «Мы разговаривали на философские темы», — доложил он друзьям.

В книге Димблби Чарльз описывает свою няню и свою любовницу одними и теми же словами — «любящая», «теплая», «добрая», «мягкая» и «заботливая», — так ребенок обычно говорит о матери. Он также признается в трех романах с Камиллой: первый — до ее замужества, в 1973 году, второй — после того, как у нее родились дети, и третий — в 1986-м, когда, как сказал Чарльз, его брак с Дианой «безвозвратно распался».

Королева Елизавета и принц Филипп были невероятно расстроены, когда книга вышла в свет. «Они не имели ни малейшего представления о том, что он намеревается рассказать, — вспоминает одна из приятельниц королевы, которая провела в начале лета выходные с королевской четой. — Не стану вдаваться в подробности, потому что они сами их избегали, — это в их правилах... Только кто-то из них как бы между прочим обронил, что их беспокоит книга... и все. Книга. Мы решили, что речь идет об ужасных откровениях Джеймса Хьюита... — Приятельница королевы покачала головой, словно пыталась отмахнуться от книги «Влюбленная принцесса», в которой рассказывалось о романе принцессы Уэльской с Хьюитом, длившемся пять лет. — Но оказалось, что королеву совершенно не

занимает болтовня майора Хьюита. Она волновалась по поводу того, что собирается поведать Британии Чарльз...»

Заявления принца оказались не менее поражающими воображение, чем сплетни, которые его слуги продавали в газеты. Забыв о королевской сдержанности, он привел в недоумение даже тех, кто привык к кричащим сенсациям. «Глупая и жалкая официальная версия» — так звучало мнение, высказанное в «Гардиан». Газета, отвечавшая интересам левого крыла, вскоре объявила себя республиканской (выступила против монархии и за республику), так же как и «Индепендент он санди». Умеренный «Экономист» назвал монархию «идеей, чье время прошло». Даже консервативная «Дейли телеграф» упрекнула Чарльза за то, что он сделал свои откровения всенародным достоянием. Обозреватель Джон Джунол заклеил его словом «развратный». «Вашингтон пост» дала Чарльзу имя Принц Рыдания за то, что он забыл главное правило монархии: «Сын никогда не должен тревожить покой Британской империи».

Герцог Эдинбургский тоже не стал скрывать от общественности своего отвращения. «Я никогда не обсуждал свои личные проблемы при посторонних, как и королева, — сказал он репортерам, которые спросили его об отношении к книге сына. — В течение сорока лет я ни разу не позволил себе прокомментировать поведение членов королевской семьи и не собираюсь начинать сейчас».

Братья Чарльза и сестра выступили против него, заявив, что он воспользовался книгой, чтобы нанести удар родителям. Однако жалеющий себя принц видел сложившуюся ситуацию иначе. Он считал, что достиг такого возраста, когда имеет

право хотя бы на небольшую толику счастья. Он сказал, что хочет поведать британцам всю правду. «Вот увидите, — предсказывал он, — к концу дня все образуется». И не в первый раз ошибся.

Многострадальный муж его любовницы решил, что с него достаточно. В течение многих лет Эндрю Паркер Боулз стойчески терпел сплетни о страсти, которую принц испытывает к его жене. «На самом деле кое-кто считал, что ему это даже нравится, — утверждает Джоселин Грей, близкая подруга принца Эндрю. — То, что твою жену заташил в постель будущий король Англии, придает тебе некоторый блеск... в определенных кругах». Едва сдерживая ухмылку, британский писатель Энтони Холден объяснял по американскому телевидению, что среди английских мужчин есть такие, кто придерживается весьма старомодных взглядов и почитает за честь, если монарх вдруг возжелает его жену. «Это восходит к французскому праву сеньора и имеет самое непосредственное отношение к средневековым нравам, когда господин спал со всеми служанками...»

Когда Эндрю Паркер Боулз услышал, что в прессе его называют «человеком, пожертвовавшим женой ради благополучия своей страны», он рассердился. Он уже два года назад собрался подать на развод, но Чарльз попросил его подождать. Принц сказал, что после того, как он растался с Дианой, монархия не перенесет еще одного удара. «Боюсь, я немного переборщил», — извиняющимся голосом произнес Чарльз. Итак, муж любовницы Чарльза, который одновременно был его другом и бывшим секретарем, согласился не подавать в суд, чтобы не ставить королевскую семью в неловкое положение.

Будучи подполковником, командующим дворцовой кавалерией, Эндрю Паркер Боулз занимал почетную должность — в его обязанности входило сопровождать королеву на официальных церемониях. Когда она открывала заседания парламента, он шел впереди нее задом наперед, держа в руках серебряный посох. Даже после любовной связи с принцессой Анной в 1970 году он остался близок к королевской семье, в особенности королеве-матери. Но после того как признание Чарльза на всю страну объявило его рогоносцем, он почувствовал, что у него нет выбора. «Я не могу продолжать жить чужой жизнью», — сказал он. И хотя Боулз являлся набожным католиком, он решил подать на развод.

За год до этого Эндрю и Камилла Паркер Боулз отметили двадцатую годовщину своего бракосочетания, устроив грандиозный праздник в своем загородном поместье. Кое-кто из приглашенных, не распространяясь об этом вслух, в течение многих лет предоставлял свой кров тому из супругов, который решал развлечься на стороне. Те же самые люди, частично входившие в охотничью компанию принца Чарльза, теперь изображали удивление, когда чета Паркер Боулз объявила о предстоящем разводе. «Мы отдалились друг от друга так сильно, что... у нас практически не осталось общих интересов», — говорилось в официальном заявлении супругов. Они получили развод в январе 1995 года, а меньше чем через год Эндрю Паркер Боулз снова женился: Камилла продала дом, в котором они жили, и купила другой, поближе к Чарльзу.

Казалось, Диану развод любовницы мужа совсем не беспокоил. Она улыбалась фотографам, когда ранним утром направлялась в свой новый

гимнастический зал. Но внутри у нее все кипело. Она призналась корреспонденту «Дейли мейл» Ричарду Кею, что рассматривает развод Паркер Боулзов как часть «грандиозного заговора», задуманного с целью лишить ее возможности участвовать в общественной жизни, к которой она постепенно возвращалась. Диану беспокоило влияние Камиллы на ее детей. Она постоянно твердила о «врагах», пытающихся до нее добраться. «Они» хотят причинить ей вред. Она боялась, что ее телефоны в Кенсингтонском дворце прослушиваются, поэтому приказала произвести электронную проверку. Диана говорила о том, что друзья Чарльза, например Николас Сомс, и персонал принца в Сент-Джеймском дворце начали против нее «тайную кампанию».

Она призвала корреспондента «Дейли мейл» на разговор, который продолжался три часа. Отправляясь в лондонский Уэст-Энд на встречу с ним, Диана надела темные очки и натянула поглубже бейсбольную шапочку. Беседа проходила в ее машине. Во время этих встреч она говорила совершенно свободно, а он цитировал ее, называя «подругой принцессы». Он напечатал такое количество эксклюзивных статей о Диане, что стал известен как ее неофициальный представитель. Коллеги дразнили его «рупором мадам». Репортер одной из бульварных газет Джеймс Уитакер, принявший участие в организации ухода за Дианой, с горечью объявил, что его «продали». Без злобы и совершенно спокойно он объяснил, почему потерял место любимого репортера: «Дейли мейл» отстаивает интересы Дианы. А люди охотно ее читают. Эта газета еще в большей степени ориентирована на рынок, чем моя».

На самом деле считалось, что любой рассказ о принцессе Уэльской, появившийся за подписью Ричарда Кея, исходит непосредственно от нее. Он сообщил читателям, что Диана категорически отрицает связь с Джеймсом Хьюитом. «Мы никогда не были любовниками», — поклялась она репортерам, хотя позже по телевидению призналась, что изменила мужу с Хьюитом. В разговоре с Ричардом Кеем Диана заявила, что не имела никаких отношений с Джеймсом Гилби, в то время как из разговора между ними, записанного на пленку, становится ясно, что она боялась забеременеть. Она также отрицала тот факт, что между ней и капитаном национальной команды Англии по регби Уиллом Карлингом был роман, хотя Джулия Карлинг грозила подать на развод и обвинить Диану виновницей адюльтера.

«Я видел, как принцесса тайно проводила мужчин через черный ход Кенсингтонского дворца, — вспоминает дворецкий, — потому что они всегда проходили мимо моих комнат... Я не мог не видеть их в свои окна». Комментарии, связанные с именем принцессы, рождали соленые шутки, которые с удовольствием произносили со сцены актеры, занятые в вечерних представлениях. В Соединенных Штатах «Шоу Даны Карви» потеряло двоих спонсоров после того, как актриса, играющая благо нравную и набожную леди, осуждающе квохча, точно курица, обозвала Диану «потаскушкой». В шоу «Сегодня вечером» Джей Лино пошутил: «Сегодня принцесса Диана попала в аварию, но она поправляется. Очень скоро она выйдет из больницы и снова сможет ложиться на спину».

В большинстве эксклюзивных статей Ричарда Кея принцесса выглядела образцом для подража-

ния. Когда она рассказала ему о том, как ее телефонный звонок спас жизнь тонущему мужчине, Кей взволнованно написал: «Она бросилась на берег и помогла вытащить потерявшего сознание бродягу из воды, после чего его вернули к жизни, сделав искусственное дыхание изо рта в рот». Когда Диана поведала Кею, что тайно водила своих детей в приют для бездомных, чтобы они увидели, как живут те, кому не повезло в жизни, его статья заняла всю первую полосу газеты. Он озаглавил ее: «Принцы и нищие».

Диана наслаждалась своей ролью матери и почувствовала, что над ней нависла угроза, когда Чарльз нанял Александру Легт-Бурке, в обязанности которой входило планировать времяпрепровождение мальчиков, когда они приезжали к отцу. Бывшую учительницу начальной школы, известную под именем Тигги, приняли в штат через несколько месяцев после того, как принц Чарльз расстался с женой. Тигги сумела подружиться с мальчиками, которым нравился ее шумный, жизнерадостный характер. По признанию принцессы, она почувствовала, что «внутри у нее все опустилось», когда впервые увидела, как Тигги бросилась обнимать мальчиков, которых называла «мои малыши». Диана решила, что у нее отнимают роль «мамы», когда увидела фотографии двадцатидевятилетней учительницы, катающейся с ее сыновьями на лыжах в Швейцарии, охотящейся на тетеревов в Сандрингхеме или выслеживающей оленя в Балморале. Говорят, Тигги однажды сказала: «Я даю мальчикам то, что им нужно на данном этапе, — свежий воздух, ружье и коня».

Принцесса была возмущена. «Она плохо влияет на характеры моих мальчиков», — сказала она.

Диана не раз жаловалась, что Тигги курит. Она не хотела, чтобы ее дети видели курящую молодую женщину. «А что можно сказать про Чарльза, который утверждает, будто ненавидит курение и женщин с сигаретами в руках?» — спрашивала она, имея в виду Камиллу Паркер Боулз, которая обычно выкуривала по пачке сигарет в день. Когда Диана прочитала в какой-то газете, что Тигги «милая и веселая», а еще «чудесная замена матери», она пришла в ярость.

И язвительно заметила в разговоре с Ричардом Кеем, что найми она для мальчиков «замену отцу», ее бы объявили плохой матерью. А ее муж совершенно спокойно берет с собой Тигги на все мероприятия в школе и на каникулы, которые проводил с мальчиками. Диана сообщила прессе, что не намерена посещать своих сыновей или ездить с ними на каникулы в обществе чужого мужчины. Увидев снимки, на которых Чарльз обнимал Тигги, а один раз, приветствуя, поцеловал в губы, Диана предположила, что принц «возможно, завел интрижку со служанкой».

Поцелуй вызвал множество вопросов со стороны репортеров, однако Эйлард отмахнулся от разговоров о публичной демонстрации принцем привязанности к своей помощнице. «Тигги входит в штат, — сказал Эйлард, — и является старым другом семьи».

Он добавил, что ее мать была фрейлиной принцессы Анны, так же как и тетя, а брат — почетным пажом королевы. Когда позднее принц и принцесса приступили к переговорам по поводу развода, Тигги назвала себя «Тигги посередке».

К тому моменту Диана чувствовала, что ее оттеснили на второй план, и потому принялась по-

сылать мужу указания насчет роли Тигги в жизни ее сыновей. Принцесса запретила молодой женщине входить в спальни и ванную комнату мальчиков, потребовала, чтобы Тигги оставалась на заднем плане каждый раз, когда мальчики появляются на публике. «Она не должна находиться в одной машине, или фотографироваться рядом с ними». Диана настаивала на том, чтобы, когда мальчики звонят ей из Сандрингема во время рождественских праздников, их уводили в другое помещение, и они могли поговорить без свидетелей. «Никто — ни слуги, ни персонал — не должен присутствовать при нашей беседе».

Диана публично поддерживала имидж матери будущего короля, рассказывая Ричарду Кею о своем первенце. Она хвастала, что в тринадцать лет он был «выше отца... и совсем не таким, как Чарльз». Она умаляла достоинства мужа, расхваливая Уильяма: сын «решителен», сын «обладает здравым смыслом и чувствительностью», сын «принимает людей такими, какие они есть, для него не имеет значения их положение в обществе». Сын красив, «не отягощен» оттопыренными ушами. «Скажите ему, что он красивый парень, — писал Ричард Кей после того, как побывал в гостях у Дианы, — и Уиллс заявит, что этого не может быть, потому что иначе он стал бы страдать тщеславием». В отличие от отца нежный сын защищает мать. Когда он прочитал статью в бульварной газете, в которой говорилось, что Диана влюбилась в Тома Хэнкса и измучила знаменитого киноактера телефонными звонками, а она сказала, что готова просто посмеяться над глупыми инсинуациями, Уиллс настоял на том, что мать должна опубликовать официальный ответ и заявить, что газета ее оклеветала. «В

той статье мою маму сделали похожей на проститутку!» — сердито заявил он позднее своему школьному другу.

Когда принцесса позвонила репортеру в субботу 20 августа 1994 года, он заметил, что она ужасно расстроена. «Скоро они начнут говорить, что я спятила», — плакала Диана. Оказывается, незадолго до этого она узнала, что в завтрашних газетах появится статья, в которой сообщается, будто она в течение восемнадцати месяцев досаждала анонимными телефонными звонками торговцу произведениями искусства Оливеру Хоуру. Подозревали, что именно она звонит в дом Хоура и вешает трубку, когда отвечает его жена. Иногда неизвестная просто молчала и ничего не говорила. Диана Хоур жаловалась мужу по поводу «безмолвных» звонков, которые ее «нервировали». После того как загадочная женщина облила Диану Хоур словесными помоями, истерично выкрикивая в ее адрес самые немислимые оскорбления, она настояла на том, чтобы муж обратился в полицию. Сначала торговец произведениями исламского искусства, настоящий эксперт в этой области, опасаясь нападения террористов на свою семью. И потому потребовал, чтобы телефонную трубку не брал никто, кроме него самого. Однако зловещие молчаливые звонки продолжались, и он понял, что тот, кто находится на другом конце провода, просто хочет услышать его голос.

«Я старался вести себя вежливо и говорил: «Алло, кто это? Кто вы?» — вспоминает он. — Но на той стороне молчали. Ужасно неприятное ощущение».

После того как полиция начала прослушивать телефонную линию Хоура, выяснилось, что зво-

нят из личных апартаментов Дианы и Чарльза в Кенсингтонском дворце, иногда по мобильному телефону Дианы или по телефону сестры Дианы, когда она приезжала к ней в гости. Следователь из «Отдела по борьбе с нарушениями общественного порядка по телефону» предположил, что Диана использовала разные линии, чтобы ее не вычислили.

«Мистер Хоур стал белым как полотно, когда увидел наш отчет, — рассказывает следователь. — Даже в самых смелых мечтах он не мог себе представить, что ему звонит принцесса Диана».

Чета Хоур находилась в дружеских отношениях с Чарльзом и знала Диану с первых дней ее супружеской жизни. Поэтому они показали Чарльзу полицейский отчет и записали точное время каждого звонка. Отрывок из записи за 13 января 1994 года гласит:

8.45 утра. Звонит телефон. Молчание. Хоур набирает код полиции. Загорается номер личного кабинета в Кенсингтонском дворце.

8.49 утра. Звонит телефон. Хоур: «Кто это?» Сигнал поступил с личной линии Дианы.

8.54 утра. Звонит телефон. Молчание. Сигнал поступил с линии Чарльза в Кенсингтонском дворце. [Чарльз больше не живет и не работает в Кенсингтонском дворце.]

2.12 дня. Звонит телефон. Молчание. Сигнал поступил с линии Чарльза в Кенсингтонском дворце.

7.55 вечера. Звонит телефон. Молчание. Сигнал поступил с линии Чарльза в Кенсингтонском дворце.

8.19 вечера. Звонит телефон. Молчание. Сигнал поступил с линии Чарльза в Кенсингтонском дворце.

Принц грустно покачал головой и выразил сожаление по поводу того, какая судьба ждет его детей. «Они пострадают больше всего, и получают все полной мерой, когда вернутся в школу», — сказал он. Хоуры отказались подать в суд, но из Скотланд-Ярда произошла утечка информации, кто-то поговорил с представителями прессы, и принцесса оказалась в жалком положении. Многие стали задаваться вопросом о ее вменяемости. «Может быть, принцесса Уэльская сходит с ума?» — вопрошал репортер в редакционной статье. «Она истеричка, — писал один обозреватель, — которая, вне всякого сомнения, находится на грани нервного срыва».

Врачи Дианы объясняли, что ее якобы патологическое поведение является типичным для больного булимией, страдающего от одиночества и изоляции. «Женщине, у которой возникают проблемы при общении с другими людьми и которая сражается за то, чтобы перехватить инициативу, — сказал один из специалистов, наблюдавших Диану, — такие телефонные звонки дают иллюзию власти. Безопасный способ отомстить».

А потом появилось несколько лакомых кусочков. Торговец произведениями искусства, роскошный женатый мужчина, отец двоих детей, очевидно, решил поддержать принцессу в трудную минуту, а она превратилась в назойливую муху. Впрочем, по словам шофера Оливера Хоура, дело обстояло не совсем так. Барри Ходж заговорил после того, как Хоур уволил его по совершенно необъяснимой причине. Шофер пришел к выводу, что Хоур и Диана состояли в любовной связи. Он рассказал, что парочка устроила свое «любовное гнездышко» в Пимлико, где они

встречались три-четыре раза в неделю в течение почти четырех лет. Шофер утверждает, будто Хоур, который не хотел оставлять свою богатую и знатную жену, был без ума от принцессы. Кроме того, по его словам, они иногда тайно обедали в домах своих друзей — например, Люсии Флеча де Лима, жены бразильского дипломата. Барри Ходж вспоминает, что принцесса «могла звонить [в лимузин] раз двадцать в день».

Когда история Ходжа увидела свет, Диана тут же связалась с Ричардом Кеем, который написал, что «утверждения шофера вызвали у принцессы Уэльской гомерический хохот».

Оливер Хоур признал, что встречался с Дианой несколько раз, но только затем, чтобы дать ей совет и посочувствовать по поводу распадающегося брака. Тем не менее его жена настояла на том, что они должны жить отдельно, и Хоур переехал в однокомнатную квартиру в Пимлико. Через несколько месяцев чета Хоур помирилась, и Оливер вернулся домой.

«Мы знаем только то, что мистер Хоур не захотел подавать в суд на принцессу Уэльскую, — сказал следователь лондонской полиции. — Он решил забрать свое заявление и пообещал поговорить с леди лично».

Диана отрицала, что имеет какое-то отношение к телефонным звонкам. «Ни одного слова правды», — процитировал ее слова Ричард Кей. Она показала ему свой календарь, где значилось, что она завтракала с друзьями или находилась в кино во время бесчинств телефонного хулигана. «Они пытаются доказать, что у меня с этим человеком была связь, — заявила Диана, — или что я страдаю от безумной любви... Все чистой воды

ложь и несправедливые обвинения... Что я сделала, чтобы заслужить такое отношение? У меня такое ощущение, словно я гибну».

Он с сочувствием ее выслушал. Когда она призналась, что они с Хоуром «друзья» и «время от времени» говорят по телефону, он спросил, не звонила ли она ему «время от времени» из телефонов-автоматов.

«Вы серьезно? — возмущенно спросила Диана. — Я не умею пользоваться счетчиком за парковку, не говоря уже о телефоне-автомате».

Ее ответ заставил Джеймса Хьюита печально улыбнуться. Он вспомнил многочисленные звонки Дианы, которая всегда старалась изменить голос, когда вызывала его из расположения части. Она говорила, что звонит из автомата, чтобы, просматривая телефонные счета, Чарльз ни о чем не догадался. «Мне ее жаль, — сказал Хьюит, — очень жаль».

Гораздо менее сострадательными оказались карикатуристы, которые безжалостно потешались над Дианой. Один нарисовал Диану с телефонной трубкой в руке. Она говорит: «Вы не подождете минутку? Кто-то звонит в дверь...» В окно видно, как к дому приближаются два человека в белых халатах с сетью и наручниками в руках. На другом рисунке пожилая женщина снимает телефонную трубку. Не услышав ничего, кроме тяжелого дыхания, она поворачивается к мужу и говорит: «Думаю, тебе звонит принцесса Ди».

Чарльз немедленно воспользовался трещиной, образовавшейся в положении жены. Изобразив ее интеллектуальной пустышкой, помешанной на мыльных операх, он заявил, что больше всего на свете Диана мечтает опустошить все магазины

«Шанель» и набить шкафы туалетами за его счет. На одном из обедов в Лондоне он принялся громко жаловаться на ее расходы во время путешествий, возмущаясь суммами, которые Диана тратит на одежду. Чарльз сообщил, что ее «уход за собой» стоит ему 13 900 долларов в месяц. Когда Диане рассказали о его жалобах, она фыркнула: «Мое содержание стоит ему гораздо меньше, чем уход за его мерзкими пони для поло».

Несколько дней спустя, когда в газетах были опубликованы суммы ежегодных расходов леди Дианы на «уход за собой», общественность получила возможность самостоятельно убедиться в том, кто из них прав:

- 25 000 долларов — маникюр и педикюр,
- 24 000 долларов — прическа, включая краску, стрижку и ежедневную укладку,
- 7000 долларов — тренер,
- 4400 долларов — хиропрактик,
- 4300 долларов — промывание толстой кишки,
- 4290 долларов — рефлексология,
- 3800 долларов — остеопатия,
- 2200 долларов — общий массаж,
- 3800 долларов — ароматерапия,
- 1000 долларов — акупунктура,
- 2000 долларов — гипнотерапия,
- 65 000 долларов — астрологи, экстрасенсы и консультанты по холистике*,
- 20 000 долларов — психотерапия.

И снова Диана позвонила Ричарду Кею. «Это сознательная попытка меня дискредитировать», — заявила она. Диана не отрицала, что пользовалась

* Холистика, холизм — философия целостности.

услугами врачей, и не оспаривала размеры их гонораров. Скорее утверждала, что «кто-то» во дворце хочет представить ее, как этакую легкомысленную особу, которая каждую неделю промывает свою толстую кишку, потому что помещана на идее стройной фигуры, и ей больше нечем заняться и некуда потратить деньги мужа. Репортер процитировал слова «подруги принцессы», которые звучали примерно так: «Если бы принц не обращался с ней так ужасно, принцессе Диане не пришлось бы обращаться к дорогим специалистам».

Герцогиня Йоркская, с которой Диана последнее время мало общалась, позвонила ей, чтобы хоть немного утешить. Она тоже чувствовала, что дворцовая машина ее преследует.

«Они вышли на охоту — на нас. В особенности Беллоуз, — сказала Ферджи, вспомнив прозвище личного секретаря королевы, сэра Роберта Феллоуза, который был зятем Дианы. — Сначала я, теперь ты... Мы плохие девочки, и нас следует наказать».

Во время затянувшихся переговоров, связанных с условиями развода, дворец обвинил Ферджи в «безумной экстравагантности», когда выяснилось, что ее расходы равняются трем миллионам долларов. В прессу просочились подробности о том, на что ушла часть средств, — 6500 долларов за двадцать пар туфель и 85 000 долларов за двенадцать платьев. После опубликования этих данных дворец объявил, что королева отказывается оплачивать счета герцогини. «Она живет не по своим средствам — и не по нашим», — заявил представитель дворца.

Ферджи признала, что испытывает «параноидальный» страх, когда речь заходит о придворных. Теперь куда бы она ни отправлялась, она

брала с собой бумагорезку. И перестала вести дневник, опасаясь, что кто-нибудь сделает ее личную жизнь достоянием общественности. «Эндрю писал мне прекрасные письма с корабля, но я их не сохранила, — рассказала она своему приятелю, телевизионному ведущему Дэвиду Фросту. — Некоторое время я держала их в банке, а потом вдруг подумала, что банк можно ограбить».

Диана, которая тоже пользовалась бумагорезкой для своей корреспонденции и шифраторами для телефонов, сразу же приняла теорию Ферджи о дворцовом заговоре. Она тоже не доверяла придворным, включая и своего зятя, и считала, что советники королевы сознательно пытаются вывести ее из равновесия. «Они думают, что мы всегда были сумасшедшими, — пошутила она в разговоре с Ферджи, — однако мы начали сходиться с ума, когда вошли в их семью...»

В период отдельной жизни со своими супругами обе женщины консультировались с психотерапевтами и обе принимали антидепрессанты. В сложных условиях, когда они были вынуждены придерживаться определенных правил, предписываемых женам королевских особ, обе не выдержали напряжения и завели себе любовников, которые предали их ради денег. Теперь же, страдая от эмоционального стресса, опасаясь за свое будущее, обе обратились за помощью к астрологам, нумерологам и спиритам. Но знаменитые гуру тоже их продали. После того как Диана узнала, что ее косметичка, хиромант и врач пишат книги, она перестала с ними встречаться и пожаловалась друзьям, что не может доверять никому из своего окружения. «Она одна и ужасно одинока, — сказала пятидесятитрехлетняя Люсия Флеча де Лима,

которая очень сблизилась с Дианой после ее турне по Бразилии в 1991 году. — Она не знает, кому может верить».

Ферджи наняла адвокатов, в задачу которых входило помешать выходу в свет книг, написанных ее бывшим поваром, экстрасенсом и деловым партнером одного из любовников. Но она не смогла помешать своему дворецкому продать воспоминания о том, как они с Джоном Брайаном регулярно плескались вместе в одной ванне.

«Они всегда так шумно занимались любовью в ванне, — рассказал дворецкий. — Ферджи ужасно громко визжала».

Позднее герцогиня и принцесса объединили усилия для борьбы с прессой. Перестав быть членами королевской семьи и получать деньги налогоплательщиков, они отчаянно сражались за то, чтобы их оставили в покое. Они подали официальную жалобу и потребовали судебного запрета на деятельность фотографов, проникших на территорию частной собственности на французской Ривьере, чтобы снять их во время отдыха. Диана и Ферджи наняли адвокатов, через которых сообщили в «Комиссию по делам прессы», что не будут терпеть дальнейшего вмешательства в свою личную жизнь, а Диана даже подала в суд на папарацци, который, как она утверждала, ее преследовал. Она дала письменное показание, где говорилось: «Складывается впечатление, что ему известен каждый мой шаг. В такой ситуации я довольно скоро стану жертвой психологического давления и заболею».

Чувствуя, что их все предали, обе женщины следили за оскорблениями в свой адрес, появляющимися в прессе, и составляли списки журналист-

тов, которым могли доверять, — очень короткие списки. Они утешали друг друга, когда в печати появлялись очередные ругательные статьи, и пытались решить, что же делать. Ферджи обычно выбирала прямой путь и связывалась с обидчиком.

«Она позвонила из Лондона, — вспоминает обозреватель «Нью-Йорк пост» Синди Адамс, — и закатила истерику по поводу моего заявления, что в свой прошлый визит она опоздала на назначенную встречу».

В данном случае телефонный звонок оказался весьма эффективным. Во время своего следующего посещения Нью-Йорка герцогиня пригласила Синди Адамс на чай. Журналистка пришла в восторг и сообщила своим читателям: «Я восхищена... Ее Костлявым Высочеством».

И тем не менее список журналистов, которым можно доверять, постоянно становился все короче. Диана, как-то раз похвалившая репортера из «Дейли мейл» Линду Ли-Поттер за исполненные тонкого понимания действительности рассказы, объявила ее шлюхой, когда та написала, что принцесса помешана на комплиментах.

«Я вычеркиваю ее из списка», — рассердилась Диана. Она точно так же перестала считать своим другом Крисси Илли из «Манчестер ивнинг ньюс», когда та критически отозвалась о тайных ночных визитах Дианы в больницы, где она навещала больных и умирающих пациентов. Писательница оскорбила Диану, назвав ее «супермученицей» и «ворующей мужей». Когда Норин Тейлор написала очерк, озаглавленный: «Диана: принцесса влюбилась... в себя», ее тоже исключили из числа надежных представителей прессы. Норин Тейлор спросила своих читателей, почему,

расставшись с мужем, Диана настойчиво повторяет, что вынуждена проводить Рождество в одиночестве. Напомнив, что у нее есть мать, сестры-близнецы, брат и множество друзей, писательница удивляется: «Может быть, это желание привлечь к себе внимание публики, которая, по мнению принцессы, без ума от нее?»

Диана позвонила Ферджи, чтобы пожаловаться.

«С женщинами труднее всего, — простионала Ферджи. — Они такие суки. — Она сделала исключение лишь для Ингрид Сьюард, издателя журнала «Мэджести». — Инджи в порядке, а ее муж [обозреватель Росс Бенсон] такой красавчик!» Диана не разделяла восторженного мнения Ферджи по поводу Росса Бенсона, потому что он твердо объявил, что находится на стороне Чарльза в войне между принцем и принцессой Уэльскими. В конце концов Диана с Ферджи сошлись на том, что мужчины-журналисты относятся к ним гораздо лучше, чем женщины, если не считать известного сплетника Найджела Демпстера. Впрочем, они отмахнулись от него, назвав «старой бабой».

Когда репортер «Дейли телеграф» Виктория Мейтер описала Ферджи в одном из ее «обтягивающих зад жалких цветастых платьев», герцогиня снова подняла телефонную трубку и принялась возмущаться.

— Это герцогиня Йоркская, — величественно произнесла она, — и я хотела бы поговорить о ваших безобразных заявлениях.

— Добрый день, Ваше Высочество, — сказала журналистка и включила магнитофон.

— Почему вы написали такую злую статью? — спросила Ферджи и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Я понимаю, что такое журналис-

тика — вы должны делать свою работу, — но писать об излишнем весе... размере зада и цветастых платьях... это ниже пояса... выглядит так жалко... Я же ведь делаю столько хорошего... столько хорошего... Никто не знает, сколько добра я делаю...

Журналистка уважительно ее выслушала, поскольку ей показалось, что речь герцогини будет короткой, однако Ферджи распространялась еще минут двадцать:

— В наше тяжелое время, когда в Боснии полно слепых детей и взрослых, вы унижаете себя тем, что критикуете человека, обвиняя его в том, что у него большая задница. Знаете, я считаю вашу статью самым настоящим фарсом... Может быть, вам следует отправиться со мной в Боснию... и посмотреть на реальный мир, и увидеть реальную жизнь? Иными словами, кому какая разница, какой у вас размер? Ваше выступление звучало жалко, не более того...

На самом деле для Ферджи имело значение, какой у нее размер. Она отчаянно пыталась похудеть — принимала таблетки, следовала диетам, ходила на сеансы гипноза. «Я даже перестала пить белое вино и перешла на красное, — призналась она одной своей приятельнице, — чтобы меньше пить». Наконец, она познакомилась с «альтернативным целителем», который составил для нее план питания и помог справиться с привыканием к таблеткам для похудения. Сбросив сорок два фунта, Ферджи вышла из его клиники — хижины, стоящей посреди чистого поля в Суррее, — и объявила, что решила стать профессиональной манекенщицей. «Я теперь такая худая, а ноги у меня даже лучше, чем у принцессы Уэльской!» — радостно воскликнула она. Она

сняла рекламное агентство и принялась позировать перед фотографами. Снимки, изображавшие стройную Ферджи с отличным макияжем на лице, появились на обложке «Пари-матч». Однако на лондонскую «Санди таймс» они не произвели никакого впечатления. «Еще немного косметики около глаз, — насмеялась газета, — и китайцы начнут присылать в Лондон своих медведей-панд для размножения».

Удары, которые пресса наносила Ферджи, делали ее еще более дерзкой и заставляли занять оборонительную позицию. «Возможно, здесь нас ненавидят, — сказала она Диане, — но зато в Америке любят». Обе с удовольствием ездили в Соединенные Штаты, где с ними обращались как с королевскими особами, а не как с королевскими отбросами. В Англии Диана часто появлялась в джемперах с надписью «США» на груди, любила кататься на лыжах в Колорадо, делала покупки в Нью-Йорке и отдыхала в Мартас-Виньярде. Но Ферджи ездила в Штаты, чтобы добывать там золото.

Продав свои права на консорциум в Нью-Джерси за 3 миллиона долларов, она организовала благотворительное общество в Манхэттене. При помощи «Шансы для детей, Инк.» она пыталась вернуться на гуманитарное поприще. Ферджи объяснила, что фонд предоставляет ей уважительную причину для того, чтобы бывать в Америке. За год фонд выплатил 89 384 доллара на текущие расходы, в то время как нуждающиеся дети получили 62 295 долларов. Скучная деятельность с небольшим бюджетом, секретарем, работающим неполный день в комнате, сдающейся внаем, не предполагала появления серьезных денег. Однако организация, не приносящая прибыли, позволяла Ферджи — на

самых законных основаниях — собирать деньги в местах, где она любила проводить время: Нью-Йорке, Коннектикуте, Флориде и Калифорнии. Она сказала, что ей нравится творить добро, когда дела у нее идут хорошо.

Во время одного из посещений Гринвича в Коннектикуте она прибыла на прием с шампанским и обедом, за участие в котором гости заплатили по 500 долларов. Она расхаживала по комнате, за ней шагали три ее помощницы и предлагали всем книгу Ферджи — «Виктория и Альберт: семейная жизнь в Осборн-Хаусе». Они спрашивали: «Вы не хотели бы купить книгу герцогини? За 100 долларов? Она вам ее подпишет!»

Ферджи утверждала, что деньги ей нужны затем, чтобы поддерживать себя и своих детей. Она заявила в «Национальном пресс-клубе» в Вашингтоне: «То, что я богата, чистойшей воды ерунда... Я не могу себе позволить купить дом... Я снимаю какую-то развалюху в Суррее, и меня могут в любой момент оттуда выгнать... Мой муж платит только за школу. Мне приходится брать на себя все остальные расходы... Я действительно Ее Высочество герцогиня Йоркская, но я вовсе не миллионерша».

Ферджи возмущалась теми, кто критиковал способы, которыми она получала деньги, включая аванс в два миллиона долларов, полученный от американского издателя за учебник для одиноких работающих матерей. «Дело в том, что я являюсь разведенной матерью двоих детей и отвечаю за финансовое положение своей семьи, — сказала она. — И потому вынуждена — да, вынуждена — тратить огромное количество времени на коммер-

ческие проблемы. Можете мне не верить, но такова правда».

Бесспорная правда заключалась в том, что Ферджи совершенно спокойно принимала щедрые подарки от своих богатых друзей и горячих поклонников. Она объясняла это тем, что не в состоянии многое себе позволить. И потому берет определенную плату за свое присутствие на бенефисах и других, самых разнообразных, мероприятиях. Она получила 75 000 долларов за то, что полетела в Сидней на представление коммерческой телевизионной сети Руперта Мэрдока. Летала в Пекин на торжественное открытие ресторана стоимостью в восемь миллионов долларов, потому что владелец ей заплатил. Диана вела себя не так откровенно, но и она, не смущаясь, принимала все, что ей предлагалось как члену королевской семьи. Обе женщины дружили с весьма яркой личностью, основателем Виргинской империи, Ричардом Брэнсоном, и с удовольствием летали на самолетах Виргинских воздушных линий и проводили время — как гости, естественно, — в отелях на виргинских островах, всем остальным предпочитая остров Некер в Карибском море, отдых на котором стоит 15 000 долларов в неделю — тем, кто платит. Ферджи и Диана отвечали Брэнсону своей поддержкой. Они посещали торжественное открытие его заведений, позировали с ним перед фотоаппаратами, появлялись на публике в футболках с рекламой компании.

Друзья Дианы, которым гораздо больше нравилась ее дружба со святой матерью Терезой, предупреждали ее по поводу герцогини-грешницы. «Легкомысленная Ферджи — самая не подходящая для вас подружка», — писал Джон Джу-

нор, однако Диана решила, что невестка является единственным ее союзником. «Она пережила то же самое, что и я», — сказала про Ферджи Диана.

В прошлом обеих женщин связывали чрезвычайно сложные отношения. Их разделяли соперничество и зависть, они избегали и поносили друг друга. Во время разговора с Джеймсом Гилби, записанным на пленку, Диана презрительно назвала Ферджи «рыжей» и заявила, будто та пытается получить как можно больше, пользуясь впечатлением, которое производит. В свою очередь, Ферджи считала, что Диана не заслуживает мнения, сложившегося о ней у общественности, и что она совершенно сознательно им манипулирует. Во время экспедиции на Эверест герцогиня спросила фотографов, собравшихся снять ее у вежи: «А не получится так, будто я позирую? Фотографии не будут похожи на те, что сделаны у Тадж-Махала?»

Когда их супружеская жизнь потерпела крушение, Диана и Ферджи вели себя так, словно были единственными оставшимися в живых жертвами катастрофы. Отвергнутые королевской семьей и «всем, что находится снаружи сетей», как сказала Диана, они попытались искать утешения друг у друга. Им казалось, что никто больше не в силах понять их проблем. Они постоянно обсуждали дворец и его интриги, жалуясь на то, что дворцовая машина стремится их перемолоть. Они поддерживали друг друга, когда возникала необходимость противостоять придворным, ставшим для них заклятыми врагами.

Через два года, прожитых отдельно от мужей, обе по закону имели право подать на развод, но ни та, ни другая не хотела выглядеть инициатором.

«Зачем мне это?» — спрашивала Диана, которая не хотела расставаться со своей ролью обиженной жены.

«В особенности без официально подписанных бумаг, в которых оговорены финансовые вопросы», — добавила прагматичная герцогиня, надевшаяся получить 10 миллионов долларов. Она также рассчитывала сохранить титул — Ее Королевское Высочество. Ферджи без титула — это все равно что Саудовская Аравия без нефти.

Диана тоже намеревалась как можно дольше держаться за свое положение, однако адвокаты советовали ей дать возможность Ферджи первой войти в лабиринт бракоразводного процесса. Они называли герцогиню «желтой канарейкой» (имея в виду птичку, которую шахтеры берут под землю, чтобы проверять наличие смертоносного газа. Если канарейка падает кверху лапками, они поднимаются наверх).

Хотя обе, Диана и Ферджи, тайно изучали вопрос финансового урегулирования, на публике они вели себя как самые обычные замужние женщины. «Вопрос развода не обсуждался ни мной, ни моим мужем», — заверила Диана Ричарда Кея осенью 1995 года. К тому моменту принцесса изо всех сил старалась выглядеть добродетельной. Жена Уилла Карлинга назвала Диану разрушительницей семейного очага. В прессе ее обвинили в том, что она попыталась развести супругов, которые поженились всего год назад. «Такое случилось с ней и раньше, — сказала светловолосая Джулия Карлинг, которая казалась более юной версией самой Дианы, — и остается надеяться, что Диана больше не будет так поступать, но... вне всякого сомнения, никогда не перестанет вме-

шиваться в чужие жизни. Впрочем, на сей раз она ошиблась и выбрала не ту пару: испытания только помогают нам стать сильнее».

Однако прошло всего несколько дней, и Карлинги расстались, а Джулия обвинила во всем принцессу. Отвечая на заявления репортеров о том, что ее муж находился в любовной связи с Дианой, Джулия Карлинг сказала: «Я всегда ценила брак как самую важную и священную часть моей жизни. Мне очень больно, что я теряю мужа в обстоятельствах, с которыми ничего не могу поделать».

Комментарии по поводу отношений Дианы с капитаном команды по регби тут же появились в «Ньюс оф уорлд» под заголовком: «Тайные свидания Ди с Карлингом». И Диана снова позвонила Ричарду Кею. Она заверила его в том, будто «совершенно невинная дружба» с Карлингом возникла только потому, что ее сыновья помешаны на регби. Она призвала главного редактора «Ньюс оф уорлд» в Кенсингтонский дворец и попросила оставить ее в покое. Кроме того, Диана связалась с «Дейли миррор» и принялась настойчиво всех убеждать, что ее дружба с Карлингом всегда оставалась платонической. Газета процитировала ее слова: «Мне не нужен любовник». Расстроенная Диана звонила своим друзьям — «бесконечно», вспоминает одна женщина, которая в конце концов потеряла терпение. Кроме того, принцесса стала ежедневно посещать своего психотерапевта Сьюзи Орбах.

«При помощи этих визитов Ее Высочество надеялась снова взять свою жизнь под контроль, — объясняла подруга Дианы, которая много разговаривала с ней в то время. Слова казались какими-то уж чересчур взвешенными, словно были за-

готовлены заранее. — Принцесса Диана хотела выступить перед каким-нибудь уважаемым собранием и доказать, что с рассудком у нее все в порядке... Она чувствовала, что должна ответить своим критикам, снова вернуть себе спокойное состояние и продемонстрировать силу...»

Два года назад Диана умоляла всех, чтобы ее оставили в покое, теперь она решила выйти на мировые подмостки. И посчитала, что самый надежный способ уничтожить возникшее у всех представление о том, что принцесса Диана лишилась рассудка, — это дать телевизионное интервью. Ее всячески поддерживала Ферджи, одна из немногих, с кем Диана поделилась своими планами. Герцогиня Йоркская сказала, что выступление по телевидению, в котором она признала свои ошибки, принесло ей огромную пользу. И потому она уговаривала Диану поступить так же. Они с Ферджи пришли к единодушному мнению, что «Панорама», выигравшая множество призов программа, посвященная текущим событиям, отлично подойдет, и все, кто ее смотрит, отнесутся серьезно к выступлению Дианы. Однако Ферджи предупредила Диану, что та должна держать свои планы в тайне, потому что если королева о них узнает, она запретит интервью. Диана с ней согласилась.

Воспользовавшись поддержкой психотерапевта и уверенная в своей телегеничности, 5 ноября 1995 года Диана тайно встретила в Кенсингтонском дворце с комментатором Би-би-си Мартином Баширом и его командой, чтобы поговорить о себе, своем муже, супружеской жизни и жизни в королевской семье. Она не испросила у дворца разрешения на интервью. И проинформировала королеву за несколько дней до выхода передачи

в эфир. Би-би-си объявила о предстоящем показе «эксклюзивного интервью» через четыре часа после того, как прозвучал национальный гимн страны в честь сорокасемилетия принца Чарльза. Пресс-секретарь Дианы, который ничего не знал о ее планах, пришел в такую ярость, что на следующий день подал в отставку. Ее личный секретарь, тоже ничего не ведавший и не менее сердитый, покинул свой пост через несколько дней. И чтобы продемонстрировать неудовольствие поведением Би-би-си, королева впервые произнесла свою традиционную рождественскую речь по другому каналу. Передав на два года все права коммерческому каналу, Елизавета заявила, что по окончании этого срока два канала будут транслировать ее выступления по очереди.

Вечером 20 ноября 1995 года более 22 миллионов британцев собрались перед своими телевизорами, чтобы послушать принцессу. «Потрясающее выступление, — вспоминает королевский биограф Пенни Джунон. — Блестящее, вызывающее абсолютное доверие. Она была милой, скромной, ранимой... но все равно, назвать это иначе, чем выступление, невозможно. Слово актриса на сцене».

Инженеры-электрики установили дополнительную электростанцию, которая должна была справиться с подскочившим потреблением электричества после программы в 9.40 вечера. Они подсчитали, что потребуется дополнительная мощность, которой хватило бы, чтобы довести до кипения одновременно триста тысяч чайников. Интервью передавалось не только для британцев, его посмотрело около 200 миллионов зрителей в 100 странах.

Спокойно, сохраняя самообладание, Диана обсуждала свою послеродовую депрессию, попытки самоубийства, бесконечные истерики и булимию. Она призналась, что страдала, потому что муж заставлял ее чувствовать себя бесполезной и нежеланной — неудачницей. Когда Чарльз завел любовницу, он принялся обвинять ее, свою жену, в том, что она по этому поводу переживает. Принц Уэльский заявил, будто она позорит королевскую семью, его друзей и «дом, в который вошла», считая, что ее необходимо поместить в заведение для людей с нездоровой психикой. Диана пожаловалась — ее муж завидовал тому, что «обо мне всегда больше говорили и писали в газетах, а моя работа обсуждалась гораздо подробнее, чем то, что происходило с ним». И тем не менее она уверенно заявила, что не хочет развода.

Она призналась, что во время своей супружеской жизни была неверна мужу. Отрицала любовную связь с Джеймсом Гилби и Оливером Хоуром, однако поведала всему миру, что любила Джеймса Хьюита. «Да, я его обожала, — проговорила Диана. — Но ведь меня же предали». Она сообщила журналисту, что дети не знают с ее связи с Хьюитом, но она поставила их в известность о том, что у их отца есть любовница и что эта любовница — Камилла Паркер Боулз. «Я постаралась сказать это как можно мягче, без гнева или презрения».

Диана обвинила прессу в том, что она постоянно вмешивалась в ее личную жизнь. «Я никогда не поощряла средства массовой информации. Раньше нас связывали определенные отношения, но теперь я не могу продолжать их, потому что

журналисты стали вести себя оскорбительно и слишком навязчиво».

Понимая, что ей никогда не быть королевой Англии, Диана попросила сделать ее королевой человеческих сердец.

— Я бы хотела стать послом, — сказала она.

Тележурналист спросил:

— А кто дает вам право считать, что вы можете стать послом?

— Я занимала привилегированное положение в течение пятнадцати лет, — ответила Диана. — И обладаю огромным знанием людей и умею с ними общаться, а главное — мечтаю применить свои знания в жизни.

Через несколько минут ее спросили, взойдет ли когда-нибудь ее муж на престол Британии. Диана чуть приподняла безупречно подведенные брови и ответила: «Не думаю, что кому-нибудь из нас известен ответ на ваш вопрос. Кто знает, что готовит нам судьба, кто знает, какие могут возникнуть обстоятельства? — И выразила надежду, что ее страдающий муж наконец сумеет успокоиться и найти мир в своей душе. Не произнеся ни единого плохого слова, Диана продемонстрировала сомнение в его способности править страной. — Я думаю, что главная работа, как я ее называю, поставит его в крайне тяжелое положение, и я не уверена, сможет ли он к этому положению приспособиться».

В заключение Диана заявила, что, возможно, из-за его «неуверенности» в вопросе престолонаследия ему следует отказаться от трона и передать право на корону их сыну — принцу Уильяму, когда тот достигнет совершеннолетия.

«Страна дружно ахнула от изумления», — сказал комментатор ночных новостей.

На следующее утро все британские газеты посвятили свои первые страницы Диане. Интервью обсуждалось в самых мельчайших подробностях: одежда (строгий темно-синий пиджак, черные колготки), освещение (резкое), манера (сдержанная), словарь (впечатляющий, по словам «Тайм», который сообщил, что Диана произнесла «тем не менее» пять раз и «запугивающий» или «запугивать» четырнадцать раз).

Мало кто критиковал Диану, однако Николас Сомс, друг Чарльза, пришел в ярость. Его атаки придали ее обвинениям в адрес принца еще больше правдоподобия. «Принцу причинили вред», — заявил Сомс и назвал выступление Дианы «до тошноты омерзительным». Затем он сказал, что она находится на «последней стадии паранойи».

Однако простому народу интервью понравилось. Опрос общественного мнения показал, что 85 процентов публики поддерживает принцессу. Журналист и историк Пол Джонсон объявил ее героиней. И простил сексуальные грехи, потому что «она была чиста, когда принц начал свои предательские игры». В защиту Дианы он процитировал Джейн Остин, которая защищала королеву Каролин, бывшую жену Георга IV: «Она вела себя нехорошо, но никогда не стала бы такой, если бы он не был во много раз хуже».

Повсюду стали создаваться группировки, поддерживавшие Чарльза и Диану. Пожилые сквайры тори и англиканские епископы встали на сторону принца, в то время как большинство простых британцев вместе с популистами католической церкви выступали за принцессу. Эмоции разделили страну на два лагеря. Газеты приня-

лись умолять принца и принцессу сохранить брак. Члены парламента тори требовали, чтобы премьер-министр поскорее поговорил с королевой о разводе. «Мы стали международным посмешищем, — заявил член парламента от партии консерваторов. — Устроили целое представление».

Уже через несколько часов после интервью Дианы «Олимп» подготовил рекламу на целую страницу, где рассказывалось о канале, который теперь предпочитает королева. А на экранах появилась фотография Дианы, скромно сидящей в кресле в Кенсингтонском дворце. На снимке у нее отрезана голова, а подпись гласит: «Опасайтесь лишиться головы от руки родственников со стороны супруга в нынешнее Рождество».

В Соединенных Штатах компания «Омнипойнт комьюникейшнс» попросила Диану запустить новую сеть мобильных телефонов. «Я думаю, надо сделать так, — сказал президент компании. — Она возьмет в руки цифровой телефон и объявит: «Если бы у меня был такой, я могла бы стать королевой».

В Норвегии во время рекламы презервативов на экранах телевизоров появлялось лицо Дианы в тот момент, когда она признается в измене мужу. Надпись: «По внешнему виду трудно понять, была ли у кого-нибудь случайная связь».

Королева была готова выслушать своего премьер-министра. Он прибыл на еженедельную утреннюю встречу, вооружившись поддержкой бывшего премьер-министра Джеймса Каллагэна и архиепископа Кентерберийского. Премьер-министр сообщил королеве, что атмосфера неопределенности, окружающая брак принца Чарльза и принцессы Дианы, мешает спокойной жизни

страны. Британия теряет лицо, а монархия — престиж. «Я всего лишь советник Вашего Величества», — почтительно произнес Джон Мейджор, а затем порекомендовал королеве выйти на ринг и прекратить драку.

17 декабря 1995 года королева написала Чарльзу и Диане письма, в которых просила их ради детей разрешить свои противоречия «мирно и корректно». Она настаивала на том, что им следует согласиться на развод и сообщить о своем решении как можно быстрее. Королева добавила, что с нетерпением ждет рождественских праздников, когда соберется вся семья, и завершила обоим в своей личной привязанности и готовности прийти им на помощь в трудную минуту. Она отправила письма с посыльными, а через два дня потребовала, чтобы дворец официально сообщил об их доставке.

Диана была потрясена тем, что королева выступила публично, и почувствовала, что ее толкают к разводу, которого она не хочет. Она позвонила своим адвокатам, и те посоветовали ей не спешить с окончательным решением. Им требовалось время, чтобы провести переговоры. Диана разозлилась и отказалась праздновать Рождество с королевской семьей.

Чарльз немедленно ответил на письмо матери и согласился на развод, но только на том условии, что Диана тоже даст свое согласие, потому что он не желал устраивать никакого сражения. Кроме того, он объявил, что больше не намерен жениться.

В тот же день, когда Диана получила послание от королевы, ей доставили письмо от адвокатов,

представлявших Тигги Легг-Бурке, молодую учительницу, которая планировала времяпрепровождение Уиллса и Гарри, когда принцы приезжали к отцу. Тигги требовала, чтобы Диана забрала назад свои «фальшивые заявления» на ее счет, а также признала, что сказанное ею на приеме, устроенном для персонала по случаю Рождества за несколько дней до этого, «чистейшее вранье». Принцесса прибыла в отель «Лейнсборо» на ежегодный праздничный обед для тех, кто работает на принца и принцессу Уэльских. Вместо того чтобы проигнорировать Тигги, стоящую у входа, Диана подошла к ней и насмешливо проговорила: «Я так расстроилась из-за вашего ребенка». Тигги ужасно удивилась. А потом сообразила, что издевка Дианы основана на сплетнях о том, будто она забеременела и сделала аборт. Потрясенная выпадом Дианы, Тигги бросилась в одну из комнат, где ее принялся успокаивать дворецкий принца Чарльза. Она вернулась на прием, однако рассказала о том, что ее так расстроило, Эйларду, а тот поделился с принцем Уэльским. Чарльз посоветовал Тигги связаться с Питером Картер-Раком, одним из самых известных адвокатов Англии, занимавшихся делами о клевете.

Через два дня после того, как принцессу поставили в известность о намерениях Тигги, адвокат разослал в газеты предупреждение об измышлениях в адрес Тигги. «До нее [Тигги] и ее семьи дошли слухи, что в прессе циркулирует серия лживых утверждений, которые подвергают сомнению моральный облик нашей клиентки. Эти утверждения не имеют под собой абсолютно никаких оснований».

Заручившись поддержкой принца Чарльза, Тигги приготовилась подать на Диану в суд. Однако друзья принца предупредили его, что принцесса будет от всего этого в восторге и от души насладится зрелищем представителей королевской семьи в зале суда. В результате после длительных переговоров с адвокатами Тигги согласилась в суд не подавать.

Диана сделала свой выпад в адрес Тигги всего через несколько часов после того, как ее назвали «гуманистом года». Она пришла на праздник для персонала по возвращении из Нью-Йорка, где получила престижную награду, которую ей вручил бывший государственный секретарь Генри Киссинджер. Семидесятидвухлетний государственный деятель, казалось, не мог отвести глаз от принцессы в платье с глубоким декольте и пялился на ее грудь, как школьник. В своем выступлении он заявил, что Диана является символом гуманизма, сострадания и любви.

«Она присутствует здесь как представитель королевской семьи, с которой Соединенные Штаты связывают многолетнее сотрудничество, дружба и союзнические отношения, — сказал он. — Однако сегодня мы чествуем принцессу, которая отдает себя больным, тем, кто страдает, кому тяжело в жизни».

Семьсот человек заплатили по 1000 долларов каждый за право присутствовать на обеде и устроить овацию Диане, когда та шла к микрофону в сиянии своих бриллиантов. Она произнесла трогательную речь о том, что все ее помыслы с родителями, несущими вахту у постелей своих тяжелобольных детей, которые могут не дожить до утра.

И вдруг какая-то женщина выкрикнула прямо из зала: «А где ваши дети, Диана?»

«В школе», — ответила Диана, не поворачивая в ее сторону головы. И тут же продолжила свою речь. Когда она закончила, зал встал и оглушительной овацией приветствовал ее, словно собравшиеся хотели утопить в грохоте аплодисментов тот не очень вежливый вопрос.

А затем к женщине средних лет, прервавшей выступление принцессы Уэльской, подошел репортер и выразил удивление тому, что она осмелилась кричать на королевскую особу. Нисколько не смутившись, женщина ответила: «Терпеть не могу, когда мне читают лекции о том, что такое гуманизм».

ГЛАВА 22

Назревало королевское сражение. Два месяца королева ждала, когда принцесса отреагирует на ее письмо. Личный секретарь Ее Величества трижды звонил Диане, чтобы поторопить, но она продолжала тянуть. Тогда ей написал принц Чарльз. Только после этого она соизволила ответить.

Диана позвонила мужу и предложила встретиться 28 февраля 1996 года в 4.30 дня в его кабинете в Сент-Джеймском дворце. Она настаивала на том, чтобы разговор проходил без свидетелей — никаких адвокатов, конюших и секретарей. В назначенный час Чарльз и Диана встретились. Советники Чарльза возражали против ее условий, потому что хотели сделать запись разговора, но Чарльз пренебрег их советами. Когда все его служащие вышли за дверь, Диана резко заявила: «Здесь наверняка есть записывающие устройства».

Позднее она сообщила Ричарду Кею из «Дейли мейл», что сказала Чарльзу: «Я люблю и буду всегда тебя любить, потому что ты отец моих детей». Однако когда Чарльз увидел это в печати, он пришел в ярость. Принц утверждал, что Диана никогда не

произносила таких слов. Зато отчетливо помнил — и поклялся, что никогда не забудет, — угрозы своей жены, сделанные несколькими месяцами раньше. Он процитировал Диану: «Ты никогда не станешь королем. Я тебя уничтожу».

Когда Чарльз прочитал в «Дейли мейл» рассказ о том, как проходила их встреча — в переложении Дианы, — он решил, что пора заставить ее замолчать. Чарльз настоял, чтобы в соглашение по разводу был включен пункт, запрещающий Диане писать или говорить об их браке. Диана обвинила его в принуждении и потребовала, чтобы он подписал аналогичные бумаги, но Чарльз отказывался, заявив, что вполне достаточно его честного слова.

Во время конфиденциальной встречи в его кабинете Диана настаивала на том, чтобы Чарльз объявил во всеуслышание, что развода требует именно он, а не она, и пообещала в этом случае не чинить ему никаких препятствий. Она даже соглашалась отказаться от королевского статуса. Ее титул стал предметом бурных разногласий, но вначале Диана говорила, будто он ее не интересует. После беседы с Чарльзом она позвонила королеве и сказала, что согласна на развод «с чувством глубокого сожаления». И добавила, что «этот день стал самым печальным днем в ее жизни».

Затем ее адвокаты приступили к торговле. На старте они предложили дворцу выплатить Диане компенсацию в размере 75 миллионов долларов. Советники Чарльза яростно возражали как против самой суммы, так и способа выплаты: принц предпочитал перечислять деньги ежегодно, а не все сразу. В таком случае он мог перестать выплачивать алименты, если бы Диана нарушила свои

обязательства. Однако она отказалась. Для нее ситуация выглядела предельно просто: все или ничего. Когда Чарльз заявил, что не намерен покрывать ее судебные издержки, назвав их «чрезмерными», стороны зашли в тупик. Ее представители напомнили его представителям, кто инициатор развода. Диана угрожала прекратить переговоры и заставить Чарльза ждать еще два года, чтобы получить развод без ее согласия. Тогда все произойдет автоматически, поскольку они проживут отдельно требуемые пять лет. Но Елизавета больше не хотела тянуть. Она вмешалась, и Чарльз оплатил жене счета за услуги адвоката — 120 000 долларов.

После пяти месяцев возражений и злобных нападков по каждому вопросу, адвокатам Чарльза и Дианы удалось составить документ не менее сложный, чем соглашение между двумя воюющими нациями. «Не хватало только карты, где показывалось бы размещение войск, — прокомментировал один человек, видевший документ. — Все остальное было оговорено — знаки отличия, титулы, имущество и даже границы. [Диана нуждалась в разрешении королевы, чтобы покинуть страну, исключение составляли лишь частные поездки на отдых. С разрешения королевы Диана имела право пользоваться королевским самолетом, но только в том случае, если летела вместе с детьми.] Диана получала право оставить себе все ювелирные изделия, полученные в качестве подарков [по слухам, их стоимость составляет около 100 миллионов долларов] до конца жизни. Она соглашалась никому не одалживать и не продавать драгоценности королевской семьи, включая брошь с сапфиром в тридцать карат — свадебный

подарок королевы-матери. После смерти Дианы все драгоценности переходили к ее сыну Уильяму, который передаст их будущей принцессе Уэльской. Дополнение к завещанию, в котором это оговаривалось, являлось обязательной частью соглашения о разводе».

Не обсуждался только вопрос о детях: Чарльз и Диана согласились поровну разделить обязательства по воспитанию детей. Все остальные аспекты их брака подверглись скрупулезному обсуждению, вплоть до каждого квадратного фута рабочих помещений, которые будет занимать Диана. Чарльз согласился выплатить ей 26 миллионов, включая налоги, в течение пяти лет. Кроме того, он обязался ежегодно перечислять 600 000 долларов на содержание персонала и оборудование кабинета и смежных помещений*. Диана сохраняла право жить в Кенсингтонском дворце до тех пор, пока не выйдет замуж или не переедет куда-нибудь в другое место.

В процессе переговоров Диана изменила отношение к своему королевскому статусу, заявив, что хочет «ради мальчиков» сохранить титул. Ранее она шутила: «Я не нуждаюсь в титуле — я с ним родилась». Однако друзья убеждали ее: если леди Диана может рассчитывать на то, что ей уступят место в автобусе, то Ее Королевское Высочество принцесса Уэльская может реквизировать автобус, а водителя и всех пассажиров призвать на службу. Они утверждали, что титул ЕКВ даст ей необходимые гарантии в будущем.

* В 1997 году был опубликован ежегодный список самых богатых людей Великобритании. Диана заняла в нем 916-е место, ее личное состояние оценивалось в 98 миллионов долларов. — *Примеч. авт.*

Друзья Дианы считали, что она не должна делать реверансы перед другими королевскими особами. Кроме того, они не хотели, чтобы от нее отвернулось общественное мнение, как это произошло с опозоренной Сарой Фергюсон, которой пришлось после развода отказаться от королевского статуса. Лишившись титула ЕКВ, несчастная герцогиня моментально превратилась в объект насмешек. Ее и раньше часто поносили за жадность и любовь к деньгам; развод моментально привел Сару к полнейшему краху. Флаг Содружества, поднятый в честь ее тридцатисемилетия, был спущен через четыре часа из-за того, что большинство членов Содружества возмутились, — по их мнению, герцогиня не заслужила такой чести. Когда они позвонили в Букингемский дворец, им сказали, что единственным официальным праздником является день рождения королевы. «В конце концов мы все слышали о любовных похождениях Ферджи, — заявил один из официальных представителей. — Им бы следовало вывесить на флагштоке панталончики».

Когда герцогиня подписала контракт на 2,2 миллиона за книгу, одна газета напечатала статью с карикатурой, изображавшей двух гуляющих по парку мужчин. Один из них, смущенно склонив голову, говорил: «Я лгал. Жульничал. Предал мою супругу. И своего босса. Предал друзей. И моего монарха. Я погубил свою репутацию... Хуже меня никого нет...» Другой дал ему совет: «Обратись к издателю Ферджи».

Когда Сара прислала на день рождения принцессе Маргарет экстравагантный букет, принцесса вышвырнула цветы вон. Затем отправила Саре злобное письмо: «Ты так опозорила нашу

семью — мы и представить себе не могли, что подобное возможно. И ни на секунду не почувствовала угрызений совести даже после того, как в газетах появились те кошмарные фотографии. Очевидно, тебе ни разу не пришло в голову, что ты смешиваешь нас с грязью. Как ты смела дискредитировать нас, а потом посылать мне цветы».

После публикации откровений бывших любовников и служащих Сара, безутешно рыдая, надолго заперлась в своем доме. Газеты писали, что Елизавета заволновалась и приказала круглосуточно наблюдать за Ферджи, чтобы та не совершила самоубийства. Однако дворец все отрицал, намекая на то, что королеву меньше всего волнует судьба ее бывшей невестки. Реакция дворца послужила сигналом для начала грандиозной травли. Через несколько дней «Сан» провела опрос общественного мнения. Читателей спрашивали: «С кем бы вы предпочли пойти на свидание — с Ферджи или с козой?» Коза победила в соотношении семь к одному*.

Видя, что происходит с потерявшей титул Ферджи, Диана решила не отказываться от своего. Когда адвокаты Чарльза предложили ей обменять титул ЕКВ принцессы Уэльской на титул герцогини Корнуэльской, она отказалась. Тогда их

* В Великобритании над Ферджи отчаянно издевались, но когда она приезжала в США, ее встречали как особу королевской крови. Мемуары Сары «Моя история», ставшие бестселлером, принесли ей 3,7 миллиона долларов. За участие в рекламе сока она получила 1,2 миллиона и еще миллион за согласие представлять организацию «Уэйт уотчерс интернэшнл». После нескольких недель пребывания в Америке Ферджи поразила банкиров, выплатив свои долги, составлявшие 6,2 миллиона долларов. «Я люблю американцев, — заявила Сара. — Они дают девушке шанс». — *Примеч. авт.*

посетила новая идея: они спросили Диану, как она смотрит на то, чтобы стать ЕБКВ (Ее Бывшее Королевское Высочество)? Диана немедленно бросилась за поддержкой к средствам массовой информации, которые принялись обсуждать новый титул, а потом обратились к королеве с просьбой сохранить статус Дианы как члена королевской семьи. Они утверждали, что, являясь матерью будущего короля, меньшего она не заслуживает. Историк Джон Григг написал: «*Reductio ad absurdum** состоит в том, что если Диана перестанет быть ЕКВ, ей придется присесть в реверансе перед принцессой Кентской». И перед собственными сыновьями.

Чарльз утверждал, что ему все равно, сохранит ли его жена королевский статус. Однако дал понять, что его родителей данный вопрос волнует, в особенности принца Филиппа, по мнению которого, Диана недостойна того, чтобы к ней относились как к особе королевской крови. В глазах Филиппа она предала «Фирму», а нескромность и отсутствие лояльности лишают бывшую жену принца Уэльского любых привилегий, — она заслуживает лишь холодной вежливости. Он страшно возмутился, когда Диана потребовала, чтобы дети, которые могут у нее родиться от другого мужчины, получили наследственный титул. Принцесса Уэльская зашла слишком далеко, когда предложила, чтобы после смерти королевы-матери Кларенс-Хаус стал ее официальной резиденцией. Филипп настаивал на том, что она не имеет права на титул, и королева с ним согласилась.

* Доведение до абсурда (лат.).

«В конце дня стало очевидно, — сказал один из представителей Дианы, — что овца будет острижена». Поэтому адвокаты посоветовали Диане добровольно отказаться от того, что все равно отнимут. Они попытались достойно выйти из весьма непростой ситуации и сохранить титул, который звучал бы похоже на тот, который Диана с удовольствием носила в течение пятнадцати лет брака с Чарльзом. Они договорились на Диане, принцессе Уэльской. Кроме того, им удалось добиться дополнительного условия — Диана «в некоторых случаях будет считаться членом королевской семьи». Один скептически настроенный знаток подобных документов довольно реалистично заметил, что этот «случай» наступит, «когда корги начнут летать».

Диана призналась, что перестала бороться за титул после того, как поговорила со своим четырнадцатилетним сыном. Она спросила Уиллса, как он отнесется к тому, что ее перестанут называть Ее Королевское Высочество. «Меня не волнует, как тебя будут называть, — ответил юный принц. — Ты мама».

Однако по стандартам окружавшего ее мира Диана лишилась своего самого ценного достояния: оставшись без титула, потеряла положение в обществе. Будучи «Дианой, принцессой Уэльской», она оказалась на социальной лестнице на ступеньку ниже, чем ее дети. Потеряв статус полноправного члена королевской семьи, Диана вынуждена была уйти с постов патронессы более чем сотни благотворительных учреждений и военных соединений. Ее друзья беспокоились, как она перенесет такой удар. «Я боюсь за нее, — писал историк Пол Джонсон, один из самых пре-

данных сторонников Дианы. — Одна дама из общества сказала мне вчера: «Если бы меня так вышвырнули, да еще публично, я бы покончила счеты с жизнью».

Для внешнего мира ничего не изменилось — тридцатипятилетняя принцесса по-прежнему излучала королевское достоинство. Блистательная красота делала ее лиричной, как «мерцающая девушка» из стихотворения Йитса, которая вдохновляла странствующих рыцарей срывать «серебристые яблоки луны». Однако в своем мире она перестала быть достойным противником. «Ди в нокауте после нечестного боя за королевский титул», — так написала одна из газет. Даже антироялисты, которые презирали социальные условности, понимали, что Диане нанесен серьезный удар. «Она лишилась того, — писал Стивен Гловер в «Дейли телеграф», — что по ее жизненным стандартам являлось необыкновенно важным».

Потеря сказалась уже через несколько дней. Пресса, еще совсем недавно почитавшая Диану, стала позволять себе довольно резкие высказывания. Фотографы, как и прежде, продолжали ее снимать, потому что она оставалась самой знаменитой женщиной в мире. Однако они вели себя, как настоящие хулиганы, чего не случалось раньше. Когда Диана обладала королевским титулом, репортеры смиренно просили: «Еще один снимок, мадам». Теперь же стали менее обходительными. Один фотограф в надежде, что она ему улыбнется, закричал: «Эй, Ди, встань чуть левее, ладно?» В газетах начали печатать снимки, на которых Диана выглядела не лучшим образом: Ди, выходит из машины, у нее растрепались волосы; чересчур высоко задралась юбка. Раньше репор-

теры боготворили принцессу Уэльскую, а сейчас создавалось впечатление, будто Диана, лишившись титула, нанесла им личное оскорбление. Ее снимали так же жестко, как звезд кино и поп-музыки. Оставшись без королевского нимба, она превратилась в обычную знаменитость вроде Мика, Майкла или Мадонны.

Диана подверглась еще одному унижению, когда делала покупки в своем любимом лондонском магазине «Харвей Николз». Охранник направил камеру слежения на ее грудь и заснял декольте платья. Охранника арестовали за кражу, и он предстал перед судом, где в качестве вещественного доказательства был предъявлен снятый им фильм. Его обвинили в видеонасилии, но его адвокат, женщина, во всем обвинила Диану: «Если женщина, член она королевской семьи или нет, появляется на публике с таким глубоким декольте, не следует критиковать тех, кто пожелал сделать фотографию».

Через несколько недель лондонская бульварная газета напечатала весьма некачественные снимки, сделанные с видеозаписи, на которой предположительно Диана в бюстгальтере исполняла танец со стриптизом для своего бывшего любовника Джеймса Хьюита, а затем вскочила ему на спину. Фотографии облетели весь мир. Однако видеозапись оказалась поддельной, и газетам пришлось приносить извинения — на первой полосе. «Нас обманули хитрые мошенники, — заявил редактор, — и мы сожалеем о вреде, который причинили». Он не сказал этого прямо, но подразумевалось, что поведение Дианы позволило редактору — и читателям — поверить в то, что снимки настоящие.

Развод стал состоявшимся фактом 28 августа 1996 года, и «Сан» вышла с торжествующим заголовком: «Прощайте, Большие Уши». Даже мать Тереза осталась довольна. «Я знаю, что должна молиться за любовь и единение, — сказала восьмидесятипятилетняя монахиня репортеру в Индии, — но они были несчастливы». Премьер-министр Великобритании немедленно выступил с заверениями, что Чарльз в «ближайшее время» жениться не собирается. Затем он переговорил с королевой, предупредив ее, что бракосочетание Чарльза с Камиллой Паркер Боулз будет иметь для монархии катастрофические последствия. Ни премьер-министр, ни Елизавета не оценили иронии сложившейся ситуации: англиканская церковь родилась именно благодаря тому, что король Генрих VIII возжелал развестись с одной женой и жениться на другой.

Чарльз обладал исключительным талантом устраивать себе неприятности. Он дал знать прессе, что разослал письма в сорок магазинов, где Диана регулярно делала покупки: «Начиная со 2 сентября 1996 года на все покупки, сделанные от имени или по поручению Ее Королевского Высочества принцессы Уэльской, счета следует отправлять непосредственно в офис принцессы Уэльской: помещение 7, Кенсингтонский дворец, Лондон». Затем он объявил, что намерен «отпраздновать» с шампанским свой развод в Хайгроуве.

Отношение широкой публики к жесту принца лучше всего продемонстрировала карикатура, на которой мелочный торговец продавал королевские игральные карты. Зажав в зубах сигару, торговец подсовывал колоду карт несчастному молодому человеку, который с недоумением ее разгля-

дывал. «Это самая обычная колода, сынок, только без дамы червей».

Монархия лишилась своей самой яркой звезды, но королева была полна решимости продолжать представление и без нее. Она проинструктировала магазины в Балморале, Виндзорском замке и Букингемском дворце, где продавали сувениры, велел изъять все предметы, хоть как-то связанные с принцессой Дианой, — пепельницы, кружки, открытки и тому подобное. Кроме того, она вычеркнула имя принцессы из списка, по которому в парламенте произносилась молитва за здоровье королевской семье. С точки зрения члена парламента от партии тори Джерри Хейеса, этот шаг был «комичной мстью». «Для большинства людей, — заметил он, — все выглядело так, словно они пытаются сталинскими методами избавиться от любых упоминаний о принцессе».

«Санди мейл» с ним полностью согласилась. «Диана должна оставаться в наших молитвах, — говорилось в редакционной статье, где парламент порицался за «злое и мстительное» решение. — Им бы следовало помнить, что способность прощать является первой христианской добродетелью».

Последним унижением явился приказ королевы опубликовать в «Лондон газетт» Жалованное письмо — документ об изменении титула: таким способом Ее Величество давало понять правительству, посольствам и дипломатическим миссиям, что с обеими ее невестками покончено.

«Повторяется история с Уоллис, не так ли?» — заявила, качая головой, королева-мать. Она заранее получила копию указа, лишившего Сару Фергюсон и Диану Спенсер королевского статуса, причем ни одна из них даже не упоминалась по

имени. Королева-мать поддержала шаг, благодаря которому «склочные девицы» оставались без привилегий, — точно так же поступила она сама, отобрав королевский титул у герцогини Виндзорской. Придворные порой оказываются скользкими, точно угри. Многие из них проигнорировали сухое сообщение, посчитав его рутинным выполнением протокола: необходимостью поставить людей в известность о том, как следует обращаться к Саре и Диане. Однако практически все остальные посчитали указ мелкой мезьей дворца. Монарх еще раз воспользовался Жалованным письмом в качестве метлы.

«Сначала вы прижигаете рану, — сказал один из советников королевы, — а потом лечите». Ученый советник процитировал Елизавете слова английского философа шестнадцатого века Фрэнсиса Бэкона, который говорил: «[Тот] кто не желает применять новые лекарства, должен ожидать неприятностей, потому что время — самый великий изобретатель».

Однако семидесятилетняя королева считала, что не нуждается в таких советах. После сорокапятилетнего пребывания на троне она выработала свою собственную стратегию игры в эндшпиле. Без такого пронизательного премьер-министра, какой имелся у королевы Виктории в лице Дизраэли, Елизавета полагалась на своих придворных. Они верили — как и сама королева, — что их монарх является помазанником Божьим. И потому при решении политических вопросов Елизавета не считала нужным прислушиваться к общественному мнению. Она относилась к роли монарха как к священному предначертанию, а не как к конкурсу популярности.

Однако когда ее авторитет был поставлен под сомнение, она продемонстрировала, что понимает: прошлое — лишь пролог. Создание ее дедом дома Виндзоров явилось актом целесообразности, который позволил монархии сохранить свои позиции во время Первой мировой войны. Скрыв немецкие корни и объявив себя англичанином, король Георг V подыграл своим подданным, ненавидевшим немцев. «Он знал и понимал свой народ и век, в котором жил, — сказал бывший премьер-министр Клемент Эттли, — и развивался вместе с ним». Аристократ из Баварии граф Альбрехт фон Монттелас по-другому смотрел на сложившуюся ситуацию: «Истинная королевская традиция умерла в тот день, в 1917 году, когда всего лишь из-за какой-то войны король Георг V изменил свое имя».

Королева прекрасно понимала, какую цену пришлось заплатить ее деду, чтобы спасти монархию, и она намеревалась защитить его детище. Первым шагом к сохранению существующего порядка явился тот факт, что она стала первым британским монархом двадцатого столетия, который начал платить налоги. Затем Елизавета изъяла имена почти всех членов своей семьи из гражданского листа. Когда ее подданные отказались платить за реставрацию Виндзорского замка, королева открыла Букингемский дворец для посетителей и приказала взимать с них входную плату. Королева даже сделала жест доброй воли в адрес самой большой религиозной конфессии своей страны, посетив католическую церковь. Впервые за четыреста лет правящий британский монарх вошел в католический храм. К 1996 году англиканская церковь привлекала только два процента

населения, в то время как 43 процента британцев, посещающих церковь, были католиками.

Приближался конец двадцатого века, но, несмотря на все уступки королевы, монархия выглядела весьма уязвимой. Система, являвшаяся для всего мира символом Британии и представлявшаяся в виде золоченой кареты, абсурдно грандиозной, постепенно стала тускнеть. Рессоры разболтались, а колеса начали скрипеть. Лишенная своего величия, она с трудом тащилась вперед.

Королева знала, что когда умрет королева-мать, возникнет новая вспышка верноподданнических чувств. Но Елизавета понимала, что они утихнут после того, как закончится траур. Несмотря на всю свою прагматичность, она не хотела заранее вникать в сложную церемонию похорон своей матери.

«Нет необходимости заниматься этим сейчас», — заявила она, оттолкнув от себя папку, содержащую меморандум под кодовым названием «Операция Лев». На пяти страницах описывалось, как должны себя вести средства массовой информации, когда будет объявлено о смерти королевы-матери. Елизавета приняла решение устроить своей матери самые грандиозные похороны после погребения Уинстона Черчилля. Допуск к телу покойной королевы будет осуществляться в течение трех дней, лишь после этого настанет черед прощальных речей в Вестминстерском аббатстве. В знак уважения все главные теле- и радиоканалы обещали на этот период прекратить показ рекламы. Освещение погребальной церемонии будет сопровождаться демонстрацией документальных кадров о британской королевской семье времен Второй мировой войны. Британцы увидят старую

хроникальную пленку, на которой запечатлено, как король Георг VI и королева Елизавета вместе с двумя маленькими принцессами машут с балкона Букингемского дворца. «Наша четверка», как их называл король.

Вся церемония была рассчитана на то, чтобы напомнить Британии о ее великом прошлом, когда страна выстояла под жестокими нацистскими бомбардировками, а монархия проявила себя с самой лучшей стороны. Ее Величество королева Елизавета, королева-мать будет погребена с высшими военными почестями, а вместе с ней прекратит существование и экстравагантный титул, который она сама для себя придумала после того, как умер ее муж.

Обычно не склонная к сентиментальности, Елизавета отказывалась взглянуть в глаза суровой реальности неизбежной скорой смерти матери, даже после того, как старой королеве исполнилось девяносто лет. «Больше всего меня страшит, — сказала королева другу, — что мама умрет, и мы с Маргарет останемся одни».

А британцы больше всего боялись, что Елизавета умрет, оставив их с Чарльзом. Неудовольствие наследником стало еще более очевидным после его развода. Опросы общественного мнения показывали, что будущие подданные Чарльза не поддерживают. Большинство не хотело, чтобы он стал королем, а члены парламента, его представляющие, не желали жертвовать своим положением ради непопулярного наследника.

«Чарльз не подходит на роль короля, — заявил, выступая по телевидению, член парламента от лейбористской партии Рон Дэвис. — Он прелюбодей, не уважающий заповедей нашей цер-

кви... Он разговаривает с деревьями, цветами и овощами и... поощряет своих юных сыновей исключительно ради удовольствия охотиться на диких животных и птиц...»

Лидер лейбористской партии Тони Блэр, ставший премьер-министром в 1997 году, потребовал, чтобы член парламента отказался от своих слов. Так что Дэвис с большой неохотой извинился за то, что назвал будущего короля прелюбодеем, который обнимает деревья и занимается кровавым спортом, не забывая выступать в защиту окружающей среды. Во время избирательной кампании Блэр снова и снова повторял, что его партии выступает за сохранение монархии. Он не мог поставить под удар свое лидерство, угрожая радикальными переменами в стране, где большая часть населения традиционно имела консервативный настрой. Однако его партия, которая когда-то придерживалась жестких монархических взглядов, перестала сохранять единство. Несколько парламентариев от лейбористской партии не желали больше молчать и предлагали упразднить монархию специальным указом парламента.

«Мнение о том, что Чарльз не достоин быть королем, разделяет три четверти населения нашей страны, — заявил Пол Флинн, член парламента, представляющий левое крыло. — Забудьте угодливую болтовню о том, что королевские особы — высшие существа, пришедшие к нам из волшебных сказок. С этим покончено навсегда».

Создавалось впечатление, что над монархией уже кружат канюки*. Назвав ее анахронизмом, дру-

* Хищная птица семейства ястребиных, крик которой напоминает плач.

гой член парламента потребовал в конце правления Елизаветы провести референдум, чтобы выяснить, хочет ли народ Великобритании, чтобы корона передавалась по наследству. Пресс Ассошиэйшн провело предварительное голосование среди членов лейбористской партии и заявило, что большинство выступает за проведение открытых дебатов относительно будущего монархии.

«Мне грозили смертью, когда я внес такое же предложение двадцать лет назад, — заявил бывший член парламента от лейбористской партии Уилли Гамильтон, размышляя о неожиданной смене настроя британцев. — Меня называли безумцем и коммунистом. В нашей стране было легче критиковать Бога, чем монархию. Однако времена изменились».

«Не настал ли один из тех поворотных моментов истории, — спрашивала газета «Гардиан» в 1996 году, — когда следует серьезно подумать о создании Британской республики?»

Для тех, кто считал королевскую семью величайшей ценностью нации, этот вопрос казался диким. «Американский ответ предельно прост, — писала в редакционной статье «Нью-Йорк таймс», которая рекомендовала Британии ничего не менять. — Конечно, им следует сохранить монархию — для нашего развлечения».

Трудно было найти более опытных актеров, чем британская королевская семья. Как старая водевильная труппа, они выходили на сцену, чтобы сыграть отлично отрепетированные роли. Точно нарумяненные представители давно ушедших эпох, они устраивали свадьбы и пышные проводы. Им еще удавалось собирать зрителей, но большую часть поклонников они растеряли, когда из

труппы ушла главная звезда — принцесса Уэльская. Они знали, что лучше всего выглядят изда-лека: крупные планы сразу открывают все их не-достатки.

На собственном горьком опыте — возможно, слишком поздно — они осознали мудрость Тома-са Пейна, революционера восемнадцатого века. «Монархия должна оставаться за занавесом, — написал он, — вокруг нее всегда много суеты и шума, ее окружает чудесный ореол кажущейся импозантности. Но когда по случайности занавес приоткрывается и люди видят, что за ним проис-ходит, они начинают хохотать».

Состав королевской труппы стал посмеши-щем, когда в роли ведьмы начала выступать Ферд-жи. Однако когда от нее избавились, принц, ее бывший муж, снова обрел привлекательность в глазах публики. Благодаря неудачному браку Эндрю научился вести себя достойно в самых не-приятных ситуациях. Что бы Ферджи ни делала, рассчитывая унижить Эндрю и спровоцировать его на ответные выступления, он оставался мол-чаливым и невозмутимым.

Его отец продолжал играть роль лидера, хотя его популярность слегка поблекла. Красота исчез-ла, испорченная старческими пигментными пят-нами; острые черты лица, натянутая кожа сдела-ли его похожим на коршуна. Однако даже в воз-расте семидесяти пяти лет он умудрялся заставить трепетать сердца многих, когда маршировал в строю с другими ветеранами Второй мировой войны. Вместо того чтобы стоять с королевской семьей в день памяти жертв Первой и Второй ми-ровых войн, Филипп остался со своими товарища-ми по оружию. Его благородный жест вызвал

слезы у многих, кто помнил блистательного морского офицера, опустившегося на колени перед юной королевой во время ее коронации и обещавшего всю жизнь сохранять ей верность. После пятидесяти лет брака (если не считать нескольких любовниц) он все еще стоял рядом с королевой, всегда готовый предложить ей руку, на которую она могла бы опереться.

Благодаря проявленному Филиппом постоянству большинство британцев закрывали глаза на его оплошности. Впрочем, иногда это было совсем не просто — в особенности когда грубые замечания принца Эдинбургского приводили к международным инцидентам. Во Франции он привел в ярость половину подданных своей жены, сделав заявление, что «британские женщины не умеют готовить». Во время поездки в Голландию раздраженно заметил: «У голландцев такие грубые лица». В Канаде резко бросил официальным представителям: «Мы приехали сюда вовсе не для того, чтобы поправить свое здоровье». В Египте жаловался на дорожное движение в Каире: «Вы, египтяне, уж слишком быстро размножаетесь». В Перу, когда ему подарили книгу об истории Лимы, он сунул ее секретарю в руки и сказал: «Вот, возьми. Я все равно никогда не буду ее читать». В Шотландии Филипп спросил у инструктора по вождению: «Как вам удается удерживать местное население от выпивки на время, необходимое для того, чтобы пройти тест?» В Венгрии он заметил британского туриста на одной из улиц Будапешта. «Наверное, вы здесь недолго, — заявил Филипп. — Ведь вы еще не успели обзавестись здоровенным брюхом». В Китае он предупредил британских студентов: «Если вы проживете

здесь еще некоторое время, у вас будут раскосые глаза».

Заядлый охотник, Филипп обрушился на политиков, которые предлагали ввести лицензии на легкое огнестрельное оружие. Во время дебатов, последовавших за убийством шестнадцати школьников в Данблейне, Шотландия, герцог заявил, что ружья не более опасны, чем биты для крикета. Родители убитых детей были шокированы его словами, и пресса с присущей ей яростью обрушилась на мужа королевы. «Вы снова не правы, принц Филипп» — под таким заголовком вышла редакционная статья «Манчестер ивнинг ньюс», в которой говорилось, что он «высказывается, абсолютно не заботясь о чувствах других людей». На следующий день дворец выступил с извинениями.

Однако Елизавета не показывала виду, что обеспокоена политическими ошибками супруга. Она терпимо относилась к его вечному недовольству и не приносила извинений за его не слишком приличные экспромты. Обычно от них краснел Чарльз. Он больше других переживал из-за падающей популярности королевской семьи и упрекал прессу за то, что журналисты выставляют их в виде люмпенов королевской крови. Он уговаривал родителей посмотреть в будущее — его будущее — и заранее подумать о том, как монархия войдет в двадцать первый век.

Находясь в Балморале, он дал британцам понять, что королевская семья смотрит вперед. Чарльз сообщил, что он, его родители, братья, сестра и советники встречаются дважды в год. Их комитет получил название «Группа вперёдсмотрящих», а цель заключалась в том, чтобы обновить пришедший в упадок дом Виндзоров. Обсуж-

дались идеи, которые могут радикально реформировать монархию. Самой первостепенной задачей Чарльз считал необходимость сократить денежную поддержку королевской семьи государством. Все единодушно согласились отказаться от доходов по цивильному листу (приблизительно 14 миллионов долларов от налогоплательщиков) и предложили вернуть короне доходы от королевских угодий — трехсот тысяч акров земли в лучших районах Лондона, — которые приносят более 100 миллионов долларов в год. Король Георг III передал их парламенту в 1760 году.

«Дьявольская хитрость! — заявил один из министров, продемонстрировав восхищение карманника грабителем банков. Разница (более 100 миллионов долларов) пойдет в карман королевской семьи. — Налогоплательщики выиграют, а монархия умножит свои богатства; в то же время корона будет выведена из-под огня критики, поскольку пресса не сможет с пристальным вниманием следить за расходами двора... Разве средства массовой информации имеют право вторгаться в личную жизнь королевской семьи, если она больше не живет на деньги британцев? Сомнительно, что это предложение будет принято парламентом, но его безрассудная смелость вызывает восхищение».

Не менее остроумными были предложения королевской семьи покончить с законом одиннадцатого века о первородстве и идея о том, что женщины должны получить равные права при наследовании трона. Кроме того, они посчитали необходимым сократить королевскую семью: больше никаких ЕКВ тетушек, ЕКВ дядюшек, кузенов и кузин. После смерти ряда членов королевской

семьи представителями «Фирмы» будут только монарх, консорт, их дети и те внуки, которые являются прямыми наследниками трона.

Голосование за столом в Балморале проводилось анонимно; в нем не участвовали такие второстепенные члены королевской семьи, как принц Майкл Кентский и его жена. Кенты внесли свой вклад в умножение дурной славы королевского дома. Жена принца попалась, когда в парике и темных очках выходила из дома своего любовника. А Майкл решил воспользоваться своим родством с королевой и выступил на телевидении, рекламируя Коллекцию Виндзорского дома — каталог копий королевских безделушек, по которому можно было сделать почтовый заказ. Через несколько месяцев его предприятие потерпело крах, что поставило Виндзоров в еще более неприятное положение. «У нас уже есть Али-Баба, — пошутил один из членов королевской семьи, — мы не нуждаемся в сорока разбойниках».

Чарльз понимал, что парламент может принять закон, лишаящий его трона, в особенности после того, как он заявил, что не желает быть защитником одной веры. В соответствии с «Биллем о правах» и «Актом о престолонаследии» суверен должен дать клятву поддерживать англиканскую и шотландскую церкви. Чарльз не принадлежал ни к той, ни к другой конфессии. «Группа вперёдсмотрящих» предложила освободить монархию от связей с религией и отделить церковь от государства.

Как монарху, Чарльзу следовало поддерживать протестантскую церковь, что также его тревожило. Он не понимал, почему католики не могут наследовать трон. И заявил, что закон, запрещающий суверену жениться на католичке, не-

справедлив и ущемляет права 10 процентов из 60-миллионного населения Великобритании, придерживающихся католического вероисповедания. Поэтому он выступил за отмену почти трехсот-летнего запрета.

Наследник был полон решимости заполучить трон. Хотя Чарльз и разочаровал своих будущих подданных, расставшись с молодой женой, которой предпочел достаточно повидавшую на своем веку любовницу, он не собирался отступить. Несмотря на растущее сопротивление, принц Уэльский не сдавал позиций. «Я посвятил жизнь возвращению величия своему народу, — заявил принц, — и не собираюсь отступить». Однако даже те, кто еще помнил Великую Британскую империю, не верили, что он станет королем.

По всей стране люди продолжали вставать на официальных обедах, когда провозглашался торжественный тост. И поднимали бокалы, салютуя своему суверену. «За королеву», — говорили они хором, прежде чем снова сесть. Даже республиканцы поднимались со своих мест. «Никто из нас не выступает за революцию, — сказал профессор Стивен Хаселер, председатель Британского республиканского общества. — Большинство британцев в преддверии двадцать первого века восклицают: «Боже, храни королеву!» И добавляют: «Боже, сохрани нас от ее наследников!»

С точки зрения профессора, монархия уже готова подойти к стенке и выкурить свою последнюю сигарету. Он предсказывал резкое усиление раздоров, если принц Уэльский взойдет на трон. «Король Карл III расколется нацию на две части, — заявил он. — Единственно возможное решение — если исключить анархию, а ее никто из нас не

одобряет, — акт парламента, согласованный с королевой, в котором будет сказано, что после ее смерти или отречения монархия прекратит свое существование, а новый глава государства будет лицом выборным».

Республиканцы просили королеву уничтожить собственную династию. Роялисты возмутились. Они предупреждали, что отказ от монархии нанесет стране непоправимый урон и вызовет политический переворот. Придется перестраивать правительство, говорили они, и создавать новую конституцию. И еще роялисты предсказывали, что классовая система исчезнет и рухнет палата лордов. Республиканцы соглашались и одобряли. Они не сомневались, что структурные перемены необходимы, чтобы придать новый импульс всей стране. Начались национальные дебаты, хладнокровно произносились слова, которые еще совсем недавно считались предательскими.

Однако большинство не могло принять окончательного решения и присоединиться к республиканцам или роялистам. Многие хотели сохранить монархию, но обойти нынешнего наследника. «Все просто, как алфавит, — кто угодно, только не Чарльз», — заявил один из членов парламента, предложив королеве сделать своей наследницей принцессу Анну. Опросы общественного мнения в 1996 году показали, что эта идея имеет серьезную поддержку. Кое-кто, соглашаясь с Дианой, предлагал передать корону сыну Чарльза.

«Самое лучшее перескочить через поколение и сделать принца Уильяма преемником королевы, — написал Пол Джонсон в «Спектейтор». — Подобное решение позволило бы изъять неумно-

го и непопулярного Чарльза и вызвать восторг у широкой публики».

Американцы с ним согласились. Для помещанной на молодости и знаменитостях культуре такое решение казалось идеальным. Журнал «Пипл» описывал юного принца как «красавчика, похожего на мать». «Тайм» поместил на обложку его фотографию и обратился к своим читателям с вопросом: «Сможет ли этот мальчик спасти монархию?» Британский комментатор Джулия Берчил выразила сомнения: «Я надеюсь, что у Уиллса все будет в порядке, — сказала она, — но очень удивлюсь, если он окажется нормальным, потому что принц вырос в самой безумной семье со времен Мюнстеров... Нас не слишком поразит, если он начнет носить женскую одежду и выразит желание сочетаться браком с корги...»

Сохранится ли монархия в двадцать первом веке? Букмекеры начали принимать ставки. В 1994 году ставки принимались из расчета 100 к 1, но уже через год упали до 5 к 1. Оценивая непредсказуемые события 1996 года, один лондонский букмекер из компании «Уильям-Хилл» заявил: «Специалисты по удачным капиталовложениям говорят, что Ее Величество, когда ей исполнится семьдесят лет, уйдет в отставку и передаст корону Чарльзу. Сейчас это единственная возможность посадить ее наследника на трон. В течение следующих пяти лет она заключит сделку с премьер-министром. Каким будет правительство — тори или лейбористов, — значения не имеет, поскольку обе партии вынуждены выступать за монархию. Если королева выразит подобное пожелание, ей никто не сможет отказать».

Однако пойдет ли королева на такой шаг? Некоторые букмекеры стараются подстраховаться, поскольку ставят под сомнение материнские инстинкты монарха, у которого на первом месте всегда стояло чувство долга. В лучшем случае ее можно считать равнодушным родителем, не склонным более отказываться от короны в пользу своего сына, человека средних лет. «Королева верна долгу, — заявил один лондонский букмекер. — Она много раз говорила, что ее работа — это дело на всю жизнь. Елизавета никогда не отречется от престола. Основываясь на своих наблюдениях, я считаю: вероятность того, что королева уступит свое место Чарльзу до того, как отправится к ангелам, совсем невелика».

Немногие критиковали Елизавету как монарха. Однако в роли матери она потерпела поражение. Королева произвела на свет четверых детей, трое прошли через процедуру развода, а один до сих пор еще не выпутался из сложной ситуации. Не слишком убедительный счет, когда речь идет о людях, единственная задача которых — жить счастливо. Они не злые, а просто корыстные. Не отличаются особыми талантами или героизмом. Этого оказалось достаточно, чтобы дом Виндзоров растерял свое былое величие.

Много лет назад Фарук, последний король Египта, предсказал, что к концу двадцатого столетия большинство монархий исчезнет. «Во всем мире останется только пять королей, — заявил он. — Король червей, король треф, король бубен, король пик — и король Англии».

Его тоже обманула мистическая загадка британской монархии.

«В таинственности и заключена ее жизнь, — писал историк Уолтер Багеот более ста лет назад. — Нельзя допустить, чтобы дневной свет вторгся в ее магические пределы».

С тех пор магия британской короны стала открыта всем взорам. Однако ее история говорит о том, что она должна выжить, поскольку постоянно пытается идти по пути обновления. И хотя Великобритания начинает по-новому оценивать свою монархию, сама монархия сохраняет гениальную способность к адаптации и компромиссу, вновь и вновь отрицая возможность собственного уничтожения. Благодаря мистической связи британской короны с религией и патриотизмом ее нельзя вырвать с корнем — ибо тогда в сознании народа останется зияющая дыра. Такая же вечная, как Белые скалы Дувра, королевская власть просуществовала 1200 лет при поддержке людей, обожающих торжественные церемонии и мифы. Ее тайны не в силах понять даже самые преданные монархисты, которые соглашаются, что не все короли и королевы были добрыми, благородными и мудрыми. Однако они выжили благодаря подданным, которым было необходимо верить в своих монархов. Стремление смотреть снизу вверх на кого-нибудь великолепного, на что-нибудь величественное, даже грандиозное, все еще существует. И хотя богоподобное сияние потускнело, а сама монархия лишилась своего величия и себя опозорила, нужда в волшебстве по-прежнему существует, и остается надежда на обновление.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Смерть Дианы потрясла Виндзоров. Главу дома, саму королеву, эта смерть просто подкосила. Ее разбудил в 3.30 ночи 31 августа 1997 года телефонный звонок личного секретаря в Балморал. Первой реакцией королевы, по ее словам, было: «Звонок в такое время ночи? Пусть только попробует быть несущественным!»

Смерть настигла Диану в Париже. Преследуемая папарацци на мотоциклах и автомобилях, машина, в которой она ехала, врезалась в стенку туннеля. За несколько секунд до катастрофы спидометр машины принцессы, по словам французской полиции, показывал 121 милю в час, то есть тройное превышение допустимой скорости. Полиция также утверждала, что водитель был пьян и находился к тому же под воздействием лекарств, прописанных ему от депрессии и алкоголизма. Он умер мгновенно.

Спутник Дианы, Доди Файед, находившийся вместе с ней на заднем сиденье, также погиб при ударе. Его телохранитель, сидевший в черном «мерседесе» впереди, был единственным пассажи-

ром, который пристегнул ремень безопасности. Он получил тяжелое увечье, но остался жив.

Объявление Би-би-си об ужасной смерти принцессы болью отозвалось в сердцах людей.

«У меня такое чувство, что с неба сорвали самую яркую звезду, — сказала, услышав эту новость, жительница Лондона, — и мы погрузились в непроглядную тьму». В Великобритании под звуки государственного гимна, «Боже храни королеву», были приспущены флаги. Ирония судьбы состоит в том, что всего месяц назад королева Елизавета лишила принцессу именно этой привилегии после развода одновременно с королевским титулом.

Сдерживая слезы, британский премьер-министр Тони Блэр старался утешить содрогавшуюся от горя нацию. «Она была народной принцессой, — заявил он. — И такой она навсегда останется в наших сердцах и нашей памяти».

Люди на улицах, рыдая, собирались кучками, чтобы вместе вспоминать Диану. В Лондоне они молились в церквях, выстаивали около ее спортивного зала, оставляли цветы у входа в ее любимые рестораны. Возле Кенсингтонского дворца, где она жила, собралась толпа. Перед железными воротами лежали горы цветов. «Родилась леди, стала принцессой, умерла святой», — говорилось на одной из карточек. «Теперь она царствует в наших разбитых сердцах», — начертил кто-то на плакате.

Прислали соболезнования от имени своих стран президент Соединенных Штатов Америки и президент Южной Африки Нельсон Мандела, а также мать Тереза из Калькутты. (Пресса отметила смерть этой старой монахини, случившуюся через несколько дней после этого, всего лишь скромными заметками, совершенно не сопоставимыми по объ-

ему с водопадом откликов на смерть Дианы.) В Вашингтоне американцы отнеслись к гибели Дианы, как к уходу королевы. Сотни людей собрались у британского посольства, чтобы отдать ей последнюю дань уважения. Они часами выстаивали в длинной очереди, чтобы расписаться в книге соболезнований. В Нью-Йорке звезда тенниса Андре Агасси вышел на матч, надев траурную ленту через плечо. В Женеве над зданием Международного Красного Креста был приспущен флаг в знак скорби по принцессе. Ее последней гуманитарной миссией в Боснии было участие в кампании по запрещению противопехотных мин.

За несколько недель до ее смерти опросы общественного мнения впервые показали, что большинство населения Великобритании больше не поддерживает королевскую семью. Разочарование и недовольство домом Виндзоров особенно захватили молодых людей от восемнадцати до двадцати четырех лет, заявлявших, что страна прекрасно обойдется и без королевской семьи. «Им сколько ни дай — все мало», — было одним из распространенных мнений.

В толпе скорбящих о Диане людей, собравшихся перед Букингемским дворцом, звучали нелестные высказывания о королеве, продолжавшей пребывать в уединении замка Балморал.

«Неужели Ее Величество не может хоть разочек спуститься с высот к своим подданным? — рыдала коленопреклоненная в молитве женщина. — Это никак не унизит ее достоинства... Хоть бы словечко, хоть одна слезинка, хоть какой-нибудь добрый жест, чтобы показать, что она тоже переживает...»

Королева молчала в течение пяти дней после трагедии. Средства массовой информации жестко

упрекали ее за нежелание появиться на публике и разделить горе, охватившее всю страну.

«Покажите нам, что вам не все равно!» — кричал заголовок в «Дейли экспресс». «Где наша королева? Где ее флаг?» — вторила ей газета «Сан». «Миррор» поместила над фотографиями рыдающих людей мольбу: «Ваш народ страдает. Поговорите с нами, мэм!»

Встревоженный премьер-министр дал понять двору, что несколько сочувственных слов со стороны королевы могли бы умерить растущую враждебность. Однако придворные были непреклонны. По их мнению, в обязанности монарха не входит утешать плачущих подданных. Тем не менее обладающий острым политическим чутьем премьер-министр с этим не согласился. Он связался с принцем Уэльским, который напомнил матери, что королевской семье «положено» быть отзывчивой. Тогда она дала согласие на то, чтобы в день похорон «Юнион Джек», флаг на Букингемском дворце, был приспущен до половины. Со стороны королевы это была историческая уступка, потому что до сих пор такой чести удостаивались только умершие монархи. Позднее она довела до общего сведения через своего пресс-секретаря, что ее «очень обидели» слова, будто она равнодушна к чувству утраты, которое испытывают ее подданные.

За день до похорон королева согласилась покинуть Балморал, вернуться в Лондон и выступить по телевидению с обращением к народу. Но даже в написанном заранее тексте, который она зачитывала на фоне скорбящей толпы перед Букингемским дворцом, семидесятилетняя монархиня не смогла заставить себя произнести, что любила Диану. Она

с похвалой высказалась о принцессе, как «о человеке одаренном и исключительном», сообщила, что уважала свою бывшую невестку и восхищалась ею «за ее энергию и самоотдачу, особенно за преданность двоим ее сыновьям». Она поблагодарила всех, приславших письма, полные сочувствия, и принесших цветы, а также расписавшихся в книге соболезнований. Перед выступлением с траурным обращением королева решила пообщаться напрямую со своими подданными, но выглядела при этом сурово и непреклонно.

Одетая в черное платье, шляпу и перчатки, с черной сумкой в руках, она появилась вместе с принцем Филиппом и с остановками проществовала сквозь толпы собравшихся вокруг Сент-Джеймского дворца. Она держалась на некотором расстоянии от нестройных людских рядов, однако, несмотря на свою неловкость в подобном живом общении, это было оценено теми, кто оказался поблизости.

Принц Чарльз, явно потрясенный смертью бывшей жены, вместе с двумя ее сестрами отправился на самолете в Париж, чтобы перевезти тело Дианы на родину. Стоя рядом с покрытым королевским штандартом гробом в лондонском аэропорту, Чарльз выглядел грустным и потерянным. Почетный караул королевских военно-воздушных сил на руках перенес гроб в часовню Сент-Джеймского дворца, резиденции принца в Лондоне. После этого Чарльз немедленно вернулся в Балморал к сыновьям, пятнадцатилетнему Уильяму и двенадцатилетнему Гарри.

Брат Дианы, граф Спенсер, из своего дома в Кейптауне, в Южной Африке, сделал страстное заявление, обвинив прессу в том, что она убила

его сестру. Он назвал издателей, которые наживались на публикациях о ней, загонщиками, чьи руки испачканы кровью.

«Я всегда знал, — сказал он, — что рано или поздно пресса убьет ее, но мне и в голову не приходило, что они впрямую будут участвовать в ее смерти, как это произошло на самом деле».

Мать Дианы, шестидесятиоднолетняя Фрэнсис Шенд Кидд, в одиночестве проживающая в Шотландии, воздержалась от каких-либо публичных заявлений. К сожалению, они с Дианой не разговаривали между собой. Их хрупкие отношения окончательно прекратились за несколько месяцев до этого, после интервью, данного миссис Шенд Кидд журналу «Хэлло!». Она рассказала о детстве Дианы, о ее желудочных расстройствах и ее взаимоотношениях с принцем Чарльзом. Равно критикуя обоих принца и принцессу Уэльских за их телевизионные исповеди, мать Дианы не стала принимать сторону дочери. Она также ни в чем не упрекнула принца Уэльского. Казалось, что она, пожалуй, была даже довольна тем, что Диану при разводе лишили королевского титула, заявив, что такое освобождение от высокого статуса «просто великолепно».

Диана пожаловалась друзьям, что мать предала ее. Своему другу, репортеру газеты «Дейли мейл» Ричарду Кею, она сообщила, что «глубоко потрясена» раскрытыми в интервью матери подробностями ее жизни. Диана также сказала ему, что «горько разочарована и обижена» журналом «Хэлло!», который не поставил ее заранее в известность о предстоящей публикации. По ее словам, она считала, что у нее с этим журналом были особые доверительные отношения с 1994 года

после того, как журнал купил, но так и не опубликовал ее пляжные фотографии, снятые в Испании, на которых она была обнажена до пояса. Однако после публикации интервью с матерью Диана запретила фотографам из «Хэлло!» снимать себя во время следующего благотворительного мероприятия. «Дейли мейл» отреагировала на эту стычку огромным заголовком на первой странице (номер от 28 мая 1997 года): «**ИАНА В ЯРОСТИ ОТ РАССКАЗА МАТЕРИ**».

Через несколько недель Диана вновь разговаривала с Ричардом Кеем и на этот раз поведала ему о своем недовольстве герцогиней Йоркской. 2 августа 1997 года «Дейли мейл» послушно возвестила аршинными буквами: «**ИСТИННАЯ ПРИЧИНА, ПОЧЕМУ ДИАНА НЕ ХОЧЕТ РАЗГОВАРИВАТЬ С ФЕРДЖИ**».

Весьма неровная дружба между двумя женщинами окончательно рухнула, когда Ферджи написала в своей автобиографии, что заразилась бородавками, одолжив пару туфель у Дианы.

«Однако враждебность Дианы была вызвана не только этой вульгарной откровенностью, — пишет газета. — К сожалению, столь же неприятные чувства испытывали и дети Дианы, особенно пятнадцатилетний принц Уильям». Судя по всему, молодой человек ощущал растущую неловкость из-за того, что герцогиня пыталась использовать всемирную известность Дианы в своих честолюбивых целях. Диана согласилась с сыном и прекратила общаться со своей бывшей золовкой.

Какой-то чернокожий человек в толпе перед Кенсингтонским дворцом, скорбя о смерти Дианы, говорил по поводу ее разрыва с семьей: «Ее предали все окружающие: муж, любовники,

мать, золовка... ее собственная семья и королевский дом... Мне кажется, что только простые люди, такие как я, ценили ее по-настоящему, потому что она ценила нас». Из колоды игральных карт он вытянул королеву червей* и положил ее поверх ковра цветов.

Молодая женщина в джинсах и майке, заливаясь слезами, приблизилась к воротам дворца и оставила там свой дар: фотопортрет принцессы в диадеме, под которым были написаны несколько строк из стихотворения У. Г. Одена**:

Была она мне Запад, Север, Восток и Юг,
И дни труда, и радостный досуг,
Все песни дня, всех полночей улыбки...
Считал я, нет конца любви...

но то была ошибка.

Не надо больше звезд: пусть гаснут по одной,
Снимайте солнце с потускневшей луной,
Спустите воды океана, сдвиньте лес...
Добру уже не быть: на свете нет чудес.

Среди цветов и мягких игрушек валялся разбитый фотоаппарат с прикрепленной карточкой, на которой было написано: «Вот орудие убийства, уничтожившее нашу любимую принцессу».

Многие обвиняли в смерти Дианы газетчиков-папарацци и так же, как брат, считали ответственными за ее гибель средства массовой информации. Ярость общества несколько поутихла после того, как французская полиция опубликовала результаты анализа на содержание алкоголя в крови водителя машины, Анри Поля, возглав-

* В английском языке «черви» означает «сердце».

** Перевод Е. Ф. Левиной.

лявшего службу безопасности отеля «Ритц». Оно превышало допустимую норму в три раза.

Некоторые люди находили утешение в том, что у Дианы завязались отношения с новым мужчиной. В ее жизнь вошел Имад Мохамед аль-Файед, которого друзья звали Доди. День, когда они погибли, был счастливым четвертым уик-эндом их совместного отдыха. Немного ранее она совершила пятидневную поездку в Грецию вместе со своей подругой, Розой Монктон, во время которой бесконечно радовалась тому, что Доди ей постоянно звонил. «Она была счастлива, наслаждалась своими чувствами и тем, что есть человек, который не только, очевидно, любит ее, но и не боится продемонстрировать это».

После смерти Дианы Роза написала статью об этих днях. Впрочем, она также вспомнила раздражение, с которым Диана отнеслась к рассказу Доди о купленных для нее подарках, включавших витой жемчужный браслет от Картье с застежкой в виде дракона из жемчуга и бриллиантов, а также двусторонние наручные часы от Егер-Ле-Култр.

«Это совсем не то, чего я хочу, Роза, — говорила она. — Меня это только смущает. Я не хочу, чтобы меня покупали. У меня все есть. Я хочу, чтобы у меня был кто-то мой. Человек, с которым я буду чувствовать себя в безопасности, опекаемой и лелеемой». Она, конечно, имела в виду безопасность эмоциональную.

Последний раз подруги разговаривали по мобильному телефону 27 августа, за четыре дня до смерти Дианы.

«— Просто ответь мне, тебе хорошо? — спросила Роза.

— Да, — отвечала принцесса».

Когда их роман только начинался, летом 1997 года, фотографиями сына мультимиллионера Мохамеда аль-Файеда пестрели все газеты. «Нью оф уорлд», крупнейший британский еженедельник, называл его сорокалетним плейбоем, «недостойным» жениться на британской аристократке.

«Он знаменит тем, что устраивает великолепные приемы, курит дорогие сигары и ухаживает за самыми красивыми женщинами, — писала газета. — Но он мало подходит на роль отчима будущего короля Англии». Отмечая уничижительный тон британской прессы по отношению к новому претенденту на руку Дианы, «Нью-Йорк таймс» характеризовала Доди, как «молодого богатого чужака, оказавшегося в британском обществе, помешанном на классовых различиях».

Его роман с Дианой начался, когда отец Доди пригласил принцессу с сыновьями посетить его виллу «Файед» на французской Ривьере. Несмотря на возражения близких друзей, Диана приняла приглашение Файеда-старшего. Британская пресса критиковала ее за то, что она «одарила своим присутствием» человека, которому британское правительство отказало в английском гражданстве. Аль-Файед, родившийся в Египте, признался в том, что в 1997 году давал взятки нескольким членам парламента для того, чтобы задать во время еженедельной сессии ряд вопросов премьер-министру, способствовавших поражению правящей партии консерваторов. Однако он заявлял, что истинной причиной, по которой британское общество не желает его принять, является расовая дискриминация.

«Я — жертва британского истеблишмента, — сообщил он журналу «Тайм». — Вы не поверите,

с чем мне приходится здесь сталкиваться. Они не могут смириться с тем, что я владелец «Харродз»*. С тем, что египтянин, а не британец, выстроил этот магазин. Как это, какой-то паршивый египтянин, явившийся из ниоткуда, совершил такое, построил такую сказку?!»

Несмотря на щедрые пожертвования на благотворительные цели, британские газеты называли мультимиллионера хвастливым выскочкой, стремящимся пролезть в высшее общество, и недостойным королевского покровительства.

«Мистер Файед — совсем не тот человек, у которого можно быть в долгу такой значительной фигуре, как принцесса, да еще и с сыновьями», — заявляла «Дейли телеграф». На следующий же день на первых страницах нескольких газет красовались фотографии Дианы под руку с Мохамедом аль-Файедом на борту его яхты. Она улыбалась радостно, даже, пожалуй, вызывающе.

Во время этой прогулки она обратилась к британским репортерам, настойчиво преследовавшим ее до Сен-Тропеза, и попросила оставить ее в покое. Затем она предупредила их, чтобы они были готовы к неожиданной новости. «Увидите, вас ждет большой сюрприз. Вы будете изумлены новым моим поступком... Мои мальчики уговаривают меня покинуть Англию. Они говорят, что другого выхода нет. Возможно, я так и сделаю. Я живу безвылазно в Лондоне, подвергаясь оскорблениям и слезке, куда бы ни пошла. Теперь меня вынуждают уехать отсюда. Уильям нервничает.

* Отец Доли прибавил к своей фамилии Файед приставку аль, после того как приобрел магазин «Харродз» в Лондоне и отель «Ритц» в Париже.

Он находится в постоянном напряжении. Я надеялась, что этот визит пройдет тихо, без всякой шумихи в прессе».

Однако, невзирая на вмешательство газетчиков, Диана впоследствии говорила Майклу Коулу, представителю аль-Файеда в «Харродз», что у нее с детьми был идиллический отдых.

«Никогда я так чудесно не проводила время», — цитирует он ее слова. Репортеру Ричарду Кею она сообщила, что собирается отойти от участия в общественной жизни и заняться личной. «Тогда она смогла бы жить так, как ей всегда хотелось, — писал он позже, — не как икона — как же она ненавидела, когда ее так называли, — а просто как частное лицо».

Фотографии Доди и Дианы заполонили страницы газет и журналов во всем мире. За снятую через телеобъектив зернистую фотографию, на которой был запечатлен их поцелуй, по слухам, было заплачено 5 миллионов долларов. «Санди миррор» сообщала своим читателям, что Доди и Диана нашли друг в друге родственные души. «Оба они оказались чужими в официальном британском обществе».

В конце августа, после целого дня плавания вокруг Сардинии на яхте старшего аль-Файеда, прославленная парочка на его же самолете улетела в Париж. Они посетили виллу, принадлежавшую ранее герцогу и герцогине Виндзорским, а ныне приобретенную отцом Доди. Затем они пообедали в его же отеле «Ритц». На следующий день Диана планировала улететь в Лондон на самолете аль-Файеда, чтобы побыть с сыновьями до начала их школьных занятий. Они в это время отдыхали с отцом и другими членами королев-

ской семьи в Шотландии. Однако Диане не было суждено еще раз увидеть своих детей.

Через несколько дней, 6 сентября, в субботу, юные принцы Уильям и Гарри вместе с отцом, дедом и дядей, братом Дианы, прошли пешком от Кенсингтонского дворца до Вестминстерского аббатства, чтобы проститься с матерью. Принцесса Уэльская не удостоилась величественных государственных похорон на лафете под приглушенный бой барабанов, хотя королева и могла своей властью решить этот вопрос. Вместо этого дворец пообещал устроить необычное прощание — «уникальный ритуал для уникальной личности». Две тысячи человек получили личные приглашения присутствовать на заупокойной службе в аббатстве, где на протяжении тысячи лет короновали и хоронили английских монархов. Приглашенные на похороны люди представляли все грани короткой и яркой жизни Дианы, королевской и обыденной. Позже тело принцессы должно было быть предано земле в присутствии узкого круга лиц на острове в Олторпе, родовом поместье семейства Спенсер, неподалеку от местечка Брингтон.

Американским официальным представителем на похоронах была первая леди Хиллари Клинтон. Среди прочих знаменитостей следует назвать Лючано Поваротти, Стивена Спилберга, Дайану Росс, Тома Хэнкса и Тома Круза. Кроме того, там присутствовали 470 представителей благотворительных организаций и ее любимые дизайнеры одежды Ральф Лорен, Зандра Роудс, Брюс Олфилд, Кэтрин Уокер, а также Валентино и Карл Лагерфельд.

Снаружи аббатства собрались сотни тысяч простых людей, множество их выстроились вдоль улиц, чтобы проводить принцессу в последний путь и воздать дань уважения той, которая внесла в идею монархии гораздо больше, чем получила от нее взамен. По оценке Би-би-си Лондон не видел таких толп с окончания Второй мировой войны.

По всему миру примерно 2,5 миллиарда человек в 187 странах наблюдали по телевизору похороны Дианы. В Соединенных Штатах люди встали специально в 4 утра, чтобы увидеть заупокойную службу.

«Мы присутствовали при рождении этой сказки, — сказала жительница Нью-Йорка, смотревшая в 1981 году по телевизору королевскую свадьбу. — Самое меньшее, что мы можем сейчас сделать, это побыть с ней до конца».

После того как валлийские гвардейцы установили гроб Дианы перед главным алтарем аббатства, Элтон Джон запел свое знаменитое прощание с английской розой. Его поэт-песенник переделал в память принцессы Уэльской слова «Свечи на ветру», элегии, первоначально посвященной Мэрилин Монро. Эта песня, которую спустя несколько дней певец записал заново и выпустил в свет, стала самым растиражированным синглом в истории. Доход от его продажи (к 1998 году он достиг 65 миллионов долларов) певец передал мемориальному фонду, созданному в память Дианы, для поддержки ее благотворительных начинаний. Тронутая проникновенностью этой песни, королева позже посвятила Элтона Джона в рыцари. Хотя она запретила телевизионный показ королевской семьи из Вестминстерского аббатства, некоторые из присутствовавших на похоронах рас-

сказывали, что видели слезы на глазах королевы* в тот момент, когда Элтон Джон пел строчку, где Диана называлась «золотое дитя нашей родины».

Несколько минут спустя Ее Величество получила публичный выговор от графа Спенсера, брата Дианы. Его пылкая прочувствованная речь была полна нескрываемой ярости, когда он резко разграничил настоящую семью Дианы и королевское семейство. Обращаясь к покойной сестре, он сказал: «...от имени твоей матери и сестер я клянусь, что мы, твоя кровная семья, сделаем все возможное, чтобы эти двое замечательных юношей продолжали развиваться свободно и творчески, так, как направляла их ты. Чтобы души их не погрязли в королевских традициях и обязанностях, а смогли петь вольно и раскованно, как ты хотела». Это была почти не прикрытая пощечина королевскому семейству.

Речь графа вызвала бурные аплодисменты как внутри, так и снаружи аббатства, когда обрушился на средства массовой информации. Он сказал, что сестра неоднократно говорила о стремлении покинуть Англию из-за того, как с ней обращались пресса и телевидение.

«Думаю, что она так никогда и не смогла понять, почему все ее добрые намерения высмеивались средствами массовой информации, почему она стала предметом их нескончаемой травли, —

* Британская пресса отмечала, что подданные видели королеву плачущей на публике только один раз, когда спустя три месяца после смерти Дианы она просталась с «Британией». Ее Величество хранила стоическую сдержанность во время похорон своего отца и принцессы Уэльской, но не смогла скрыть огорчения, когда в 1997 году списали яхту, которую она сама спускала на воду в 1953-м.

продолжал он. — Это непостижимо. Мое собственное единственное объяснение этому, что истинная добродетель является угрозой тем, кто стоит на противоположном краю морального спектра. Стоит напомнить, что по иронии судьбы, скорее, пожалуй, по ее насмешке, девушка, которой дали имя Дианы, древней богини-охотницы, стала в конце концов предметом самой зверской охоты современности».

Этот прощальный панегирик был признан всеми весьма смелым, а также блестящим образцом британского ораторского искусства. В истерично-лихорадочной атмосфере похорон Дианы красноречие ее брата сравнивали с красноречьем Уинстона Черчилля. Однако прошло только несколько дней, и граф Спенсер был объявлен прощельгой и пустомелей.

Британская пресса отомстила ему, доведя до всеобщего сведения мельчайшие подробности его предстоящего развода в Южной Африке. Были опубликованы фотографии его многочисленных любовниц и выдержки из любовных писем, написанных им еще во время брака. Пресса представила его человеком, непрерывно изменявшим жене, жестоко измучившим своими похождениями чувствительную женщину, доведенную этим до нервного срыва. Говорили, что он даже запретил ей приехать на похороны своей сестры. Газеты называли его «лжецом» и «обманщиком», а жена рассказывала о нем, как о нетерпимом и нагоняющем страх тиране. Приводили ее высказывания о том, что он постоянно критиковал, подрывал ее веру в себя, подавлял и унижал, пока она не стала совсем сломленной и запуганной. «Дейли мейл», пересказывая эту историю, прове-

ла параллель между ним, его отцом и его дедом, обобщив все заголовком «Почему мужчины рода Спенсеров обращаются с женами, как с вещью?».

Чарльз Спенсер утверждал, что его жена, путешествуя по свету в качестве топ-модели, стала наркоманкой и не смогла бы удержаться от наркотического влечения, если бы он давал ей больше денег. На этом основании он отказывался выплачивать ей алименты, требовал, чтобы ему отдали их четверых детей, и угрожал передать дело в суд. Однако после потока негативных публикаций он пошел на попятную и согласился уладить все полюбовно во внесудебном порядке. Газеты радостно возвестили о победе его жены, которая получила совместную опеку над детьми и крупную единовременную выплату в три миллиона долларов.

Граф Спенсер вновь подвергся критике, когда объявил о своих планах построить в Олторпе мемориал в честь Дианы и брать с туристов по 15 долларов за право посмотреть на остров, где она похоронена. Он сообщил, что доступ туда будет открыт ежегодно со дня ее рождения, 1 июля, до дня накануне ее смерти, 30 августа. Годовщина смерти, 31 августа, будет днем скорби и воспоминаний только для родных и близких. Около месторасположения нового Олторп-Хауса он водрузил следующий плакат: «Диана вернулась домой. Здесь будут бережно хранить ее смертные останки, здесь память о ней будет жить вечно». Телефонные линии не справлялись с огромным числом звонков: восемь миллионов людей со всего мира пытались заказать билеты заранее. «Дейли мейл» озаглавила сообщение об этом: «Билетик на скорбь».

Граф возражал, что вовсе не хотел наживаться на смерти сестры, а всего лишь откликнулся на желание публики почтить ее память. Когда он объявил о намерении воздвигнуть храм на берегу озера, чтобы посетители могли возлагать там цветы, один из британских газетных обозревателей ехидно заметил, что он будет стоять «как раз возле яслей, где она родилась». Когда же Спенсер сказал, что планирует также преобразовать конюшню восемнадцатого века в музей, где будут собраны вещи Дианы и материалы о ее жизни, тот же обозреватель поинтересовался, будут ли там еще катанья на пони и зверинец.

«ТЕПЕРЬ ОН ЗАШЕЛ СЛИШКОМ ДАЛЕКО» — гласил заголовок, оповещавший о его планах устроить у могилы сестры рок-концерт в честь ее несостоявшегося тридцатисемилетия. Даже любимые Дианой эстрадные артисты, Элтон Джон, Пол Маккартни, Эрик Клэптон и Джордж Майкл, ответили, что не смогут принять в нем участие из-за других более ранних договоренностей.

В горестные дни после смерти Дианы и Доди по телевидению выступил Майкл Коул со славными рассуждениями об их «негасимой» любви и «возможной» свадьбе. Он сказал, что в свой последний день они обменялись подарками: Диана подарила Доди золотые запонки, принадлежавшие ее покойному отцу, и золотую резку для сигар, на которой было написано: «От Дианы с любовью». Доди подарил ей кольцо за 205 тысяч долларов, которое они выбрали в ювелирном на площади Вандом в Париже. Представитель аль-Файеда заявил также, что Доди выгравировал на

серебряной пластинке стихотворение* и положил ее под подушку на постели в своей квартире, где они собирались провести ночь.

Пока французские судебные власти расследовали трагическую катастрофу, возникло множество теорий о каком-то заговоре. Ливийский лидер Муаммар Каддафи обвинил британские спецслужбы в убийстве принцессы и ее любовника-египтянина с целью помешать их возможной свадьбе, которая могла бы поставить в неловкое положение британский королевский дом, если б от этого брака родились дети с мусульманскими именами.

По словам отца Доди, Мохамеда аль-Файеда, в книге «Смерть принцессы» утверждалось, что накануне смерти Диана была уже беременна и собиралась перейти в ислам. Он подозревал нечто зловещее в аварии, повлекшей смерть ее и его сына. «Их отношения были серьезными», — говорил он авторам этой книги, работавшим от журнала «Тайм». — «Возможно, у будущего короля был бы сводный брат — «негритос», а отчимом — Мохамед аль-Файед. Вот ведь как они рассуждают... этот британский истеблишмент. Они ведь совсем другие: не той породы, что обычные люди».

Обезумев от горя, он злился на графа Спенсера, принца Чарльза и принца Филиппа за то, что они не послали ему соболезнований. «Я чувствую глубокую обиду, огорчение и разочарование, — сказал аль-Файед прессе. — Единственным моим

* Тина Синатра высказала предположение в журнале «Вэни-ти фэйр», что эта самая серебряная пластинка с выгравированным стихотворением, которую Доди подарил Диане, возможно, является той пластинкой, которую когда-то подарил Тине ее бывший муж. Доди видел эту пластинку в доме Синатры и очень ею восхищался. Впоследствии он взял ее у Тины взаймы и, по ее утверждению, так и не вернул.

преступлением является то, что я являюсь отцом человека, которого полюбила Диана и который сделал ее такой счастливой, какой она никогда ранее не была».

Премьер-министр Блэр публично осудил арабского миллионера за «спекулирование на сенсации» и заклеил использование смерти Дианы на памятных марках, кружках, монетах, в книгах и фильмах, назвав это делом «недостойным и дурного вкуса». Королева и принц Чарльз сделали достоянием гласности «свою полную поддержку» мнения премьер-министра.

Семья Дианы и ее друзья пошли еще дальше: они объявили претензии аль-Файеда безответственными и предосудительными. Они также попытались опровергнуть их в своих публикациях. Однако даже в отсутствие доказательств какого-либо заговора против принцессы жуткие сценарии убийства шли лавиной, особенно в Египте. «Здесь заговоры — дело привычное, — сказал в интервью «Ньюсуик» Тим Салливан, профессор политологии в Каирском американском университете. — Когда вы считаете, что не властны над своей жизнью и текущими событиями, тем, что во всем виноваты заговоры, очень удобно объяснять происходящее».

В Интернете появилось множество совершенно нелепых историй о крохотных бомбах, спрятанных на крыше «мерседеса», в котором ехали Диана и Доди. Эти бомбы якобы были приведены в действие прибором дальнего управления, который замыкал колеса и руль нажатием кнопки в каком-то отдаленном месте, вроде, например, Букингемского дворца.

Все эти теории заговоров сочинялись людьми, которые усматривали какую-то хитрую связь

между нелюбовью королевского семейства к Диане и ее ужасной смертью. Ирония судьбы заключается в том, что смерть Дианы вдохнула жизнь в отживающую свой век британскую монархию. Магия ее неизъяснимого очарования, казалось, перешла на ее сына Уильяма, окружив его своим сиянием. Люди судорожно глотали слезы при виде юноши, так похожего на мать, который, склонив голову, шел в церковь на панихиду. Растроганные его горем, люди вспоминали желание Дианы видеть его королем. И в день ее похорон, казалось, не было ничего важнее, чем осуществить эту мечту прекрасной принцессы, подарившей столько доброты стране, отвергнувшей ее. Как сказал Шекспир: «Красота сопутствует доброте».

Больше чем кто-либо из членов королевского семейства Диана понимала, что значит быть принцессой в двадцатом веке. Она помогала тем, кто больше всех нуждался в ней. Она протягивала руку помощи бедным и больным — без белых королевских перчаток. Несмотря на привилегированное положение, она держалась без снисходительного превосходства. Она не скрывала своей уязвимости и тем самым давала людям надежду справиться с их несчастьями. Позволяя видеть свои личные неудачи и успехи, она давала им веру в то, что они тоже сумеют преодолеть свои несчастья, смогут выжить и даже восторжествовать над невзгодами. Она не дарила несбыточные мечты, а делала то, что всегда полагалось делать королям: помогала людям поверить в себя.

Принцесса Уэльская приносила свет всюду, где появлялась. Вот почему, когда ее не стало, столько людей во всем мире внезапно почувствовали себя обездоленными. Они поняли, что понесли утрату, поистине невозполнимую.

КОММЕНТАРИИ К ГЛАВАМ

Более тысячи человек на протяжении четырех лет вносили свой вклад в создание этой книги. Имена многих упомянуты в тексте, библиографии и посвящении. В данных заключительных заметках я постаралась познакомить читателя с общим подходом к подбору информации для книги. Конечно же, мне не удалось упомянуть здесь всех.

ГЛАВА 1

В соответствии с традициями, королевская семья является собой золотой стандарт, которому все остальные должны следовать. Прекрасный пример приводится в романе Леона Юриса «Исход», когда король Дании обратился к своим подданным после того, как нацисты приказали датским евреям носить звезду Давида:

«Король сказал, что один датчанин ничем не отличается от другого датчанина. Он сам первым наденет звезду Давида и надеется, что каждый верный датчанин поступит аналогичным образом».

На следующий день жители Копенгагена вышли на городскую площадь с нарукавными повязками, на которых была изображена звезда Давида. Ровно через сутки нацисты отменили приказ.

Пораженная мужеством короля, я написала письмо в Данию, в королевский дворец, рассчитывая уточнить подробности того давнего события и узнать побольше о монархе, который продемонстрировал такое благородство. Он был примером того, как должны вести себя короли. Поскольку я пишу об особах королевской крови, мне хотелось определить стандарт благородства.

Когда я получила ответ от лорда-гофмейстера датского двора, то пожалела, что сделала свой запрос. Однако он научил меня, как следует относиться к фактам, легендам и слухам о королях:

«Относительно эпизода, описанного Леоном Юрисом в «Исходе» (1958), мы можем сообщить следующую информацию о датском короле Христиане X и евреях:

1. В 1933 году, *после того* как Гитлер пришел к власти, король присутствовал в синагоге во время богослужения.

2. В 1941 году после немецкой оккупации король послал личное письмо с соболезнованиями в связи с пожаром в синагоге.

3. В октябре 1943 года король в личном письме к Риббентропу возражал против интернирования датских евреев.

Король Христиан никогда не носил звезду Давида, и нет никаких фактов, подтверждающих, что он соби-
рался это сделать...»

В конце, словно пытаясь принести извинения, он написал: «Легенда получила широкую известность и использовалась многими датскими и зарубежными авторами».

ГЛАВЫ 2 и 3

Документы об отношениях между США и Великобританией, полученные благодаря Акту о свободе информации; Президентская библиотека Франклина

Д. Рузвельта; документы Государственного департамента США о британской королевской семье в период 1940—1945 годов. Дипломатические телеграммы сообщали о трудностях, возникших в отношениях между двумя странами из-за Виндзоров. Вот что говорилось в телеграмме, датированной 20 июля 1940 года, отосланной из посольства США в Лиссабоне государственному секретарю:

«Герцог и герцогиня Виндзорские нелояльно высказывались по поводу политики британского правительства. Мы считаем, что их присутствие в Соединенных Штатах может привести к неприятностям. Они утверждают, что останутся в США, понравится это Черчиллю или нет; очевидно, герцог и герцогиня собираются вести мирную пропаганду. Если департамент аннулирует их визы, то они смогут отправиться на Бермуды, а оттуда на Багамы. Визы выданы генеральным консульством».

Интервью с Робертом Лейси (18 апреля 1995 года); Майклом Торнтоном (13 ноября 1993 года); Бевис Хиллер (16 апреля 1994 года); Флер Коулз (8 ноября 1993 года); Сью Таунсенд (19 апреля 1994 года); Майклом Блоком (14 апреля 1994 года).

Книги: «Хроника королевской семьи» Рея Бостона; «Королевский дом Виндзоров» Элизабет Лонгфорд; «Король Георг V» Кеннета Роуза.

Статьи: «Несчастливые и бесславные» Ричарда Томлинсона в «Индепендент он санди», 12 июня 1994 года; «Краткая биография» Аннабель Голдсмит, «Дейли мейл», 4 августа 1994 года.

Об отношениях королевской семьи с герцогом и герцогиней Виндзорскими.

«Я помню, как Филипп Зиглер получил разрешение дворца написать биографию короля Эдуарда VIII, — вспоминает редактор издательства «Уильям

Коллинс, сыновья и К^о». — Королева должна будет просмотреть и одобрить рукопись, поскольку она разрешила Зиглеру доступ к архивам Виндзорского замка. Он отдал свою работу во дворец, и королева сделала пометки на полях. Рукопись ему так и не вернули. Зиглеру позвонил один из конюших и сказал: «Ее Величество считает, что на таких-то страницах следует выразиться иначе, а на такой-то странице убрать несколько предложений... — Потом конюший рассмеялся и добавил: — А здесь Ее Величество написала на полях: «Они и в самом деле вели себя безобразно, не так ли?»

Королева поделилась своими замечаниями относительно рукописи с матерью, которая вызвала автора в Кларенс-Хаус после того, как прочитала описание своей вражды с герцогиней Виндзорской.

«Королеве-матери исполнилось в тот момент девяносто лет, — вспоминал редактор. — Зиглер пришел, и она так ласково сказала: «Почему вы пришли к выводу, что я ненавидела миссис Симпсон? Ведь я встречалась с ней всего один раз». Как я уже сказал, ей было тогда девяносто лет, и Зиглер не мог с ней спорить».

ГЛАВА 4

Документы: Общественные архивы Кью в Лондоне; библиотека Франклина Д. Рузвельта с личными бумагами президента и документами Белого дома, где описывался визит в США Георга VI и королевы Елизаветы; Дуглас Фэрбенкс-младший (корреспонденция, 1 ноября 1955 года); Британская библиотека о порнографической коллекции маркиза Милфорд-Хейвенского; неопубликованные дневники покойного вице-адмирала Гарольда Тома Бейли-Громана.

Статьи: Серии Филиппа Зиглера (19 февраля 1966 года); «Лайф», 3 августа 1953 года; «Тайм», 28 октября 1957 года.

Интервью: Пенелопа Мортимер (9 мая 1955 года); Фьямметта Рокко (22 и 24 ноября 1993 года).

Книги: «Королева» Анны Морроу; «ФДР — биография» Теда Моргана; «Великие британцы» Гарольда Оксбьюри (Оксфорд юниверсити пресс, 1985 год); «Маленькая Глория наконец счастлива» Барбары Голдсмит.

ГЛАВА 5

Относительно периода с 1945—1947 годов, включая бракосочетание Елизаветы и Филиппа, было использовано несколько источников.

Интервью: Ларри Адлер (24 мая и 22 ноября 1993 года; 10 января 1995 года); Гант Гезер об уходе Филиппа за Кобиной Райт-младшей; Сара Моррисон (8 апреля 1994 года); Хью Байготт-Уэбб (4 мая 1995 года); Норин Тейлор (4 и 5 мая 1995 года).

Извлечение из «Кто есть кто», написанное лордом Маунтбаттенем о себе:

«Адмирал флота Льюис Фрэнсис Маунтбаттен, граф Маунтбаттен Бирманский, барон Ромси, РП [Рыцарь Подвязки], ТС [Тайный советник], КОБ [Кавалер ордена Бани II степени], ОЗЗ [орден «За заслуги»], ОИИ [орден Индийской империи], БКОВ [Большой крест ордена королевы Виктории], КОКВ [Кавалер ордена королевы Виктории II степени], КОКВ [кавалер ордена королевы Виктории V степени], ОЗБЗ [орден «За боевые заслуги»], ЧКО [член королевского общества], Поч. ДГП [поч. доктор гражданского права], Поч. ДЮН [поч. доктор юридических наук], Поч. ДН [поч. доктор наук], член-корреспондент Академии электричества, член-корреспондент Королевской академии корабельных инженеров».

Озадаченная количеством заглавных букв, я написала герцогине Маунтбаттен письмо с просьбой объяснить мне их значение. В письме, датированном 30 марта 1995 года, ее секретарь ответил:

«Герцогиня с сожалением узнала, что у вас возникли проблемы в определении значения нескольких сокращений. По правде говоря, все они имеются в списке, озаглавленном «Сокращения», в самом начале «Кто есть кто» и справочнике «Дебретт»!

Леди Маунтбаттен также попросила меня сообщить вам, что вы написали «Поч. ДНК». А на самом деле следует написать «Поч. ДН», что означает доктор наук, а не «Крест за выдающиеся заслуги», который не предполагает почетного членства. Она также попросила меня объяснить, что «Кто есть кто» в качестве справки перечисляет различные степени ордена Бани, ордена королевы Виктории и даты их пожалования. Обычно только самая высшая ступень употребляется после имени».

О нормах военного времени:

Доктор Ина Звайнигер-Баргиловска из Университета в Аберистуите, в Уэльсе, просмотрела документы в государственном архиве в Лондоне и выяснила, что во время Второй мировой войны королевская семья получала заметно больше талонов на одежду, чем обычные британцы. Она сообщила о своих исследованиях в «Хистори тудей» в 1993 году. Филипп Зиглер, официальный биограф короля Георга VI, отмахнулся от ее отчета, как от чепухи.

ГЛАВА 6

Переписка с пресс-секретарем королевы Чарльзом Энсоном и его помощницей Пенни Рассел-Смит (27 января 1995 года); интервью с Роландом Фламини (15 декабря 1994 года, 19 апреля 1995 года); Найджелом Демпстером (23 мая 1993 года); Энтони Холденом (25 марта, 15 апреля 1994 года); краткий биографический очерк, посвященный королю Георгу VI, У. Ф. Дидс, «Дейли телеграф», 14 декабря 1994 года; переписка с Норманом

Барсоном (1 декабря 1995 года; 31 января 1996 года) относительно положения, которое он занимает в королевском доме; телеграммы дипломатической службы касательно королевского турне в Канаду в 1951 году.

В библиотеке Гарри С. Трумэна имеется письмо от президента королю Георгу VI, написанное от руки после посещения Белого дома в ноябре 1951 года Елизаветой и Филиппом. Трумэн отослал письмо британскому послу в Вашингтоне. «Прошу вас переправить это личное и конфиденциальное послание королю», — сказал он.

Письмо:

«5 ноября 1951 года.

Ваше Величество,

Нас только что посетили очаровательная молодая леди и ее представительный муж — их Королевские Высочества принцесса Елизавета и герцог Эдинбургский.

Они покорили сердца граждан Соединенных Штатов. Мы постарались сделать все, чтобы их визит прошел успешно.

Как один отец другому, могу сказать, что нам следует гордиться нашими дочерьми. Впрочем, вы меня превзошли — потому что у вас их две!

Надеюсь, вы скоро поправитесь. Пожалуйста, передайте благодарность Ее Величеству королеве за доброту по отношению к моей Маргарет.

Искренне ваш,
Гарри С. Трумэн».

3 ноября 1951 года герцог Эдинбургский написал письмо, полное восклицательных знаков, в котором благодарил миссис Трумэн:

«Дорогая миссис Трумэн, мы прибыли в Монреаль одновременно со снежной бурей! Сейчас мы находимся в деревянной хижине на Лаврентийской возвышенности почти под двумя футами снега! Мысль о том, что нас ждут два дня абсолютного покоя, радует. Надеюсь, вы нам не завидуете!

Мне не хватает слов, чтобы поблагодарить вас за доброту и заботу, с которой вы принимали нас в Блейр-Хаусе.

Среди остальных, весьма туманных воспоминаний о нашей беготне по Вашингтону, гостеприимство и дружелюбие вашего дома и семьи запомнились лучше всего остального.

Я очень надеюсь, что телевизионное шоу Маргарет пройдет успешно и у нее не возникнет никаких проблем с мистером Дюранте! Тем не менее я уверен, что вы вздохнете с облегчением, когда начнется ее концертное турне. Надеюсь, ей будет сопутствовать успех.

Как жаль, что наше пребывание в Америке оказалось столь коротким, но нам так понравилось, что мы обязательно вернемся, чтобы снова увидеться с вами в Белом доме или в Миззура!

Искренне ваш,
Филипп».

ГЛАВА 7

Переписка с министерством иностранных дел в Осло; интервью с Филиппом Найтли (9 и 19 ноября 1993 года) и с Моррисом Уивером (3 марта 1994 года).

Книги: «Королевская семья» Пьера Бертоне («Альфред А. Кнопф», Нью-Йорк, 1953 год); «Секретное досье герцога Виндзорского» Майкла Блока, 1988 год.

Статьи: «Принц Филипп: самый непонятый человек в Англии» Кена В. Пурди, «Лук», 7 апреля 1964 года; «Ньюсуик», 22 марта 1954 года; «Ивнинг стар», 11 октября 1957 года; «Распад личности — воля случая» Роберта Т. Элсона, «Лайф», 6 марта 1964 года.

Об отношении королевы Елизаветы II к королеве Виктории:

«Она постарается скрыть все негативные факты о Виктории, — сказал бывший издатель «Прайвит ай»

Ричард Инграмс (24 ноября 1993 года). — Мой дедушка, сэръ Джеймс Рейд, был врачом королевы Виктории и принимал участие в похоронах. По ее приказу он положил к ней в гроб кое-какие вещи. Королевские особы по традиции советуются с крестьянами, а Виктория общалась с рабочим-шотландцем Джоном Брауном, который, по слухам, был ее любовником. Среди списка вещей, которые она просила положить в свой гроб, была и фотография матери Джона Брауна. Именно этот факт и пыталась утаить королева Елизавета. Она очень беспокоилась о репутации королевы Виктории.

Мы выяснили, как сильно Елизавета возражала против того, чтобы данная информация стала достоянием прессы, когда моя жена Микаэла встретила с принцессой Маргарет на каком-то приеме. «Вы не имели права писать об этом в своей книге, — сказала принцесса. — Вся информация является собственностью моей сестры».

Принцесса была расстроена из-за того, что переживала королева, а Маргарет пыталась ей помочь. Моя мать написала принцессе Маргарет письмо, в котором спрашивала, какое она имеет к этому отношение... На том все и кончилось».

Многие историки отмечают болезненный интерес королевы Елизаветы II к королеве Виктории. Стэнли Вейнтрауб — профессор искусствоведения и гуманитарных наук из Университета штата Пенсильвания — на одной из своих лекций сказал, что Елизавета с такой заботой относилась к имиджу своей предшественницы, что не стала бы посещать открытие «Ворот Венеры» в Лондоне в 1993 году, если бы знала, что скруглая скульптура пародировала Victорию. Пухлую королеву, талия которой составляла 54 дюйма, африканские подданные называли «Великая слониха за Большой Водой».

«Художник пошутил над королевой Викторией», — сказал профессор Вейнтрауб.

С ним не согласился Фернандо Ботеро, самый знаменитый из всех живущих латиноамериканских художников. В письме к автору Ботеро написал: «Это произведение представляет самую знаменитую тему в скульптуре: полулежащую женскую фигуру... Но я уверен, что из-за крайней деформации многие начнут ее интерпретировать, в том числе последуют намеки на сходство с королевой Викторией».

ГЛАВА 8

В 1956 году, во время турне Филиппа по странам Британского Содружества, он пропустил девятую годовщину своей свадьбы, восьмой день рождения сына и первый день, который провел Чарльз в школе вне стен дворца. Использовались следующие источники информации: «Нью-Йорк миррор», 18 октября 1957 года; «Тайм», 12 октября 1957 года; «Нью-Йорк таймс мэгэзин», 3 февраля 1957 года.

Примирение: «Санди экспресс», 17 февраля 1957 года; отчет Сиднея Смита, который путешествовал вместе с Майклом Паркером от Гибралтара до Лондона.

Вопрос о появлении других женщин в жизни Филиппа стал международной новостью в 1957 году, когда «Балтимор сан» напечатала статью, в которой содержались намеки на наличие любовницы у Филиппа. И через три десятилетия личная жизнь герцога Эдинбургского продолжает вызывать споры, но британские издатели отказываются печатать истории, бросающие тень на монарха. Они болезненно относятся к упоминанию имени принца Филиппа в связи с другими женщинами и вырезают их из книг и газетных публикаций, опираясь на британские законы о диффамации. В Соединенных Штатах напечатали книгу «Елизавета и Филипп» Чарльза Хайэма и Роя Мосли («Даблдей», Нью-Йорк, 1991 год), в которой авторы писали о «четырёх таинственных женщинах в жизни Филиппа: одна — по-

пулярная певица и танцовщица; вторая — актриса, живущая над табачным магазином; третья — греческая певица из варьете; четвертая — «миссис С.», которую он тайно посещал на квартире в Челси». При публикации данной книги в Великобритании этот намек был изъят по требованию адвоката.

В добавление к личным воспоминаниям дипломатов и репортеров, участвовавших в освещении Суэцкого кризиса, я пользовалась «Оксфордской иллюстрированной историей», «Историей современного мира», «Оксфордской иллюстрированной энциклопедией мировой истории».

Интервью: Уоррен Роджерс, Ассошиэйтед Пресс (март 1995 года); Ларри Адлер (29 ноября 1993 года); Кристофер Сильвестр (29 ноября 1993 года, 27 июля 1995 года).

О студенческих годах Чарльза: его интервью на телевидении (6 декабря 1984 года); личные воспоминания сокурсников и преподавателей. Молодого принца помнили по его «интересным» взглядам. Один профессор истории был поражен, когда услышал, как Чарльз защищает Георга III — монарха с расстроенным умом. Однако с точки зрения Чарльза, его предок заслужил любовь и уважение, потому что «любил искусство и был замечательным человеком». «Я восхищаюсь многими поступками, которые он совершил, и одобряю их. Я вижу в нем человека, с которым с удовольствием бы встретился, скажем, в коридоре и побеседовал. Он был поразительным оригиналом». Профессор отметил, что Георг III разговаривал с деревьями в Гайд-парке, а Чарльз — с растениями в Хайгроуве.

ГЛАВА 9

Документы: частные дневники друга королевской семьи. Меморандум из «Дебретт» о титуле для старшей дочери графа Маунтбаттена Бирманского.

Статьи: «Ньюсуик», 9 мая 1960 года; «Тайм», 30 марта 1962 года; «Пари-матч»; «Франс диманш»; «Дейли мейл», 5 мая, 1 ноября 1960 года; «Дейли телеграф» и «Морнинг пост», 4 мая 1960 года; «Лондон таймс», 27 февраля, 7 мая 1960 года; «Таймс», 13 января 1960 года.

Интервью: Сара Моррисон (8 апреля 1944 года); одноклассники Энтони Армстронг-Джонса (9 апреля 1994 года); сэр Осберт Стаббс (20 июля 1995 года).

Относительно королевских портретов.

Королевские особы проводили немало времени, позируя для художников. «Для художника королевский заказ значит очень многое», — объяснил Норман Дуглас Хатчинсон, который писал королеву, королеву-мать и герцога Эдинбургского. «Это не привилегия, — говорил он 29 ноября 1993 года, — но может оказаться прекрасной возможностью... потому что ты можешь существенно увеличить свои гонорары. Конечно, звучит глупо, но некоторые люди готовы платить любые деньги за то, чтобы их портрет написал художник, работавший для королевской семьи».

Талантливый художник, называвший себя внебрачным сыном графа Дугласа, написал королеву в черном платье и вуали, которые были на ней, когда она встречалась с папой римским. «Я хотел нарисовать королеву представляющей своих католических подданных, за что меня много критиковали».

Художник попросил принца Филиппа надеть синюю бархатную мантию ордена Подвязки, когда он будет позировать для портрета. «В конце концов он согласился, но в дальнейшем постоянно спорил. И все хотел обговорить заранее. «Почему вы рисуете меня в профиль? Это портрет для моего полка. Я должен быть в форме», — без конца повторял он. Филипп очень жесткий человек, трудный в общении и довольно неприятный... Когда королева-мать мне позировала, я поделился с ней своими мыслями о принце, и она со мной

согласилась. «Иногда Филипп бывает весьма занудным», — сказала она».

Для художника время, проведенное с королевой-матерью, оказалось исключительно приятным. «Она такая милая, — говорил Хатчинсон. — Очень добрая, заботливая, очаровательная. Должен признаться, она просто околдовала меня. В самом деле. А я еще тот тип. Непробиваемый. Меня не так-то легко взять. Однако я был совершенно потрясен. Каждый год с тех пор посылаю ей цветы к дню рождения, а ее фрейлина отправляет мне письмо с благодарностью от королевы-матери. Она пришла на первый сеанс в диадеме и с множеством драгоценностей, предполагая, что я нарисую ее в виде хрупкой, старой леди, какой она и была на самом деле. Но я сказал, что хочу изобразить ее в простом платье, чтобы сосредоточиться на ее милом, добром лице. Королева-мать не стала со мной спорить, а тут же переоделась. «В этом платье я занимаюсь домашней работой», — сказала она, когда вернулась».

ГЛАВА 10

Документы и записи из президентской библиотеки Линдона Б. Джонсона, касающиеся похорон Черчилля; библиотека Джона Ф. Кеннеди с документами о визите четы Кеннеди в 1961 году в Лондон; о визите миссис Кеннеди в 1962 году; «Раннимид», май 1965 года; дневники посла США Дэвида Брюса относительно королевского обеда в честь президента и миссис Кеннеди.

Книги: «Королевские стремления» Дугласа Кея; «Указывая путь» Гарольда Макмиллана, «Харпер и Роу», Нью-Йорк, 1972 год; «Королевская энциклопедия» под редакцией Рональда Эллисона и Сары Риддел, «Макмиллан пресс», Лондон, 1991 год.

Статьи: «Давайте как следует посмотрим на настоящее», «Буэнос-Айрес геральд», 24 марта 1962 года; «Последняя королевская семья Британии» Малькольма

Маггериджа, «Дис уик», 20 октября 1963 года; «Королевская пресс-служба: общественная служба или связь с общественностью?» Кейти К. Демарест, «Джурнализм стадиз ревью», июль 1980 года; «Подобающий образ» Роя Стронга, «Санди таймс», 30 мая 1993 года; «Встреча Кеннеди и Макмиллана прошла плодотворно» Дрю Миддлтона, «Нью-Йорк таймс», 6 июня 1961 года; «Способность во все вмешиваться помогает благотворительности», «Дейли телеграф», 8 марта 1968 года.

Интервью: Генри Роджерс (19 августа 1994 года); Евангелина Брюс (2 ноября 1995 года); Джоди Джейкобс (4 июня 1995 года) о посещении приема у Мерль Оберон, на котором присутствовал принц Филипп.

Касательно отношения королевы к студенческим волнениям:

«Королева посетила Уорвикский университет в июне 1970 года во время студенческой демонстрации», — вспоминает Лайла Пеннант (25 апреля 1995 года). Она прибыла на обед, когда студенты устроили сидячую забастовку в кабинете ректора. Королеву предупредили о возможности беспорядков, однако она вела себя так, будто ее это не касается... Она отмахнулась от полицейских в штатском, отменила совещание, которое было специально назначено по случаю ее визита, и устроилась рядом с четырьмя студентами, намереваясь с ними поговорить. Телохранители смущенно топтались у нее за спиной, однако она абсолютно ничего не боялась. Елизавета была возбуждена, внимательна, и ее явно интересовало происходящее. Обсуждался Вьетнам, но больше всего студентов волновало освобождение Манделы.

ГЛАВА 11

Статьи: «Мать всех наших несчастий» Саймона Хоггарта, «Гардиан», 20 апреля 1996 года; «Несчастье принцессы» Энн Стиси и Джереми Харта, «Маклинз»,

9 ноября 1987 года; «Прайвит ай» 10 августа 1973 года, 2 июля 1971 года, 5 декабря 1969 года; «Королевская паршивая овца» (в двух частях) Эндрю Дункана, «Лук», 19 мая 1970 года; «Вог», май 1993 года; краткая биография королевы (в двух частях) Энтони Бейли, «Нью-Йоркер», апрель 1977 года; записки в «Спектейтор»; «Таймс», 18 декабря 1967 года; «Брошен вызов традициям» Хауэла Рейнса, «Нью-Йорк таймс мэгэзин», 25 февраля 1988 года.

Интервью: Лестер Хаймен (25 июля 1995 года); Каролин Таунсенд (9 апреля 1994 года); Стивен Бирмингем (14 июля 1994 года); конфиденциальный источник (8 апреля 1994 года); Бевис Хиллиер (20 апреля 1994 года); Уильям Брюер (1 января 1995 года); Фелисити Грин (10 апреля 1994 года); Одри и Тони Чарльз (10 апреля 1994 года); Джеймс Уитакер (5 мая 1995 года); Энтони Хоган (5 мая 1995 года); Роджер Лоу (10 марта 1996 года).

Относительно помолвки принцессы Анны и Марка Филлипса:

Художественный директор Лондонского рекламного агентства вспоминает, что пришлось отказаться от годовичного проекта найма офицеров из-за шепетильности дворца. Рекламная кампания должна была начаться на следующий день после объявления королевой о помолвке ее дочери с капитаном Филлипсом. На одной из фотографий запечатлены несколько офицеров, стоящих у группы танков. Однако тревогу вызвал не снимок, а то, что было написано под ним: «Придет день, мой мальчик, и все это может стать твоим».

ГЛАВА 12

Статьи: «Стыд и счастье» Анджелы Левин, «Дейли мейл», 12 июня 1993 года; «Краткий биографический очерк королевы» Грэма Тернера, «Дейли телеграф», 19 марта 1996 года; «Тайм», 1 декабря 1980 года; «Таймс»,

26 ноября 1980 года; «Принцесса Диана» Джорджины Хауэл, «Вог», май 1993 года; «Британия отдает последнюю дань уважения лорду Маунтбаттену» Бонни Анджело; «Тайм-лайф ньюс сервис», 5 сентября 1979 года.

Интервью: Джон Бэретт (21, 22 и 23 ноября 1993 года); Каринтия Уэст (14 апреля 1994 года); Адам Шенд Кида (19 и 21 апреля 1994 года); родственник семьи Спенсер (9 марта 1996 года); леди Колин Кэмпбелл (10 и 11 мая 1995 года).

Относительно отношений Дианы с прессой.

Когда Чарльз ухаживал за ней, леди Диана Спенсер помогла Уитакеру снискать расположение принца Уэльского. Она предложила репортеру написать Чарльзу письмо с соболезнованиями по поводу смерти его лошади по имени Эллибар. 24 февраля 1984 года Чарльз был настолько тронут, что написал ответ:

«Дорогой мистер Уитакер,

Мне было очень приятно получить ваше доброе и пронизанное духом понимания письмо. Я очень любил свою старую лошадь, у нее еще были перспективы.

Однако иногда судьба самым неожиданным образом вмешивается в нашу жизнь.

Благодарю вас за письмо.

Искренне ваш,
Чарльз».

Относительно девственности Дианы и ее способности произвести на свет здорового наследника:

Найджел Демпстер писал в «Дейли мейл» (февраль 1981 года), что Диана прошла во дворце медицинское обследование на предмет способности иметь детей. «Было объявлено, что она физически здорова и в состоянии рожать детей». Дворец возмутился, назвав историю «неслышанной». Так же, как и Диана. Пять лет спустя, когда Демпстер работал вместе с Питером Эвансом над книгой для «Г. П. Путнамс санс», он от-

казался от своих слов. В сообщении, посланном факсом своему соавтору, Демпстер написал:

«Учитывая тот факт, что как Диана, так и Сара Спенсер яростно протестуют против истории о тесте на способность иметь детей, а вы называете имя Пинкера [королевского гинеколога], который имеет полное право отрицать истинность данных предположений, не могли бы вы изменить текст таким образом, чтобы в нем говорилось о том, что в те времена ходили такие слухи, а затем процитировать Диану или Сару, которые либо возмущались, либо пришли в ужас от подобных предположений. Мне кажется, вы могли бы высказать предположение, будто подобные разговоры ведут бывшие подружки принца Чарльза в надежде дискредитировать Диану, или что-нибудь в таком же духе.

Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы не настроить против себя никого из Спенсеров, которых в такой ситуации может соблазнить выгодным предложением соперничающая с нами газета, и они разнесут в пух и прах нашу книгу».

По поводу загадочной женщины, оказавшейся в королевском поезде за несколько дней до бракосочетания Чарльза и Дианы в июле 1981 года.

«Мы сидели в казарме Найтсбридж, когда услышали разговор об этом, — вспоминает Робин Найт Брюс (11 мая 1995 года). — Вошел Эндрю Паркер, и мы все поняли, что в королевском поезде с Чарльзом была Камилла, а не Диана. Мы принялись стучать по столу. А он страшно разозлился и покраснел. Потом взял тарелку с едой и выскочил из комнаты. Все расхохотались...»

ГЛАВА 13

Статьи: «Принцесса» Роберта Лейси, «Гуд хаускипинг», сентябрь 1982 года; «Наша принцесса», «Дейли экспресс», 28 октября 1981 года; «Тайм», 3 августа 1981

года; «Новая принцесса Уэльская стала членом королевской семьи» Антони Фрезер, «Лайф», апрель 1981 года; «Ньюсуик», 18 мая 1981 года; «Айриш индипендент», 9 мая 1981 года; «Как Диана погубит Виндзор» А. Н. Уилсона, «Ивнинг стандард», 2 мая 1993 года.

Интервью: Джон Пирсон (13 февраля и 30 апреля 1995 года); Джон Тинан (25 апреля 1994 года); Филипп Бенджамин (26 апреля 1994 года); Дэвид Хьюм Кеннерли (25 марта 1996 года); Виктория Мейтер (26 марта, 12 июля 1994 года); Таки Теодоракопулос (2 ноября 1993 года); Ричард Дэлтон (17 января 1997 года).

ГЛАВА 14

Документы: личные письма из президентской библиотеки Рональда Рейгана. В письме к королеве и герцогу Эдинбургскому, датированном 18 июня 1982 года, Рейган благодарит их за прием в Виндзорском замке и заявляет о поддержке Соединенными Штатами вторжения Великобритании на Фолклендские острова. «Новость о вашей победе в Южной Атлантике была воспринята у нас с радостью и облегчением. Мы рады и довольны, что вам удалось защитить принцип, гласящий, что нельзя допустить успеха вооруженной агрессии; кроме того, нас радует, что молодые люди Великобритании и Аргентины больше не будут находиться под огнем».

Статьи: «Америкэн спектейтор», май 1992 года; «Файнэншл таймс», 11 ноября 1995 года; Перегрин Уорстхорн, «Спектейтор», 5 декабря 1987 года; «Британцы высадились, и Вашингтон взят» Фрэнсиса Х. Клайнса, «Нью-Йорк таймс», 10 ноября 1985 года; «Субботняя лихорадка» Синди Стайверс, «США», 16 декабря 1985 года.

Интервью: Гордон Грэм (18 апреля 1994 года); Роберта Клайн (20 апреля 1994 года); официальные гости на обеде в Белом доме; Кристофер Огден (30 октября 1993 года); любовница Вика Чэпмена (9 апреля 1994 года).

ГЛАВА 15

Статьи: «Тайм», 1 ноября 1982 года, 4 августа 1986 года; «Пипл», 4 августа 1986 года, 21 сентября 1987 года; «Лайф», сентябрь 1986 года; «Таймс», 13 августа 1990 года; «Ньюсуик», 22 июля 1991 года; «Ньюс оф уорлд», 23 июля 1986 года; «Репортер, наблюдающий за королевской семьей, отвечает укусом на укус дворцового пуделя» Джеймса Уитакера, «Таймс», 6 декабря 1992 года; «Буэнос-Айрес геральд», 18, 19, 20, 21 и 22 ноября 1992 года; «Дейли миррор», Говард Соунес, 17 апреля 1996 года; «Эндрю и Ферджи» Дугласа Кея, «Гуд хаускипинг», апрель 1987 года; Джефффри Леви, «Дейли мейл», 13 октября 1989 года.

Интервью: Николас Монсон (1 мая 1995 года); офицер Колдстримского гвардейского полка (2 мая 1995 года); «Дейм Барбара Картленд» (1 мая 1995 года); Джоселин Грей (11 мая 1993 года, 14 апреля 1994 года); Стивен Мейтлин (27 ноября 1993 года); Линдка Сирэк (29 ноября 1993 года); Сью Таунсенд (19 апреля 1994 года); Питер Казарис (31 марта 1993 года).

Относительно ареста Сары Фергюсон в Новом Орлеане:

Талбот Черч, литератор, который говорил, что провел несколько долгих неформальных бесед с герцогом и герцогиней Йоркскими для своей книги «Королевские любовники», написал о поездке Сары и Шарлотты Иден в Соединенные Штаты. В соответствии с его отчетом две молодые женщины попали в полицейскую облаву в борделе Нового Орлеана.

«Посреди ночи нас вытащили из постели двое огромных мужчин в форме и поволокли в полицейский участок, где нас сфотографировали и взяли отпечатки пальцев, — рассказала спутница Сары автору. — Я потеряла дар речи, но Ферджи держалась просто великолепно и в конце концов сумела убедить их, что они

совершили страшную ошибку. Но все равно довольно неприятно думать, что твоя фотография теперь навсегда останется в полицейских архивах Нового Орлеана. И фотография будущей невестки королевы Англии».

В 1995 году следователь полицейского участка Нового Орлеана сказал, что рейд был «обычной проверкой» и молодые женщины не участвовали в приставании к мужчинам. Сведения об их аресте уничтожены.

ГЛАВА 16

Статьи: «Экономист», 27 апреля 1996 года; «Принц нетерпимости» Линды Ли-Поттер, «Дейли мейл»; «Жених с собственным взглядом», «Ху», 14 сентября 1992 года; «Маклинз», 9 ноября 1987 года; «Любовь на льду», «Пипл», 29 июня 1992 года; «Вашингтон пост», 2 марта 1993 года; «Гардиан», 2 августа 1994 года; «Краткая биографическая справка о Элизабет Лонгфорд», составленная Энн Д. Курси, «Дейли мейл», 30 марта 1993 года.

Интервью: Уна Мэри Паркер (7 и 11 апреля, 1994 года); глава Скотланд-Ярда (22 апреля 1994 года); Николас Хаслам (7 апреля 1994 года); Росс Бенсон (22 марта 1994 года); Норин Тейлор (5 мая 1995 года).

ГЛАВА 17

Статьи: «Палм-Бич дейли ньюс», 2 марта 1988 года; «Пипл», 21 и 30 марта 1988 года; «Интернэшнл экспресс», 14—20 сентября 1994 года; «Дейли мейл», 12 февраля 1991 года; «Ти-Ви гайд», 3 ноября 1995 года; отчеты Пресс Ассошиэйшн, 24 июня 1992 года; «Герцогиня рассказывает о своих друзьях-наркоманах» Линн Дженкинс, «Дейли телеграф», 24 ноября 1988 года; «Мейл он санди», 8 января 1996 года; «Падение дома

Виндзор» Стюарта Рейда, «Америкэн спектейтор», май 1992 года; «Диана попадает в ад» Джорджины Хауэл, «Вэнити фэйр», сентябрь 1988 года.

Переписка с Норманом Мейлером (24 октября 1994 года). Конфиденциальное интервью с личным советником Сары Фергюсон (24 марта 1993 года).

ГЛАВА 18

Статьи: «Не стреляйте в герцогиню» Викки Вудс, «Харперз энд куин», 1993 год; «Джон Брайан, герцогиня и я» Элизабет Кей, «Эсквайр», июнь 1995 года; «Арестован друг Ферджи», «Дейли экспресс», 12 мая 1994 года; «Нью-Йорк обсервер», 10 августа 1992 года; «Дейли миррор», 20, 21, 25 августа, 10 декабря 1992 года; «Ю-эс-эй тудей», 22 июня 1992 года; «Для чего нужна монархия» Мэг Гринфилд, «Вашингтон пост», 13 декабря 1992 года; Пресс Ассошиэйшн, 19 августа 1992 года; «Хэлло!», декабрь 1994; «Пипл», 30 октября 1995 года; «Таймс», 17 апреля 1996 года.

Интервью: Сара Фергюсон с Дианой Сойер, Эй-би-си Ти-ви, прямой эфир; Рози Бойкотт (27 апреля 1993 года, 25 апреля 1995 года, 31 мая 1995 года).

ГЛАВА 19

Статьи: «Пипл», 17 июня 1991 года; «Краткая биография герцога Эдинбургского», составленная Гленис Робертс, «Телеграф санди мэгэзин»; «Ньюсуик», 23 августа 1993 года; «Ивнинг стандарт», 6 июня 1992 года; «Ху», 14 сентября 1992 года; «Нэшнл ревью», 14 сентября 1992 года; «Санди таймс», 29 ноября 1992 года; «Annus horribilis» Алана Гамильтона, «Лондон ньюс», 1993 год; Макс Гастингс, «Спектейтор», 19 сентября 1992 года; «Нью-Йорк таймс», 30 июля 1991 года, 2 июня 1992 года; «Создание образа нового принца»

Уильяма Туои, «Лос-Анджелес таймс мэгэзин», 6 мая 1994 года.

Интервью: Джон Бэретт (23 ноября 1993 года); Фрэнсис Уим (23 ноября 1993 года); Кристофер Хитченс (23 ноября 1994 года); Робин Найт Брюс (11 мая 1995 года); Майкл Коул (15 ноября 1993 года); Эндрю Нейл (12 сентября 1994 года); Таки Теодоракопулос (12 ноября 1993 года); конфиденциальный источник, присутствовавший на приеме в «Фонде защиты дикой природы» принца Филиппа (15 марта 1996 года).

Касательно охраны королевской семьи:

«Мы стали особенно серьезно относиться к этой проблеме, — сказал начальник охраны королевской семьи и дипломатического корпуса, — в июле 1982 года, когда Майкл Фейган ворвался в Букингемский дворец и проник в спальню королевы. Нарушитель взобрался по решетке Букингемского дворца, затем по водосточной трубе на высоту пятидесяти футов и проник внутрь через окно в спальне. Это был прокол в системе безопасности. Несомненно. Позднее нам пришлось проверить систему охраны всех королевских домов по всей стране, а отчет обсуждался в парламенте... Вне всякого сомнения, полиция не справилась со своими обязанностями... Наивное предположение, что никто не захочет причинить вред нашей «дорогой королеве», объясняет недостаточно серьезные меры безопасности. Мы сделали их более строгими, но никогда не пойдем по пути американцев, которые охраняют Белый дом, окружив его снайперами, сидящими на деревьях, детекторами металлических предметов и сенсорами, реагирующими на изменение температуры. Во дворце нет и никогда не будет ничего подобного».

Представитель специального полицейского отряда, которому поручили изучить меры безопасности, сообщил, что он разговаривал с королевой о событиях 1982 года. «Монарха нельзя интервьюировать, — почтительно сказал он. — Можно лишь задать несколько вопро-

сов». Он признался, что не спросил королеву, где был ее муж во время вторжения. «В этом вопросе не было необходимости», — заявил он.

Даже когда вызвали персонал, слуги появились далеко не сразу. «Нам нужно было переодеться и причесться, — объяснил один из слуг. — Нельзя появляться перед монархом в неподобающем виде».

Касательно отношений королевской семьи с британской прессой:

С целью образования посетителей был напечатан следующий список, составленный весьма остроумно:

«Таймс» читают люди, которые управляют страной.

«Дейли миррор» читают люди, которые думают, что они управляют страной.

«Гардиан» читают люди, которые думают, что они должны управлять страной.

«Морнинг стар» читают те, кто думает, что другая страна должна управлять этой страной.

«Дейли мейл» читают жены людей, которые управляют страной.

«Файнэншл таймс» читают люди, которые владеют страной.

«Дейли экспресс» читают люди, которые думают, что страной нужно управлять так, как ею управляли раньше.

«Дейли телеграф» читают люди, которые все еще думают, будто так оно и есть.

«Сан» читают люди, которым наплевать, кто управляет страной, если у тех, кто управляет, большие сиськи.

ГЛАВА 20

Статьи: «Дейли мейл», 22 октября 1994 года; «Пипл», 30 ноября 1992 года, 6 декабря 1993 года; «Нейшн», 27 декабря 1993 года; «Виндзорский узел» Энтони Гейден-Геста, «Нью-Йорк обсервер», 24 мая

1993 года; «Самый грустный человек» Пенни Джунон, «Ивнинг стандард», 13 января 1993 года; Рейтер, 9 марта 1996 года; «Принцесса добивается нимба и прощается со своими недоброжелателями» Роберта Хардмена, «Санди телеграф», 7 марта 1993 года; «Экономист», 11 декабря 1993 года.

Интервью: Питер Маккей (11 ноября 1993 года); Джеральдин Шарп-Ньютон (18 марта 1994 года); Шейла Хейли (18 марта 1994 года); конфиденциальное интервью с адвокатом (16 марта 1994 года); Генри Роджерс (19 августа 1994 года); родственник Спенсеров (9 января 1993 года).

ГЛАВА 21

Статьи: «Гардиан», 29 августа 1996 года; «Дейли телеграф», 22 ноября 1995 года; «Дейли мейл», май—июнь 1994 года, 11 января 1995 года; конфиденциальные данные «Тайм», 1991 год; «Дейли телеграф», 1992 год; «Санди таймс», 28 августа 1994 года; «Нью-Йорк таймс», Уильям Шмидт, 28 августа 1994 года; «Таймс», 19 октября 1994 года; «Экономист», 22 октября 1994 года; «Дейли ньюс», 31 октября 1994 года; «Откровения, которых боятся друзья Чарльза» Уильяма Рис-Могга, «Таймс», 7 октября 1994 года.

Интервью: Энтони Холден (7 апреля 1994 года); Джоселин Грей (11 мая 1993 года); записанное на пленку интервью Виктории Мейтер с герцогиней Йоркской (июнь 1994 года); родственник Хоура (6 марта 1995 года); конфиденциально (31 мая 1994 года); Дэвид Кэннадайн, лекция в Смитсоновском институте 1 декабря 1994 года.

Относительно «Британии», являющейся плавучим дворцом:

«Королева и принц Филипп пользовались королевской яхтой для приема официальных гостей, — рассказал Филипп Бенджамин (26 апреля 1994 года), один из

двенадцати матросов, находящихся на службе у королевской семьи. — Самым запоминающимся был официальный визит короля Марокко, который прибыл с целым сундуком драгоценностей для королевы, таким тяжелым, что его несли четыре человека. Там были кучи драгоценностей... Я помню золотого верблюда на зеленом мраморном основании, размером со стул, с пальмами, на которых висели кокосы из рубинов, точно твой кулак. Кроме того, в сундуке имелось множество бриллиантов, сапфиров и изумрудов... Они поражали воображение... наверное, стоили десять миллионов долларов... Я был бы счастлив получить хотя бы один из таких камней. Не знал бы забот до конца жизни, уж можете не сомневаться.

Королева подарила королю фотографию, изображавшую ее и принца Филиппа, с автографом, в серебряной рамке. Не очень ценный подарок, если сравнить с тем, что они получили в ответ, но королеве было наплевать. Она разозлилась на короля из-за того, что он опоздал к обеду. Королева прождала больше сорока пяти минут и потому не собиралась доставлять ему удовольствие и демонстрировать, какое впечатление произвел на нее его дар. Нас проинструктировали, чтобы мы заранее знали, когда королева раздражена. Сначала она топает ногой и оглядывается по сторонам. Затем достает пудреницу. Это два первых признака... Во дворце на нижней поверхности ее стола есть кнопка. Если кто-то ей слишком надоедает, она нажимает на кнопку, и снаружи раздается негромкий сигнал. Сразу появляется ее паж и уводит посетителя. Но на «Британии» такой кнопки нет.

Во время визита представителей Саудовской Аравии один из принцев прибыл с золотыми часами «Ролекс» — для всех. Королева позволила своему персоналу принять часы, но те из нас, кто состоял на службе в военно-морском флоте, должны были их вернуть. И снова королева подарила в ответ фотографию в серебряной рамке...»

ГЛАВА 22

Статьи: «Лайф», 10 апреля 1950 года; редакционная статья «Нью-Йорк таймс», 25 августа 1996 года; «Экономист», 25 ноября 1995 года; Пресс Ассошиэйшн, 16 октября 1996 года; «Дейли мейл», 20 августа 1996 года; «Загадка шпионского видео», «Ивнинг стандарт», 8 октября 1996 года; «Проклятие реверанса» Эдварда Пирса, «Дейли мейл», 19 июля 1996 года.

Относительно общественной деятельности Дианы:

Бывший секретарь Белого дома по социальным вопросам Гал Бэрт рассказала, что ее муж, Ричард, бывший посол в Германии, был очарован принцессой Уэльской. Он встречался с ней в доме председателя правления «Вашингтон пост» Кэтрин Грэм в октябре 1994 года. «С тех пор как мы виделись с вами в последний раз, у нас появилась маленькая девочка, очень красивая», — сообщил он Диане.

«У нее, наверное, ваши гены», — кокетливо ответила принцесса.

Бэрт сказал жене, что Диана является самым лучшим дипломатом, которого он когда-либо встречал.

Путешествуя по миру с миссиями доброй воли, произнося речи и встречаясь с знаменитостями, Диана доказала, что является самым умелым посланцем Британии. Она пригласила Лию Рабин, вдову убитого премьер-министра Израиля Ицхака Рабина, навестить ее в Кенсингтонском дворце. Миссис Рабин сказала ей: «Я чувствую огромное родство с вами, потому что вы и я — две наиболее трагические фигуры в мире. Если не считать того, что у вас есть будущее, а у меня — только прошлое».

Относительно королевского жеста, касающегося религиозных конфессий:

В то время как Елизавете аплодировали, когда она посетила католическую церковь, ее сурово критиковали

ли в 1996 году за то, что она произнесла речь в Варшаве, в парламенте Польши, и ни слова не сказала о том, как пострадали польские евреи во время Второй мировой войны. Ее помощники поспешили исправить упущение, которое произвело отрицательное впечатление. «В этой ошибке виноваты королевские советники, — заявил представитель дворца. — Предположительно в речи должны были содержаться такие слова: «Мы никогда не забудем страданий польского народа во время нацистской оккупации». Пропуск этого предложения произошел случайно. Королева собиралась его произнести». Ее советники быстро организовали возложение королевой венка на еврейском мемориале в Варшаве.

Представители двора проследили за тем, чтобы Ее Величество отдала дань роли, которую евреи сыграли в жизни Британии, когда она пригласила президента Израиля прибыть в Великобританию с первым официальным визитом в феврале 1997 года. Подняв бокал в честь гостя, королева закончила свою речь одним из самых популярных еврейских тостов: «Лехаим, — сказала она. — За жизнь».

Касательно отношения королевы к трону:

В какой-то момент Елизавета рассматривала возможность отречения. В 1965 году, когда принцу Чарльзу исполнилось семнадцать лет, она встретила со своими советниками, чтобы обсудить будущее сына. Елизавета сказала, что хотела бы избежать ситуации Эдуарда VII, имея в виду своего прадедушку, который унаследовал трон от королевы Виктории в возрасте пятидесяти девяти лет. До этого времени он жил, распивая шампанское в объятиях своих любовниц.

«Было бы мудро, — сказала королева (вспоминает ее биограф Роберт Лейси), — отречься, когда Чарльз сможет принести больше пользы».

«Может быть, ты права. Доктора смогут сохранять тебе жизнь, сколько понадобится для этого», — пошутил ее муж.

К 1991 году королева пересмотрела свое отношение к данному вопросу. В Рождественском обращении к британцам Елизавета сказала: «С вашими молитвами и помощью, с любовью и поддержкой моей семьи я постараюсь помогать вам еще долгие годы».

Казалось, исполнится предсказание сэра Джона Колвилла, который был личным секретарем Уинстона Черчилля и помогал готовить Елизавету к восшествию на престол: «Я думаю, что наша королева будет править до тех пор, пока не отпразднует свой золотой юбилей, пятьдесят лет в роли монарха, в 2002 году нашей эры».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Статьи: «Мейл», 1—18 сентября, 27—29 ноября, 2 декабря 1997, 16 февраля 1998; «Мейл он санди», 18—15 февраля 1998; «Вашингтон пост», 1—12 сентября, 3 ноября 1997; Пресс Ассошиэйшн, 29 сентября 1997; «Ньюсуик», 27 октября 1997; «Вэнити фэйр», декабрь 1997; «Тайм», 16 февраля 1998.

О Майкле Коуле, бывшем представителе Мохамеда аль-Файеда:

Через много дней после публикации этой книги в сентябре 1997 года мистер Коул появился на Си-эн-эн и заявил, что не разговаривал со мной. Он сказал, что был «удивлен», обнаружив свое имя в ссылках. Поскольку я двадцать минут разговаривала с ним в Лондоне, записывая беседу на магнитофон, я напомнила ему об этом письмом от 22 сентября 1997 года:

«Хочу освежить вашу память: у нас с вами был долгий разговор 15 ноября 1993 года, когда я приходила к вам в «Харродз». Во время этого разговора вы рассказывали о своей роли в преждевременном выпуске Рождественского послания королевы 17 декабря 1988 года, и как вследствие этого вам пришлось оставить Би-би-си. Мы также обсуждали пресс-секретарей королевы, ее корреспондентов и тому подобное. Вы были откровенны в своих высказываниях о членах королевского се-

мейства и приглашали меня снова прийти к вам в следующий мой приезд в Лондон, выпить чаю и продолжить разговор. Магнитофонная запись этой беседы находится у моих адвокатов. Я посылаю копию моего письма к вам от 5 марта 1994 года, в котором предлагала нам вновь побеседовать».

Коул не ответил на мое письмо 1997 года и вновь по телевидению отказался от разговора со мной. Поэтому мой литературный агент вручил ему копию магнитофонной пленки моего интервью с Майклом Коулом репортеру. «Обычно Китти Келли не раскрывает подробности своих интервью с источниками сведений, но в данном случае она сочла необходимым доказать свою правоту и ошибочность утверждений мистера Коула», — заявил Уэйн С. Кэйбак из агентства Уильяма Морриса.

Репортер из лондонского «Пипл» связался с представителем аль-Файеда. Коул отрицал, что когда бы то ни было давал мне интервью. Когда же репортер дал ему прослушать пленку, Коул признал, что разговор со мной все же был. Репортер сказал, что пишет статью об этом случае.

«Вы ведь не станете писать об этом слишком язвительно? Прошу вас, — произнес Коул, — у меня сейчас и так хватает проблем».

20 февраля 1998 года Майкл Коул вынужден был оставить свой пост представителя «Харродз» по связям с общественностью. Он заявил, что после десятилетней работы на Мохамеда аль-Файеда удаляется на покой несколько раньше положенного времени. Он признался, что стал «громоотводом» противоречивых интересов в расследовании того, что на самом деле произошло в ту ужасную ночь в Париже, когда погибли Доди и Диана. Майкл Коул сообщил прессе, что покидает свою работу с «глубокой грустью».

БИБЛИОГРАФИЯ

Allison, Ronald, and Sarah Riddell, eds.: *The Royal Encyclopedia*, 1991.

Alexandra, Queen of Yugoslavia: *Prince Philip*, 1959.

Barker, Malcom: *Living with the Queen*, 1991.

Barr, Ann, and Peter York: *The Official Sloane Ranger Handbook*, 1982.

Barratt, John, with Jean Ritchie: *With the Greatest Respect: The Private Lives of Earl Mountbatten and Prince and Princess Michael of Kent*, 1991.

Barry, Stephen: *Royal Service*, 1983.

Barry, Stephen: *Royal Secrets*, 1985.

Benson, Ross: *Charles: The Untold Story*, 1993.

Berry, Wendy: *The Housekeeper's Diary*, 1995.

Betjeman, John: *Collected Poems*, 1988.

Birmingham, Stephen: *Duchess: The Story of Wallis Windsor*, 1981.

Blackwood, Caroline: *The Last of the Duchess*, 1995.

Bloch, Michael: *The Secret File of the Duke of Windsor: The Private Papers 1937—1972*, 1988.

Blundell, Nigel, and Susan Blackhall: *Fall of the House of Windsor*, 1992.

Bocca, Geoffrey: *Elizabeth and Philip*, 1953.

Bocca, Geoffrey: *The Woman Who Would Be Queen*, 1954.

Boothroyd, Basil: *Philip: An Informal Biography*, 1971.

Boston, Ray: *The Essential Fleet Street*, 1990.

- Boston, Ray: *Chronicle of the Royal Family*, 1991.
- Boyle, Andrew: *The Climate of Treason*, 1979.
- Bradford, Sarah: *Elizabeth*, 1996.
- Bradford, Sarah: *The Reluctant King: The Life and Reign of George VI*, 1989.
- Brendon, Piers: *Our Own Dear Queen*, 1986.
- Brough, James: *Margaret, The Tragic Princess*, 1978.
- Brown, Michele: *Prince Charles*, 1980.
- Brown, Craig, and Lesley Cunliffe: *The Book of Royal Lists*, 1982.
- Bryan, J. Ill, and Charles Murphy: *The Windsor Story*, 1979.
- Buskin, Richard: *Princess Diana: The Real Story*, 1992.
- Butler, David: *Edward the Seventh, Prince of Hearts*, 1975.
- Campbell, Lady Colin: *Royal Marriages*, 1993.
- Campbell, Lady Colin: *Diana in Private*, 1992.
- Cannadine, David: *The Decline and Fall of the British Aristocracy*, 1990.
- Cannadine, David: *Aspects of Aristocracy*, 1994.
- Cannon, John, and Ralph Griffiths: *The Oxford Illustrated History of the British Monarchy*, 1988.
- Cathcart, Helen: *The Queen Mother*, 1965.
- Chester, Lewis, Magnus Linblater, and David May: *Jeremy Thorpe: A Secret Life*, 1979.
- Clark, Alan: *Mrs. Thatcher's Minister: The Private Diaries of Alan Clark*, 1993.
- Cooke, Alistair: *Six Men*, 1977.
- Coolican, Don, and Serge Lemoine: *Charles, Royal Adventurer*, 1978.
- Cordet, Helene: *Born Bewildered*, 1961.
- Costello, John: *Mask of Treachery*, 1988.
- Counihan, Daniel: *Royal Progress: Britain's Changing Monarchy*, 1977.
- Cowles, Fleur: *Friends and Memories*, 1975.
- Crawford, Marion: *Elizabeth the Queen*, 1952.
- Crawford, Marion: *The Little Princesses*, 1953.
- Crossman, Richard: *Diaries of a Cabinet Minister*, 1975.

Davies, Nicholas: *Diana: A Princess and Her Troubled Marriage*, 1992.

Davies, Nicholas: *Queen Elizabeth II: A Woman Who Is Not Amused*, 1994.

Dean, John: *HRH Prince Philip, Duke of Edinburgh: A Portrait by His Valet*, 1954.

Debrett's Peerage Ltd.: *We Want the Queen*, 1977.

Delano, Julia: *Diana Princess of Wales*, 1993.

Dempster, Nigel, and Peter Evans: *Behind Palace Doors*, 1993.

Dempster, Nigel: *Princess Margaret: A Life Unfulfilled*, 1981.

Dimbleby, Jonathan: *The Prince of Wales*, 1994.

Donaldson, Frances: *Edward VIII*, 1974.

Duke of Windsor: *A King's Story: The Memoirs of the Duke of Windsor*, 1951.

Duncan, Andrew: *The Reality of Monarchy*, 1970.

Edwards, Anne: *Royal Sisters*, 1990.

Edwards, Ruth Dudley: *True Brits: Inside the Foreign Office*, 1994.

Everingham, Barry: *The Adventures of a Maverick Princess*, 1985.

Fairley, Josephine: *Crown Princess*, 1992.

Fairley, Josephine: *The Princess and the Duchess*, 1989.

Ferguson, Ronald: *The Galloping Major*, 1994.

Feldman, David: *Englishmen and Jews*, 1994.

Fincher, Jayne and Terry: *Debrett's Illustrated Fashion Guide: The Princess of Wales*, 1989.

Flamini, Roland: *Sovereign*, 1991.

Goldsmith, Barbara: *Little Gloria... Happy at Last*, 1980.

Graham, Caroline: *Camilla: The King's Mistress*, 1994.

Graham, Tim: *The Royal Year 1990*, 1990.

Graham, Tim: *The Royal Year 1992*, 1992.

Graham, Tim: *The Royal Year: A Present-Day Portrait of the Royal Family*, 1994.

Hall, Philip: *Royal Fortune: Tax, Money & the Monarchy*, 1992.

Hall, Unity: *Philip: The Man Behind the Monarchy*, 1987.

- Hall, Unity, and Ingrid Seward: *Royalty Revealed*, 1989.
- Halle, Kaye: *Irrepressible Churchill*, 1966.
- Hamilton, Alan: *The Royal Handbook*, 1985.
- Harling, Robert: *The Great Houses and Finest Rooms of England*, 1969.
- Harris, Kenneth: *The Queen*, 1994.
- Haseler, Stephen: *The End of the House of Windsor: Birth of a British Republic*, 1993.
- Hatch, Alden: *The Mountbattens: The Last Royal Success Story*, 1966.
- Heald, Tim: *The Duke, Portrait of Prince Philip*, 1992.
- Heald, Tim, and Mayo Mohos: *The Man Who Will Be King HRH*, 1979.
- Henderson, Nicholas: *Mandarin: The Diaries of an Ambassador 1969—1982*, 1994.
- Heckstall-Smith, Anthony: *The Consort*, 1993.
- Higham, Charles, and Roy Moseley: *Elizabeth and Philip*, 1991.
- Higham, Charles: *The Duchess of Windsor*, 1988.
- Higham, Charles: *Trading with the Enemy: An Expose of the Nazi-American Money Plot 1933—1949*, 1983.
- Hillier, Bevis: *Young Betjeman*, 1988.
- Hoey, Brian: *The Princess Anne*, 1984.
- Hoey, Brian: *All the Queen's Men*, 1992.
- Hoey, Brian: *Anne the Princess Royal*, 1989.
- Hoey, Brian: *Mountbatten*, 1994.
- Hoye, Brian: *Charles and Diana: The 10th Anniversary*, 1991.
- Holden, Anthony: *Charles: Prince of Wales*, 1979.
- Holden, Anthony: *The Tarnished Crown*, 1993.
- Holt, Rinehart and Winston: *Lady Bird Johnson: A White House Diary*, 1970.
- Hope, Alice: *Princess Margaret*, 1955.
- Hough, Richard: *Edwina, Countess Mountbatten of Burma*, 1983.
- Hough, Richard: *Born Royal*, 1988.
- Hutchins, Chris, and Peter Thompson: *Fergie Confidential*, 1992.

- Hutchinson, Roger, and Gary Kahn: *A Family Affair: The Margaret and Tony Story*, 1977.
- Judd, Dennis: *Prince Philip*, 1981.
- Junor, John: *Listening for a Midnight Tram*, 1990.
- Keay, Douglas: *Elizabeth II*, 1991.
- Keay, Douglas: *Royal Pursuit*, 1983.
- Keay, Douglas: *Royal Wedding*, 1981.
- Krin, Sylvie: *Heir of Sorrows*, 1988.
- Lacey, Robert: *Majesty*, 1977.
- Lacey, Robert: *Princess*, 1988.
- Lacey, Robert: *Queen Mother*, 1987.
- Laird, Dorothy: *How the Queen Reigns*, 1959.
- Lane, Peter: *Princess Michael of Kent*, 1986.
- Lefcourt, Peter: *Di and I*, 1994.
- Liversidge, Douglas: *Prince Charles*, 1975.
- Longford, Elizabeth: *Elizabeth R*, 1983.
- Longford, Elizabeth: *The Royal House of Windsor*, 1974.
- Longford, Elizabeth: *Oxford Book of Royal Anecdotes*, 1989.
- Longford, Elizabeth: *Queen Victoria: Born to Succeed*, 1964.
- Longford, Elizabeth: *Louisa Lady in Waiting*, 1979.
- Longford, Elizabeth: *The Queen*, 1983.
- Lunt, W. E.: *History of England*, 1956.
- Macmillan, Harold: *Pointing the Way: 1959—1961*, 1972.
- Martin, Ralph: *Charles and Diana*, 1986.
- Martin, Ralph: *The Woman He Loved*, 1973, 1974.
- Martin, Ralph: *Jennie: The Life of Lady Randolph Churchill*, 1969.
- Massie, Robert K.: *The Last Courts of Europe*, 1981.
- Michie, Allan: *The Crown and the People*, 1952.
- Mitford, Nancy: *Noblesse Oblige*, 1986.
- Montague-Smith, Patrick: *Royal Silver Jubilee*, 1976.
- Montgomery-Massingberd, Hugh, ed.: *Burke's Guide to the British Monarch*, 1977.
- Moore, Sally: *The Definitive Diana: An Intimate Look at the Princess of Wales from A to Z*, 1991.

- Morgan, Janet: *Edwina Mountbatten*, 1991.
- Morrow, Ann: *The Queen*, 1983.
- Mortimer, Penelope: *Queen Elizabeth*, 1986.
- Morton, Andrew: *Diana: Her True Story*, 1992.
- Morton, Andrew: *Diana: Her New Life*, 1994.
- Morton, Andrew: *The Wealth of the Windsors*, 1989.
- Mosley, Diana: *The Duchess of Windsor*, 1980.
- Mountbatten, Earl: *From Shore to Shore: The Diaries of Earl Mountbatten of Burma, 1953—1979*, Philip Ziegler, ed., 1989.
- Nesnick, Victoria Gilvary: *Princess Diana: A Book of Questions and Answers*, 1988.
- Nicolson, Nigel: *The Great Houses of Britain*, 1978.
- Orbis Publishing Limited: *The Royal Family*, issues 13—24, 1984.
- Packard, Jerrold: *The Queen and Her Court*, 1981.
- Parker, John: *Prince Philip: His Secret Life*, 1991.
- Pasternak, Anna: *Princess in Love*, 1994.
- Paxman, Jeremy: *Friends in High Places*, 1991.
- Pearson, John: *The Selling of the Royal Family*, 1986.
- People Weekly Extra: *The Diana Years*, spring 1996.
- Player, Lesley: *My Story: The Duchess of York, Her Father and Me*, 1993.
- Publications International, Ltd.: *Diana: The Story Behind Her Private Life*, 1992.
- Ransford, Sandy: *When and Where to See the Royal Family*, 1988.
- Regan, Simon: *Charles the Clown Prince*, 1977.
- Roberts, Andrew: *Eminent Churchillians*, 1994.
- Rose, Kenneth: *King George V*, 1983.
- Rose, Kenneth: *Kings, Queens and Courtiers: Intimate Portraits of the Royal House of Windsor from Its Foundation to the Present Day*, 1985.
- Roth, Andrew: *Sir Harold Wilson, Yorkshire's Walter Mitty*, 1977.
- Russell, Peter: *Butler Royal*, 1982.
- Russell, Peter, and Paul James: *At Her Majesty's Service*, 1986.

- Seward, Ingrid: Sarah: The Life of a Duchess, 1991.
Seward, Ingrid: Royal Children, 1993.
Shute, Nerina: The Royal Family and the Spencers, 1986.
Solberg, Carl: Hubert Humphrey: A Biography, 1984.
Stenton, Doris Mary: English Society in the Early Middle Ages (1066—1307), 1951.
Taki: Nothing to Declare, 1991.
Taki: The Greek Upheaval, 1976.
Talbot, Godfrey: Queen Elizabeth: A Birthday Tribute, 1985.
Talbot, Godfrey: The Country Life Book of Queen Elizabeth the Queen Mother, 1980.
Terraine, John: The Life and Times of Lord Mountbatten, 1968.
Thornton, Michael: Royal Feud, 1985.
Tomlinson, Richard: Divine Right, 1994.
Vansittart, Peter: Happy and Glorious: An Anthology of Royalty, 1988.
Varney, Michael, and Max Marquis: Bodyguard to Charles, 1989.
Vidal, Gore: Palimpsest: A Memoir, 1995.
Ward, Aileen: John Keats: The Making of a Poet, 1963.
Warren, Allan: The Confessions of a Society Photographer, 1976.
Warwick, Christopher: Princess Margaret, 1983.
Whitaker, James: Royal Blood Feud, 1993.
White, Ralphe M., and Graham Fisher: The Royal Family: A Personal Portrait, 1969.
Wilson, A. N.: The Rise and Fall of the House of Windsor, 1993.
Wilson, Christopher: A Greater Love: Prince Charles's Twenty-Year Affair with Camilla Parker Bowles, 1994.
Winchester, Simon: Their Noble Lordships: Class and Power in Modern Britain, 1982.
Wolfe, Jane: Blood Rich, 1993.
Woodham-Smith, Cecil: Queen Victoria, 1972.
Ziegler, Philip: King Edward VIII, 1990.
Ziegler, Philip: Mountbatten, 1985.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 13	5
Глава 14	45
Глава 15	81
Глава 16	108
Глава 17	144
Глава 18	178
Глава 19	207
Глава 20	247
Глава 21	290
Глава 22	342
Специальное послесловие	370
Комментарии к главам	391
Послесловие	419
Библиография	421

Литературно-художественное издание

Келли Китти

Королевская семья Англии

Книга 2

Редакторы В. Генкин, Е. Левина
Художественный редактор О. Адашкина
Компьютерный дизайн: А. Кудрявцев
Технический редактор Н. Хотулева
Младший редактор Е. Панова
OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.01.99.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура Академия.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68. Тираж 11 000 экз.
Заказ 520.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98. от 01.09.98 г.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: AST@POSTMAN.RU

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

БИОГРАФИИ

Королевская СЕМЬЯ АНГЛИИ

Они — самая знаменитая семья на свете. Жизнь их описана в огромном количестве книг и статей. Кричащие заголовки извещают мир о каждом их шаге. Однако все попытки проникнуть за королевский фасад оставались безуспешными. За стены дворца удалось попасть только Китти Келли, прославленному автору биографий Нэнси Рэйган, Фрэнка Синатры и многих других знаменитостей. Китти Келли — самый бесстрашный биограф нашего времени. Она посвятила четыре года изучению истории королевского семейства. Кроме тщательного исследования документов, она провела сотни эксклюзивных интервью с бывшими и нынешними служащими королевского дома, друзьями и родственниками рода Виндзоров, членами парламента и другими лицами, имевшими возможность близко наблюдать королевскую семью. Она подняла занавес над жизнью самого скрытного семейства в истории.

ISBN 5-237-01671-5

9 785237 016710